

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

V

материалы

КОНВЕНТА

Российской ассоциации международных исследований

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Том 20

Южный Кавказ:
проекты и прогнозы
как искусство возможного

Москва, 2009

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России,
академика РАН А. В. Торкунова

Москва
МГИМО — Университет
2009

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Том 20
Южный Кавказ:
проекты и прогнозы
как искусство возможного

Редактор тома: профессор Дегоев В. В.
Ответственный за выпуск: Захаров В. А.

Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Москва
МГИМО — Университет
2009

В настоящий сборник вошли доклады и выступления, сделанные на секции «Южный Кавказ: проекты и прогнозы как искусство возможного», проведенные в рамках V Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мировая политика: взгляд из будущего» (МГИМО, сентябрь 2008 г.)

В ходе работы секции, практически в каждом выступлении явно или подспудно присутствовала тема августовских событий 2008 года в Цхинвале и мысль о том, что они коренным образом изменили всю ситуацию на Кавказе и вокруг Кавказа. Именно эти вопросы задали тон дискуссии и отражали содержание предложенных докладов. По мнению целого ряда докладчиков, наложение внешних, интервенционистских факторов на внутрикавказские проблемы оборачивается ускоренным ростом конфликтного потенциала в самых разных, порой неожиданных точках региона. Наша цель состояла в том, чтобы увидеть текущую политическую конъюнктуру в качестве элемента мозаики, образуемой дискурсами политических идеологий и нормативных теорий с одной стороны, и методов познания и узаконивания познавательных схем с другой.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ И ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В. Н. Панин Современное состояние геополитического процесса на Кавказе	9
Л. Т. Соловьева Абхазо-грузинский конфликт: прошлое и настоящее этнокультурных взаимосвязей	15
И. Б. Санагоев К истории грузино-осетинского конфликта	25
С. З. Лакоба Российско-турецкое взаимодействие в контексте Карсского договора 1921 года.....	35
Г. Н. Колбая О цене для России войн Грузии против Абхазии и Южной Осетии	39
Ю. Г. Григорьева Позиция ЕС во время кризиса в Южной Осетии и стратегические интересы ЕС в регионе	61
В. А. Захаров, А. Г. Арешев Признание Южной Осетии и Абхазии: дипломатическое противоборство и балканские параллели	69
С. Ю. Иванова Постконфликтная реконструкция кавказского макрорегиона в контексте обеспечения общественной безопасности после 08.08.2008 года.....	91
В. В. Дегоев Черноморско-Каспийский регион после 08.08.08: старые и новые игроки на фоне постконфликтного пейзажа	95
Д. Н. Медоев, А. А. Гассиев Проблемы регулирования имущественных и земельных правоотношений в республике Южная Осетия на современном этапе	107

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИЯ И ПРОГНОЗЫ

В. Ю. Жуковец Геополитическое значение Южного Кавказа и кавказский вектор российской политики.....	113
В. Н. Рябцев Социально-политическая ситуация в Южном федеральном округе в аспекте безопасности (некоторые проблемные «узлы» и новые факторы развития)	127
М. В. Александров Провал «оранжевой революции» в Армении как проявление кризиса стратегии НАТО в Закавказье	145
Р. А. Сафрастян Идейно-политическая концепция Евразии в Турции.....	151

Р. А. Сафрастян

Армения–Турция: теоретическая интерпретация межгосударственных отношений..... 157

Э. А. Абрамян

Взаимоотношения армянских эмигрантских организаций с аналогичными объединениями из Кавказа в 1924–1940 годах 165

ЮНУСОВ Ариф Сейфулла оглы

Азербайджан 10 лет спустя: возможные варианты развития 177

В. Н. Казимиров

О заблаговременном принуждении к миру политико-дипломатическими средствами 185

Заргарян Рубен

Нагорно-Карабахская Республика: время международного признания..... 193

Куртов Аждар

Спор вокруг каспийских ресурсов углеводородного сырья между Азербайджаном и Туркменистаном 205

В. А. Захаров

Русский язык и русская культура как инструмент российской политики на Южном Кавказе 215

Д. В. Сень

Российско-османское пограничное сотрудничество на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII–XIX веков: «притяжение» Анапы..... 235

А. Е. Фёдоров

Геотектоника и активность населения Кавказа..... 243

Об авторах 253

Предисловие

Работа по подготовке «кавказской» секции V Конвента РАМИ началась задолго до событий 08.08.08. в Южной Осетии и Абхазии. Тогда трудно было предположить, что участникам и гостям секции (свыше 60 человек) едва хватит мест в выделенной им аудитории. Сам по себе этот факт нас, организаторов, вроде бы должен был порадовать. Не радовало другое: трагическая, тревожная подоплека того, уже не только сугубо академического, интереса, который собрал вместе столько равнодушных людей.

Практически в каждом выступлении явно или подспудно присутствовала тема августовских событий в Цхинвале и мысль о том, что они коренным образом изменили всю ситуацию на Кавказе и вокруг Кавказа. В регионе со сложной исторической спецификой и с повышенной этносоциальной «сейсмичностью»¹ завершилась одна эпоха, о которой мы многого еще не знаем, и началась другая, о которой мы пока не знаем ничего. Что составит ее главную, сущностную примету — деструкция, хаос, война или прагматизм, порядок, мир? А, возможно, они будут находиться в относительно устойчивом и безопасном равновесии?

Именно вокруг этих вопросов развернулась основная дискуссия. Всех выступавших, несмотря на порой диаметрально противоположные мнения, объединяла глубокая озабоченность перспективами возникновения на Кавказе избыточно и искусственно усложненных конъюнктур, которые, ввиду их кажущейся или реальной безысходности, могут спровоцировать государства, народы и, особенно, внесистемных игроков маргинальных мировоззренческих ориентаций на простые, отчаянные и непоправимые решения. Часто звучала мысль, что вероятность образования таких конъюнктур многократно увеличивается благодаря присутствию на кавказском геополитическом поле «некавказских» субъектов мировой политики. Это приводит к дестабилизации региональной обстановки объективно, вне зависимости даже от благих намерений (какими, будем надеяться, руководствуется ЕС) внешних сил. Однако существует прямая и жесткая зависимость от намерений совершенно другого рода, приверженность которым, со все более тяжелыми последствиями для Кавказа, демонстрируют США.

По мнению целого ряда докладчиков, наложение внешних, интервенционистских факторов на внутрикавказские проблемы оборачивается ускоренным ростом

---

¹ Кстати, после одного доклада — о влиянии активных тектонических разломов на массовое поведение населения Северного Кавказа — этот термин можно и не брать в кавычки.

конфликтотенциала в самых разных, порой неожиданных точках региона. Этот процесс грозит принять стихийный, неуправляемый и внутренне автономный характер, и тогда реагировать на него сторонам, кровно заинтересованным в мире и стабильности на Кавказе, придется с помощью экстренных, то есть большей частью военных, методов.

В ходе работы секции неоднократно обращалось внимание на всю глубину заблуждения (если это, конечно, не нечто иное) относительно возможности гарантировать государствам Южного Кавказа безопасность путем интеграции их в военно-политическую структуру НАТО. Подчеркивалось, что подобная «система безопасности» лукава, порочна и контрпродуктивна прежде всего потому, что в качестве главного объекта, от которого нужно защищаться, она предполагает Россию. По мнению участников заседаний секции, в том числе наших зарубежных коллег, нет ничего более опасного, чем превращение Кавказа в площадку для блокового строительства и блоковой конфронтации. А именно к этому и только к этому приведет продолжение политики расширения НАТО на восток. Тогда весь Запад — сам того не желая — легко может стать заложником какого-нибудь кавказского «розового революционера» с русофобскими комплексами, отягощенными клинической картиной специфического происхождения.

Хотя докладчики разошлись в понимании того, какая именно политика России на Южном Кавказе принесет благотворные результаты, по крайней мере, одна идея осталась неоспоримой для всех: любые «системы безопасности» в регионе, исключаящие Россию, и — того хуже — открыто противопоставленные ей, обречены выродиться в антитезу самим себе и стать источником крупных потрясений.

И, наконец, еще один важный тезис проходил сквозной нитью через многие выступления: у экспертного сообщества кавказоведов впереди большая работа в совершенно новых условиях, условиях, неумолимо диктующих необходимость искать пути тесного сближения политики с искусством возможного во имя предотвращения наихудшего.

Доктор исторических наук,
профессор В. В. Дегоев

Грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликт: история и последствия

Современное состояние геополитического процесса на Кавказе

В. Н. Панин

Характерными чертами современности являются ускорение политических изменений и увеличение степени их непредсказуемости, нарастание тенденций глобализации и международной интеграции, кардинальное изменение не только структуры, но и самой природы геополитической конструкции мира. Подобная специфика протекания современного геополитического процесса характерна для многих регионов мира, в том числе и для Кавказского геополитического массива, который в настоящее время приобретает новую конфигурацию.

Его особенность заключается в том, что на протяжении около двух столетий Кавказ, в основном, находился под геополитическим контролем России, которая, принимая во внимание его исключительную стратегическую значимость, прикладывала огромные усилия по удержанию в сфере своего влияния. С распадом же Советского Союза на Кавказе образовался, так называемый, «геополитический вакуум», который способствовал развитию дезинтеграционных тенденций, направленных на ослабление геополитической региональной роли России. Причем, данные тенденции характерны как для Южного Кавказа, где они более отчетливо выражены, так и, отчасти, для Северного.

Анализ развития современного геополитического процесса на Кавказе показывает, что в настоящее время изменения происходят не только в природе этого процесса и в составе его участников, но и в его самой геополитической конфигурации.

С распадом биполярной системы мирового порядка, основанного на жестком соперничестве двух идеологий, в качестве приоритетных начинают выступать, в первую очередь, экономические интересы, а также интересы стратегического порядка, реализуемые подчас не только экономическими, но и военными средствами.

Подобное изменение природы геополитического процесса предопределило расширение состава его участников. Помимо традиционных акторов субрегионального и регионального уровня, таких как Армения, Грузия, Азербайджан, Россия, Иран и Турция, кавказское направление становится все более важным во внешней политике Соединенных Штатов Америки, ряда ведущих европейских государств, а также некоторых стран Ближнего Востока.

Стратегический контроль над Кавказом обеспечивает оперативный выход в регионы Центральной Азии, что, в свою очередь, является важным элементом сдерживания возрастающей геополитической и экономической мощи Китая и, в перспективе, России. Одновременно контроль над Кавказом позволяет самым непосредственным образом влиять на распределение и направления потоков углеводородных ресурсов Каспийского региона, а также контролировать иные транспортно-торговые, социокультурные коммуникации, направленные как с севера на юг, так и с запада на восток.

Данные обстоятельства предопределили развертывание на Кавказе, так называемой, «Большой геополитической игры», которая дирижируется в настоящее время, по большей части, из-за океана². Не случайно, еще в 90 годы XX столетия весь Кавказ был включен в зону жизненно-важных интересов США. Это также полностью соответствует программным установкам «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов», направленной на достижение мирового доминирования и являющегося определяющим ориентиром американской внешней политики³.

Одна из основных функций любого государства — обеспечение национальной безопасности. Разрешение всего комплекса вопросов, входящих в само понятие «национальная безопасность» позволяет решить одну из важнейших задач — реализацию жизненно важных интересов личности, всего общества в целом и государства как системы, выражающей интересы общества.

Кавказ со своим уникальным геостратегическим положением, этническим многообразием и, как следствие, повышенной конфликтогенностью, всегда занимал в системе национальной безопасности России одно из важнейших мест.

Кавказ отличается высокой степенью этнокультурного многообразия. Здесь живут представители таких мировых религий как ислам, христианство (православное), буддизм. Исторически Южный и Северный Кавказ всегда были естественным «мостом» между Европой и Азией, контактной зоной исламской и христианской цивилизаций, и в то же время объектом столкновений интересов великих держав. И сегодня он является жизненно важным для России сосредоточием сухопутных, морских и воздушных коммуникаций. Эти геополитические, цивилизационные, транспортно-коммуникационные факторы могут стать мощным стимулом достижения межнационального и религиозного согласия в регионе, стабильности в межгосударственных отношениях Российской Федерации со странами Причерноморья и Прикаспия, закрепления ее выгодных экономических и стратегических позиций на Каспийском и Черном морях.

---

² Более подробно об этом см.: Панин В. Н. «Большая геополитическая игра» вокруг Кавказа // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы IV международного конгресса. — М: Издание Государственной Думы РФ, 2005.

³ National Security Strategy // <http://www.stste.gov/documents>

Все это, с учетом высокой заинтересованности ряда держав в получении доступа к богатейшим источникам энергии и других природных ресурсов, сосредоточенных в черноморско-каспийском регионе, придает Кавказу особое политическое, экономическое и военно-стратегическое значение. Стабильность на Кавказе играет важную роль в достижении мира и стабильности на Юге России, в обеспечении национальной безопасности Российского государства в целом.

При прогнозировании развития ситуации в Кавказском регионе, представляется целесообразным учитывать три обстоятельства. Во-первых, учет позиций всех игроков в регионе. Во-вторых, следует иметь в виду невозможность вычленения ситуации только в каком-либо субрегионе Кавказа. Все они теснее, чем на первый взгляд может показаться, связаны культурными, политическими, экономическими и родственными узами. И, наконец, необходимо понять, в каких пространствах, областях, сферах совпадения интересов сегодня не просматривается, а где реально в будущем можно найти компромисс.

Общеизвестно, что США считают Кавказ зоной своих важных интересов, но многие, особенно грузинские эксперты многократно преувеличивают внимание Америки к Кавказу. Вашингтон действительно проявляет обеспокоенность развитием иранских ядерных программ. Заботясь о безопасности нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, США вкладывают деньги в развитие нефтегазовой инфраструктуры на Кавказе, но весьма незначительные по американским меркам. Планы США в отношении дальнейшего развития ситуации вокруг Ирака и Ирана достаточно туманны, что дает веские основания к прогнозу как мирного, так и силового вариантов разрешения ситуации.

Недооценивается влияние Турции и Ирана на страны Южного Кавказа, особенно в течение последних двух лет, когда явно усиливается курдское движение за самоопределение, поддержанное с началом войны в Ираке коалиционной группировкой и Израилем. Курдский вопрос может посорить Турцию с США, помирить ее в водных вопросах с Сирией и заставить Анкару искать сотрудничества с Тегераном для предотвращения дальнейшего розыгрыша курдской карты. В последние годы Турция выдвинула несколько принципиально новых предложений по развитию сотрудничества с Россией, странами Южного Кавказа, Средней и Центральной Азии, Ираном и Китаем, что особенно симптоматично на фоне усилий Анкары вступить в Европейский Союз. Если в ближайшее время ситуация с присоединением Турции к ЕС не ускорится и ее отношения с Грецией и Кипром не нормализуются, не исключен поворот Анкары на север и восток.

Основная проблема политических элит России и стран Южного Кавказа состоит в отсутствии новых подходов к решению замороженных межнациональных конфликтов. Ожидания руководства государств Южного Кавказа сводятся к возможности замены российского присутствия на натовское или американское. Здесь уповают на то, что другие игроки — США, НАТО или Европейский Союз с ОБСЕ — сумеют решить их внутренние проблемы. Между тем, в странах Южного Кавказа не завершены вопросы государственного становления, не реализуются политические реформы и опыта государственного разрешения конфликтов тоже нет. Политически слабые государства создают условия для отдельных этнических групп, на которые можно опереться, но это не может стать основой для решения конфликтов, которые из латентных могут перерасти в актуализированные.

Очевидно, что к вопросу решения кавказских конфликтов нельзя подходить только с позиции создания политико-экономических условий в отдельных странах, без выработки общей стратегии всеми заинтересованными игроками. Складывающаяся в регионе ситуация обусловлена тремя уровнями: глобальным, региональным и местным. На глобальном уровне к решению задач готовы не все, поэтому судьба кавказского региона в большей степени будет зависеть от позиций стран — тех, которые вовлечены в конфликты, и тех, которые могут стать гарантами их разрешения. Нравится или не нравится это некоторым кавказским элитам, но первую строчку в списке таких гарантов занимает Россия, которая, к сожалению, пока не может определиться в своей собственной политике на Кавказе. Окончательное решение конфликтов возможно только на местном уровне, поскольку налицо слишком большое несовпадение интересов всех играющих на этом пространстве.

Важным фактором, оказывающим влияние не только на экономическую, но и на политическую жизнь региона, а также на состояние региональной безопасности в целом является наличие значительных нефтеносных районов. Стратегическую важность такого ресурса, как нефть, трудно преувеличить. При этом не следует забывать и о факторе «нефтяной трубы», уже не раз оказывавшем решающее влияние на политику государств на Кавказе.

Из множества проблем региона чаще всего интересы игроков сталкиваются по нескольким наиболее важным: передислокация воинских контингентов США на Кавказ и Среднюю Азию и отношение к военным базам России на Кавказе; подходы к разрешению замороженных конфликтов; оценка действий России на Кавказе; влияние войны в Ираке на события в кавказском регионе.

В Азербайджане и Грузии надеются, что со вступлением в НАТО будут решены проблемы безопасности, а Баку и Тбилиси получают дополнительные экономические и финансовые рычаги для усиления государственности, развития инфраструктуры и создания дополнительных рабочих мест. Поэтому и азербайджанское, и грузинское руководство готово идти на определенные компромиссы.

В Москве же уверены, что после вступления Азербайджана и Грузии в Североатлантический альянс и Евросоюз у них останутся проблемы, несущие угрозу безопасности: слабая, коррумпированная власть; наркомания; открытые для международных террористов границы; нестабильные регионы с долговременными конфликтами, это притом, что на руках населения много легкого стрелкового оружия. Кроме того, и Тбилиси, и Баку станут заложниками ситуации в случае силового решения Вашингтоном иранской проблемы по иракскому сценарию.

Главное, Россия лишится региона для своих товаров, против которых в странах ЕС устанавливаются экономические ограничения. Примером тому является вступление стран Балтии в ЕС, которое нанесло многомиллионные убытки российской экономике, чего Россия себе не может позволить, поэтому выступает против вступления южнокавказских стран в НАТО.

Самым худшим сценарием на наш взгляд, было бы подключение Грузии к решению карабахского, а Азербайджана — абхазского конфликта. Россия настороженно относится к решениям грузинской стороны по привлечению войск третьих стран в зоны конфликтов, поскольку такое вмешательство может еще более дестабилизировать обстановку на всем Кавказе.

Зачастую в государствах Южного Кавказа в приостановке процессов мирного урегулирования и в поддержании нестабильности обвиняют внешние силы, полностью забывая о внутренних. Но каждая страна, будь то Россия, Турция или США, всегда будет действовать в своих интересах, а не в интересах Грузии, Армении или Азербайджана. Опыт государств, прошедших аналогичный период развития, показывает, что большая часть конфликтов может быть решена только за счет внутренних усилий, при главенстве законов, а не с помощью других стран.

Принципиально различаются позиции в оценке влияния на ситуацию на Кавказе реально ведущейся войны в Ираке и возможной — в Иране. Финансовые и людские возможности у Вашингтона немалые: действует армейская группировка в Ираке; силы США и НАТО дислоцируются на территории Афганистана и Пакистана; возможно развертывание частей боевого обеспечения на территории Грузии и Азербайджана; в военном отношении Америка превосходит Иран, и ее победа будет бесспорной. Правда, возникают вопросы: какой ценой и каковы будут последствия для региона в условиях создания еще одной горячей точки в непосредственной близости от российских границ?

С большой долей уверенности можно утверждать, что силовая акция повлечет за собой усиление активности курдского населения на территории Ирака, северо-западе Ирана, юго-востоке Турции и северо-востоке Сирии. В ответ Анкара может пойти на создание коалиции Турции, Сирии и Ирана против восставших курдов, и не факт, что эта коалиция займет нейтральную позицию, как в прошлой иракской войне. Резко усилятся сепаратистская и террористическая деятельность. Вместо стабилизации сформируется новая зона нестабильности.

Распад СССР привел к превращению административно-территориальных границ с закавказскими республиками в государственные. Это породило проблему «разделенных народов» (лезгины, аварцы, адыги, осетины, цахуры, азербайджанцы), что в свою очередь оказывает отрицательное воздействие на сферу межгосударственных отношений.

Наряду с экономическими проблемами и угрозами национальной безопасности Российской Федерации на Кавказе, наиболее важным является фактор межнациональных и межконфессиональных отношений. Все конфликты здесь зачастую носят межнациональную и межконфессиональную окраску, причем это не сиюминутная проблема, неожиданно обозначившаяся в регионе, а фактор, всегда чрезвычайно остро влиявший на ситуацию на Кавказе. Социальные потрясения, сопровождавшие распад СССР, последовавший затем экономический кризис, лишь усугубили существовавшие противоречия. Однако, признавая главенство межнациональных и межконфессиональных отношений в системе национальной безопасности, нельзя рассматривать их отдельно от других факторов, и, прежде всего, экономического.

Сегодня Российская Федерация испытывает серьезное давление со стороны ряда исламских государств, в которых набирают силу политические организации, стоящие на позициях пантюркизма и панисламизма. При этом относиться к исламу только как к одной из мировых религий, по меньшей мере, наивно. В июле 2006 года Верховным Судом РФ были признаны террористическими 17 организаций, в большей степени радикального мусульманского толка, через которые планируются быть реализован-

ными различные планы по вытеснению России из региона с целью создания либо единого мусульманского государства, либо некой мусульманской конфедерации⁴.

Не случайно в последнее время отмечается значительная активизация т.н. миссионерской деятельности представителей духовенства Ирана, Турции, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Пакистана и ряда других государств в ряде регионов Северного Кавказа. Они проповедуют жизнь по законам шариата, занимаются отбором молодежи для направления на учебу в теологические учебные заведения ближневосточных государств, в первую очередь, Саудовской Аравии, распространяют религиозную атрибутику, предлагают в благотворительных целях крупные суммы денег в российской и иностранной валюте на восстановление и строительство мечетей. При этом допускаются призывы к изгнанию с территорий республик представителей немусульманских конфессий.

Подобные действия доказывают, что определенные международные силы пытаются разыграть на Северном Кавказе и вокруг него сложную многоходовую комбинацию с целью упрочнения и дальнейшего закрепления своего влияния в этом «золотом подбрюшье» России. Становится очевидным, что при всем многообразии форм и методов достижения своих целей в дальнейшем предполагается усиление использования сепаратистских и иных деструктивных сил, а также финансово-экономических, религиозно-политических, национально-этнических, клановых и военно-политических факторов.

В немалой степени подобному развитию ситуацию способствовало отсутствие до недавнего времени сколько-нибудь продуманной комплексной политики России на всем южном стратегическом направлении. Кардинальное требование времени — переосмысление Федеральным Центром ситуации на Кавказе, определение и реализация приоритетных направлений в своей политики в регионе, во главу угла которой должно быть заложено отстаивание российских национально-государственных интересов с целью надежного обеспечения безопасности Российского государства.

---

⁴ Российская газета. 2006, 8 августа. № 4138.

Абхазо-грузинский конфликт: прошлое и настоящее этнокультурных взаимосвязей

Л. Т. Соловьева

Абхазо-грузинский вооруженный конфликт, один из наиболее тяжелых по своим последствиям на постсоветском пространстве, вновь и вновь привлекает к Абхазии пристальное внимание исследователей. При решении вопроса о причинах и поводах войны 1992–1993 гг. неизбежно возникает вопрос и о том, как складывались отношения этих двух соседних народов — абхазов и грузин/мегрелов — на протяжении предыдущих десятилетий и столетий? Как взаимодействовали культуры этих народов? Какие этнические процессы происходили под влиянием этого взаимодействия?

Следует, прежде всего, отметить, что абхазы и грузины, как показывают многочисленные источники, имеют длительный опыт исторического взаимодействия⁵. Причем это происходило не только в зоне этнического пограничья абхазов и грузин, но в той или иной степени — и на территории всей Абхазии. Если говорить о XVIII–XIX вв., миграции грузин (в основном мегрелов) в этот регион, судя по имеющимся источникам, были постоянными: это были и добровольные переселения, и вынужденные — в результате захвата пленных. (Конечно, шел и аналогичный процесс — абхазы переселялись в силу тех или иных причин в соседнюю Мегрелию, но, видимо, это явление имело меньшие масштабы⁶.) Довольно тесные связи существовали между элитными кругами абхазов и соседних грузинских княжеств: «между ними традиционно поддерживались самые тесные связи, осуществлявшиеся на различных уровнях — династических браков, аталычества, куначества, молочного родства, побратимства, политических союзов, основанных на кровном родстве»; благодаря этому и при отсутствии политического единства элиты были» тесно переплетены

⁵ Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. Домонгольский период: Краткие очерки. — М., 1995.

⁶ См. об этом: Джанашиа С. Н. К генеалогии рода Бараташвили // Этнографическое обозрение. 1999. № 1. — С. 125–136.

и интегрированы друг с другом на менее заметном родственном уровне»⁷. Немало сведений о династических связях высших сословий Абхазии и Мегрелии имеется в работе С. Н. Джанашиа «Георгий Шарвашидзе»⁸.

В то же время обострение взаимоотношений между этими народами приводит к тому, что в настоящее время некоторые исследователи отрицают даже факт присутствия грузинского населения на территории Абхазии до конца XIX в. Показательно такое высказывание: «Для установления факта отсутствия „грузин“ в Абхазии нет необходимости искать такие факты в глубинных пластах вековой истории — их (т.е. грузин. — Л. С.) не было здесь до конца XIX в.»⁹.

Подобные утверждения выглядят совершенно необоснованными, поскольку историки, в том числе и абхазские, исследовавшие проблему формирования многонационального населения Абхазии, отмечают уже для второй половины XIX в., что происходило «интенсивное заселение Абхазии» представителями разных народов — грузинами/мегрелами, армянами, греками, эстонцами, болгарам, немцами¹⁰. Среди переселенцев значительное большинство составляли грузины: по большей части мегрелы, а также в небольшом количестве имеретины, сваны, рачинцы. К концу XIX в. уже около половины населения Абхазии составляли переселенцы разных национальностей¹¹.

Некоторые грузинские историки, в свою очередь, пишут о «чисто грузинском» населении юго-восточной Абхазии (исторический регион Самурзакано, Гальский/Галский район Абхазии). В некоторых научных трудах абхазов, наряду с живущими в Грузии этническими меньшинствами — армянами, азербайджанцами, русскими и т.д., объявляют даже «гостями на грузинской земле»¹².

Цель данного сообщения — на примере пограничного региона Абхазии — Самурзакано — рассмотреть, каковы были особенности взаимодействия абхазов и грузин/мегрелов в XIX — начале XX в. Гальский район, судьба его населения (в настоящее время здесь преобладают мегрелы) очень важны для решения многих вопросов, оставшихся нерешенными после конфликта. Отметим, что абхазские исследователи считают изучение этнокультурной истории жителей этого региона особенно актуальным. Так, по мнению Т. А. Ачугба, «раскрытие... процесса и причин искусственной и естественной ассимиляции абхазов создаст благоприятный фон для добровольной

---

⁷ Рыбаков А. Л. Местные элиты и их роль в российской системе косвенного управления в Западной Грузии (первая половина XIX в.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России, 16–17 мая 2006 г. М., 2007. С. 64.

⁸ Джанашиа С. Н. Георгий Шарвашидзе. Культурно-исторический очерк // Эмигрант. Общественно-просветительский, литературно-культурный альманах. — М., 2000. № 1. С. 125–136.

⁹ Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: Правовые основы государственного суверенитета. — М., 2005. С. 9.

¹⁰ Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. — Сухум, 2001. С. 104.

¹¹ Там же.

¹² Крылов А. Б. Проблемы этногенеза и грузино-абхазский конфликт // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. — Сухум, 2003. — С. 31.

реанимации исконного национального самосознания самурзаканцев, выработки их верной политической ориентации»¹³.

Зона этнического пограничья создает, как известно, благоприятные условия для этнических контактов и развития этнических процессов, а возможность тесного и постоянного межэтнического общения определяет их интенсивность и динамичность. Особая сложность этнической структуры населения пограничных районов определяется тем, что в ходе этнического взаимодействия и этнических процессов здесь могут формироваться переходные этнические группы, в ряде случаев не имеющие четкого этнического самосознания, четкой этнической идентичности. Смещение этнических признаков, сопровождаемое широким распространением двуязычия, может достичь таких масштабов, что трудно бывает определить, к какому из контактирующих этносов ближе данная группа населения¹⁴.

Уже по данным XVIII в. в Самурзакано фиксируется смешанное абхазо-грузинское (абхазо-мегрельское) население. Традиционно-бытовая культура населения Самурзакано в XIX в., как свидетельствуют литературные и архивные материалы, во многом была результатом длительных этнокультурных контактов этих народов. При этом следует учитывать значительную близость многих сторон традиционно-бытовой культуры абхазов и грузин/мегрелов¹⁵. Так, Ю. Г. Аргун и Л. Ш. Левидзе отмечали: «...абхазы и мегрелы, живущие много столетий по соседству и в целом в сходных естественно-географических условиях, имеют много общих черт и в направлении сельского хозяйства и в системе традиционного питания... Обнаруживается сходство и в способах приготовления различных блюд и напитков и в некоторых названиях продуктов и кухонной утвари...». Сходство было отмечено и в свадебных обрядах и похоронно-поминальных застольях. Вместе с тем исследователями был сделан вывод, что «нельзя говорить о существовании единой материальной и духовной культуры у абхазов и мегрелов. У каждого из них обнаруживаются специфические особенности...»¹⁶.

Одной из особенностей этнической истории Самурзакано были миграции в этот район значительных масс населения из соседних областей Западной Грузии, главным образом из Мегрелии. Причины этих переселений были различны, главную роль играли социально-экономические факторы: классовая борьба и социальные противоречия, малоземелье, продажа крепостных крестьян, захват абхазскими феодалами пленных в Мегрелии, кровная месть и др. Определенное значение имели также стихийные бедствия, голод, эпидемии чумы и других болезней.

Успешной адаптации мигрантов способствовал социальный институт, известный на всей территории Абхазии, — *асасство*, от абхазского *асас* — гость. Так называлось «обычное право временного или постоянного переселения из одной общины

¹³ Ачугба Т. А. О проблемах национального самосознания населения юго-восточной Абхазии. — Сухум, 2006. — С. 7.

¹⁴ Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы // Тр. Ин-та этнографии. Т. 15. — М., 1951. С. 7.

¹⁵ Этнографические параллели: Матер. VII Республиканской сессии этнографов Грузии (5–7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси: Мецниереба, 1987.

¹⁶ Аргун Ю. Г., Левидзе Л. Ш. Предварительный отчет о работе совместной грузино-абхазской этнографической экспедиции // Этнографические параллели. С. 146.

в другую»¹⁷, которое давало возможность крестьянам в какой-то степени отстаивать свои интересы. В XIX в. основной причиной асаства был протест против растущей феодальной эксплуатации. Протестуя против несправедливости феодала, в другую общину переселялись часто не только семья обиженного, но и его родственники и однофамильцы¹⁸. В 1867 г. при составлении камерального описания в каждом селении Самурзакано оказалось от 5 до 15 семей асасов¹⁹.

Асаса мог принять любой член общины, ни у кого не спрашивая на то разрешения. По данным сословно-поземельной комиссии, в Самурзакано «частые передвижения населения из одной местности в другую ... как отдельных лиц, так и целых семейств и фамилий, или всех подвластных одного какого-либо лица или фамилии, были самым обыкновенным явлением»²⁰.

Переселенец-асас мог найти покровительство и в бедной семье, и у целой фамилии крестьян, но чаще — у князя или дворянина. В любом случае он «вступал во все права постоянных жителей селения»²¹, расчищенный им от леса участок земли становился его собственностью, лесом он тоже пользовался наравне с другими жителями²². Даже если асас ссорился со своим покровителем и тот хотел прогнать его, сделать это было нелегко, особенно если тот жил на отведенной ему земле больше года²³. Асас платил незначительные подати. За оскорбление асаса мстил его покровитель, род покровителя и даже вся община²⁴.

В целом права асасов соблюдались довольно строго, что можно объяснить заинтересованностью дворянского сословия в сохранении этого института. В конце 1860-х годов князя и дворяне Самурзакано сами заявляли, что почти во всех их селениях живут асасы, так как с целью заселения своих владений они давали им земли, не требуя никакого вознаграждения²⁵. Среди асасов были и абхазы, но большую их часть составляли переселенцы из Мегрелии.

В Мегрелии переход крестьян от одного помещика к другому не разрешался. С позволения владельца крестьянин мог, в случае нехватки земли, перейти на землю другого помещика, но подати в этом случае он должен был платить обоим. Подобная категория крестьян называлась по-мегрельски *миндобили* — «пришедшие под покровительство (груз. *хизани*). Иногда их называли и *стумари* (гость). Несмотря на сходство названий, по сути, эти институты коренным образом различались.

¹⁷ Краевич П. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // ССКГ. Вып. 3. 1870. С. 2.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 178 об.

²⁰ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 5. Л. 128, 135, 137 об.; Оп. 3. Д. 11. Л. 34.

²¹ Краевич П. Указ. соч. С. 14.

²² ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 11. Л. 10.

²³ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 4. Л. 57.

²⁴ Гугушвили П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. II. Тбилиси, 1950. С. 549.

²⁵ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 514.

Асасство существовало на законных основаниях до конца 1860-х годов. В 1869 г. для «прекращения бродячего элемента и уничтожения воровства» оно было окончательно запрещено: согласно «Проекту поземельного устройства населения Сухумского военного отдела» асасам предоставили год для выбора постоянного места жительства²⁶.

Как свидетельствуют источники, одной из самых распространенных форм классовой борьбы в этом регионе был переход крестьян от одного феодала к другому. Особенно часто крестьяне бежали из Мегрелии в Абхазию, так как крепостное право не приняло там таких тяжелых форм, как в Мегрелии²⁷. К. Бороздин в 60-е годы XIX в. отмечал, что такие побеги весьма часты, потому что «земли там (в Абхазии. — Л. С.) вдвое плодороднее мингрельских и крепостного права вовсе не существует», и недовольный в силу тех или иных причин крестьянин, «положив на арбу каштановые доски, служащие основанием сакли, со всем своим семейством и скотом отправляется в Самурзакань, или в Абхазию»²⁸. Крестьяне, бежавшие от притеснений помещиков, составляли значительную часть переселенцев. В 1847 г. мегрельский князь Дадиани потребовал возвращения помещикам 140 семей крепостных, бежавших в Самурзакано и Зугдидского (62 семьи), Суджунского (18 семей) и Джварского (60 семей) округов²⁹.

Важнейшей причиной переселения мегрельских крестьян была нехватка свободных и пригодных к возделыванию земель. В Мегрелии уже в 1850-е годы, по приблизительным данным, плотность населения была в 2,5 раза выше, чем в Самурзакано (30 человек на кв. версту в Мегрелии и 12 — в Самурзакано)³⁰. Новый этап в развитии миграционных процессов из Мегрелии начался после 1866 г., когда там отменили крепостное право.

Следует отметить, что дворяне в Самурзакано были заинтересованы в привлечении арендаторов из Мегрелии, поскольку здешние крестьяне (как и крестьяне в других районах Абхазии) считали наемный труд непочтенным и позорным занятием³¹. Как сообщал Г. А. Рыбинский, в 1890-е годы наемными работниками у местных помещиков был только «пришлый народ из Мингрелии»³².

Переселенцы из Мегрелии, судя по имеющимся материалам, весьма успешно адаптировались к новым условиям жизни. В родные края они ездили нечасто — встретиться с родными, помолиться в общинной церкви. Например, Т. Саджая с семьей переселился из мегрельского селения Мухури в селение Набакеви в 1864 г. и лишь один раз ездил на родину «для принесения обычной молитвы при Таисской церкви»³³.

²⁶ ЦГАА. Ф. 57. Оп. 3. Д. 11. Л. 37–39.

²⁷ Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. Сухуми, 1960. С. 115, 186.

²⁸ Бороздин К. Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОРГО. Кн. 7. С. 60–61.

²⁹ ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 652. Л. 7–14.

³⁰ Лаврентьев И. А. Кутаисское генерал-губернаторство / Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. 16. Ч. 5. СПб., 1858. С. 77.

³¹ Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894. С. 15.

³² Рыбинский Г. А. Скотокрадство в Абхазии и Самурзакани // Новое обозрение. 1892. № 3042.

³³ ЦГИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 269. Л. 71.

Формирование в Самурзакано этнически смешанного населения оказывало значительное влияние практически на все стороны его традиционно-бытовой культуры — как материальной, так и духовной, на формирование локальной идентичности местных жителей, а также на развитие здесь языковых процессов.

Основным типом двуязычия, долгое время устойчиво существовавшим в Самурзакано, было абхазо-мегрельское двуязычие, которое охватывало значительную часть коренного населения. На его развитие оказывали влияние следующие факторы: пограничное положение Самурзакано, особенности формирования населения этого района, миграции значительных масс населения из соседней Мегрелии, давние политические и хозяйственные контакты с Западной Грузией (главным образом с сопредельной Мегрелией). Наконец, немалое значение имело и длительное пребывание Самурзакано под управлением мегрельских владетельных князей Дадияни, т.е. политическое главенство мегрельского языка. В силу сложившихся обстоятельств мегрельский язык стал насущно необходим как язык общения местного населения. Даже после выделения Самурзакано в отдельное приставство почти все здешние чиновники (переводчики в суде, священники, учителя) были выходцами из Западной Грузии. Часто они не знали ни русского, ни тем более абхазского языка. Симон Басария, например, считал это обстоятельство главной причиной того, что самурзаканцы забыли абхазский язык и перешли на мегрельский, поскольку только на этом языке они могли общаться с чиновниками³⁴.

Мегрельский язык был широко распространен и в быту, так как местные абхазы часто брали в жены мегрелок. Еще более усилил значение этого языка рост товарного обращения, поскольку население в основном было связано с экономическими центрами, которые находились на территории распространения мегрельского языка: Зугдиди, Сенаки, Очамчира, Гудава. Вся внутренняя торговля в Самурзакано также была в руках мегрелов. Мегрельский был языком общения с отходниками, приходившими из Западной Грузии (даже со сванами и рачинцами нередко общались на мегрельском). При выяснении причин того, почему «международным» (по определению авторов XIX в.) языком в Самурзакано стал мегрельский, видимо, следует учитывать и чрезвычайную сложность абхазского языка (особенно его фонетики).

Данные о абхазо-мегрельском двуязычии населения Самурзакано имеются начиная с 1830-х годов. Так, Ф. Торнау отмечал, что «трудно определить, какого именно происхождения народ, ее населяющий», так как там говорят «частью абхазским, частью мингрельским языком»³⁵, о том же сообщал Дюбуа де Монпере. К. Мачавариани, чьи детство и юность прошли в Самурзакано, утверждал, что в 1850-е годы здесь «редко можно было слышать говор на мингрельском языке, все изъяснялись на абхазском наречии»³⁶. Иные сведения находим о территории Набакевского и Саберийского участ-

---

³⁴ Басария С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. — Сухум, 1923. С. 101.

³⁵ РГВИА. Ф. 482. Д. 57. Л. 7.

³⁶ Мачавариани К. Очерки Абхазии // Черноморский вестник. 1900. № 41.

ков (между реками Ингур и Эртисцкали): в 1860-е годы здесь преобладал мегрельский язык³⁷. В то же время большинство авторов говорят о распространении билингвизма: многие жители Окуми и Бедия, где преобладал абхазский язык, знали и мегрельский; а в Илори 160 дворов «старинных крестьян мингрельского происхождения», постоянно говорившие по-мегрельски, знали и абхазский язык³⁸.

Интересные сведения о взаимоотношении языков в Самурзакано собрал лингвист А. Цагарели, изучавший этот вопрос во время своей поездки в 1877 г. Он отмечал, что на территории от Ингура до Галидзги «одинаково господствовали» абхазский и мегрельский языки, причем двуязычие населения достигало значительной степени. Поскольку в этой пограничной области обычно говорили на двух языках — на родном и на «пограничном», то он порой затруднялся «отличить родное от неродного». Абхазский язык знали и многие мужчины из селений по левому берегу Ингура, относившихся к Зугдидскому уезду: Пураши, Этцери, Джвари, Пахулани, Ганарджиашмухури, Коки, Хетуш-мухури³⁹.

В восточной части Самурзакано (от Ингура до Эртисцкали) мегрельский язык преобладал, служил «языком семьи и общества», но мужчины часто знали и абхазский язык. Таким было положение дел в селениях Саберио, Дихазурга, Цхири, Чубурисхинджи, Тагелони, Набакеви, Баргеби, Отобая, Дихагузубе, Этцери, Барбала, Этцери-Мухури. Примером этого могут служить те, кто помогал А. Цагарели в сборе сведений: князь Кважи Акыртава из с. Чубурисхинджи и князь Бахва Чиковани из с. Джвари одинаково хорошо владели абхазским, мегрельским и грузинским языками⁴⁰.

В селениях, расположенных на территории между реками Эртисцкали и Охури, по данным А. Цагарели, мегрельский также был «языком семьи», но в обществе говорили на обоих языках. Эти сведения относятся к селениям Абжигдара, Кумузи, Атабжа, Абжа, Наджихеви, Сагургулио, Сачина, Река, Сахухубио, Бедия, Эшкети, Чхортоли, Речхи. Окуми, Туарче, Репи, Гали, Мухури, Шешелети, Гудава. В полосе от р. Охури до р. Галидзга полностью — и в семье, и в обществе — господствовал абхазский язык, но мужчины почти все говорили и на мегрельском или по крайней мере понимали его. Женщины и дети мегрельского не знали. Исключение составляло селение Илори, жители которого говорили только по-мегрельски⁴¹.

Судя по имеющимся сведениям, абхазский язык в некоторых случаях дольше сохранялся в среде высших сословий: по словам А. Цагарели, в 1880-е годы им «щеголяли» князья и дворяне. Д. Кипиани в 1860-е годы назвал абхазский «языком моды» у самурзаканцев. Важные позиции сохранял абхазский язык в культовой практике:

³⁷ Мачавариани Д., Бартоломей И. Нечто о Самурзакани // ЗКОИРГО. Вып. 6. 1864. С. 76.

³⁸ Из путешествия архиепископа имеретинского Гавриила для обозрения абхазских и самурзаканских приходов // Кавказ. 1869. № 13–14; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. — Сухуми, 1959. — С. 297.

³⁹ Цагарели А. Мингрельские этюды. Вып. 1. СПб., 1880. С. VII–VIII; Он же. Из поездки в Закавказский край // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. № 12. С. 209.

⁴⁰ Цагарели А. Мингрельские этюды. Вып. 1. СПб., 1880. — С. VII.

⁴¹ Цагарели А. Мингрельские этюды... — С. VIII.

даже по данным конца XIX в., многие молитвы (например, при обращении к божеству Жини) полагалось произносить по-абхазски⁴².

В течение всего XIX в. в Самурзакано постепенно утверждалось преобладание мегрельского языка. Процесс этот — переход от абхазо-мегрельского двуязычия к новому одноязычию, т.е. к мегрельскому языку в качестве родного — шел неравномерно. По данным конца XIX в., например, в окрестностях Окуми больше говорили по-мегрельски, но встречались и знающие абхазский язык. В селениях по Ингуру (Саберию, Дихазурга, Чубурисхинджи) этот переход уже завершился, но старики еще помнили, что «в старину здесь говорили больше по-абхазски»⁴³. О совершившемся сравнительно недавно переходе от абхазо-мегрельского двуязычия к мегрельскому языку говорил в начале XX в. языковед И. Кипшидзе, отмечавший, что в Самурзакано еще недавно наряду с мегрельским был распространен и абхазский язык⁴⁴.

Тесное взаимодействие в Самурзакано в течение длительного времени абхазского и мегрельского языков отразилось на особенностях речи местного населения. Оба языка в результате совместного развития приобрели определенное своеобразие. Так, фонетические и лексические особенности мегрельской речи Самурзакано, возникшие под влиянием абхазского языка, отмечал уже А. Цагарели. По его словам, самурзаканский мегрельский не считался «хорошим мегрельским языком», так как в нем было немало абхазских слов, а также наблюдалось усиление и учащение некоторых звуков (часто вместо «и» употреблялось «у» и т.п.). И. Кипшидзе выделял в мегрельском языке самурзакано-зугдидский говор, отличавшийся фонетическими особенностями. В XX в. лингвисты также отмечали значительное влияние абхазского на мегрельскую речь населения Гальского района. С другой стороны, «самурзаканское наречие» в абхазском языке выделяли еще Н. Я. Марр и Н. Ф. Яковлев. Ш. Д. Инал-ипа также отмечал существование самурзаканского говора абхазов Гальского района (селения Окуми, Чхортоли, а также селения соседнего Очамчирского района — Бедиа, Река)⁴⁵.

Многочисленные данные подтверждают сосуществование и взаимодействие в Самурзакано абхазского и мегрельского языков, причем территория распространения последнего постепенно расширялась. Переход части населения от двуязычия к использованию одного языка, видимо, оказывал решающее воздействие на этническое самосознание. Но смена языка и самосознания, судя по всему, не всегда совпадали по времени. Имеются свидетельства и о том, что решение вопроса этнической идентификации нередко было обусловлено теми или иными конъюнктурными соображениями. Отмечают современники и наличие своего рода «локальной» идентичности самурзаканцев: они не причисляли себя ни к абхазам, ни к мегрелам, но «с гордостью

⁴² Альбов Н. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. Вып. III. 1893. С. 305, 324; Окумели Акакий. Самурзаканские вести // Квали. 1894. № 27 (на груз. яз.); Мачавариани К. Религиозное состояние Абхазии // Кутаисские губернские ведомости. 1899. № 14.

⁴³ Альбов Н. Указ. соч. — С. 305.

⁴⁴ Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914. С. XVII.

⁴⁵ Цагарели А. Мингрельские этюды. С. IV; Кипшидзе И. Указ. соч. С. XVIII; Циолиа М. Указ. соч.; Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920; Яковлев Н. Ф. Языки и народы Кавказа. Забкнига, б.г. С. 13; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 51.

называли себя особым племенем Самурзакань»⁴⁶. Об особенностях идентичности населения этого района говорит и следующий факт: в 1918 г. меньшевистское правительство Грузии пыталось присоединить Самурзакано к Кутаисской губ., но через два месяца вынуждено было вновь включить его в состав Абхазии, так как местные жители сочли это «территориальное и культурное отторжение от всей Абхазии» чрезвычайно несправедливым⁴⁷.

По данным переписи 1926 г., около 26% жителей Самурзакано считали себя абхазами (12 963 чел.), но родным языком для большинства был уже мегрельский. Только 10,6% населения Гальского уезда (5295 чел.) объявили родным абхазский язык, в основном в сельсоветах Агу-Бедия, Река, Бедия I, Бедия II, Чхортоли и др.⁴⁸ Видимо, это были в основном представители старшего поколения. Так, в 1925 г. Е. М. Шиллинг отмечал, что в Самурзакано «молодежь уже перестает говорить по-абхазски»⁴⁹.

Таким образом, многочисленные данные подтверждают длительное взаимодействие на территории Самурзакано двух языков — абхазского и мегрельского, и в результате стал преобладать мегрельский язык. Но и в 1920-е годы процесс вытеснения абхазского языка мегрельским не был завершен окончательно. В 1925 г. четыре селения в этом районе потребовали устройства школ с преподаванием на абхазском и русском языках⁵⁰.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о важнейшей роли языкового фактора в формировании этнического самосознания населения Самурзакано. Довольно длительный период сохранения абхазо-мегрельского двуязычия способствовал происходившим здесь довольно бурным этническим процессам. Видимо, для локальной группы с этнически смешанными характеристиками традиционно-бытовой культуры, при условии значительной хозяйственно-культурной близости контактирующих этносов именно язык имел решающее значение для осознания своей этнической принадлежности, а двуязычие способствовало сохранению на определенном этапе некоторой нечеткости этнического самосознания.

Вместе с тем обращает на себя внимание следующий факт: миграции мегрельского населения в указанное время были постепенными, пришлое население адаптировалось, «вписывалось» в местные порядки, усваивало местные традиции, и в результате между абхазами и мегрелами Самурзакано практически не наблюдалось значительных конфликтов. Большинство сел в данном регионе были этнически смешанными.

Вот как описывает абхазский историк А. Э. Куправа взаимоотношения мегрелов и абхазов в селении Репи (Самурзакано), где в 1930-е годы жила его тетя — сестра отца: «Репи было преимущественно мегрельское село Самурзаканской Абхазии. Здесь в быту переплелись лучшие абхазо-мегрельские традиции. Население высоко почитало нормы апсуара. Химур, сестра моего отца, пользовалась среди соседей уважением

---

⁴⁶ Альбов Н. Указ. соч. С. 306.

⁴⁷ Басария С. Указ. соч. С. 103.

⁴⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 14. М., 1926. С. 100–101.

⁴⁹ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии // Этнография. 1926. № 1–2. С. 61.

⁵⁰ Гурко-Кряжин В. А. Абхазия. — М., 1926. — С. 13.

и как человек, и как абхазка — носительница благородных абхазских традиций. Женщины внимательно слушали, когда она обращалась ко мне на абхазском языке, хотя абхазского языка они не понимали... О моем приезде к тете соседи узнавали сразу. Меня, маленького мальчика, в соседских семьях принимали как уважаемого гостя, ласково говорили: „Вот, приехал наш маленький абхазец“»⁵¹.

Это свидетельство можно распространить и на другие абхазо-мегрельские села того времени.

Ситуация резко изменилась в 1930–1940-е годы, когда началась массовая колонизация Абхазии переселенцами из Мегрелии, Гурии, Имерети, Рачи. Не всегда переселение было добровольным, нередко это делалось по приказу. Возникла резкая диспропорция в этническом составе населения, ситуация стала все более и более чревата конфликтами.

Но в основе произошедших конфликтов — не различия в менталитете абхазов и грузин, которые живя в течение столетий по соседству, доказали возможность мирного сосуществования, но губительная и недальновидная политика властей.

---

⁵¹ Куправа А. Э. Апсуара — традиционная культура абхазов. — Сухум, 2007. — С. 92.

К истории грузино-осетинского конфликта

И. Б. Санакоев

Грузино-осетинский конфликт, несмотря на кажущуюся простоту, имеет довольно сложную природу и происхождение. Эта особенность обусловлена переплетением целого комплекса совершенно разнородных противоречий: исторических, политических, этнокультурных, конфессиональных, уходящих, как правило, корнями вглубь истории. Воздействие этих факторов привело к тому, что этот конфликт изначально формировался и продолжает существовать как конфликт преимущественно ценностной природы, демонстрируя столкновение не столько интересов, сколько ценностных систем этнических групп — непосредственных носителей конфликта.

Один из важнейших факторов, влияющих на рост межэтнической напряженности, кроется в истории этносов, в их тесном взаимодействии между собой на протяжении веков. Социально-исторический фактор в отечественных исследованиях определяется в качестве одной из важнейших объективных предпосылок также и грузино-осетинского конфликта. При этом наиболее конфликтогенным является стремление и периодические попытки Грузии подчинить Южную Осетию своей власти, которые успеха не имели и сопровождались постоянными конфликтами и войнами.

В историческом плане камнем преткновения, формировавшем основное противоречие в грузино-осетинских связях, явилась неурегулированность и неопределенность двусторонних отношений на протяжении длительного исторического периода. Это обстоятельство проявлялось в отсутствии какой-либо легитимной формы взаимоотношений между Южной Осетией и Грузией, явившейся результатом обоюдных усилий в этом направлении. При этом такая форма могла бы явиться отражением определенного типа отношений, характерного для отношений между этносами: будь то отношения равноправные или господства/подчинения⁵². Это, несомненно, важно, поскольку межнациональные отношения функционируют на институциональном

⁵² См.: Коблов К. В. Межэтнические отношения в Тюменском регионе: задачи и механизмы регулирования // Социальный конфликт. 2000. №2 (26). — С. 77.

и межличностном, групповом уровне⁵³. Между тем, необходимость создания какой-либо взаимоприемлемой модели двусторонних отношений совершенно очевидна, поскольку этносы вынуждены контактировать ещё со времен древности в силу своего геополитического положения⁵⁴.

Однако следует отметить, что на сегодняшний день не существует какого-либо официального документа, или формального соглашения между двумя народами, касающегося вопроса их взаимоотношений⁵⁵, имевшего место когда-либо в прошлом и легитимирующего определенным образом отношения этносов, который бы явился результатом добровольного согласия и коллективного волеизъявления обеих сторон. В силу подобного положения вещей весьма длительный период тесного соседства и общения грузинского и осетинского этносов оставил в наследство ситуацию, когда ни одна из сторон не в состоянии более ими менее бесконфликтно идентифицировать противоположную сторону и определить характер взаимоотношений, апелляция к которым могла бы избежать конфликтного взаимодействия. Поэтому по сегодняшний день грузинская сторона не может достаточно четко определить, кто такие южные осетины и что такое Южная Осетия в обозримом прошлом и настоящем без того, чтобы такое определение не вызывало противостояния. У осетинской стороны нет также ясного представления о том, каких отношений ей стоит придерживаться с Грузией, не вызывая противодействия и конфликта с ее стороны.

Такая ситуация неизбежно приводит к формированию определенной взаимной отчужденности и недоверия, которые мешают этносам в конструктивном политико-правовом русле разрешать возникающие межэтнические проблемы, в особенности в кризисных ситуациях. Поэтому отсутствие взаимоприемлемой формулы и модели двусторонних отношений, которая могла бы быть выработана в предшествующий период, периодически ставит обе стороны в тупик, вызывая в кризисные периоды конфликты и войны между ними. Несомненно, подобная практика межэтнических отношений явилась частью довольно сложной и запутанной истории взаимоотношений народов в Грузии, усугубляемой кризисными обстоятельствами⁵⁶.

Анализ грузино-осетинских отношений в исторической ретроспективе дает возможность предполагать, что неурегулированность и неоформленность грузино-осетинских межэтнических связей были в значительной степени обусловлены длительным периодом противостояния и противоборства между сторонами по вопросу этнополитического статуса территории Южной Осетии и проживающих на ней компактно южных осетин.

Суть проблемы выражена в том, что на протяжении веков этносам не удалось на взаимоприемлемой основе однозначно разрешить вопрос о статусе Южной Осетии.

---

⁵³ Дробижева Л. М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18. — М.: Ставрополь, 2002. — С. 199.

⁵⁴ Южная Осетия географически расположена на южном склоне Главного Кавказского хребта в северной части Закавказья. — *Авт.*

⁵⁵ Из меморандума народа Южной Осетии // Южная Осетия. — 1993. 28 авг.

⁵⁶ Малышева Д. Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Вып. 6. — М., 2003. — С. 23.

По грузинской версии, Южная Осетия — это осетинский анклав на территории Грузии, по версии осетинской, — это часть исторической Осетии, волею судеб раскинувшейся по обе стороны Главного Кавказского хребта. Обе версии отражают разные и противоположные подходы к разрешению проблемы, которые, несомненно, в прошлом могли приводить и приводили к межэтническим столкновениям.

Причины актуализации проблемы этнополитического статуса южных осетин связаны, на наш взгляд, прежде всего, с распадом в XIII–XIV вв. на Северном Кавказе заложившего этнополитическую основу современной Осетии раннефеодального Аланского государства. Разрушенное татарами-монголами, оно распалось на ряд обособленных регионов и обществ преимущественно в горной зоне Центрального Кавказа по обе стороны Кавказского хребта: к северу и к югу.

В период единого государства южные территории Алании, расположенные примерно на месте современной Южной Осетии, занимали весьма выгодное геополитическое положение, контролируя стратегические коммуникации между Севером и Югом, в том числе линии современных транспортных артерий — Транскама и Военно-Грузинской дороги. Историческая литература не фиксирует каких-либо существенных межэтнических столкновений в предшествующий распаду Алании период X–XIII вв. и грузино-осетинские связи в целом характеризуются как дружеские и бесконфликтные. По данным и грузинских, и осетинских исследований обе стороны поддерживали «давние и разносторонние связи», которые способствовали установлению довольно тесных союзнических отношений между Аланским раннефеодальным государством на Северном Кавказе и Грузией⁵⁷, когда осетины были в дружбе с грузинами⁵⁸. Следовательно, для грузино-осетинских связей того периода в целом были характерны отношения партнерства и конкуренции, обычные для приблизительно равнозначных политических субъектов.

Распад же Алании превратил Южную Осетию в территорию с неопределенным этнополитическим статусом, придав ей спорный характер, который и обусловил основную линию противостояния в грузино-осетинских взаимоотношениях, приведя уже тогда, в далеком прошлом, к формированию противоположных и взаимоисключающих позиций сторон.

Осетинский этнос стремился после катастрофы на севере сохранить территорию на юге в качестве устойчивого и безопасного места компактного проживания этноса. Поскольку на севере Аланское государство было разрушено практически полностью, то аланской элите удалось переместить центр своей борьбы на юг, в Закавказье, и попытаться здесь воссоздать новую Аланскую державу, восстановив, таким образом, осетинскую государственность⁵⁹. Эти расчеты опирались на несколько факторов, благоприятствовавших таким планам: во-первых, — это освоенность территории осетинским этносом уже с прежних времен, во-вторых, — более безопасное расположение южных территорий по сравнению с северными: Южная Осетия с севера защищена Кавказским хребтом, а с юга граничила с прежде дружественным грузинским этносом.

⁵⁷ См.: История южных осетин / Под ред. проф. Л. А. Чибирова. — Цхинвал, 1990. — С. 52.

⁵⁸ Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. — Цхинвал, 1993. — С. 95.

⁵⁹ См.: Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии. — Владикавказ, 2000. — С. 111.

Перенести военно-политическую активность на юг аланскую элиту подталкивали и устремившиеся в этом направлении миграционные потоки. Распад некогда единого государства и разрушительность монгольских завоеваний привели к масштабным перемещениям населения и возросшим миграционным потокам в регионе, выразившимся в массовом оттоке аланского населения с равнин Центрального Предкавказья в спасительные горы. В связи с возросшей плотностью часть населения в горах стала избыточной и не могла прокормиться. По мнению В. А. Кузнецова «выход из сложившегося положения был найден в миграции этого избыточного населения на юг через перевалы Главного Кавказского хребта»⁶⁰, когда «в результате неблагоприятных этнополитических обстоятельств определенная часть этноса вынуждена искать новые места для продолжения жизненного цикла»⁶¹. Поэтому увеличение осетинского населения в Закавказье создавало благоприятную почву для воссоздания здесь разрушенной осетинской государственности. Однако эти планы столкнулись с мощным противодействием Грузии, рассматривавшей эти процессы как нежелательные.

Грузинская позиция по отношению к югоосетинскому региону, потерявшему опору и поддержку на севере, проявилась в стремлении подчинить его своей власти и установить политический и этнический контроль над территориями компактного расселения южных осетин. Поэтому грузинская верховная власть выдвинула определенные этнополитические притязания на Южную Осетию. Такие попытки оказались возможными в результате изменения этнополитической конъюнктуры на Кавказе, когда в результате татаро-монгольских завоеваний произошло резкое изменение соотношения политических сил в регионе, перекроившее всю его жизнь и положившее начало новой исторической эпохе позднего средневековья⁶².

С одной стороны Аланская государственность в результате крупнейшей по тем временам «гуманитарной катастрофы» перестала практически существовать. Исследователи характеризуют эти события как крупнейшую для средневекового Северного Кавказа катастрофу. С другой стороны, грузинской феодальной элите удалось сохранить развитые формы феодальных отношений и государственность. Под ударами монголов грузинское государство, достигшее значительного подъема и расцвета в XIII веке, распалось на ряд обособленных удельных царств: Карглийское царство, Кахетинское царство, Имеретинское царство, Абхазское княжество и княжество Самцхе.

Очевидное неравенство в соотношении сил привело к попыткам более сильной и политически организованной стороны навязать другой стороне отношения вассальной зависимости и изменить, таким образом, характер двусторонних взаимоотношений в свою пользу. Поэтому Грузия, а точнее восточно-грузинские цари, стали в отношении южных осетин проводить политику, направленную на установление отношений прямой зависимости, или господства/подчинения.

В результате установления таких отношений грузинская феодальная элита получала непосредственный доступ к стратегическим коммуникациям Севера — Юга и одно-

---

⁶⁰ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Орджоникидзе, 1984. — С. 264.

⁶¹ Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). — Ростов-на-Дону: Пятигорск, 2002. — С. 125.

⁶² Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Орджоникидзе, 1984. — С. 259.

временно решала проблему безопасности своих северных границ, которая обострилась в связи с резкой переменной этнодемографической ситуации. Появление на территории Южной Осетии дополнительного количества осетинского населения расценивалось грузинскими царями как угроза их интересам в этом регионе. Поэтому, по мнению исследователей, уже в XIV веке притязания на Южную Осетию как на сателлиту Грузии стали постоянными со стороны грузинской царской и княжеской власти⁶³.

Противоположные подходы к разрешению проблемы югоосетинского статуса, сформированные, таким образом, обеими сторонами, обусловили и факт длительного противостояния между ними. Причем это противостояние в зависимости от конкретной политико-правовой конъюнктуры в регионе приобретало самые различные формы: от открытых столкновений и крупномасштабных войн до скрытого противостояния.

Открытое противостояние оказалось наиболее характерным для грузино-осетинских отношений в периоды их «самостоятельного» взаимодействия. Начало открытых конфликтов было положено уже в XIV веке, когда грузинский царь Георгий V Блистательный в ходе военных походов попытался подчинить своей власти Южную Осетию. Грузино-осетинское столкновение продолжалось в тот период более 30 лет и закончилось неудачей обеих сторон: Георгию не удалось покорить Южную Осетию, а попытки аланской элиты воссоздать здесь государственность были безуспешны⁶⁴.

В период последующих XV–XVIII веков грузино-осетинское противостояние по проблеме этнополитического статуса Южной Осетии продолжало сохраняться. Восточно-грузинские цари пытались завоевать Южную Осетию и подчинить ее своей власти в ходе многократных военных экспедиций и походов. Поэтому, по мнению исследователей, если в целом притязания на Южную Осетию как на «собственное владение» становились традиционным политическим курсом грузинской феодальной власти, то так же и борьба с этим курсом в Южной Осетии приобретала устойчивые черты социальной и политической культуры югоосетинских обществ⁶⁵.

Неизбежным результатом подобного рода взаимоотношений стали периодические конфликты, которые происходили в форме обычных для феодальной эпохи междоусобных столкновений⁶⁶. Подобная практика в целом придавала двусторонним отношениям характер противоборства на всем протяжении XIV–XVIII веков.

Анализ этнополитической ситуации в регионе на момент присоединения к Российской империи убеждает в том, что Грузии, а точнее Восточно-Грузинскому, или Картлийско-Кахетинскому, царству не удалось, в конечном счете, навязать Южной Осетии отношения вассальной зависимости и подчинения⁶⁷. Это было, с одной стороны, несомненно, обусловлено слабостью самой Грузии. С другой стороны, Южная Осетия стремилась любыми средствами избежать отношений зависимости и сохранить

---

⁶³ Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. — Владикавказ, 1999. — С. 263.

⁶⁴ См.: Блиев М. М., Бзаров Р. С. Указ. соч. — С. 111.

⁶⁵ Блиев М. М. Указ. соч. — С. 263.

⁶⁶ Там же. — С. 253.

⁶⁷ См.: Блиев М. М., Бзаров Р. С. Указ. соч. — С. 253.

былую независимость, память о которой ещё была жива в этническом сознании, или хотя бы определенную самостоятельность.

В условиях Российской империи грузино-осетинское противостояние проявилось наиболее отчетливо в столкновении между осетинскими крестьянами и грузинскими князьями. В середине XIX века грузинская феодальная знать, опираясь на русскую военную администрацию, выдвинула претензии на установление отношений феодальной зависимости в Южной Осетии и на политическое господство и контроль над регионом. Попытки грузинских князей Мачабели, Эристави, Амилахвари и других, используя русскую армию, проникнуть в Южную Осетию под видом ее «законных владельцев» привели к их столкновению с южными осетинами.

Российские власти попытались разрешить грузино-осетинский спор. Русский император считал нецелесообразным и слишком обременительным для казны постоянное употребление силы против Южной Осетии с целью ее подчинения грузинским князьям. С целью примирения сторон и обеспечения мира и стабильности в регионе Российский Сенат и лично сам император предложили выплачивать ежегодно грузинским дворянам компенсацию из казны в размере их предполагаемого дохода с южных осетин, а южных осетин перевести в разряд казенных крестьян, подчинявшихся непосредственно государству и плативших налоги в казну. Тем самым Россия признала обособленный статус Южной Осетии по отношению к Грузии — это был некий прообраз будущей югоосетинской автономии⁶⁸.

Однако в тот период социальный и политический конфликт между Южной Осетией и грузинскими князьями не был разрешен. В зависимости от лояльности или оппозиционности грузинской знати по отношению к России Петербург продолжал менять свою позицию по вопросу о статусе Южной Осетии. К концу XIX века конфликт зашел настолько далеко, что принял форму национально-освободительного движения⁶⁹.

Одним из наиболее крупных открытых столкновений стал конфликт 1918–1920 гг., вылившийся летом 1920 года в настоящую межэтническую войну. Столкновение произошло, когда в 1918 году Южная Осетия, после распада Российской империи оказавшаяся в составе образовавшейся в Закавказье Грузинской Демократической республики, попыталась добиться самоуправления. Многочисленные просьбы и обращения Национального Совета, действовавшего в тот период в качестве основного представительного органа Южной Осетии, в адрес грузинского правительства о предоставлении автономии (создание югоосетинского кантона) встретили категорический отказ со стороны грузинских властей, публично декларировавших равноправный» подход в отношении нацменьшинств. В меморандуме Национального Совета Южной Осетии от 1919 года отмечалось, что «правительство Грузии показало удивительный пример полного презрения к правам других народов: ни одно из требований, адресованных Национальным Советом Осетии, не получило до настоящего времени удовлетворительного разрешения»⁷⁰.

---

⁶⁸ См.: Очерки Истории Юго-Осетии. — Цхинвал, 1969. — С. 128.

⁶⁹ Блиев М. М. Указ. соч. — С. 263.

⁷⁰ Из меморандума народа Южной Осетии // Южная Осетия. 1993. 28 авг.

В ходе карательной акции грузинского правительства была развязана широкомасштабная (по меркам региона) война, имевшая тяжелейшие последствия для Южной Осетии. Правительственные войска Грузинской республики учинили полное разрушение и этническую чистку территории Южной Осетии: около 5 тысяч этнических осетин погибло в ходе этой войны и на горных перевалах при отступлении на Северный Кавказ. В результате вынужденной миграции 20 тысяч беженцев оказались в Терской области, где из них 15 тысяч погибло от голода и массовых эпидемий, охвативших этот регион в период гражданской войны.

По экспертным оценкам население Южной Осетии, насчитывавшее на 1900 год около 35 тысяч человек, а к 1920 году около 42 тысяч (с учетом коэффициента естественного прироста того периода в расчете 10 человек на каждую 1000 жителей в год) этнических осетин, сократилось почти на 60%. Огромный урон был нанесен экономике: по собственным грузинским оценкам было сожжено 25 крупных селений, 1588 жилых и 2639 хозяйственных построек, уничтожено 23 600 га посевов, погибло и было угнано в Грузию до 80,3% крупного и 82,3% мелкого скота⁷¹.

В результате подобного опустошения Южная Осетия перестала существовать де-факто, и лишь в начале 1921 года с приходом в Грузию 11-й Красной Армии югоосетинские беженцы получили возможность вернуться и восстановить свою родину. Конфликт 1918–1920 гг. наиболее ярко отпечатался в осетинской этнической памяти и сыграл значительную роль в формировании конфликтных взаимовосприятий периода 1989–1992 гг.

Следует признать, что созданное в начале 1920-х гг. национально-государственное устройство СССР определенным образом упорядочило и узаконило грузино-осетинские отношения. Грузинский и осетинский этносы были в централизованном порядке интегрированы в пределах общей для них структуры — союзной республики — Грузинской ССР. В рамках этой структуры Южная Осетия получила долгожданное самоуправление и автономию — статус автономной области. Также в централизованном порядке были разработаны и введены в действие определенные политико-правовые акты, закреплявшие и легитимировавшие автономный этнополитический статус Южной Осетии, в первую очередь, Декрет об образовании Юго-Осетинской автономной области (ЮОАО), вступивший в силу в апреле 1922 года. Однако, несмотря на достигнутый очевидный прогресс по сравнению с предшествующим периодом, созданная при советской власти модель грузино-осетинских отношений также не способствовала окончательному разрешению грузино-осетинских противоречий и преодолению конфронтации в межэтнических отношениях. Подобная картина была в значительной степени обусловлена спецификой самого национально-государственного устройства, основанного на принципе этнического федерализма и разностатусности этносов. Согласно Л. Л. Хоперской «советское государство оказалось вынужденным признать субъектность этносов через формальное (юридическое) утверждение их различных статусов. В 1920-е гг. в СССР была введена сложная иерархия форм национальности государственности в зависимости от степени зрелости этнической группы: союзная, автономная республика, автономные области, национальные районы»⁷². Иерархи-

---

⁷¹ Сиукаев Н. В. Две трагедии Южной Осетии. — Владикавказ, 1994. — С. 8.

⁷² Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. — Ростов на Дону, 1997. — С. 55.

ческая структура национально-государственного устройства этносов фактически узаконила верховенство в обществе вертикальных отношений господства/подчинения: меньшие «братья» подчинялись средним, а те, в свою очередь, старшему брату.

Помимо этого, положение этносов, в особенности малочисленных, осложнялось тем обстоятельством, что, несмотря на сложную иерархию этнических статусов, «государственная политика по отношению к народам строилась на принципе унификации всей общественной жизни, отрицания внутренней социально-политической структуры этноса»⁷³. По мнению В. А. Тишкова «существовавшая и сохраняющаяся социальная, политическая и культурная иерархия этнических групп в данном регионе мира (территория СССР. — *Авт.*), а также репрессивные действия прошлого режима в отношении народов, населяющих территорию бывшего СССР, столь велики, что имеется более чем достаточно оснований для межэтнических противоречий как на личностном, так и на групповом уровнях»⁷⁴. Поэтому грузино-осетинские противоречия в сложной системе национально-государственного устройства СССР имели немного шансов на разрешение.

Решению проблемы также далеко не способствовала принудительная интеграция в рамках одной союзной республики двух разноориентированных и враждовавших длительный период этнических субъектов: Южная Осетия, только что пережившая тяжелейшую межэтническую войну 1920 года, не желала входить в состав Грузии, а в Грузии не особенно были рады видеть в своем составе югоосетинскую автономию. Поэтому, по мнению грузинских исследователей, «в годы советской власти в Грузии был установлен насильственный социальный и межнациональный мир»⁷⁵.

Прочность этой искусственной связки (Грузинской ССР) была очень сомнительной на всем протяжении советского периода и обеспечивалась в основном третьей ролью установившего ее союзного Центра. По признанию исследователей, в т.ч. и грузинских, «единство Советской Грузии было призрачным не только для абхазов, осетин, армян, азербайджанцев, которые не осмысливали для себя опоры в грузинской республике, но и для этнических грузин»⁷⁶. Поэтому Грузинская советская республика представляла собой шаткую конструкцию, которая не могла быть долговечной и при малейшем кризисе имела все шансы развалиться.

Неустойчивость положения этносов, интегрированных в рамках ГССР, была очевидной. Для Южной Осетии проблема возникла, в первую очередь, вследствие того, что в результате объединения с Грузией она, не успевшая ещё оправиться от недавней национальной трагедии, оказалась в составе республики, совсем недавно выразившей отрицательное отношение к ее существованию.

Более того, в результате грузинского противодействия предложения югоосетинского руководства об образовании на территории Южной Осетии автономной

---

⁷³ Там же. — С. 53.

⁷⁴ Тишков В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. — С. 5.

⁷⁵ См.: Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии // Осетинский вопрос. — Тбилиси, 1994. — С. 321.

⁷⁶ Зоидзе О., Бердзенишвили Д. Противостояние между Тбилиси и Батуми, или о проблеме собранности нации и политике государства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. — №2. — С. 214–217.

республики не были до конца поддержаны, и Южная Осетия вместо автономной республики получила статус автономной области. При этом подчинение области грузинской власти практически совпадало с давнишним стремлением грузинской элиты установить с Южной Осетией отношения господства/подчинения. Статус области, лишенной собственной конституции, предоставлял все возможности для этого, поскольку делал ее юридически беззащитной перед Грузией. Подобная ситуация создавала в Южной Осетии ощущение неуверенности и нестабильности насчет будущих грузино-осетинских отношений.

Неустойчивость положения Южной Осетии в составе Грузии дополнительно усугублялась фактом раздела Осетии на Северную и Южную, или же проблемой разделенности, с которой осетинский этнос столкнулся в начале 1920-х годов: Северная Осетия была включена в состав Российской Федерации, а Южная — в состав Грузинской ССР. Разрыв с основной этнической частью внушал в Южной Осетии опасения насчет возможностей дальнейшего развития этнической культуры.

Поэтому югоосетинская позиция в вопросе объединения с Грузией склонялась к тому, что «союз с Грузией представляет собой с политической точки зрения несправедливый акт, который послужит причиной постоянных конфликтов, и этот акт не будет обоснован также и с точки зрения культурной жизни»⁷⁷.

В целом национально-государственное устройство СССР, создавая видимость разрешения грузино-осетинских противоречий, на самом деле не разрешило их, а загнало вглубь. Советская национально-государственная модель грузино-осетинских отношений закладывала основы будущих конфликтов, которые, однако, в советский период при регулирующей роли союзного Центра не доходили до открытых фаз.

Таким образом, периодические конфликты между Южной Осетией и Грузией и, в особенности конфликт 1918–1920 гг., свидетельствовали о том, что грузино-осетинские противоречия, порожденные сложными процессами этнополитических трансформаций в кавказском регионе, не были разрешены, а наличие неразрешенных в прошлом этнических конфликтов — одна из основных объективных предпосылок возникновения новых открытых конфликтов.

---

⁷⁷ Из меморандума народа Южной Осетии // Южная Осетия. 1993 28 авг.

Российско-турецкое взаимодействие в контексте Карсского договора 1921 года

С.З. Лакоба

8 августа 2008 г. Грузия обрушила военный удар на Южную Осетию. В результате «пятидневной войны» и поражения Тбилиси — на всем Южном Кавказе стал складываться новый статус-кво. Под ударом оказались важные для Турции и Запада энергетические проекты. Россия в одночасье продемонстрировала свои возможности и намекнула на уязвимость планов по транспортировке газа и нефти, не учитывающих интересы Москвы.

Стоявшая все эти годы за спиной Грузии администрация Дж. Буша, сделавшая ставку на силовое решение проблем в Южной Осетии и Абхазии, оказалась в крайне неловком положении. Грузинская армия потерпела полнейший крах, что сильно ударило по престижу США на всем Кавказе. Как результат, разразился региональный и отчасти глобальный кризис, приобретший черты «холодной войны». Августовские события показали, что Россия и региональные державы Турция и Иран не заинтересованы в усилении американского присутствия в Грузии и Закавказье в целом. Это подтверждают интенсивные контакты политиков этих стран в дни августа, в том числе и на высшем уровне.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство, связанное с Ираном. Некоторые арабские источники⁷⁸ утверждают, что в ходе «пятидневной войны» российские самолеты нанесли бомбовые удары по двум военным базам в Грузии (одна из них в Марнеули) и уничтожили специальные израильские системы слежения, с которых предполагалось нанесение авиаударов по Ирану. Считается, что именно этим обстоятельством был вызван последний визит премьер-министра Израиля Э. Ольмерта в Москву, а не убеждение России прекратить поставки ракетных комплексов С-300 Сирии и Ирану. Сразу же после этих военно-политических акций в Тегеране заявили о возможности «приютить» в Иране две российские стратегические базы, причем одну из них на о. Кешм

⁷⁸ Мухаммед Шамс. — Al-Akhbar. 21 октября 2008 г. www.centrasia.ru

в Персидском заливе. Иран серьезно стал рассматривать свое непосредственное прямое участие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В контексте этих событий можно рассматривать и вопрос создания газового ОПЕК между Россией, Ираном и Катаром, владеющими 55% его мировых запасов. Все это делается и в ответ на поддержку Вашингтоном Грузии и стремление принять ее вместе с Украиной в НАТО. В связи с кризисом премьер-министр России В. Путин предупредил Запад о возможном прекращении сотрудничества с ним по иранской ядерной программе.

Энергичные действия России в Южной Осетии и Абхазии, а также последовавшее след за ними признание новых государств, было довольно сдержанно принято Турцией. Это и понятно. Вокруг Турции давно сложилась так называемая «ось зла» — Ирак, Сирия, Иран. Антиамериканские настроения в Турции были спровоцированы Вашингтоном еще в 1999 г., когда бывший вице-президент Национального Совета по разведке при ЦРУ США Грахам Фуллер в майском номере Washington Post подверг сомнению в числе других государств и жизнеспособность единой Турции. Подозрения Анкары по этому поводу усилились с началом военных действий против Ирака и в связи с поддержкой США создания Курдского государства (на севере Ирака). Таким образом, по периметру границ Турции сложилась взрывоопасная ситуация. События в соседней Грузии, усиление роли России в регионе не могли не затронуть интересы Турции — основного транзитера каспийских энергоресурсов на Запад и одновременно газозависимой от России страны. Как только мирный план Медведева-Саркози был подписан премьер-министр Турции Т. Эрдоган прибыл в Москву с инициативой о создании «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Некоторые исследователи считают, что турецкая «Платформа» напоминает балканский «Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы» (1999 г., принят после войны в Косове). «Платформа» объединяет Россию, Турцию и южнокавказские страны, но исключает внерегиональные государства. Судя по всему, Вашингтон был не в курсе этой инициативы Анкары. Недостатком «Платформы» является отсутствие самого древнего регионального игрока на Кавказе — Ирана, который задолго до событий 8 августа заявил, например, о возможном признании независимости Абхазии и Южной Осетии (Эдан Ринг в газете Naaretz. 25 февраля 2008 г.). Последние, вместе с Нагорным Карабахом, вообще в ней не упоминаются. Однако без учета проблемы Нагорного Карабаха, куда судя по всему смещается акцент, вообще нельзя говорить о стабильности на Кавказе.

Сама «Платформа», — и по составу ее участников, — напоминает Карсский договор от 13 октября 1921 г., который, между прочим, является бессрочным. В 2004 г. в связи с кризисом в Аджарии, посол Турции в Азербайджане напомнил М. Саакашвили, что Турция, как гарант автономии Аджарии, согласно Карсскому договору обладает правом вмешательства в ситуацию при эскалации напряженности. Тогда это заявление вызвало переполох в Тбилиси. В свое время Л. Троцкий предупреждал: «Путь в Баку ведет через Батум-Тифлис. Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья»⁷⁹. Недавние события в Грузии могут свидетельствовать о том, что Россия и Турция координировали свои действия. В соответствии со статьями 6, 7, 8 Турция приобрела статус наибольшего экономического благоприятствования в Батумском округе и при участии России стала гарантом Аджарской автономии.

---

⁷⁹ Троцкий Л. Б. Сочинения. Т. 12. С. 241–242.

В «Платформе безопасности» ведущую роль играют Турция и Россия, которые тесно сотрудничают в области экономики, энергетики, туризма. Так, товарооборот между ними в 2007 г. составил 27 млрд. долл., а в текущем может достигнуть 39 млрд. долл. Турция получает 63% газа и 29% нефти из России. Грузия оказалась между этими гигантами и при этом пытается диктовать некие свои условия, пользуясь не только очень выгодным, но и очень опасным правом транзитного транспортного и энергетического коридора. На сегодняшний день четыре государства из пяти готовы обсуждать «Платформу стабильности». Против лишь Грузия — «несостоявшееся государство», распад которого продолжается и сильно бьет по безопасности целого ряда энергетических проектов. В этом случае есть два пути: либо дезинтеграция бывшей Грузинской ССР продолжится, и она потеряет свои преимущества транзитера, либо в Тбилиси будет более ответственное руководство, не страдающее одновременно «близорукостью» и «дальновзоркостью». Казалось бы региональная реальность диктует другие подходы. Турция в определенной мере играет свою игру и дистанцировалась от США и Евросоюза. Об этом говорят и тесные контакты между Москвой и Анкарой, которые прилагают усилия для разблокирования Армении, возобновления железнодорожного сообщения Гюмри-Карс, что впоследствии может привести к пересмотру транзитных коридоров на Южном Кавказе. Взаимодействие Москвы и Анкары с Баку и Ереваном, а также потепление отношений, смещение акцентов в их политике, очевидны. Например, визиты президентов Турции и России в Ереван. Так, президент Д. Медведев заявил о готовности рассмотреть в Москве проблему Нагорного Карабаха. В случае объединения усилий, определенного компромисса всех сторон, урегулирование в Нагорном Карабахе откроет новые транспортные и энергетические коридоры между Россией, Азербайджаном, Арменией, Турцией, Ираном...

Некоторые авторы отмечают, что до войны в Южной Осетии Анкара и Баку считали правительство М. Саакашвили гарантом надежности энергетических и транспортных коммуникаций. Однако сейчас они иного мнения и понимают, что контроль необходим за самим Тбилиси, а рычагами обеспечения этого контроля могут стать лояльные Турции и Азербайджану турецкие автономии и диаспоры внутри Грузии. В турецкой прессе (стамбульская «Milliyet») и некоторых ведомствах Азербайджана и Турции заговорили «о гарантиях безопасности турецкого элемента в Грузии», о создании «разноуровневой федерации», как единственной гарантии сохранения территориальной целостности Грузии.

В концепцию «разноуровневой федерации» Грузии вписывается и армянонаселенный район Джавахети (или Джавахк)⁸⁰.

Однако многие считают, что национальным интересам России отвечает не расчленение Грузии, а смена режима. То, что он изжил себя понимают не только в Москве и Анкаре, но и во многих странах Запада, растет понимание этого и в США, которые стоят на пороге выборов. В принципе их итог уже известен — Дж. Буш уходит, а вместе с ним, по всей вероятности, уйдет его проект под названием «Саакашвили». Выборы в США и грядущие события 7 ноября в годовщину избения и разгона многотысячной манифестации практически совпали по времени. В повестке дня вопрос: кто следующий? Будет ли новый лидер Грузии учитывать интересы такого соседнего

---

⁸⁰ Зубков К. Грузию разделят на автономии. // Сегодня. 2008. 7 октября.

государства как Россия? Грузия уже заявила о своем выходе из СНГ, но процедура ее выхода завершится в соответствии со статьей 9-й Устава СНГ лишь 18 августа 2009 года. Напомнил об этом на днях и исполнительный секретарь СНГ Сергей Лебедев, который весьма прозрачно намекнул: «Двери для Грузии остаются открытыми»⁸¹.

Россия и Турция реально продемонстрировали Западу свои возможности в дальнейшей судьбе Грузии. Все это очень напоминает события 1921 года и отчасти Карсский договор.

Во время августовского кризиса российские силы, в отличие от других регионов Грузии, не подвергали военному воздействию Аджарию, ни ее морские, ни воздушные порты (в Батуми).

В ответ, и Турция очень ревниво отнеслась к попыткам США нарушить конвенцию Монтрё 1936 г. по режиму проливов Босфор и Дарданеллы, и не пропустила крупнотоннажные военные суда. Анкаре абсолютно не нужен был «Карибский кризис» в Черном море, где противостояли друг другу ядерные державы.

Перемещение американской флотилии в район Батуми-Поти вызвало ответную реакцию Москвы, корабли которой направились в Карибское море, Персидский залив и Средиземное море, а стратегические ракетноносцы, впервые после распада СССР, приступили к постоянному патрулированию воздушного пространства над Атлантикой, Черным морем и другими регионами мира.

---

⁸¹ См. на Интернетсайте: *Utro.ru*.

О цене для России войн Грузии против Абхазии и Южной Осетии

Г. Н. Колбая

Фактор дестабилизации обстановки на Северном Кавказе. Политика недопущения возобновления боевых действий в зонах конфликтов, которая лежит в основе осуществляемого российской стороной миротворчества и которой недовольны страны СНГ, добывающиеся права с помощью вооруженной силы восстановить территориальную целостность по сути давно прекративших свое существование союзных республик бывшего СССР, является для России выстраданным и носящим фундаментальный характер императивом.

Это недовольство давно трансформировалось в набивший всем оскомину пропагандистский штамп, который выражается в тезисе, например, грузинского руководства о том, будто все, что ни делает Россия в Абхазии и Южной Осетии, осуществляя миротворчество, преследует одну цель — аннексировать территории указанных стран. Однако нет ничего более далекого от истины, чем эта навязываемая грузинской стороной легенда, что легко проследить, в частности, по хронике реакции России на начавшуюся разгораться грузино-абхазскую войну, вспыхнувшую после вооруженного вторжения грузинских войск в Абхазию 14 августа 1992 года. Это вторжение, как известно, сразу же вызвало отчаянное сопротивление абхазов, а затем и остального негрузинского населения бывшей советской автономии, что в последствии привело, по существу, к крупномасштабной грузино-абхазской войне с неожиданным, невольным и своеобразным вовлечением в нее России. Неожиданным и невольным потому, что первые несколько дней на события, происходившие в Абхазии, со стороны российского руководства, по сути никакого реагирования не было. Первой официальной реакцией было заявление МИД России от 17 августа 1992 года, в котором провозглашалась «линия российской стороны на невмешательство»⁸². Российский президент коснулся этого вопроса лишь 21 августа на пресс-конференции, посвященной событиям августа 1991 года, и то не по собственной инициативе, а в ответ на прямо поставленный вопрос, подчеркнув при этом, что «Россия не поддастся давлению

---

⁸² «Российская газета». 1992. 18 августа.

быть втянутой в вооруженное противостояние»⁸³. Совет Безопасности Российской Федерации рассмотрел ситуацию, складывавшуюся вокруг Абхазии, лишь 24 августа⁸⁴ — на одиннадцатый день конфликта.

Между тем нетрудно было прогнозировать, что практически любое военно-политическое противостояние на постсоветском пространстве в той или иной мере неизбежно станет проблемой России, в течение сотен лет скреплявшей, обустроившей и защищавшей это пространство, порождая в нем дополнительные внутренние политические, экономические, военные, социальные, межнациональные и межконфессиональные осложнения, что вскоре и стало подтверждаться.

Так, уже 20 августа 1992 года в городе Армавире Краснодарского края состоялась встреча руководителей республик, краев и области Северного Кавказа, которые в связи с событиями в Абхазии приняли в адрес Б. Н. Ельцина и Р. И. Хасбулатова обращение, в котором констатировалось: возникла реальная угроза втягивания народов Северного Кавказа в ширококомасштабную войну. Отсюда и требование, заявленное от имени всех северо-кавказских республик, краев и областей: «прекратить военные действия, вывести из Абхазии грузинские войска, сесть за стол переговоров»⁸⁵. В тот же день Верховный Совет Республики Адыгея на своем внеочередном заседании рассмотрел положение на своей территории в связи с войной в Абхазии и в принятом при этом постановлении от 20 августа 1992 года № 43-1 констатировалось: «Попирая все нормы международного права, установленные Всеобщей Декларацией прав человека, Европейской конвенцией о защите прав и основных свобод, Международным пактом о гражданских и политических правах, документами Московского совещания-конференции по человеческому измерению СБСЕ, грузинские власти совершили вооруженную агрессию против народа Абхазии... Кровавая бойня в Абхазии привела к многочисленным жертвам среди мирного населения и массовому потоку беженцев — лиц самых различных национальностей»⁸⁶. Указывается в постановлении и на то, какое впечатление на жителей Адыгеи произвели упомянутая агрессия и ее тяжкие последствия: «На состоявшихся в городах и других населенных пунктах Адыгеи митингах народ республики решительно осудил агрессию грузинских властей против Абхазии. Убийство детей, стариков, взятие заложников, мародерство, обстрел здравниц и курортов, школ и больницы, потоки беженцев вызывают протест у всех жителей Адыгеи»⁸⁷. Далее в постановлении сообщается о солидарности, которую население Адыгеи уже выражает жертвам агрессии: «Все население Республики — адыги, русские, армяне, татары и другие принимают самое активное участие в оказании гуманитарной помощи братской Абхазии, что является убедительным доказательством единства и консолидации народа Адыгеи. Создан общественный комитет солидарности с абхазским народом. Идет запись добровольцев — представителей разных национальностей, что может

---

⁸³ Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч.1. М., 1993. — С.85.

⁸⁴ «Российская газета». 1992. 25 августа.

⁸⁵ «Российская газета». 1992. 21 августа.

⁸⁶ Ведомости Верховного Совета Республики Адыгея. 1992. № 2–3. С. 1–2.

⁸⁷ Там же. — С. 1.

привести к гибели людей и непоправимым последствиям. Все это дестабилизирует обстановку, вызывает озабоченность и глубокую тревогу у многонационального народа Адыгеи»⁸⁸.

В связи с провозглашенной политикой нейтралитета России к происходящим в Абхазии событиям в постановлении говорится, что «вызывает удивление и негодование позиция стороннего наблюдателя тех политических сил, которые могут воспрепятствовать агрессии Грузии против маленькой Абхазии»⁸⁹. Негодование депутатов вызвало и то, что «центральные средства массовой информации практически создали информационную блокаду, давая однобокую и необъективную информацию о происходящих в Абхазии событиях»⁹⁰. Вместе с тем адыгейские парламентарии выразили удовлетворение в связи с солидарностью с Абхазией, проявленной кубанским казачеством: «С большим удовлетворением отмечаем четкую и недвусмысленную позицию Кубанской казачьей рады, которая в эту трудную минуту явилась большой моральной поддержкой для адыго-абхазских народов. Это свидетельство нового этапа в развитии традиционной дружбы и добрососедства казачьего и горского населения»⁹¹.

Подытоживая все приведенные выше констатации, а также «учитывая, что грузинско-абхазский конфликт затрагивает не только интересы народа Абхазии, но и всего населения Северного Кавказа и может дестабилизировать обстановку во всем Северо-Кавказском регионе, в том числе и в Адыгее», Верховный Совет Республики Адыгея постановил: «Решительно осудить вооруженную агрессию правящих кругов Грузии против Республики Абхазия и потребовать от Госсовета Грузии незамедлительного вывода войск из Абхазии без каких-либо предварительных условий; обратиться лично к Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину и Председателю Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатову с просьбой оказать воздействие на Госсовет Грузии с целью политического разрешения конфликта — вывода грузинских формирований из Абхазии; предложить Президиуму Верховного Совета Российской Федерации созвать незамедлительно внеочередную сессию Верховного Совета Российской Федерации для обсуждения ситуации на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии; обратиться к Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину, Председателю Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатову, руководителям республик, краев и областей Северного Кавказа с предложением в случае невывода из Абхазии до 21 августа т.г. военных формирований объявить Грузии экономическую и политическую блокаду и всю ответственность при этом за возможные последствия возложить на грузинскую сторону; просить руководителей республик, краев и областей Северного Кавказа создать постоянно действующий координационный Совет для принятия мер по политическому урегулированию конфликта в Абхазии; поручить президенту и правительству республики принять безотлагательные меры для недопущения вооружения и участия в военных действиях жителей Адыгеи; просить руководителей общественных организаций, участников митингов, понимая святые

---

⁸⁸ Там же. — С. 1–2.

⁸⁹ Там же. — С. 2.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

помыслы добровольцев, не направлять их на военные действия, а уже отправившихся — вернуть»⁹².

Резкую негативную оценку действиям руководства Грузии в Абхазии дали даже руководители двух субъектов Российской Федерации, весьма далеко отстоящих от зоны конфликта, — М. Ш. Шаймиев (Татарстан) и М. Г. Рахимов (Башкортостан). Более того, их оценки разделил и руководитель Казахстана Н. А. Назарбаев, на встрече с которым в связи с событиями в Абхазии все трое выступили с совместным заявлением. По этому поводу «Российская газета» оповестила своих читателей о том, что «руководители Казахстана, Татарстана и Башкортостана в связи с событиями в Абхазии выступили с заявлением, в котором, в частности, говорится: «В наших республиках с большой тревогой следят за событиями в Абхазии. Похоже, трагические уроки событий в горячих точках СНГ, в том числе в Южной Осетии, к сожалению, не послужили уроком для нынешнего руководства Грузии. В очередной раз делается попытка решать политические вопросы, проблемы межнациональных и межгосударственных отношений силовыми методами, игнорируя законно избранные органы государственной власти»⁹³. Тогда «вывести грузинские войска из Абхазии потребовали Верховные Советы и правительства Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Советы и главы администраций Краснодарского и Ставропольского краев»⁹⁴.

Содержание постановления, принятого на чрезвычайной сессии Верховного Совета Республики Кабардино-Балкария 27 августа 1992 года и посвященного специально событиям в Абхазии, показывает, какие настроения царили в тот период в целом во властных структурах республик и краев всего Северного Кавказа: «Осудить политику руководства Грузии, пытающегося путем агрессии, диктата и силы решить проблему Абхазии; потребовать от Госсовета Грузии незамедлительного вывода оккупационных войск с территории Республики Абхазия и прекратить геноцид абхазского народа; обратиться с требованием к Р. Хасбулатову и Б. Ельцину немедленно принять действенные и реальные шаги по урегулированию конфликта; выразить крайнее неудовлетворение политикой российского руководства, направленной по существу на поощрение действий правящих кругов Грузии против абхазского народа...»⁹⁵.

С первых же дней начала боевых действий в Абхазии по всему Северному Кавказу прокатилась мощная волна антигрузинских митингов, на которых одновременно высказывались также обвинения в адрес российских федеральных и региональных (сеveroкавказских) властей: первых — за «поддержку» боевых действий грузинского руководства в Абхазии, вторых — за то, что «не отмежевываются» от политики федерального правительства. В этих условиях в северокавказских республиках стали расти и крепнуть авторитет и влияние Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), с самого начала боевых действий выступившей с позиций решительной поддержки Абхазии. В постановлении, принятом сессией «парламента» КГНК еще 18 августа 1992 года, вместе с «решительным протестом против политики Грузии и российского

---

⁹² Там же. — С. 2–3.

⁹³ «Российская газета». 1992. 20 августа.

⁹⁴ Разделит ли Россия участь Союза ССР? М., 1993. С.160.

⁹⁵ Правда Кабардино-Балкарии. 1992. 28 августа.

руководства в Абхазии, «потворствующего агрессору», и требованием вывода войск Грузии с территории Абхазии» документ содержал намерение его авторов активно действовать, а по существу, еще более дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе⁹⁶.

21 августа 1992 года в «Независимой газете» со статьей с характерным названием — «Пока не поздно, надо остановиться» выступил председатель Госкомитета Российской Федерации по делам национальностей В. Тишков. Констатируя, что «национальные движения близких к абхазам по языку и культуре народов Северного Кавказа выступили с призывами к своим соотечественникам оказывать всяческую помощь абхазам, в том числе призвали формировать добровольческие отряды», В. Тишков обоснованно усмотрел в этом «явную угрозу вовлечения в вооруженный конфликт граждан Российской Федерации, а значит, и серьезное осложнение российско-грузинских отношений»⁹⁷.

24 августа 1992 года «Большой объединенный круг казаков Дона» направил Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину и председателю Госсовета Грузии Э. Шеварднадзе обращение, в котором вместе с сообщением о том, что в течение недели в Абхазии льется кровь ни в чем не повинных людей, грабят и физически уничтожают представителей славянской национальности, в том числе и казаков, содержалось предупреждение: «В случае продолжения подобного варварства в отношении славянского населения, в том числе и казаков, казачество не останется сторонним наблюдателем и примет самые решительные меры по его защите»⁹⁸.

Депутаты Краснодарского краевого совета народных депутатов, заслушав и обсудив соответствующие информации заместителя главы администрации Краснодарского края, начальника управления внутренних дел Краснодарского края, начальника управления МБ Российской Федерации по Краснодарскому краю, представителя президента по Краснодарскому краю, приняли постановление от 3 сентября 1992 года № 10 (п. 9) «О ситуации в Краснодарском крае в связи с событиями в Абхазии и на Северном Кавказе», содержащее следующие положения: «Предложить Президиуму Верховного Совета Российской Федерации незамедлительно созвать внеочередную сессию Верховного Совета России для обсуждения ситуации на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии; предложить Верховному Совету и Президенту Российской Федерации активизировать свои усилия по политическому урегулированию ситуации на Северном Кавказе, в Абхазии; обратиться к Верховному Совету Российской Федерации и Президенту Российской Федерации с требованием принятия решительных политических мер по разведению абхазских и грузинских формирований и урегулированию вооруженного конфликта»⁹⁹. В принятом при этом обращении, адресованном Верховному Совету Российской Федерации и Президенту Российской Федерации, содержалась такая характерная констатация: «Вооруженный конфликт в соседней Абхазии резко обострил социально-политическую ситуацию

---

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ «Независимая газета». 1992, 21 августа.

⁹⁸ Абхазия. Хроника необъявленной войны. Ч. I. М., 1992. С.117.

⁹⁹ Информацию об этом см.: Кубанские новости. 1992. 5 сентября.

в Краснодарском крае. Через города края было эвакуировано из зоны боевых действий около 60 тыс. человек. Пресечены попытки доставки оружия через границу с Республикой Грузия на участке Краснодарского края, а также попытки перехода вооруженных добровольцев в Абхазию из других регионов по территории края. Представители воюющих сторон неоднократно проникали с оружием в приграничные населенные пункты края. Развитие конфликта ставит край перед угрозой новой миграционной волны на его территорию»¹⁰⁰. Вслед за этим документом содержал призыв: «Стремясь к урегулированию вооруженного конфликта в *Абхазии* и учитывая необходимость защиты проживающих там граждан России и людей, этнически и культурно связанных с Россией, Краснодарский краевой Совет народных депутатов обращается с просьбой о немедленном принятии всех возможных политических мер для разведения воюющих сторон и урегулирования вооруженного конфликта»¹⁰¹. Далее одновременно с заявлением о готовности «через своих представителей принять участие в посреднических миссиях и иных формах разрешения конфликта» Краснодарский краевой Совет народных депутатов выражал «надежду на успех московской встречи представителей Грузии, Абхазии, России по урегулированию конфликта»¹⁰².

Дата рассмотрения данного вопроса краевым органом представительной власти — 3 сентября 1992 года — несет в себе дополнительную информацию. Ведь именно в этот день в Москве в целях урегулирования грузино-абхазского конфликта проходила встреча Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина с руководителем Грузии Э. А. Шеварнадзе и руководителем Абхазии В. Г. Ардзинба. При этом наряду с официальной российской делегацией, в которую входили вице-премьер Г. С. Хижа, министр иностранных дел А. В. Козырев и министр обороны П. С. Грачёв, отдельно была представлена делегация в составе первых руководителей органов исполнительной и представительной власти семи субъектов Российской Федерации: Республики Адыгея, Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Карачаево-Черкесия, Краснодарского края, Ставропольского края и Ростовской области. Если власти Кубани сочли необходимым обсуждение ситуации в крае в связи с событиями в Абхазии и принятие в связи с этим адресованного Москве специального документа даже в условиях включенности в разрешение указанного конфликта одновременно самых высоких федеральных инстанций и региональных руководителей всего Юга России, это означало лишь одно: опасения, что происходящие в Абхазии события могут перекинуться на сопредельную российскую территорию, были очень серьезными.

Для того, чтобы лучше уяснить себе тревогу, обуревавшую в связи с событиями в Абхазии руководителей восьми северокавказских субъектов Российской Федерации, имеет смысл полностью процитировать текст их обращения, направленного 20 августа 1992 года Президенту России Б. Н. Ельцину и Председателю Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатову:

«Для Российской Федерации, ее целостности, единства многонациональных народов Северного Кавказа, веками проживающих в дружбе и братстве, наступил труд-

---

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

ный и опасный час испытаний. Вооруженный конфликт между народами Абхазии и Грузии вызвал гнев и возмущение у народов Северного Кавказа, крайне осложнил общественно-политическую ситуацию в регионе. В регионе проходят митинги, собрания, осуждающие агрессию против Абхазии, создаются общественные комитеты для оказания помощи, ведется запись добровольцев и сбор денежных средств. Все громче раздаются голоса об участии в военных действиях на стороне малочисленного абхазского народа. Эти действия, к сожалению, поощряются подстрекательскими заявлениями некоторых лидеров национальных общественных движений. Все это говорит о том, что события в Абхазии могут распространиться на Северо-Кавказский регион и вызвать гражданскую войну на юге России. Мы, участники чрезвычайного совещания представителей республик Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, проявляя озабоченность о судьбе России и заявляя свою решимость бороться за ее суверенитет и целостность, просим вас принять эффективные меры по пресечению военного противостояния в Абхазии и недопущению распространения пожара бессмысленной гражданской войны на Северный Кавказ и, следовательно, на Россию. Последствия для России этих событий могут оказаться трагическими. В эти дни испытывается Федеративный Договор, проверяется на прочность сама Российская Федерация как гарант стабильности и безопасности ее народов. Мы заявляем о необходимости незамедлительного политического решения военного конфликта в Абхазии, вывода войск с ее территории. Руководство России в решении этой гуманной проблемы должно взять на себя миротворческую миссию, использовать для этого весь свой международный авторитет»¹⁰³.

Это обращение, больше похожее на набатный звон, возвещающий о нависшей смертельной опасности, подписали, напомним, представители восьми северокавказских субъектов Российской Федерации. Нет сомнения, что в иных условиях «подписантов» было бы десять: обращение принималось в тот момент, когда провозгласившая свою независимость Ичкерия противостояла Москве, а Республика Ингушетия находилась еще на начальном этапе своего формирования.

Все вышеприведенные предостережения оказались пророческими. Уже к концу второй недели со дня начала боевых действий в Абхазии на стороне обороняющихся воевали сотни представителей северокавказских народов, казаки Дона, Кубани и Ставрополя, русские из других областей и краев России. Уже гробы с телами многих из тех, кто погиб на этой войне, повезли по их родным местам, а поток добровольцев только увеличился. В результате такой солидарности, которую не могли ослабить ни многочисленные жертвы среди добровольцев, ни противодействие российских властей, проникновению добровольцев в Абхазию, плану тбилисских властей молниеносно «снять» абхазскую проблему не суждено было сбыться.

Характеризуя дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе, вызванную не только агрессией Грузии против Абхазии, но и позицией стороннего наблюдателя за кровопролитием абхазского народа, близкородственного северокавказским адыгским народам и абазинам, крупные специалисты в области межнациональных отношений отмечали в коллективной монографии, вышедшей сразу же по свежим следам событий:

---

¹⁰³ Кабардино-Балкарская правда. 1992. 21 августа.

«Указанная позиция (позиция „невмешательства“ — Г. К.), занятая руководством Российской Федерации в грузино-абхазском конфликте, стала очередной ошибкой в национальной политике на Северном Кавказе. Она прямо способствовала радикализации национальных процессов в регионе, усилению экстремистских тенденций, что отразилось на ситуации практически во всех республиках Северного Кавказа, граничащих с ними краях и областях. В конечном счете Россия объективно оказалась в гуще событий, грозящих перерасти в новую кавказскую войну. Ей приходится добиваться восстановления мира на еще совсем недавно сказочной, а теперь выжженной, обогрженной кровью не только солдат, но детей, женщин и стариков земле. На Российскую Федерацию легло бремя эвакуации и обустройства десятков тысяч людей. Она вынуждена устранять на своей территории последствия „чужой“, как сначала казалось, междоусобицы и при этом испытывать давление извне, со стороны государств, безоговорочно поддерживающих либо грузинское, либо абхазское руководство»¹⁰⁴.

Лишь после всего этого события, которые накатывались вопреки ожиданиям российского руководства, вынудили Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина направить руководству Грузии и Абхазии обращение, в котором содержались положения, во многом созвучные с тем, что выражалось в заявлениях общественно-политических движений и официальных властных структур Северного Кавказа: «События в Абхазии глубокой болью отдаются в сердцах россиян. Гибнут люди, разрушаются материальные ценности. Против мирного (абхазского. — Г. К.) населения применяется тяжелая боевая техника. Напряженная ситуация складывается и в республиках Северного Кавказа... Положение усугубляется появлением беженцев, хлынувших в районы юга России. Перед угрозой дестабилизации оказался огромный многонациональный регион, ... мы убеждены в необходимости незамедлительного вывода войск и прекращения боевых действий, а также обеспечения прав человека и законных интересов абхазского и других народов Грузии»¹⁰⁵.

3 сентября 1992 года Б. Н. Ельциным и руководителями восьми субъектов Российской Федерации Северо-Кавказского региона с главой Госсовета Грузии Э. Шеварнадзе и лидером Абхазии В. Ардзинба был подписан итоговый документ их московской встречи¹⁰⁶, предусматривавший прекращение кровопролития, который, однако, не снял тревог российской общественности, о чем свидетельствуют жесткие оценки грузинского руководства, содержащиеся в решении заседания Комиссии Совета Национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Верховного Совета Российской Федерации, состоявшегося буквально на следующий день¹⁰⁷.

Сам Верховный Совет Российской Федерации, вынужденный рассмотреть данный вопрос на совместном заседании обеих палат уже 25 сентября 1992 года, в принятом при этом постановлении «Об обстановке на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии» решительно осудил «действия руководства Республики Грузия, пред-

---

¹⁰⁴ Разделил ли Россия участь Союза ССР? М., 1993. С. 161.

¹⁰⁵ Абхазия. Хроника необъявленной войны. Ч. I... — С. 141.

¹⁰⁶ Дипломатический вестник. 1992. №№ 17–18. С. 14.

¹⁰⁷ Абхазия. Хроника необъявленной войны. Ч. I... — С.257–259.

принявшего попытку путем насилия решить сложные проблемы межнациональных отношений, и потребовал от него немедленного прекращения вооруженных действий, вывода воинских формирований с территории Абхазии, неукоснительного соблюдения прав человека»¹⁰⁸. Российский парламент считал также необходимым создать международную комиссию для расследования фактов нарушения прав человека на территории Абхазии и определения размера материального ущерба, нанесенного населению и народному хозяйству, а также для содействия возвращению всех беженцев в Абхазию и их обустройству»¹⁰⁹. Уместно заметить, что на этом, начальном еще этапе войны основную часть беженцев составляло негрузинское население Абхазии, вынужденно покидавшее контролируруемую грузинскими войсками зону.

Само название процитированного постановления Верховного Совета Российской Федерации от 25 сентября 1992 года № 3548-1 как бы подытоживает то, что было изложено выше по вопросу о влиянии войны, в частности против Абхазии, на общественно-политическую обстановку на Северном Кавказе: война против Абхазии общественно-политическую обстановку на Северном Кавказе резко дестабилизирует. В этой связи нужно прямо сказать, что движение к чреватой непредсказуемыми последствиями ситуации, которая сложилась в сентябре 1992 года в Нальчике, начиналось, в частности, с массовых протестов против «потворствования» России грузинской агрессии и «безучастного» отношения к этому со стороны властей Кабардино-Балкарии. Поэтому Россия причину такой неизбежной дестабилизации обстановки на своей территории — возобновление боевых действий Грузии против Абхазии — обязана прогнозировать и по возможности не допускать.

После этой информации о крайне негативном резонансе, который произвели на Северном Кавказе боевые действия грузинских вооруженных сил против Абхазии, можно было бы ограничиться заявлением о том, что еще раньше такой же негативный резонанс произвели в указанном обширном регионе Российской Федерации боевые действия тех же грузинских вооруженных сил против Южной Осетии. Однако в интересах полноты и достоверности отзвука на Северном Кавказе югоосетинской трагедии нельзя не напомнить, что в центре упомянутого российского региона расположена Республика Северная Осетия-Алания (тогда еще — Северо-Осетинская ССР), которую, как и оторванную от нее Южную Осетию, населяют осетины, в обеих частях Осетии воспринимающие свою страну единой и ощущающие себя единым народом. Поэтому народное ополчение, сформировавшееся в Южной Осетии для отражения агрессии грузинских вооруженных сил, с самого начала стало пополняться осетинами с Северного Кавказа. Во Владикавказе стали происходить организованные общественно-политическими движениями осетинского народа массовые митинги и шествия жителей республики с протестами против грузинской агрессии и с требованиями, обращенными к руководству России, защитить подвергшийся агрессии народ. Трагедия южных осетин весьма остро отдавалась в сердцах их единокровных братьев на Северном Кавказе, а те горячо звали о помощи к российскому руководству, вследствие чего парламент России проблемой прекращения кровопролития в Южной Осетии занимался систематически, в том числе включая ее в повестку дня

---

¹⁰⁸ «Российская газета». 1992, 29 сентября.

¹⁰⁹ Там же.

своей работы одиннадцать раз, приняв при этом восемь постановлений (из которых два принял Съезд народных депутатов), два заявления и одно обращение. Уместно отметить, что попытки урегулировать грузино-осетинский конфликт предпринимались до отставки и самороспуска также Президентом СССР (один раз) и Верховным Советом СССР (шесть раз).

Когда 20 мая 1992 года грузинские боевики напали на колонну беженцев из Южной Осетии, направлявшихся в Северную Осетию, и в упор расстреляли несколько десятков из них, среди которых были дети, женщины и старики, накал страстей во Владикавказе стал так разгораться, что Верховный Совет Северо-Осетинской ССР на чрезвычайной сессии принял постановление, внушавшее серьезную тревогу. Одновременно с объявлением всенародного траура с 21 по 24 мая 1992 года и заявлением властям Грузии «решительного протеста по поводу совершенного акта вандализма и войны против осетинского народа» Верховный Совет Северо-Осетинской ССР решил «доукомплектовать республиканскую гвардию, в том числе за счет казачьих подразделений, провести запись добровольцев для направления их на защиту Республики Южная Осетия»¹¹⁰. При этом орган представительной власти субъекта федерации, присвоив себе компетенцию бездействовавшего федерального органа власти, решил «закрыть Военно-грузинскую дорогу, прекратить подачу газа в Грузию»¹¹¹. Еще большую тревогу вызывали решения, содержащиеся в пунктах 6 и 7 принятого постановления: «Обратиться к руководству Российской Федерации с требованием обеспечить созданную в Северной Осетии Республиканскую гвардию необходимым количеством оружия, военной техники и имущества, а в случае отказа Верховный Совет Республики оставляет за собой право их национализации; Республиканскому комитету самообороны форсировать производство боевого оружия на предприятиях Владикавказ»¹¹². Понятное дело: термин «национализация» в данном случае лишь прикрывал элементарный захват оружия и военной техники там, где они имеются, то есть в воинских частях, что и стало реализовываться. Так, в средствах массовой информации прошли сообщения о том, что «двенадцать единиц бронетехники, стрелковое оружие и боеприпасы, захваченные на станции Владикавказ и на складах военного гарнизона, переправлены в Южную Осетию»¹¹³. Нетрудно себе представить, к каким плачевным результатам могли привести попытки последовательной реализации указанных выше решений североосетинского парламента. Оказавшись перед перспективой такого развития событий, сам Верховный Совет Северо-Осетинской ССР, вынужденный под давлением снизу принять указанные весьма опасные решения, позже вынес постановление о введении в Северной Осетии чрезвычайного положения, которое 12 июня 1992 года было утверждено Верховным Советом Российской Федерации: чрезвычайное положение, к осуществлению которого были «привлечены воинские контингенты, необходимые для охраны общественного порядка и обеспечения иных мер, предусмотренных законом РСФСР «О чрезвычайном положении»,

---

¹¹⁰ Газета «Северная Осетия». 1992. 22 мая.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Газета «Северная Осетия». 1992. 22 мая.

¹¹³ Российская газета. 1992. 10 июня.

было введено во Владикавказе, а также в Алагирском, Моздокском, Правобережном и Пригородном районах¹¹⁴. В этих критических условиях, чтобы заставить Грузию прекратить боевые действия против Южной Осетии и тем самым разрядить обстановку в Северной Осетии, России пришлось прибегнуть к нестандартному ходу: хотя это не было декларировано в качестве демарша, но по ее инициативе была перенесена дата рассмотрения Советом Безопасности ООН вопроса о приеме Грузии в ООН и тогда грузинское руководство во избежание российского вето пошло на подписание 24 июня 1992 года в Сочи Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта, обеспечившего прекращение кровопролития в зоне указанного конфликта¹¹⁵.

Вполне ощутимым раздражителем общественно-политических настроений в России являются и события вокруг Приднестровья, где преобладает славянское, иное русскоязычное и молдавское население, в целом тяготеющее к России, о чем красноречиво свидетельствует, в частности, активное участие с оружием в руках представителей русского казачества и российских офицерских организаций в защите приднестровского населения, в большей своей части не принявшего молдавского гражданства, от посягательств вооруженных сил Молдовы.

Об иных издержках для России войн Грузии против Южной Осетии и Абхазии. Как неоднократно отмечалось в официальных заявлениях Президента России В. В. Путина, палат Федерального Собрания Российской Федерации и главы российского МИДа С. В. Лаврова, возобновление боевых действий в зонах конфликтов на постсоветском пространстве приведет к массовым жертвам среди жителей соответствующих территорий, которые в своем большинстве являются российскими гражданами. Другим пагубным последствием возобновления боевых действий здесь будет ситуация, близкая к гуманитарной катастрофе, когда на территориях, охваченных боевыми действиями, не будет продуктов питания, лекарств, перевязочных материалов, медперсонала и еще многого из того, что необходимо для спасения и лечения раненых и искалеченных, среди которых и те, кто никакого участия в боевых действиях не принимал. Наконец, как это было во время прошлых грузино-осетинской, грузино-абхазской и молдавско-приднестровской войн, возобновление боевых действий вновь вызовет из мест, охваченных войной, поток беженцев, которые, за редким исключением, направятся в Россию, создавая ей серьезные проблемы.

Кампания по удалению из республики негрузинского населения, начавшаяся в Грузии в конце 80-х годов прошлого века, в условиях развернувшихся в декабре 1990 года боевых действий против Южной Осетии приняла особо угрожающий характер в отношении осетин как в самой упомянутой автономии, так и в собственно грузинских городах и районах с осетинским населением. Спасаясь от преследования распоясавшихся вооруженных молодчиков, прежде всего осетины, а затем и многие представители других народов покинули Грузию, бросив все свое имущество. В связи с разрушением в результате грузинской бомбардировки свыше ста сел и города Цхинвали в качестве беженцев покинули места своего проживания десятки тысяч осетин. В результате число прибывших только в Северную Осетию беженцев к но-

---

¹¹⁴ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 25. Ст. 1394.

¹¹⁵ Российская газета. 1992. 26 июня.

ябрю 1991 года достигло ста тысяч человек. Итоги реализации основных положений Республиканской долговременной программы «Миграция» (Приложение № 7 к Федеральной миграционной программе) показывает, что число беженцев из Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии, эвакуация и прием которых организованы в условиях чрезвычайной ситуации, то есть в условиях начавшихся и там и там боевых действий, составили соответственно 50, 30 и 40 тысяч человек¹¹⁶. Повторим: 120 тысяч человек, обустройство которых тоже очень недешево обошлось российской казне, — это *только* те из покинувших зоны молдавско-приднестровского, грузино-югоосетинского и грузино-абхазского конфликтов, которые в организованном порядке эвакуированы и приняты в России. Указанная цифра не учитывает не меньшее число беженцев, прибывших туда стихийно и в той или иной форме дополнительно обременивших российские федеральный и региональные бюджеты.

В связи с проблемой беженцев, хлынувших в Россию из бывшей Грузинской ССР и создававших немалые трудности в местах их размещения, еще 31 марта 1991 года третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «О положении в Южной Осетии», в котором, в частности, отметил, что «считает возможным заключение договорных соглашений между РСФСР и Республикой Грузия после возвращения беженцев на прежние места жительства»¹¹⁷. Повторно рассмотрев положение в Южной Осетии, Съезд народных депутатов Российской Федерации в своем постановлении от 1 ноября 1991 года предложил «Совету Министров РСФСР в десятидневный срок решить вопрос дополнительного предоставления Северо-Осетинской ССР материально-технических и финансовых средств для оказания помощи беженцам и потребовать от Республики Грузия возместить сумму расходов, в которую обошлось РСФСР оказание помощи беженцам из Южной Осетии и других районов Грузии»¹¹⁸. Остается дожидаться момента, когда Россия начнет добиваться возмещения материального ущерба, причиненного ей авантюрными действиями грузинского руководства в начале 90-х годов прошлого века, что приобретает особую актуальность в свете акции, предпринятой Грузией 26 марта 2007 года — широко разрекламированной подачи в Европейский Суд по правам человека в Страсбурге иска о возмещении ущерба, якобы причиненного депортацией на родину грузинских граждан, длительное время проживавших в Российской Федерации в нарушение российского миграционного законодательства.

Поскольку в силу всех перечисленных факторов на территориях, подвергшихся нападению непризнанных государств, начнет складываться обстановка, угрожающая гуманитарной катастрофой, Россия вновь окажется вынужденной направлять свои усилия и средства на минимизацию такой угрозы. Сказанное легко проиллюстрировать фактами, сопутствовавшими войнам, которые Грузия и Молдова в начале 90-х годов прошлого века вели соответственно против Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября

---

¹¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 18. Ст. 2065.

¹¹⁷ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 14. Ст. 483.

¹¹⁸ Там же. № 44. Ст. 1437.

1992 года №11656-р «в целях реализации соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта и достигнутых договоренностей о выполнении первоочередных восстановительных работ в Южной Осетии» Минторгресурсу России предписывалось «обеспечить в 1992 году поставку в Южную Осетию необходимых материально-технических ресурсов по согласованному перечню общей стоимостью 400 миллионов рублей»¹¹⁹. Распоряжением же от 23 октября 1992 года №1992-р «в целях оказания гуманитарной помощи на финансирование первоочередных восстановительных работ в Южной Осетии в 1992 году» Правительство России выделило из республиканского бюджета Российской Федерации 400 миллионов рублей АО «Росконтракту» на закупку материально-технических ресурсов и 100 миллионов рублей Совету Министров Северо-Осетинской ССР на финансирование восстановительных работ в Южной Осетии¹²⁰.

На оказание Южной Осетии гуманитарной помощи Россия и позже выделяла немалые средства. В частности, распоряжением российского правительства от 23 мая 1994 года № 721-р выделено «в 1994 году МЧС России 2 миллиарда рублей из резервного фонда Правительства Российской Федерации для оказания гуманитарной помощи населению Южной Осетии, пострадавшему от грузино-осетинского конфликта». При этом поручалось «МЧС России, МИДу России и Минсотрудничеству организовать в установленном порядке оказание гуманитарной помощи населению Южной Осетии»¹²¹.

Следующим своим актом Правительство России (распоряжение от 19 июня 1994 года №942-р) обязало Минфин России «обеспечить в 1994 году выделение финансовых средств в сумме 5 миллиардов рублей для оплаты материально-технических ресурсов и строительства жилищно-гражданских и других объектов в соответствии с программой восстановительных работ, подготовленной грузинской и югоосетинской сторонами и согласованной с Российской комиссией по вопросам экономического восстановления районов Южной Осетии. При этом первоочередному финансированию подлежат строительство объектов, ввод в действие которых способствует возвращению беженцев»¹²².

Позже Правительство России оказало адресную гуманитарную помощь пенсионерам, проживающим в Южной Осетии и являющимся этническими россиянами. Своим распоряжением от 17 мая 1996 года № 797-р оно выделило «МЧС России 154,5 миллионов рублей для закупки, формирования и доставки гуманитарного груза (продуктов питания, медикаментов, мини-пекарней) за счет средств, предусмотренных в федеральном бюджете на 1996 год по разделу «Международная деятельность» на оказание помощи соотечественникам за рубежом в расходах на реализацию других межгосударственных соглашений». Российское правительство этим же распоряжением обязало «Минсоцзащиты России, ФМС России и МИД России решить вопрос о предоставлении в домах престарелых и инвалидов, расположенных

---

¹¹⁹ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 11. Ст. 982.

¹²⁰ Там же. № 17. Ст. 1447.

¹²¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 5. Ст. 538.

¹²² Там же. № 9. Ст. 1075.

на территории Российской Федерации, мест для остро нуждающихся этнических россиян, проживающих в Южной Осетии, в случае их согласия»¹²³.

Вторжение грузинских войск в Абхазию произошло 14 августа 1992 года, а 28 августа того же года своим распоряжением № 1586-р Правительство Российской Федерации поручило «председателю Государственного комитета по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С. К. Шойгу провести консультации с грузинской и абхазской сторонами по урегулированию грузино-абхазского конфликта»¹²⁴. Оплату расходов ГКЧС России в сумме 470 тысяч рублей по организации перелета группы координаторов, направленных с 29 августа по 2 сентября в зону грузино-абхазского конфликта для решения оперативных вопросов, произведена за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации (распоряжение от 17 сентября 1992 года № 1725-р¹²⁵). Распоряжением от 17 сентября 1992 года № 1726-р Правительство России «в целях оказания гуманитарной помощи населению, пострадавшему в результате грузино-абхазского конфликта» обязало выделить ГКЧС России для отправки в зону конфликта: Минздрав России — 5 тонн сухого молока, 0,5 тонны детского молочного питания, 20 тысяч условных банок мясных и 5 тысяч условных банок молочных консервов. Транспортировка этого груза была поручена Минобороны России, а все расходы, связанные с оплатой перечисленных материальных ценностей, были отнесены за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации. Одновременно Правительство России просило ЦК Общества Красного креста Российской Федерации обеспечить сопровождение и передачу гуманитарной помощи¹²⁶.

В дальнейшем интенсивность мер, принимавшихся Россией по оказанию гуманитарной помощи населению, пострадавшему в зоне грузино-абхазского конфликта, приходилось наращивать, о чем свидетельствует распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 июня 1993 года № 1045-р:

«1. В целях обеспечения проведения согласованных операций по доставке грузов гуманитарной помощи и эвакуации пострадавшего населения из зоны конфликта в Абхазии предоставить председателю ГКЧС России Шойгу С. К. право решения вопросов, связанных с осуществлением этих операций.

2. Минобороны России, МИДу России, МБ России, Минтрансу России, Минфину России, Федеральной миграционной службе России принять необходимое участие в проведении согласованных операций по доставке грузов гуманитарной помощи и эвакуации пострадавшего населения из зоны конфликта в Абхазии и направить полномочных представителей в состав оперативной группы ГКЧС России»¹²⁷.

Можно лишь предположить, во что должны были обойтись России широкомасштабные мероприятия по доставке грузов гуманитарной помощи и эвакуации пострадавшего

---

¹²³ Там же. 1996. № 22. Ст. 2733.

¹²⁴ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 10. Ст. 794.

¹²⁵ Там же. № 12. Ст. 1005.

¹²⁶ Там же. № 13. Ст. 1065.

¹²⁷ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 24. Ст. 2359.

населения из зоны конфликта в Абхазии, в осуществлении которых были задействованы представители шести министерств и ведомств страны. После заключения при российском посредничестве Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением от 27 июля 1993 года¹²⁸ Россия разработала широкую программу по реализации указанного Соглашения, которая была воплощена в постановлении Правительства Российской Федерации от 5 августа 1993 года № 754 «О неотложных мерах по реализации Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением от 27 июля 1993 года»¹²⁹. Обращает на себя внимание уже один состав членов российской части Объединенной комиссии по урегулированию в Абхазии, созданной указанным постановлением: Шойгу С. К. — председатель ГКЧС России (руководитель Объединенной комиссии), Громов Б. В. — заместитель министра обороны Российской Федерации (заместитель руководителя Объединенной комиссии), Пастухов Б. Н. — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, личный представитель Президента Российской Федерации по координации действий по урегулированию конфликта в Абхазии (заместитель руководителя Объединенной комиссии), Беджанов Н. Б. — депутат Верховного Совета Республики Адыгея, Бодня С. М. — начальник оперативно-диспетчерского отдела Минтранса России, Воронов В. В. — начальник отдела Закавказья Госкомсотрудничества России, Воронцов Е. Л. — начальник управления МБ России по Краснодарскому краю, Еризов Т. Н. — представитель Правительства Кабардино-Балкарской Республики, Ермаков А. Е. — специалист-эксперт Государственно-правового управления Президента Российской Федерации, Измоленов А. В. — заместитель начальника управления МБ России, Карпов Н. И. — глава администрации г. Сочи, Котов Ю. А. — начальник управления Минобороны России, Ламов Ф. А. — заместитель командующего Пограничными войсками Российской Федерации, Моисеева О. В. — председатель Сочинского комитета Общества Красного Креста Российской Федерации, Носов В. А. — начальник отдела МБ России, Регент Т. М. — руководитель ФМС России, Федосов Г. И. — посол по особым поручениям МИДа России, Фельдман В. М. — заместитель начальника Северо-Кавказской железной дороги МПС России, Цаголов К. М. — заместитель председателя Госкомфедерации России, Чувиляев В. В. — главный инспектор Главного управления обеспечения общественного порядка МВД России, Шуйков В. А. — председатель подкомитета Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности.

Постановлением предлагалось «Министерству обороны Российской Федерации, Государственному комитету Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий выделить согласованное количество подразделений из состава Вооруженных Сил Российской Федерации и Войск гражданской обороны Российской Федерации для участия в реализации соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением с последующим возможным включением их в состав миротворческих сил Организации Объединенных Наций»¹³⁰. Пункт 3 постановления обязывал Министерство иностранных дел Российской Федерации: «Провести в Организации Объединенных

---

¹²⁸ Дипломатический вестник. 1993. №№ 15–16. С. 21–22.

¹²⁹ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации 1993. № 32. Ст. 3024.

¹³⁰ Там же. № 30. Ст. 3024.

Наций работу, связанную с направлением в зону конфликта международных наблюдателей и миротворческих сил, и выделить для них по заявке Объединенной комиссии необходимое количество переводчиков; согласовать с компетентными органами Республики Грузия порядок ввоза, вывоза и организации охраны специальной техники для обеспечения связью российской части Объединенной комиссии, а также порядок ввоза и вывоза обслуживающего указанную технику личного состава; продолжить переговоры по подготовке проекта Соглашения о полномасштабном политическом урегулировании конфликта в Абхазии»¹³¹. Постановлением предусматривались также меры по возвращению беженцев из Абхазии в места их постоянного проживания, для чего Федеральной миграционной службе России предлагалось «обеспечить проведение организационных мероприятий по возвращению с территории России беженцев, покинувших зону конфликта, в места их постоянного проживания». При этом предусматривалось, что «расходы по содержанию беженцев в местах приема и временного размещения, их перевозке на территории Российской Федерации осуществляет Федеральная миграционная служба России в пределах ассигнований, выделенных из республиканского бюджета Российской Федерации на оказание помощи беженцам»¹³². Далее обязывались: Министерство транспорта Российской Федерации, Министерство путей сообщения Российской Федерации и Министерство обороны Российской Федерации — выделять по заявке Объединенной комиссии в ее распоряжение необходимое количество транспортных средств для перевозки беженцев, членов российской части Объединенной комиссии и грузов гуманитарной помощи; Министерство топлива и энергетики Российской Федерации — оказать содействие в выделении Объединенной комиссии в соответствии с ее расчетами необходимого количества топлива для обеспечения передвижения временных контрольных групп и миротворческих сил, вывоза беженцев и доставки грузов гуманитарной помощи; глава администрации г. Сочи — обеспечить размещение, необходимые условия работы и выделение автомобильного транспорта для российской части Объединенной комиссии, а Федеральное агентство правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации — обеспечить правительственной связью руководителя российской части Объединенной комиссии на время его пребывания в г. Сочи.

Расходы на содержание и обслуживание работников российской части Объединенной комиссии, ее рабочих органов, временных контрольных групп и других лиц, занимающихся урегулированием конфликта в Абхазии, были отнесены за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций. Для этого были выделены в 1993 году Государственному комитету Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий из резервного фонда Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций 600 миллионов рублей, используемых на формирование и доставку грузов гуманитарной помощи.

Осуществление этих мероприятий пришлось приостановить 16 сентября 1993 года, когда между противоборствующими сторонами в Абхазии возобновились боевые

---

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

действия, на что Правительство России отреагировало распоряжением от 19 сентября 1993 года № 1641-р: «МБ России, Минобороны России, МВД России и ГТК России принять соответствующие меры к пресечению незаконных передачи и продажи с территории Российской Федерации абхазским вооруженным формированиям вооружения и военной техники; органам исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев и областей Северо-Кавказского региона, МБ России, МВД России и Минобороны России осуществить необходимые меры по обеспечению нормальной обстановки в указанном регионе и недопущению распространения конфликта на территорию Российской Федерации»¹³³.

Когда в начале 1994 года в стране, вышедшей из кровопролитной и разрушительной войны, сложилось критическое положение с продовольствием, «в целях оказания помощи населению Абхазии» Правительство России приняло распоряжение от 28 февраля 1994 года № 264-р о выделении в 1994 году Совету Министров Республики Абхазия из резервного фонда Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций 2,5 миллионов рублей для проведения ремонтно-восстановительных работ, закупки продовольствия и топлива. Акционерному обществу «Росхлебопродукт» было поручено обеспечить в 1994 году отгрузку в Абхазию 25 тысяч тонн муки второго сорта, выработанной из зерна федерального фонда, и 5 тысяч тонн крупы, в том числе в первом полугодии 1994 года 10 тысяч тонн муки и 5 тысяч тонн крупы, а МПС России и акционерному обществу «Росхлебопродукт» совместно с ГТК России — обеспечить своевременную доставку в Абхазию муки и крупы в указанном количестве¹³⁴.

Уже после ввода российских миротворческих сил в зону грузино-абхазского конфликта Правительство России распоряжением от 8 августа 1994 года № 1244-р¹³⁵ (с изменением распоряжением от 3 ноября 1994 года № 1743-р¹³⁶) выделило Минобороны России целевым назначением 10 миллиардов рублей для проведения операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта за счет прочих расходов федерального бюджета.

Абхазии, испытывавшей нужду во всем, в июле 1995 года стихийное бедствие причинило значительный вред, на что откликнулась Россия, которая распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 июля 1995 года № 949-р¹³⁷ в целях оказания гуманитарной помощи населению Абхазии, пострадавшему от стихийного бедствия», обязала выделить МЧС России в июле 1995 года следующие продукты питания для формирования и отправки грузов гуманитарной помощи: Роскомрезерв — 100 тонн сахара, 150 тонн масла растительного, 100 тонн масла животного, 50 тонн соли и 20 тонн детского питания; акционерное общество «Росхлебопродукт» — 1000 тонн муки и 500 тонн круп; МПС России — осуществить доставку грузов гуманитарной помощи,

---

¹³³ Там же. 1993. № 38. Ст. 3595.

¹³⁴ Там же. 1994. № 9. Ст. 770.

¹³⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 16. Ст. 1930.

¹³⁶ Там же. № 29. Ст. 3084.

¹³⁷ Там же. № 29. Ст. 2849.

указанных в пункте 1 настоящего распоряжения, а Минфин России — выделить из резервного фонда Правительства Российской Федерации на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций 10 миллиардов рублей для компенсации расходов, связанных с формированием и доставкой указанных грузов гуманитарной помощи.

В дни, когда силы самообороны Приднестровья, истекая кровью, оказывали отчаянное сопротивление вооруженным силам Молдовы, пытавшимся силой оружия сломать волю населения края самим определять свою судьбу, Россия не оказалась безучастной к бедствиям жертв вооруженной агрессии. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 июня 1992 года № 1119-р¹³⁸ «в целях оказания гуманитарной помощи населению Приднестровья Минздраву России» вменялось «для оказания экстренной медицинской помощи пострадавшему населению развернуть в районе г.Тарисполя полевой госпиталь с запасами медикаментов и медицинского имущества на 1000 раненых и пораженных. ГКЧС России» обязывалось «организовать доставку и обеспечение работы полевого госпиталя, а Минобороны России» поручалось «выделить самолет Ил-76 для транспортировки полевого госпиталя в район г. Тирасполя, обеспечить размещение полевого госпиталя на территории воинских частей Тираспольского гарнизона и его охрану. Расходы, связанные с оказанием гуманитарной помощи населению Приднестровья, отнесены за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации. В целях выполнения распоряжения Президента Российской Федерации от 15 октября 1992 г. № 582-рп «Об организации посреднической деятельности России по урегулированию конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова»¹³⁹ было принято распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1992 года № 2306-р¹⁴⁰, которым осуществление расходов по финансированию работы полномочного представителя Президента Российской Федерации, а также российской делегации в Контрольной комиссии по урегулированию вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова и группы экспертов при ней отнесено за счет резервного фонда Правительства Российской Федерации.

Россия оказала Приднестровью и адресную гуманитарную помощь, предназначенную участникам и инвалидам Великой Отечественной войны, пенсионерам и малообеспеченным гражданам Приднестровской Молдавской Республики. В этих целях Правительство России Распоряжением от 16 марта 1997 года № 381-р¹⁴¹ обязало Минтопэнерго России и Минсельхозпрод России закупить и доставить в Приднестровье соответственно угля на 5 миллиардов рублей и продовольственного зерна также на 5 миллиардов рублей.

Все изложенное в этой и в предыдущей частях данной записки о цене для России войн Грузии против Южной Осетии и Абхазии в начале 90-х годов прошлого века соблазняет на сомнительное применительно к истории сослагательное наклонение. Хочется, однако, позволить себе одно мысленное допущение: чтобы в геополитическом треугольнике — Россия, Грузия и две жертвы вооруженных нападений Грузии — вме-

---

¹³⁸ Документ опубликован не был.

¹³⁹ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 16. Ст. 1316.

¹⁴⁰ Там же. № 24. Ст.2197.

¹⁴¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. Ст. 1588.

сто России были бы США и боевые действия грузинских вооруженных сил против абхазов и осетин дестабилизировали бы общественно-политическую обстановку хотя бы в одном американском штате (в России в разной степени были взбудоражены по меньшей мере пять республик, два края и одна область, что соотносимо с восемью американскими штатами), а бремя эвакуации, приема и обустройства беженцев, вынужденно покидавших зону боевых действий, легло бы на американскую казну. Хорошо зная обыкновение американцев решительно сокрушать всякого, кто может хотя бы невольно и лишь потенциально создавать угрозу их интересам, легко предположить, каким бы санкциям, в том числе силовым, подверглась бы Грузия, если бы от упомянутых военных авантур последней натерпелись бы они, а не Россия.

Но Россия, как известно, — о чем нередко приходится сожалеть, — не США: ее более чем нерешительное обхождение с нарушителем своей безопасности этому свидетельствует.

Правда, есть симптомы того, что необходимые выводы из уроков прошлого Россия сделала, и она внимательно следит за тем, чтобы не допустить повторения Грузией ее авантур против Южной Осетии и Абхазии. Соответствующие заявления по этому поводу Президента Российской Федерации В. В. Путина и министра иностранных дел России С. В. Лаврова у всех на слуху.

Сошлемся лишь на некоторые из них. Так, отвечая на один из вопросов, заданных ему во время «прямой линии» 25 октября 2006 года, В. В. Путин уделил много внимания агрессивному характеру политики нынешнего грузинского руководства по отношению к Абхазии и Южной Осетии: «Люди в Абхазии, в Южной Осетии очень обеспокоены милитаризацией Грузии. И мы в России обеспокоены этим. Ухудшение российско-грузинских отношений связано именно с попыткой или с подготовкой возможного решения югоосетинской и абхазской проблемы силовым путем. Если руководство Грузии решится на это — это будет большой ошибкой, и не думаю, что пойдет на пользу грузинскому народу. Ни в коем случае нельзя допустить подобного развития событий». Вернувшись к возможности развития событий по этому сценарию, он добавил: «Мы не можем допустить кровопролития в этом регионе. И все действия, которые мы предпринимаем в отношении Грузии в последнее время, обусловлены только одним — стремлением предотвратить кровопролитие»¹⁴². Отвечая на вопрос другого своего абонента, В. В. Путин вновь сказал об очевидных намерениях Грузии применить силу в целях урегулирования конфликтов, имеющих у нее с Абхазией и Южной Осетией: «Нас очень тревожит курс, взятый нынешним руководством [Грузии] на решение своих территориальных проблем с помощью силы. Вот что нас беспокоит прежде всего, вот что мы должны предотвратить»¹⁴³. Сказал он и о наборе средств, которые Россия использует для предотвращения указанной угрозы: «Это мы делаем как в диалоге с грузинскими нашими коллегами, так и на международном уровне, в ОБСЕ. Мы принимаем активное участие в миротворческих операциях там, стараемся предотвратить конфликт»¹⁴⁴.

---

¹⁴² <http://chimp.ruhelp.com/index.php?showtopic=1102&st=160&>

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

Во время делового завтрака в редакции «Российской газеты» 27 февраля 2007 года глава МИД России С. В. Лавров сделал заявления более решительного характера: «Последние два года мы наблюдали постоянные провокации против наших миротворцев, постоянные попытки подорвать существующие переговорные и миротворческие механизмы и наращивание военных мускулов в масштабах, которые могут свидетельствовать только о том, что грузинская сторона готовила силовое решение и той, и другой проблемы»¹⁴⁵. Не очень считаясь в данном случае с дипломатическими условностями, российский министр сообщил: «Мы жестко предупредили и Грузию, и тех, кто, несмотря на все эти факты, активно приглашает Грузию в НАТО, о том, что этого не допустим»¹⁴⁶. При этом сослался на абсолютно безупречную мотивацию этой жесткой российской позиции: «Мы подчеркнули, что, помимо общей безопасности в этом соседнем, важнейшем для стабильности российского юга регионе, есть такой аспект, как наличие десятков тысяч граждан Российской Федерации и в Южной Осетии, и в Абхазии. Мы за них несем ответственность»¹⁴⁷.

Остается лишь надеяться на то, что эти заявления подтверждаются и действительной решимостью сокрушить возможные попытки грузинского реванша, и надлежащей для этого готовностью, что способно остудить горячие головы в Тбилиси.

Между тем Россия в очередной раз проигрывает Грузии пропагандистскую войну, хотя оснований для этого у последней нет. Это как говорят в футболе: если не забиваете вы, то забивают вам. Так, Грузия после широковещательной кампании подготовки, рассчитанной на максимальный пропагандистский эффект, 26 марта 2007 года подала в Европейский суд по правам человека в Страсбурге иск к России о возмещении ущерба, якобы причиненного депортацией на родину грузинских граждан, длительное время проживавших в Российской Федерации в нарушение российского миграционного законодательства. Этот запланированный по надуманным основаниям иск имеет шанс на шумный успех только потому, что призван по замыслу его закулисных евроатлантических дирижеров и лоббистов показать всему миру «варварство» России.

Широко разрекламированная подготовка иска объясняется не только стремлением усилить призванный унижить Россию эффект от ожидаемого решения, но и тем прежде всего, что грузинская сторона от соответствующих зарубежных сил уже получила твердые *заверения*: ее иск безусловно будет удовлетворен. Заставить Грузию откатиться от этой по сути своей провокационной антироссийской затеи можно было бы, в частности, не менее широковещательной кампанией по подготовке и подаче в тот же Европейский суд по правам человека российского иска к Грузии о возмещении расходов, которые понесла и все еще продолжает нести Россия в связи, например, с приемом и обустройством беженцев из зон грузино-югоосетинского и грузино-абхазского конфликтов. Кстати, беженцы, в результате этой войны покинувшие Южную Осетию (села, подконтрольные Грузии) и города и сёла собственно Грузии, к местам своего изначального проживания до сих пор не возвратились и Грузия никаких мер к этому не предпринимает. Из-за разрушенной грузинской агрессией инфраструктуры

---

¹⁴⁵ «Российская газета» 2007. 28 февраля.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же.

Южный Кавказ: проекты и прогнозы как искусство возможного

многие беженцы не могут вернуться даже в ту часть Южной Осетии, которая подконтрольна югоосетинским властям. Не меньший положительный для России эффект имела бы также широковещательная кампания по подготовке и подаче в Европейский суд по правам человека иска к Грузии, препятствующей туркам-месхетинцам, мыкающимся в российских регионах, вернуться в места, откуда они были выселены в 1944 году Сталиным и Берия в целях превращения их малой родины в моноэтническое грузинское государство.

Когда эти контрмеры России создадут для Грузии опасность предстать перед лоббирующими ее интересы Европой и США во всей своей неприглядной наготе в плане приверженности гуманизму и правам человека, она будет вынуждена унять свою прыть.

Позиция ЕС во время кризиса в Южной Осетии и стратегические интересы ЕС в регионе

Ю. Г. Григорьева

Вплоть до «Пятидневной войны» (8–12 августа) 2008 г. сохранялось достаточно четкое отличие официальной позиции Брюсселя от позиции американской администрации по вопросу о формате урегулирования «грузинских» конфликтов на Кавказе, которое, в том числе, прослеживалось в сообщениях СМИ. ЕС категорично осудил позицию России в связи с инцидентами по поводу сбитаго разведывательного беспилотника над территорией Абхазии (20 апреля) и пролета российских самолетов над Южной Осетией (8 июля)¹⁴⁸. Но 5 августа 2008 г., когда ситуация в зоне абхазского и юго-осетинского конфликтов опять накалилась, Евросоюз официально выступил в поддержку формата Смешанной контрольной комиссии, бойкотируемого Тбилиси¹⁴⁹. Как сообщалось, мнения делегаций ЕС и США по этому вопросу разошлись уже в середине июля на специальной сессии

---

¹⁴⁸ 10 июля МИД РФ заявил о том, что самолеты ВВС России совершили 8 июля кратковременный полет над Южной Осетией, чтобы разрядить обстановку в районе грузино-осетинского конфликта. 22 июля 2008 г. ЕС сделал заявление, что «нарушения суверенитета Грузии являются неприемлемыми» и призвал Россию отказаться от фактической аннексии Абхазии и Южной Осетии. 21 июля по просьбе Грузии состоялось специальное заседание Совета Безопасности ООН, в котором участвовали представители Австрии, Азербайджана, Канады, Эстонии, Финляндии, Японии, Латвии, Новой Зеландии, Швеции, Швейцарии, Германии, Турции, Украины, Испании, Израиля, Словакии и Дании, где постоянный представитель Грузии в ООН Ираклий Аласания сделал специальный доклад. — EU, UN condemn Russian overflights <http://www.europe.eu/articles/89164.php> 28 July 2008 — Issue : 792.

¹⁴⁹ «The European Union is willing, more than ever, to fully engage in the pursuit of a peaceful settlement of the conflicts in Georgia, in cooperation with the parties concerned and in support of the existing negotiation formats, and again calls for moderation and the swift resumption of the negotiations» — цитируется в: EU Supports 'Existing Negotiation Formats'. Civil Georgia, Tbilisi / 5 Aug.'08 / 19:46 // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=18903>

ОБСЕ в Вене (14 июля). В то время, как ЕС призывал к возобновлению переговоров во всех существующих форматах, включая СКК, делегация США настаивала на привлечении к переговорам прогрузинского юго-осетинского «правительства» Дмитрия Санакоева¹⁵⁰.

7 августа, как показывают сообщения российских и иностранных СМИ, грузинская сторона окончательно отказалась от формата СКК, настаивая на двухсторонних переговорах (то есть без России)¹⁵¹. European Voice сообщала 7 августа 2008 г., что противоречия о формате не были преодолены, намеченные переговоры в Цхинвале между Т. Якобашвили и Б. Чочиевым (вице-премьер правительства тогда непризнанной республики Южная Осетия) не состоялись, и вместо этого «Чочиев предложил встречу 9 августа под эгидой СКК»¹⁵². В тот же день появились сообщения военных о продвижении грузинской группировки вооруженных сил в направлении Южной Осетии¹⁵³. Таким образом, атакой на Цхинвал Грузия окончательно разрушила планы проведения встречи в формате Смешанной контрольной комиссии.

Евросоюз неоднократно призывал отказаться от насилия, но его защита формата СКК, в итоге, оказалась пассивной, а не активной.

А когда 6 марта 2008 г. Россия объявила о своем выходе из режима санкций по отношению к Абхазии, это вызвало жесткие оценки Бениты Ферреро-Вальднер и министра иностранных дел Швеции Карла Бильдта. Согласно этим оценкам, отменяя санкции, Россия «мостила дорогу» к признанию и фактической аннексии Абхазии¹⁵⁴. Бенита Фер-

---

¹⁵⁰ «While the EU statement called for the resumption of talks 'without further delay, and the use of all negotiating formats — including the JCC', the U.S. statement made at the session called for talks involving the Tbilisi-backed South Ossetian provisional administration, led by Dmitry Sanakoev». — Там же.

¹⁵¹ См. например: «В итоге, поговорив с Якобашвили, Попов [российский сопредседатель СКК] заявил следующее: «Мы остались на своих позициях. Госминистр Грузии считает необходимым реформирование переговорного формата. Мы считаем, что необходимо продолжить работу в рамках СКК по грузино-осетинскому урегулированию. Переговоров, таким образом, не будет». — Андрей Резчиков 7 августа 2008, 16:00 «Статус России как посредника под вопросом: Москва не способна посадить за стол переговоров своих марионеток» <http://www.vz.ru/politics/2008/8/7/194185.print.html>

¹⁵² «Instead, Chochiev offered a meeting on 9 August under the auspices of the Joint Control Committee (JCC), a standing group that brings together representatives from Georgia, South Ossetia, Russia, and the Russian republic of North Ossetia. — Georgian minister says the situation in South Ossetia is 'getting out of control, even for the Russians». — By Rikard Jozwiak 07.08.2008 / 19:27 CET <http://www.europeanvoice.com/article/2008/08/crisis-management-needed-in-georgia/61989.aspx>

¹⁵³ «В четверг (7 августа) появилась информация о движении группировки грузинских войск от Кутаиси в направлении Гори, то есть в сторону Южной Осетии. Как утверждает «Интерфакс», в состав группировки входят около 20 грузиков с солдатами, три БМП со скрытой техникой, несколько ракетных установок залпового огня и артиллерийские орудия. Официальных комментариев по этому поводу из Тбилиси не было, однако накануне секретарь Совета безопасности Южной Осетии Анатолий Баранкевич заявил, что в район конфликта движется грузинский механизированный батальон 5-й бригады. Он связал эти действия с планами Грузии начать боевые действия и захватить непризнанную республику». — Андрей Резчиков 7 августа 2008, 16:00 «Статус России как посредника под вопросом: Москва не способна посадить за стол переговоров своих марионеток» <http://www.vz.ru/politics/2008/8/7/194185.print.html>

¹⁵⁴ «Комиссар ЕС по внешним связям Бенита Ферреро-Вальднер выразила «растущую озабоченность и тревогу в связи с тем, что Россия, возможно, мостит дорогу к признанию Абхазии... ЕС всегда однозначно поддерживал территориальную целостность Грузии», — сказала Бенита Ферреро-Вальднер

реро-Вальднер заявила депутатам Европарламента 1 сентября 2007 г., что она «ускорит приготовления к установлению более глубоких связей с теми бывшими советскими республиками, которые также могут оказаться в поле российских интересов»¹⁵⁵.

Важно, что мотивы «беспокойства» ЕС были связаны далеко не только с эскалацией насилия в регионе. В марте глава МИД Швеции Карл Бильдт высказал мысль, что пока перспектива признания независимости Абхазии странами СНГ относится к области гипотез, но беспокойство европейцев вызывает снятие торговых ограничений и поток российский инвестиций в Абхазию»¹⁵⁶.

Однако в докладе от 5 июня 2008 г. известное и авторитетное на Западе международное агентство International Crisis Group (ICG) рекомендовало самой Грузии отменить санкции против Абхазии¹⁵⁷. В число рекомендаций входило также: воздержаться от разведывательных полетов над Абхазией, освободить Верхний Кодор от грузинского военного присутствия, вести переговоры, не ставя изначально во главу угла вопрос о статусе «непризнанных территорий». В этом же докладе содержалось предупреждение, получившее большой резонанс в западной прессе, что «Грузия по-прежнему полна решимости восстановить свою территориальную целостность, и «ястребы» в Тбилиси серьезно рассматривают военные способы достижения этой цели»¹⁵⁸.

Грузии рекомендовалось «последовательно реализовать, без предварительных условий по статусу, меры, направленные на постепенное укрепление взаимного доверия, такие как введение зоны свободной торговли вдоль обеих сторон линии прекращения огня и развитие внешних связей Абхазии без участия России (beyond Russia), включая отмену [грузинских] санкций, открытие аэропортов, развитие воздушных, железнодорожных и морских коммуникаций». Одновременно в том же докладе официальный отказ России от санкций в начале марта оценивался не как мера, способствующая облегчению социально-экономического положения жителей Абхазии, а как шаг, направленный только на то, чтобы не допустить ухудшения абхазо-грузинских отношений.

Двойственные оценки и рекомендации ICG свидетельствовали о наличии сценария вовлечения Абхазии и Южной Осетии в орбиту политического и экономического влияния ЕС и постепенного отчуждения от России. Россия по-прежнему остается в глазах многих на Западе достаточно зловещим и коррумпированным пространством. Так *European Observer* писал 30 апреля 2008 г.: «Когда служащие Британского Совета подвергаются открытым нападкам, его филиалы атакуются, иностранцы

журналистам в кулуарах Совета ЕС. По ее словам, Швеция и Польша призвали партнеров по ЕС активнее поддержать стабилизацию Грузии перед майскими парламентскими выборами. — Евросоюз опасается, что Россия может де-факто аннексировать Абхазию. Александр Минеев, сборок «Новой газеты», Брюссель 11.03.2008 09:31 <http://www.novayagazeta.ru/news/242919.html>

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Georgia and Russia: Clashing over Abkhazia. ICG Europe Report No. 193 5 June 2008 // http://www.crisisgroup.org/library/documents/europe/194_reunifying_cyprus_the_best_chance_yet_web.doc

¹⁵⁸ <http://www.europeanvoice.com/article/imported/2529august/icg-calls-for-eu-unity-and-caution-over-georgia-/62113.aspx> 29.08.2008 / 16:56 CET Rikard Joswiak

безнаказанно оскорбляются, а несогласные с властью убиваются на глазах у публики в заграничных столицах; когда бомбардировщики залетают так далеко, что могут и не вернуться с грузом, невозможно относиться к конкретным прагматичным шагам Москвы навстречу Западу только с позиции рациональной выгоды»¹⁵⁹. Президентом Еврокомиссии Ж. М. Баррозо в сентябре 2007 г. была сформулирована программная позиция: качество российско-европейских отношений будет зависеть от качества российской демократии, несмотря на то, что многие трудности, которые переживает Россия, объясняются объективными причинами¹⁶⁰.

Вместе с новостями по Южной Осетии западными СМИ многократно передавалось, что 22 августа экс-главе ЮКОСа Михаилу Ходорковскому было отказано в условно-досрочном освобождении. (При этом достаточно насмешливо комментировалась официальная причина отказа — за то, что Ходорковский «не захотел шить» в заключении). Постоянные негативные оценки российской внутрисполитической ситуации апеллируют к подсознательному чувству самосохранения европейцев: нельзя позволить такому «монстру» главенствовать где бы то ни было, в том числе и на Кавказе.

Конечно, трудно считать, что в России преодолены все издержки переходного периода. Однако в настоящее время на Россию перед западной общественностью навешивается ярлык «грубой силы» почти по любому поводу (Такое определение — *brute force* — в отношении России открыто дал вице-президент США Дик Чейни во время его вояжа в Азербайджан, на Украину и в Италию в начале сентября 2008 г.)¹⁶¹.

В то же время одним из главных приоритетов политики Евросоюза на Кавказе в период от распада СССР до сегодняшнего времени было «нежелание антагонизировать Россию» (как об этом прямо пишет Натали Точчи — эксперт известного Центра европейских политических исследований (CEPS) в Брюсселе). Однако одновременно осуществлялось постепенное проникновение в кавказское пространство, как регион потенциального соседства с ЕС (после его расширения).

Н. Точчи приводит следующие цифры: если за период 1992–2004 г. финансовая помощь США Грузии исчислялась в пределах до 3 млрд. долл. (а в связи с недавними событиями президент США выделил еще миллиард), то суммарная помощь ЕС составляла приблизительно 420 миллионов евро, то есть в среднем около 32 млн. евро в год. Из них в 1997–2006 гг. около 14 млн. получила Абхазия (в том числе на модернизацию ГЭС на Ингури), и около 8 миллионов — Южная Осетия¹⁶².

Но на самом деле помощь не была равномерной, что также отражено в официальных данных ЕС. Поскольку правительство Грузии, пришедшее к власти в результате «революции роз» в ноябре 2003 г., рассматривается как демократичное и дружественное, то, согласно статистике самого ЕС, объем помощи этой стране со стороны

---

¹⁵⁹ What does Europe want from Russia — European Observer <http://euobserver.com/9/26073>.

¹⁶⁰ Brussels-Moscow ties depend on democracy quality 1 September 2007 — Issue: 745 // <http://www.neurope.eu/articles/77195.php>

¹⁶¹ Cheney accuses Russia of using «blunt force». By Guy Dinmore and John Thornhill in Cernobbio, Italy September 6 2008 <http://www.ft.com/cms/s/0/21949b02-7c38-11dd-a25c-000077b07658.html>

¹⁶² Nathalie Tocci The EU and Conflict Resolution. Promoting peace in the backyard. London and New-York: Routledge, 2007 Unit 7. Caught between neglect and competing mediation in Georgia's secessionist conflicts. P. 149.

Евросоюза «увеличился вдвое» после упомянутой революции¹⁶³. При этом, по данным, широко известным на Западе, с 2002 г. военный бюджет Грузии вырос примерно в 50 раз — с 18 млн. долл. в 2002 г. до 900 млн. долл. в 2008 г., и составляет в настоящее время около 9% грузинского ВВП¹⁶⁴.

Помощь ЕС меньше связана с милитаризацией Грузии, чем помощь США. До недавнего времени трансграничное сотрудничество (cross-border cooperation) в рамках Черноморского региона *под эгидой Евросоюза*, как и другие формы межгосударственного сотрудничества, рассматривались руководством ЕС в качестве достаточно эффективного средства против «размораживания» замороженных конфликтов. В то же время, это способствует поднятию престижа ЕС в регионе.

Согласно *Strategy Paper* и *Indicative Programme*, принятым ЕС для Грузии¹⁶⁵, приближение к демократическим нормам — это одно из условий продолжения помощи и сотрудничества со стороны ЕС. Однако «ключевое» значение Грузии для европейского транзита и поставок энергоносителей из Средней Азии, которое признается вполне официально¹⁶⁶, в реальности перевешивает значение всех остальных целей, обозначенных в документах ЕС.

Так, например, в интервью и.о. госминистра Грузии по реформам К. Бендукидзе в ноябре 2007 г. говорилось, что выплата зарплат грузинским руководящим чиновникам через Программу развития ООН (UNDP, или ПРООН) и другие фонды была прекращена лишь в 2005 г. В интервью приводился ряд подробностей, известных, конечно, и из других источников, вызывающих сомнение в соответствии западным демократическим стандартам (например, применение формулы «соглашения с правосудием»)¹⁶⁷.

Одной из декларируемых целей ЕС относительно Грузии является сокращение уровня бедности (reduction of poverty), за чертой которой, согласно данным ЕС в 2007 г., находится около 40% грузинского населения. Но одновременно Грузия должна продемонстрировать существенный прогресс в «либерализации торговли, приватизации средних и мелких предприятий, банковской реформе, ликвидации основной части государственного субсидирования (most subsidies) и контроля за ценообразованием (price controls), приватизации земли и принятии законов, благоприятствующих иностранным инвестициям и бизнес-климату»¹⁶⁸. Между тем, одновременная борьба с бедностью и полная либерализация экономики и сокращение государственных расходов несут в себе непримиримые противоречия, которые остаются вне поля зрения грузинского руководства, но не ускользают от взгляда экономистов.

¹⁶³ European Parliament Fact Sheets 6.4.3 The South Caucasus (Armenia, Azerbaijan, Georgia) // http://www.europarl.europa.eu/facts/6_4_3_en.htm

¹⁶⁴ <http://euobserver.com/9/26656> Euroserver/Comment Jan Oberg (Director of the Transnational Foundation for Peace and Future Research in Lund, Sweden).

¹⁶⁵ http://ec.europa.eu/world/enp/documents_en.htm#1

¹⁶⁶ European Parliament Fact Sheets 6.4.3 The South Caucasus (Armenia, Azerbaijan, Georgia) // http://www.europarl.europa.eu/facts/6_4_3_en.htm

¹⁶⁷ Новая газета, 19.11–21.11.2007

¹⁶⁸ Country Strategy Paper 2007–2013. Раздел 2.An Outline of Georgia's Policy Agenda (2.1 General aspects)

Например, один из самых известных западных экономистов Дж. Штиглиц писал летом 2008 г. о неолиберальной рыночной модели: «Эта смесь риторики о свободном рынке и государственного вмешательства [в западных государствах] особенно плохо отразилась на развивающихся странах. Им было приказано прекратить государственную поддержку сельскому хозяйству, поставив таким образом своих фермеров в условия разрушительной конкуренции со стороны США и Европы. Возможно, эти фермеры смогли бы еще конкурировать с американскими и европейскими фермерами, но они не в состоянии конкурировать с субсидиями, направляемыми ЕС и Америкой для своих сельскохозяйственных производителей. [Ср. требование уменьшить государственное субсидирование к Грузии, цит. вверху] Неудивительно, что инвестирование в сельское хозяйство в развивающихся странах значительно уменьшилось, а разрыв в обеспечении продовольствием увеличился. Тем, кто заставлял принимать такие советы, не нужно волноваться о последствиях. Цену за них платят жители развивающихся стран, особенно бедные слои населения...»¹⁶⁹.

Содействие Евросоюза в рамках Европейской политики соседства (ENP) и членство в ЕС не сопоставимы по экономическому эффекту, хотя их часто объединяют общим термином евроинтеграция. Однако когда «зонтик» членства в ЕС отсутствует, ключевым компонентом экономического взаимодействия с партнерами в рамках ENP служит GPS (Generalized Preference System) — то есть система таможенных преференций, предоставляющие доступ на европейский рынок для определенных видов товаров. Однако выгоды ЕС от доступа к рынку соседей и маршрутам транзита не сопоставимы с бенефициями партнеров по ENP (соотношение по экономической конкурентоспособности в данном случае напоминает Гулливера и лилипутов).

В результате тотальная либерализация и «справедливая» (термин из документов ЕС) рыночная конкуренция могут способствовать углублению бедности и диспропорций в структуре экономики¹⁷⁰. Таким образом, помощь и содействие Евросоюза в рамках ENP невозможно сравнить ни со спонсированием бывших советских республик, с которым, возможно, подсознательно ассоциируется «евроинтеграция» у многих ее сторонников в Грузии и на Украине, ни с членством в ЕС.

Но сам Евросоюз не вводит в заблуждение своих «соседей» — партнеров, поскольку в официальных документах цели Европейской политики соседства определяются реалистично: «укрепление взаимоотношений со странами Восточной Европы, Южного Кавказа и Северного Средиземноморья, посредством углубления двусторонних взаимосвязей, оказывая помощь в проведении реформ, содействующих экономическому и социальному развитию, а также предлагая дополнительные поощрительные стимулы (incentives), такие как определенная доля (stake) на европейском внутреннем рынке — взамен на выполнение партнером взятых на себя обязательств по демократизации и установлению верховенства закона, реализации рыночных реформ в экономике,

---

¹⁶⁹ The End of Neo-liberalism Author: Joseph E. Stiglitz 21 July 2008 — Issue : 791 <http://www.neurope.eu/articles/88894.php>

¹⁷⁰ Это вызывало разочарования у участников т.н. Барселонского процесса и способствовало появлению новых средиземноморских инициатив Франции (создание Средиземноморского клуба, где изначально Франция планировала обойтись без стран ЕС, не входящих в Средиземноморье, но это встретило возражения, особенно со стороны Германии).

сотрудничеству во внешнеполитической сфере и по таким вопросам, как борьба с организованной преступностью»¹⁷¹.

Одной из главных «морковок» (как это иногда именуется в работах западных экспертов) сотрудничества с ЕС является перспектива свободной миграции людских ресурсов. Однако на деле она достаточно иллюзорна, как это показывают сами документы Евросоюза.

Например, еще в феврале 2006 г., во время принятия в первом чтении т.н. Директивы Болкестайна о либерализации рынка услуг внутри ЕС, проект Директивы был принят с двумя поправками, содержание которых демонстрирует разделение на «новую» и «старую» Европу в рамках самого Евросоюза, несмотря на декларируемые общеевропейские ценности. Согласно данным поправкам, каждая страна сохраняет за собой право остановить действие Директивы на своей территории, если это угрожает социальной стабильности и рынку труда¹⁷².

И, наконец, если Западным Балканам (в первую очередь Косово и Сербии) ряд руководителей Евросоюза готовы обещать, что их «будущее заключается в членстве в ЕС»¹⁷³, то Украине и Южному Кавказу больше предлагаются «европейские ценности» (European values) и устраивающие европейские компании правовые стандарты, помощь в обустройстве границ и вливания в инфраструктуру, поддерживающую европейский транзит¹⁷⁴.

«Социально-экономические» приоритеты Евросоюза во внешней политике и их связь с внутренними задачами ЕС были довольно четко обозначены в 2006 г. еврокомиссаром Бенитой Ферреро-Вальднер в коммюнике, которое, в отличие от большинства других коммюнике Еврокомиссии, не было помещено на сайтах ЕС¹⁷⁵. В нем говорилось, что Евросоюз «заинтересован в защите своего внутреннего рынка», но, в условиях глобальной экономики, ведущие компании, как правило, «являются транснациональными

¹⁷¹ European Neighbourhood & Partnership Instrument. Cross-Border Cooperation. Strategy Paper 2007–2013. Indicative Programme 2007–2010. (1.1 General Policy and Objectives). См. также о Соглашении о партнерстве и сотрудничестве ЕС–Грузия, с точки зрения ЕС.

¹⁷² Директива Болкестайна направлена на свободный доступ работников сферы услуг из одной страны во все остальные страны ЕС. Хотя сфера услуг суммарно составляет около 60% экономики стран ЕС, было предусмотрено, что Директива будет распространяться только на те виды труда, по которым в рамках ЕС не принято отдельных соглашений. Кроме того, Директива не охватывает секторы, представляющие особую значимость для общественных и государственных интересов («of general public interest»), такие, как здравоохранение, образование, аудио и видео медиа, такси, казино. Наконец, и в этом виде процесс принятия директивы, как прогнозировалось, может затянуться до 2010 г. См.: http://www.euronews.net/create_html.php?page=detail_europa&article=343585&lng=1 What the Services Directive means.

¹⁷³ В частности, по информации сайта Верховного представителя ЕС по внешней политике Х. Соланы, на встрече с президентом Черногории 25 февраля 2008 г., то есть вскоре после самопровозглашения независимости Косово, Х. Солана выразил поддержку курса Черногории [в области реформ и евроинтеграции] и снова подтвердил, что будущее Западных Балкан лежит в членстве в ЕС. // http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/declarations/98921.pdf COUNCIL OF BRUSSELS, 25 February 2008 THE EUROPEAN UNION S079/08 Javier SOLANA, EU High Representative for the CFSP, meets Filip VUJANOVIC, President of the Republic of Montenegro)

¹⁷⁴ См.: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/action_plans/georgia_enp_ap_final_en.pdf — EU/GEORGIA ACTION PLAN декабрь 2004

¹⁷⁵ Оригинал имеется в Центральной библиотеке Еврокомиссии в Брюсселе.

игроками», и ЕС заинтересован в повышении своего присутствия и своей конкурентоспособности на мировом рынке «путем создания ровного игрового поля для свободного движения торговли и капиталов» («a level playing-field for the free flow of international trade»)¹⁷⁶. Интересы сбалансированного развития тех соседних стран, экономика которых превращается в «ровное поле» для транснациональных корпораций ЕС, пока остаются за скобками целей Евросоюза, а их «европейская перспектива» (то есть перспектива членства в ЕС) тоже весьма туманна. Однако эти страны активно вовлекаются в орбиту влияния на необходимых для Евросоюза условиях, очевидно недооценивая имеющиеся для них риски. В случае Украины и Грузии это имеет серьезный побочный эффект — пренебрежение добрососедскими отношениями и экономическими связями с Россией. Развитие внешнеэкономических связей Абхазии и Южной Осетии в составе Грузии в обход России, что настойчиво рекомендовалось Международной группой по предупреждению конфликтов (ICG) в июне 2008 г., по-видимому, также не имело ничего общего с реальной «европейской перспективой» в обозримый период, включая уровень жизни населения этих территорий.

Еще в конце 1990-х, то есть до расширения, ЕС фактически функционировал как «агентство перераспределения» ресурсов от экономически более сильных членов к более слабым и бедным. (При подсчете баланса чистых расходов и «прибылей» от членства в ЕС, Испания, Португалия, Ирландия и Греция оказывались реципиентами, а остальные члены — донорами)¹⁷⁷. Представляется, что заявление министра иностранных дел Бельгии в середине сентября 2008 г., что Бельгия против приема Грузии и Украины в Евросоюз, поскольку «ЕС достиг предела своих возможностей по приему новых стран»¹⁷⁸, не имеет прямой связи с «5-дневной войной», а мотивируется именно экономическими реалиями.

«Кавказская политика» ЕС постоянно колеблется между стремлением не обострять отношения с Россией и стремлением самоутвердиться и играть самостоятельную роль в регионе, с целью обеспечения гарантий транзита, расширения рынка для европейских компаний, повышения международного политического статуса Евросоюза. Однако представляется, что «евроинтеграция» на Южном Кавказе, в любом случае, имеет ограниченную перспективу, независимо от позиции и действий России. По всей вероятности, возможный «максимум» в данном отношении — это углубление Европейской политики соседства (ENP) и членство в НАТО — то есть некое подобие турецкого варианта. Представляется, что «старая Европа» в любом случае не заинтересована во включении стран Кавказа в ЕС, поскольку это означало бы принятие на себя Евросоюзом непосильных экономических и политических обязательств и столкновение с амбициями США в регионе. В то же время, Европейская политика соседства (ENP) не способна приносить такие же экономические и политические дивиденды, которые предоставляет членство в ЕС. Но это, по-видимому, пока не осознается сторонниками евроинтеграции на постсоветском пространстве, особенно лидерами Грузии и Украины.

---

¹⁷⁶ Communication from the Commission to the European Council of June 2006. Europe in the World — Some Practical Proposals for Greater Coherence, Effectiveness and Visibility «EUROPE» / Documents No. 2438 (THE EXTERNAL PROJECTION OF EU INTERNAL POLICIES)

¹⁷⁷ Larry Neal. The Economics of Europe and the European Union. Cambridge University Press, 2007. P. 16

¹⁷⁸ Сегодня, НТВ, 13 сентября 2008 г.

Признание Южной Осетии и Абхазии: дипломатическое противоборство и балканские параллели

В. А. Захаров, А. Г. Арешев

После изгнания агрессоров за пределы Южной Осетии и Абхазии динамичное развитие ситуации сопровождалось дипломатическими переговорами и выработкой принципиальных политических решений — адекватных как новым реалиям, так и конкретной переговорной тактике, к которой прибегли западные «партнеры» России в попытках спасти политическое будущее своего грузинского клиента. То, что до августа 2008 года рассматривалось в туманной дымке неопределенности — стало единственно возможным решением. Балканский «опыт» свидетельствовал об этом совершенно однозначно.

В ходе развития последней фазы «юго-осетинского кризиса» не раз возникали параллели с недавними событиями на Балканах, в ходе которых были до деталей отработаны механизмы создания «управляемого хаоса», предшествующего закреплению НАТО в ключевых регионах, стратегически важных для эффективного осуществления военно-политического контроля над евразийским пространством. И параллели эти — отнюдь не только символические.

Так, Саакашвили начал свою военную авантюру в 13-ю годовщину окончательного падения Сербской Краины, а действия натренированных американскими инструкторами грузинских боевиков мало отличались от практики их хорватских коллег, также прошедших выучку у отставных офицеров американской армии и спецслужб. С другой стороны, вмешательство НАТО в юго-осетинский конфликт должно было произойти по схеме, детально и до мелочей отработанной в свое время в Боснии и Герцеговине и в Косово. В этом контексте стоит вспомнить события вокруг саревского рынка Маркале в феврале 1994 года. Тогда антисербская провокация стала поводом для первого ультиматума НАТО в отношении боснийских сербов и прессинга в отношении Югославии, который закончился в конце концов бомбардировками и оккупацией края Косово. В Южной Осетии, вполне возможно, готовилось что-то похожее: был необходим инцидент, позволявший крайне резко обвинить Россию

во вмешательстве «во внутренние дела суверенного государства» (или, наоборот, в «преступном невмешательстве»). Некоторые ангажированные военные эксперты вовсе не случайно столь тщательно выискивали признаки преднамеренных нарушений перемирия с осетинской стороны и утверждали даже, что так называемое «российское вторжение в Грузию» было якобы запланировано еще в апреле¹⁷⁹. Однако раскрутить «первоклассный» скандал с трупами «мирных грузин», убитых «российскими оккупантами» (а-ля Рачак) так и не удалось вследствие сдержанной позиции как и российских миротворцев, так и осетинских сил самообороны, которые, несмотря на тяжелейшие физические и психологические нагрузки и жертвы, не поддались на провокации.

В случае получения необходимого предложения в Тбилиси начинали боевые действия, мобилизовав свою поддержку всю мощь западных союзников. Возможно, в этом случае прямая ложь американских и европейских телеканалов, выдававших ночной обстрел Цхинвала за обстрелы «осетинскими боевиками» мирных грузинских сел, получает дополнительные объяснения. Реализация такого сценария стала бы прологом ультимативных требований о введении западных миротворческих контингентов, что означало бы придание дополнительных импульсов центробежным процессам на юге России. Однако Саакашвили, скорее всего, либо поторопился, либо неправильно понял намеки своих кураторов.

В качестве предложения для дипломатического вмешательства Европейского Союза в кавказский конфликт был избран достаточно неожиданный «аргумент прикрытия». 11 августа глава внешнеполитического ведомства Франции Бернар Кушнер (ранее также отличившийся в Косово) заявил: «Американцы в определенном смысле являются стороной в конфликте. Именно поэтому в переговорном процессе должна быть акцентирована роль Европейского союза»¹⁸⁰. Очевидно, это заявление преследовало основную цель — тактически «разведя» Брюссель и Вашингтон (которые на самом деле являются партнерами), не остаться в стороне от выработки формата приостановки боевых действий и дальнейшего урегулирования конфликта.

В некоторых деталях посреднической миссии Николая Саркози, которую российские эксперты справедливо сравнили с миссией «тройного коня»¹⁸¹, отчетливо просматриваются ключевые элементы западной стратегии на Балканах. При участии французского лидера в Москве были выработаны шесть принципов, позволившие решить некоторые краткосрочные задачи и сделать возможным в условиях паралича Совета Безопасности ООН прекращение активных боевых действий. Однако сами по себе эти принципы, будучи ориентированы на ближайшую перспективу, изначально не могли решить долгосрочных задач по установлению и поддержанию мира и постконфликтной реабилитации региона (да и не могли претендовать на решение таких задач).

Уже в ходе согласования «шести принципов» в Тбилиси они были существенным образом подправлены. Саркози сообщил, что «внесенные в текст изменения касаются, в частности, того, что из документа изъяты слова о международном обсуж-

---

¹⁷⁹ Фельгенгауэр П. С чем Грузия подошла к войне // Новая газета. 2008. 11 августа; Фельгенгауэр П. «Это была не спонтанная, а спланированная война» // Новая газета. 2008. 14 августа.

¹⁸⁰ Забродина Е. Европа хочет закрыть «закавказский фронт» // Известия. 2008. 12 августа.

¹⁸¹ Быков П., Силаев Н. Операция «Мрачная решимость» // Эксперт. 2008. 1 сентября.

дении будущего политического статуса Абхазии и Южной Осетии, и акцент сделан на международные переговоры с целью обеспечения стабильности и безопасности в этих регионах Грузии». А Саакашвили, в свою очередь, выразил «удовлетворение достижением договоренностей о прекращении огня и указал „на необходимость интернационализации процесса обеспечения безопасности в зоне югоосетинского конфликта“. Он отметил, что „согласованно изъяты из первоначального текста документа вопросы международного обсуждения статуса Абхазии и Южной Осетии, так как территориальная целостность Грузии — это неизменный принцип и нет необходимости вести дискуссию по данной теме“»¹⁸². Представляется, что уже тогда стало очевидно: Россия имеет дело с весьма специфическим видом посредничества, ориентированного на вполне конкретный результат: **конвертировать военное поражение Саакашвили в политико-дипломатический проигрыш Москвы.**

В плане по урегулированию грузино-югоосетинского конфликта, подписанном Саакашвили, содержится целый ряд искажений тех договоренностей, которые были достигнуты президентами России и Франции, заявил глава МИД РФ Сергей Лавров на пресс-конференции в Москве. В частности, по его словам, речь в оригинале документа идет об обеспечении безопасности Южной Осетии и Абхазии, а не «в Абхазии, и в Южной Осетии», как это звучит в варианте, подписанном президентом Грузии.

«В том документе, который подписали президенты Дмитрий Медведев и Никола Саркози в качестве основополагающих принципов урегулирования последний пункт гласит: международное обсуждение мер обеспечения безопасности и стабильности Абхазии и Южной Осетии», — сказал Лавров, добавив, что именно «не в Абхазии, и не в Южной Осетии».

Он подчеркнул, что в той версии, которую несколько дней спустя «удалось заставить подписать Михаила Саакашвили, содержится целый ряд искажений тех договоренностей, которые были достигнуты президентами России и Франции».

«В частности, пункт 6-й Саакашвили подписал в редакции, о которой я упомянул, и она не верна, а именно, что безопасность международное сообщество должно обеспечивать „в Южной Осетии и в Абхазии“. Это прямое искажение договоренностей Медведева-Саркози, это прямой подлог», — указал министр.

«Аутентичным является текст, одобренный двумя президентами в Кремле 12 августа», — заключил Лавров¹⁸³. Ранее Россия стремилась закрепить «шесть принципов» резолюцией ООН, однако встретила скоординированное сопротивление членов Совета Безопасности, представляющих западное сообщество (не исключая и Францию).

Сразу после отражения грузинского вторжения стали раздаваться призывы «допустить авторитетных и независимых посредников, а то и миротворцев, ибо собственными силами решить конфликты так и не удается»¹⁸⁴. «Прекращение огня будет очень шатким до того момента, пока в Грузию не войдут иностранные миротворческие

---

¹⁸² Саакашвили подправил текст «Шести принципов». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/1941977/et>

¹⁸³ Лавров: подписанный Саакашвили текст плана Медведева-Саркози — подлог. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20080903/150936865.html>

¹⁸⁴ Малащенко А. Из СНГ вырываются с боем // Независимая газета. 2008. 12.08.

контингенты», — грозит нам новыми жертвами П. Фельгенгауэр¹⁸⁵. Тенденциозная интерпретация «шести пунктов» позволяла до 26 августа обсуждать вопрос именно в подобном ключе.

Характерным примером является телефонный разговор Президентов России и Франции 23 августа, которые на сайтах Президентов Франции и России были изложены совершенно по-разному. Согласно сообщению французского официального сайта, «Президент Саркози поблагодарил президента Медведева за то, что обязательство по выводу российских войск сдержаны. В частности, президенты согласились относительно неотложности создания под эгидой ОБСЕ международного механизма с тем, чтобы заменить российские патрули в зоне безопасности на юге Осетии. Президент Саркози выразил пожелание, чтобы Евросоюз всецело этому содействовал»¹⁸⁶. Согласно сообщению официального сайта Президента России, сообщившего о том же разговоре, «Глава Российского государства подтвердил готовность к взаимодействию с ОБСЕ в соответствии с пятым пунктом принципов урегулирования конфликта, однако речь о замене российских миротворцев в зоне безопасности силами ОБСЕ в ходе разговора не шла»¹⁸⁷.

Несколько позже на сайте французской газеты «Фигаро» появился разочарованный комментарий: «Россия продолжает сложный дипломатический вальс. Вопреки заявлениям Елисейского дворца Кремль опроверг готовность идти столь далеко». Очевидно, имелась в виду якобы высказанная в беседе с Саркози готовность к замене российских сил в Южной Осетии. В том, что под предлогом создания международного механизма под эгидой ОБСЕ пытались протащить идею о вводе вооруженных формирований США и НАТО, убеждает и взволнованная речь и.о. американского представителя при ООН А. Вольфа в ходе заседания Совета безопасности 29 августа: «Размещение дополнительных наблюдателей ОБСЕ в Южной Осетии — только начало. Должны быть допущены и другие международные наблюдатели».

Подоплека подобных заявлений вполне понятна. При анализе действий (или бездействия) «миротворческих» структур ООН и ОБСЕ на Балканах и на Кавказе возникают вполне понятные параллели.

Так, полномочия ОБСЕ в зоне грузино-осетинского конфликта были достаточно широки. Деятельность этой организации регламентировалась третьей статьёй «Положения о смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта»¹⁸⁸ (1994 г.) и «положением об основных принципах деятельности воинских контингентов, и групп военных наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта» (1992 г.). Согласно этим документам миссия ОБСЕ имела право принимать участие в работе смешан-

---

¹⁸⁵ Фельгенгауэр П. «Это была не спонтанная, а спланированная война» // Новая газета. 2008. 14 августа.

¹⁸⁶ Entretien avec le Président de la Fédération de Russie, M. Dimitri Medvedev. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.elysee.fr/documents/index.php?mode=view&lang=fr&cat_id=8&press_id=1711

¹⁸⁷ Состоялся телефонный разговор Дмитрия Медведева и Президента Франции Николя Саркози. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/news/2008/08/205660.shtml>

¹⁸⁸ Положение о Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989–2006 гг. — С. 286–288.

ной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта, военные наблюдатели ОБСЕ подчиняются объединенному штабу смешанных сил по поддержанию мира в зоне грузино-осетинского конфликта, места дислокации групп военных наблюдателей определяются СКК, исходя из необходимости обеспечения режима прекращения огня в зоне конфликта. Военные наблюдатели ОБСЕ имеют право осуществлять мониторинг в зоне грузино-осетинского конфликта и осуществлять контроль над выполнением договоренностей об отводе тяжелой техники и вооружений из зоны конфликта. Группы военных наблюдателей ОБСЕ формируются из военных офицеров стран членов ОБСЕ (в основном из стран союзников Грузии). Пользуясь своим статусом, наблюдатели миссии ОБСЕ в интересах Грузии организовали в зоне грузино-осетинского конфликта активную разведывательную деятельность, регулярно организовывались мониторинги, в ходе которых велось визуальное наблюдение, видео- и фотосъемка, предпринимались попытки вербовки интересующих лиц и создании агентурной сети по сбору информации.

Наблюдатели ОБСЕ плотно работали с грузинскими спецслужбами (МВД и департаментом военной разведки объединенного штаба ВС Грузии) и передавали им информацию о силовых структурах Южной Осетии и российском миротворческом батальоне, в то же время наблюдатели ОБСЕ закрывали глаза на активные мероприятия грузинской стороны по подготовке военной агрессии против Южной Осетии, так ОБСЕ абсолютно игнорировало мероприятия грузинских силовых структур по вводу в зону конфликта грузинских войск и полиции, по выставлению незаконных постов и блокаде осетинских населенных пунктов, на активное фортификационное оборудование грузинских позиции в зоне конфликта, сотрудники ОБСЕ никак не реагировали на мероприятия Грузии по выведению из строя водопровода города Цхинвал и организации водной блокады столицы Южной Осетии. Сотрудники ОБСЕ были в курсе готовящейся грузинской агрессии, поэтому за несколько часов до начала артиллерийского обстрела Цхинвала, все сотрудники цхинвальского офиса ОБСЕ сели в машины и уехали в сторону Гори никого не предупредив¹⁸⁹.

Здание миссии ООН в Цхинвале по странной случайности уцелело в ходе шквального огня грузинской артиллерии, а ее сотрудники, по информации первого заместителя начальника Генштаба РФ А. Ноговицына, знали точную дату атаки, однако предпочли тайно покинуть места своего расположения вместо того, чтобы проинформировать российских миротворцев об агрессивных намерениях грузинской стороны.

Опровержения этой информации не выглядели очень убедительными, особенно на фоне доказательств прямых действий ряда функционеров ОБСЕ в интересах официального Тбилиси. В свою очередь, сотрудники миссии ООН в Абхазии не сделали ровным счетом ничего для предотвращения милитаризации грузинской стороной верхней части Кодорского ущелья. Если в Абхазии и Южной Осетии представители ОБСЕ и ООН почти открыто обеспечивали успех военного реванша со стороны Тбилиси (что явилось прямым нарушением, в частности, четырехсторонних соглашений 1992 года по Южной Осетии, подписанных при участии СБСЕ), то в Косово 10 лет назад их «коллеги» всю работу над отторжением края от Сербии. В состав

---

¹⁸⁹ Алборов З. Боевой опыт войны в Осетии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/index.php?pgid=2&partid=13&newsid=6601>

Дипломатической миссии наблюдателей в Косово (более 2 тысяч человек), приехавшей в край в 1998 году, были немедленно включены представители спецслужб — ЦРУ, военно-морской разведки США, британской Специальной воздушно-десантной службы и структуры британской армии, специализирующейся на т.н. «глубоком наблюдении». Неотложной задачей участников этой операции была разведывательная подготовка поля боя, включая фиксацию мишеней для последующих бомбардировок НАТО. Глава миссии ОБСЕ в Косово У. Уолкер впоследствии «открыл» «убийство» косовских албанцев в Рачаке в январе 1999 года¹⁹⁰.

18 сентября ОБСЕ приняла решение прекратить консультации по отправке дополнительного контингента военных наблюдателей в Грузию. Об этом заявил постоянный представитель России при ОБСЕ Анвар Азимов. По его словам, «камнем преткновения стал вопрос согласования зоны ответственности этих наблюдателей ОБСЕ в Грузии»¹⁹¹. Посредством формальных процедур (мол, наблюдатели, размещаемые в Абхазии и Южной Осетии, должны входить в состав миссии ОБСЕ в Грузии) чиновники ОБСЕ пытаются заставить Россию, хотя бы и частично, дезавуировать свое решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

ОБСЕ хотела бы разместить своих военных наблюдателей как в зоне безопасности, прилегающей к Южной Осетии, так и в самой Южной Осетии, заявил 26 сентября действующий председатель ОБСЕ, глава МИД Финляндии Александер Стубб¹⁹². Вот как эту затею комментируют представители гражданского общества Южной Осетии:

Геннадий Кокоев, независимый политолог:

... Дело в том, что ОБСЕ уже продемонстрировала свою мотивацию в период до 7-го августа и непосредственно во время артиллерийской атаки на мирно спящий Цхинвал. Судя по тому, Запад не отказался от намерений иметь в лице Грузии полноценный антироссийский буфер и намеревается «восстановить обороноспособность» Грузии (что на деле означает восстановление ее наступательного потенциала, направленного против Южной Осетии и Абхазии), то предлагаемое размещение военных наблюдателей от полностью скомпрометировавшей себя организации неизбежно повлечет за собой рост напряженности и деструктивные процессы. В пользу этого утверждения говорят многочисленные факты, свидетельствующие о тенденциозности и субъективном подходе к проблеме грузино-осетинского противостояния, фактическом поощрении агрессивной стороны и откровенном, практически неприкрытом шпионаже в пользу Тбилиси. Помимо этого, ОБСЕ регулярно проводило так называемый «мониторинг», целью которого был вывод из зоны конфликта вооружений (даже оборонительных) осетинской стороны и ее практически полное разоружение, и создание односторонних преимуществ для стороны грузинской. К тому же, располагая инсайдерской информацией о готовящемся военном преступлении, представители ОБСЕ за три часа до атаки Цхинвала реактивной артиллерией, совершили не менее тяжкое преступление,

---

¹⁹⁰ Лафлэнд Дж. Техника государственного переворота // Оранжевые сети от Белграда до Бишкека. СПб. 2008. — С. 34–35.

¹⁹¹ ОБСЕ прекращает консультации о дополнительных военных наблюдателях в Грузии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1229188.html>

¹⁹² Александер Стубб: ОБСЕ хотела бы разместить наблюдателей в Южной Осетии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1229659.html>

трусливо покинув город. Невозможно представить, сколькими жизнями заплатила Южная Осетия за следование «нормам международного права» в интерпретации чиновников ОБСЕ, да и других международных и европейских организаций. Ярким тому примером может служить недавний визит представителей ПАСЕ в Южную Осетию, после которого визитеры заявили, что геноцида здесь не было (!).

Таким образом, если кому-то хочется снова раскрутить спираль военного противостояния или, как минимум, резко повысить напряженность в кавказском регионе, то он может ратовать за присутствие в Южной Осетии так называемых «военных наблюдателей» ОБСЕ, на деле являющихся тривиальными разведчиками НАТО. Что же до властей суверенной Южной Осетии, то наше государство, конечно, не является закрытым и не может практиковать политику самоизоляции. Однако присутствие любых наблюдателей должно соответствовать законодательным нормам РЮО и их представительство должно называться не «Цхинвальский офис миссии ОБСЕ в Грузии», как это было до 7-го августа, но «Миссия ОБСЕ в Республике Южная Осетия». И соответственно, любые действия функционеров этой организации в какой-либо мере идущие в разрез с интересами государственной безопасности РЮО, ее народа, должны решительно и жестко пресекаться, даже если для этого придется выдворять их из страны.

Александр Келехаев, журналист:

У военных наблюдателей миссии ОБСЕ нет никаких международно-правовых оснований осуществлять мониторинг на территории Южной Осетии. Как известно, грузино-осетинский конфликт урегулирован. Фактически Дагомысские соглашения уже не имеют юридической силы, так они были заключены для урегулирования грузино-осетинского конфликта. В соответствии с содержанием документа, юридическая сила Соглашений прекращается после урегулирования конфликта. Он, как мы знаем, урегулирован тем фактом, что Южная Осетия признана Россией и Никарагуа.

В соответствии с Дагомысскими соглашениями роль посредника в конфликте отводилась ОБСЕ. И Саакашвили денонсировав данные соглашения, тем самым аннулировал участие ОБСЕ и поставил военных наблюдателей ОБСЕ вне игры. Коль скоро Грузия сама вывела ОБСЕ из игры, то нам остается перенять эту политическую эстафету и объявить военных наблюдателей ОБСЕ персонами нон-грата. Это не международно-правовой произвол с югоосетинской стороны, а требование текущей политической ситуации. Никто не обязан выполнять пункты соглашений и договоров, которые либо не подписывались вообще, либо сроки действия которых истекли.

А, учитывая подрывную деятельность офиса ОБСЕ в Цхинвале против нашей республики, то можно было еще раньше поставить вопрос о выдворении их за пределы республики.

Инга Кочиева, политолог:

Основной аргумент осетинской стороны против возобновления на ее территории работы ОБСЕ заключается в том, что Миссия, которая не смогла предотвратить нападение (если она того хотела), могла хотя бы предупредить о нем мирное население. Даже родственники из Грузии звонили 7 августа своим близким в Цхинвал и предупреждали о выдвигавшейся грузинской армии! Перечислять претензии осетинской стороны к этой организации — утомительная процедура, но самые главные из них можно сформулировать очень коротко:

- население Южной Осетии никогда не доверяло ОБСЕ и считало ее открытой сторонницей Грузии, в отличие от руководства РЮО, которое считало так же, но для поддержания процесса урегулирования вынуждено было давать ее работе положительную оценку.
- сотрудники Миссии не раз нарушали мандат наблюдателей, самостоятельно выезжая на интересующие их, а точнее, грузинскую сторону, местности Южной Осетии, где они пытались высмотреть некие компрометирующие свидетельства нарушений осетинской стороной Положения о зоне конфликта. В частности, они довольно часто «проскакивали» в направлении Зарской дороги без сопровождения миротворцев. Эта дорога имеет стратегическое значение, и подобные действия наблюдателей расценивались населением однозначно как шпионаж в пользу Грузии.
- отдельной темой для постоянных нот протеста югоосетинского МИД стала практиковавшаяся Миссией система закрытых отчетов, направляемых в штаб-квартиру в Вену. В перехватываемых осетинской стороной пиратским образом отчетах, как выяснилось, содержалось крайне тенденциозное отражение событий в Южной Осетии, с обвинением в нарушениях большей частью осетинской стороны.
- Глава Цхинвальского офиса Гржегор Михальски, находившийся вместе с двумя сотрудниками в подвале Миссии в первую ночь агрессии, отказался пропустить в благоустроенное и надежное укрытие жителей улицы Пушкина, которые в панике выбежали из разрушенного дома, и просили убежища. Он сказал, что «офис не предназначен для таких целей». Известно, что в подвале офиса МККК укрывалось большое количество местных жителей, которым еще оказывалась и медицинская помощь. Цхинвальский офис Миссии ОБСЕ был эвакуирован 8 августа в Тбилиси, для этого грузинская сторона создала специальный коридор. Но почему Михальски побоялся пропустить в подвал простых людей, бежавших от смерти?
- Цхинвальский офис, как и все здания в городе, конечно, пострадал от обстрела. 10 августа, когда боевые действия на территории Цхинвала практически прекратились, в здание офиса прошли представители правоохранительных органов вместе с саперами. Это была плановая проверка всех без исключения зданий в городе. В подвале офиса были обнаружены любопытные вещи: пачка листовок, в которой неизвестно, от чьего имени, содержалось обращение к «дорогим согражданам», которые мужественно выдержали все страшные события. «Ценой огромных жертв мы отстаивали свою независимость», — сообщает кто-то «согражданам», которым 10 августа, откровенно говоря, еще было не до независимости — по улицам лежали трупы, спасшиеся женщины с детьми спешно эвакуировались на север, а в городе и селах проходили «зачистки». Далее авторы обращения информируют людей, что начинаются гуманитарные и восстановительные работы и предлагают обращаться по всем вопросам по адресу ул. Хетагурова, 1 и называют номер телефона в кабинете на 1 этаже, там, где недавно располагался Центризбирком. Подписи под листовкой нет, т.е. это обращение не правительства (его тогда еще и в полном составе-то не было на месте), и, кроме того, помещение, куда «сограждан» призывали приходить с вопросами, находилось в разгромленном состоянии, да и указанный телефон, конечно, не работал. Кто заранее заготовил эти тексты? Найденные в подвале в большом количестве книги «главы временной админист-

рации Южной Осетии» Дмитрия Санакоева, проливают свет не только на вопрос авторства этих обнаруженных листовок, но и на деятельность Миссии ОБСЕ в Грузии и ее Цхинвальского офиса. Они помогли расчищать платформу для воцарения марионетки в захваченной Южной Осетии.

Имеет ли эта организация моральное право возобновить свою деятельность на территории Южной Осетии? Такая возможность может быть продиктована только одним фактором — необходимостью определенного компромисса России в процессе урегулирования грузино-российских отношений с помощью европейских международных организаций. В случае если работа Представительства ОБСЕ на территории Южной Осетии неизбежна, принципы на которых ОБСЕ будет функционировать должны быть пересмотрены. И заниматься она должна, скажем, контролем за какой-то отдельной группой проблем, которые будут определены не Меморандумом (запиской) о взаимопонимании, а конкретным соглашением сторон. Следует предусмотреть из предыдущего опыта весь арсенал форм работы ОБСЕ: содействие созданию «пятой колонны», отсутствие реакции на нарушения и провокации с грузинской стороны и т.д.

Только так можно избежать тех издержек, которые уже были допущены в результате деятельности этой организации на территории РЮО¹⁹³.

Анализ современного международного миротворчества дает все новые доказательства очевидной тенденции: операции по поддержанию мира под эгидой ООН и ОБСЕ в их нынешнем виде скорее создают проблемы, нежели их решают, создавая необходимые предпосылки со стороны силового вмешательства уже иных организаций. Можно выделить следующие тенденции современного международного «миротворчества»:

1. Существование военно-политических блоков и группировок государств, заинтересованных в стабильном положении дел внутри своего блока и стремящихся к дестабилизации политических режимов в рамках других противостоящих блоков, приводит к возрастанию числа интернационализированных вооруженных конфликтов, с большим трудом поддающихся локализации и урегулированию¹⁹⁴. Количество конфликтов постоянно возрастает, в то время как средства, предусмотренные бюджетом ООН на операции по поддержанию мира, постоянно сокращаются. За первые сорок лет миротворческой деятельности ООН было учреждено 13 операций, а с 1988 г. было развернуто 35 новых операций¹⁹⁵. Что же касается финансирования, то здесь дела обстоят далеко не блестяще. После мировых экономических кризисов Конгресс США решил, что США больше не будут выделять деньги на те акции ООН, которые они не поддерживают политически¹⁹⁶.

¹⁹³ Инга Кочиева: «Имеет ли ОБСЕ моральное право возобновить свою деятельность на территории Южной Осетии?» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cominf.org/2008/09/26/1166478376.html>

¹⁹⁴ Смирнов М. Г. Некоторые аспекты сотрудничества организации объединенных наций и международных организаций в урегулировании вооруженных конфликтов // Международное публичное и частное право. 2006, № 4.

¹⁹⁵ Панкратов В. Д., Маковик Р. С. Операции ООН по поддержанию мира (некоторые проблемы и пути их решения) // Право и политика 2001. № 5.

¹⁹⁶ См.: Hefner K. Financing the United Nations // Rethinking international organizations: pathology and promise / Edited by Dennis Dijkzeul and Yves Beigbeder. N.Y., 2003. P. 40.

С этого времени выделение каждой последующей суммы сопровождалось торгом между ООН и США о тех или иных условиях, выгодных для США (касавшихся как финансовых послаблений, так и урегулирования политических вопросов). Решения Конгресса США стоят в США выше по юридическому рангу, чем международное право, и правительству США пришлось вести специальные переговоры с Конгрессом по вопросу выплаты долга ООН. Вопрос о выплате долга не является настолько «дорогим» для США с экономической точки зрения, если учитывать, например, что операция «Буря в пустыне» 1991 г. по освобождению Кувейта стоила 1,5 млрд. долл. США в день, что хватило бы для существования ООН в течение года¹⁹⁷ (не говоря уж о затратах США на нынешнюю войну в Ираке).

Соответственно прогрессирующему финансовому кризису, снижается роль ООН в проведении миротворческих операций, и возрастает роль других стран и организаций. С начала 1990-х годов ООН довольно интенсивно искала «военных партнеров». По признанию К. Аннана в его бытность руководителем направления миротворческих операций ООН, «...быстрый рост числа миротворческих операций заставил ООН искать новые пути сотрудничества с группами государств-членов, которые уже имели совместную организацию для объединенных военных действий, такую как НАТО»¹⁹⁸. СБ ООН в разные годы давал санкции на применение военной силы (на основании гл. VII Устава) региональным организациям и коалициям государств в Ираке, Сомали, бывшей Югославии, Руанде и на Гаити. Даже если самостоятельные операции по принуждению к миру силами региональных соглашений проводятся по решению СБ ООН, как, например, «Буря в пустыне» в Персидском заливе (1990–1991), то следует учитывать, что непосредственное руководство ими осуществляется не ООН, а одним из государств (в приведенном примере — США). Во всех подобных случаях сосредоточение командования и управления принудительной военной операцией в руках одного государства неизбежно делает саму операцию подверженной политическим пристрастиям и устремлениям этого государства¹⁹⁹. Вылеты самолетов НАТО, сбивших в 1995 году позиции боснийских сербов, происходили по непосредственному запросу специального представителя Генерального секретаря ООН для прикрытия и поддержки с воздуха «голубых касок» ООН. При этом ряд воздушных операций и ударов с воздуха инициировался, НАТО, но на них необходимо было получать «добро» от спецпредставителя Генерального секретаря ООН²⁰⁰. После 1999 года Косово оккупируют формально войска международной коалиции от имени ООН, однако лидерство НАТО в данной коалиции несомнен-

---

¹⁹⁷ Черноудова М. С. Проблемы финансирования международных организаций, участвующих в урегулировании международных конфликтов, и пути их решения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://rli.consultant.ru/magazine/2005/04/int_low/art1/

¹⁹⁸ Annan K. UN Peacekeeping Operations and Cooperation with NATO. // NATO Review, vol. 41, No. 5, 1993. P. 3.

¹⁹⁹ Шепова Н. Миротворчество как способ предотвращения и урегулирования современных вооруженных конфликтов // Отечественные записки. 2005. № 5.

²⁰⁰ Никтин А. Международные конфликты, ООН и Россия // Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее. — М. 2002. — С. 87–125.

- но, и в военном отношении коалиция опирается на командно-штабные структуры НАТО²⁰¹. Возглавлявший миссию ООН в Косове Бернар Кушнер всячески препятствовал расследованию преступной деятельности косовских албанцев, торговавших человеческими органами. Это отдельные примеры, но достаточно ярко характеризующие тенденцию.
- По определению английских исследователей Б. Рассефа и Дж. Саттерлина, практика миротворческих операций ООН в ряде случаев (Сомали, Гаити, Югославия) в значительной степени носила характер «импровизаций», что неизменно приводило к неоправданным человеческим жертвам²⁰². Однако это лишь одна сторона вопроса. Другая — растущая политическая мотивированность деятельности международных миротворцев, которые фактически превращаются в инструмент реализации политических решений, в том числе и тех, которые принимались явно неправовым путем. Самый яркий пример — одностороннее провозглашение независимости Косово, принятое в обход СБ ООН и с нарушением принятой ранее резолюции № 1244.
  - Принцип неприменения силы (за исключением случаев самообороны), имел важное значение в ходе операций по поддержанию мира до 1991 года. Однако затем он стал подвергаться эрозии, был выдвинут тезис, что войска ООН, формируемые для таких операций, должны иметь четкие полномочия на применение силы, быть в состоянии организовать эффективную оборону от «противника» и должны создавать угрозу убедительного сдерживания²⁰³. В этом же ряду — использование вооруженной полиции (в том же Косово). Однако полиция даже в ряде суверенных государств не вооружена в соответствии с «европейскими демократическими стандартами». К чему это может привести, показали трагические мартовские события в Армении, когда для предотвращения попытки мятежа пришлось задействовать армию.
  - Однобокое комплектование вооруженных формирований и персонала ООН при проведении различных «миротворческих» операций, недостаточная проработанность конкретных механизмов проведения миротворческих операций под эгидой ООН. Министр иностранных дел России С. В. Лавров напомнил в одном из выступлений в 2005 г., что механизм принятия политических решений о проведении миротворческих операций ООН достаточно хорошо отработан, но их военная составляющая явно отстает²⁰⁴. Нынешняя практика перекладывания Секретариатом ООН функции проведения миротворческих операций на НАТО или Африканский союз сыграла свою позитивную роль в отсутствие более системного подхода, но в политическом отношении, отметил С. Лавров, активизация Военно-Штабного Комитета дала бы целый ряд преимуществ и возможностей

---

²⁰¹ Там же.

²⁰² См. Russef B., Sutterlin J. The UN in a New World Order «Foreign Affairs». 1994. Spring. P. 67.

²⁰³ Федоров В. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. — М. Логос. 2007. — С. 681.

²⁰⁴ Котляр В. Реформа оон и вопрос о возрождении военно-штабного комитета при совете безопасности ООН // Международное публичное и частное право, 2006, № 6.

более равноправного участия в миротворческой деятельности всех желающих членов ООН²⁰⁵. Вряд ли ликвидацию Военно-Штабного Комитета ООН можно считать случайностью.

5. Интересно, что в трудах некоторых западных исследователей операции по поддержанию мира рассматриваются как нечто противоположное по смыслу принципу коллективной безопасности²⁰⁶. Еще во время югославского кризиса в США Фондом Карнеги был переиздан Доклад 1914 г. о Балканских войнах с предисловием автора американской «доктрины сдерживания» Дж. Кеннана, определившего подход к будущему развитию событий на Балканах. Он указал, что «ограничения, налагаемые на балканских участников в отношении того, что они считают своим неограниченным суверенитетом и свободой действий, должны быть куда более значительными, чем те, что обычно применяются в международном сообществе»²⁰⁷. А британский политолог Пол Кеннеди вообще полагает, что «международное разделение труда» следует строить по следующей схеме: поскольку Америка сильна в ведении войн, то она будет воевать; а поскольку европейским странам при поддержке ООН хорошо удаются миротворческие операции и государственное строительство, то они и должны заниматься таким строительством²⁰⁸. То есть Америка будет сеять хаос, а европейские страны и ООН будут пытаться с ним справиться. Все эти теории подводят идеологическую базу под односторонние силовые действия «сильных мира сего» под предлогом «миротворческой операции». Однако реализация этой стратегии привела лишь к увеличению хаоса и массовым нарушениям прав человека, а операции по поддержанию мира стали превращаться в свою полную противоположность.
6. Под прикрытием вооруженных формирований НАТО или подобных неизбежно будут действовать военизированные формирования западных стран, вольно или невольно провоцируя дальнейшее обострение обстановки. Как это может происходить, показывают события на Кавказе, а ранее — события в Ираке и Судане (Дарфур), где сотрудники так называемых «частных охранных компаний» чувствуют себя вполне уверенно²⁰⁹. Аналогии с Южно-Кавказским регионом вполне прозрачны: и в том, и в другом случае — стратегические интересы США, крупные запасы энергоресурсов, ожесточенная конкуренция за них с другими игроками, а следовательно — нестабильность, постоянная борьба различных группировок, человеческие жертвы, беженцы и т.д., создающие постоянные поводы для инспирирования внешнего вмешательства.

---

²⁰⁵ См.: Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на российско-норвежско-шведском семинаре по проблемам мирного урегулирования в Москве 7 апреля 2005 г. // Пресс-бюллетень МИД России. 2005. № 684. 7 апреля.

²⁰⁶ Цит. по: Федоров. Указ. работа. — С. 661.

²⁰⁷ Kennan G. F. The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a new Introduction and Reflections on the Present Conflict by. — Washington. D.C. 1993. — P. 16.

²⁰⁸ См.: Кеннеди П. Трансатлантические отношения: три сценария // Россия в глобальной политике. Т. 2. 2004. № 1. — С. 18.

²⁰⁹ См., напр. Карамев С. Перетягивание Судана. // Смысл. 2007. № 15. — С. 106–108.

7. Не следует игнорировать исторический контекст на Кавказе и тот факт, что «независимость» многих местных государств изначально носила весьма условный характер. Приведем лишь один малоизвестный, но характерный эпизод: в июле 1917 года в грузинской газете «Сакартвело» (№ 160) была напечатана сенсационная статья, обратившая на себя всеобщее внимание. В этой статье был приведен доклад германского товарища министра иностранных дел, который считает целью этой войны — «освобождение» от «тисков России», так как в случае даже поражения, она может снова встать на ноги. «Необходимо сделать над ней операцию». Необходимо, чтобы народы, живущие между Германией и Россией, и Россией и Турцией и Персией, получили свободу и заключили союз с Германией. Россия должна быть отрезана от Балтийского и Черного морей. Ее должна окружить стальная стена новых государств. На Западе необходимы самостоятельная Польша, Финляндия и Украина... Украина должна быть до Северного Кавказа, мусульманское Закавказье будет составлять провинцию Турции, а Грузия будет автономией, но под протекторатом Турции²¹⁰.

Непосредственно перед провозглашением грузинской независимости, 15 мая 1918 года в порту Поты с германских кораблей высадились солдаты кайзера Вильгельма II. 10 июня они вошли в Тифлис, к 15 июня там было уже около 5 тыс. немецких военнослужащих. Германские гарнизоны разместились в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и в других населенных пунктах. В Поты дислоцировались кайзеровские войска (свыше 10 тыс. человек) с артиллерией.

Оккупанты взяли под контроль почту, телеграф, банки, военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы. По договорам с правительством Грузии от 12 июля рейх получал в эксплуатацию Чиа-турские марганцевые рудники на 30 лет, порт Поты — на 60 лет, железную дорогу Шорапан — Чиатура — Сачхере — на 40 лет.

С мая по сентябрь 1918 года немцы вывезли из «независимой» страны на 30 млн. марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и другой продукции, в том числе 31 тонну марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур.

Затем немцы ушли, и правители Грузии сменили покровителей: теперь они находились под защитой не германских штыков, а британских...²¹¹

Как видим, конкретные игроки меняются (вчера это могут быть кайзеровская Германия и Турция младотурок, сегодня — США и Великобритания, направляющие армаду к берегам Черного моря), а планы по окружению и расчленению России остаются неизменными — как и планы использования грузинской территории для этих целей.

* * *

С учетом всех этих факторов и тенденций, можно сделать вполне определенный вывод: *если бы Абхазия и Южная Осетия не были официально признаны в качестве независимых государств — политико-дипломатическое поражение России стало бы очевидным.*

²¹⁰ Цит. по: Чалхушьян Гр. Красная книга. — Ростов-на-Дону, 1919.

²¹¹ Широкоград А. Истоки незатухающего конфликта. Что пытаются отрицать грузинские националисты // Независимое Военное Обозрение. 28 августа 2008 г.

«Шесть принципов», на предвзятое толкование и тихое переписывание которых у Тбилиси и его покровителей ушло немало времени и сил, не стали для России новым «Дейтоном», к которому всеми силами стремились западные дипломаты и политики. Суть виртуозно разыгрываемой комбинации была незамысловатой: путем «дипломатического вальса» предоставить Дмитрию Медведеву роль Слободана Милошевича — то есть роль гаранта «сдачи» югоосетин и абхазов под власть Тбилиси²¹² (пусть не такой скорой, как в Боснии, а растянутой по времени). Москва не попала столь усердно расставленную западню — это стало совершенно очевидно 26 августа, когда Южная Осетия и Абхазия были официально признаны Россией.

«План Медведева–Саркози в Москве и в Брюсселе понимают по-разному. — прямо пишут авторы «Независимого военного обозрения». — Представители стран, входящих в Североатлантический альянс, пытаются истолковать договоренности, достигнутые президентами Франции и России, как односторонние уступки Кремля. Они, в частности, считают, что наблюдатели от ОБСЕ должны контролировать территорию не только по периметру границ между Грузией и Южной Абхазией, как было записано в соглашении из шести пунктов, а потом и подтверждено в дополнительных договоренностях, а на всех землях, которые когда-то входили в состав Грузинской ССР. Но после 8 августа это стало невозможным в принципе. Договариваться о посещениях Сухума и Цхинвала наблюдателям ОБСЕ теперь придется не с российским руководством, а с руководством Абхазии и Южной Осетии как с суверенными странами»²¹³.

Генеральный Секретарь НАТО Схеффер заявлял, что «план Медведева Саркози» не предусматривал признания независимости Абхазии и Южной Осетии и ввода армейских частей России в эти регионы и так далее. Комментируя эти высказывания, бывший посол Грузии при НАТО Зураб Абашидзе отмечает, что «Россия перевела все это в совсем другое правовое измерение, соответственно, наши отношения с этими регионами рассматриваются ими в совсем другом пространстве. По всем вопросам, которые будут возникать относительно Абхазии и Южной Осетии, русские будут нам говорить: „Мы уже не медиаторы, эти регионы — независимые государства, и говорите с ними“...»²¹⁴ Иными словами, интерпретация господина Схеффера (или кого-либо еще) не являются больше «категорическим императивом», определяющим политико-правовые реалии.

Нет сомнений, что в Брюсселе и Вашингтоне будут и дальше использовать все возможные дипломатические и пропагандистские уловки, вплоть до прямой лжи, чтобы превратить военную победу российской армии на Кавказе в дипломатическое поражение. Действия Николая Саркози после брюссельского саммита ЕС со всей очевидностью свидетельствуют именно об этом. Целью визита представителей ЕС в Москву 8 сентября, равно как и их последующих шагов, являются попытки обеспечить широкомасштабное выгодный себе и ущербный для России формат урегулирования кризиса на Кавказе под предлогом «неукоснительного соблюдения шести принципов» (которые Москва и так соблюдает, в отличие от Саакашвили). Подобная политика

---

²¹² Быков П., Силаев Н. Указ. работа.

²¹³ Терехов А., Литовкин В. НАТО забуксовала // Независимое Военное Обозрение. 2008. 26 сентября.

²¹⁴ Зураб Абашидзе — Соккрытие правды по соображениям единства не принесет нам ничего хорошего [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svobodnaya-gruzia.com/interview/?p=71-72/01>

значительно ограничивает пространство для конструктивного партнерства с ЕС в политической сфере, делая приоритетом внешнеполитической линии Москвы на европейском направлении развитие отношений с отдельными членами ЕС на двусторонней основе. Что касается направления очередных миссий ОБСЕ в Абхазию и Южную Осетию, то правительства этих независимых государств примут решение по этому вопросу, исходя из совокупности всей имеющейся информации.

Конкретные механизмы интернационализации конфликта были представлены, в частности, в докладе Международной кризисной группы от 22 августа, в котором содержались следующие детально проработанные рекомендации (выделения курсивом наши. — *Авт.*):

«...Государствам — членам Совета Безопасности ООН:

8. Незамедлительно обсудить резолюцию, которая:
  - (a) Подтверждает и приветствует перемирие, подписанное 15–16 августа 2008 г. и обращает внимание на проблемы обеспечения территориальной целостности Грузии, подтверждая, что *оно не имеет правовых последствий для ситуации в рассматриваемом регионе на 7 августа 2008 г.*;
  - (b) Приветствует отправку временных наблюдателей для контроля за соблюдением перемирия;
  - (c) Уполномочивает предварительно на один год формирование и деятельность миротворческой миссии, которая могла бы стать, в зависимости от того, что практичнее и быстрее, либо обычной миссией ООН, либо миссией другого надлежющего международного института, такого, как ОБСЕ, и командование военными операциями которой осуществлялось бы старшим военным представителем страны, расположенной за пределами данного региона, а руководство политическим процессом — высокопоставленным дипломатом, также представителем страны, расположенной за пределами данного региона. *Российское участие в этой миссии должно быть интегрировано в структуру международного командования и не представлять самостоятельной силы внутри миротворческого контингента.* Мандат этой миссии должен позволить:
    - i. Обеспечить соблюдение перемирия, подписанного 15–16 августа 2008 г.;
    - ii. Предложить такую помощь, которая была бы сочтена полезной де-факто властями Южной Осетии и Абхазии для развития их институтов; и
    - iii. Способствовать развитию связей между грузинским правительством, грузинскими институтами и гражданами и де-факто властями Южной Осетии и Абхазии, их институтами и гражданами; и
  - (d) Назначает проведение конференции, на который заинтересованные стороны при содействии ООН, а также заинтересованных соседних государств и таких международных организаций, как ОБСЕ и ЕС, могли бы срочно изучить практические меры по улучшению гуманитарной и экономической ситуации, а также возможность более далеко идущих политических мер по обеспечению, в конечном итоге, решения основных проблем, приведших к конфликту между Грузией, Южной Осетией и Абхазией, включая проблему статуса.
9. Запросить Генерального секретаря, чтобы после консультации со всеми сторонами конфликта и соответствующими международными организациями, такими как ОБСЕ, создать независимую группу для проведения *тщательного расследования августовских событий в Южной Осетии и Абхазии, а также других частях Грузии,*

в которых российские вооруженные силы установили свое временное присутствие. Цель расследования должна заключаться в составлении точного и полного отчета о произошедшем, с целью обеспечения примирения и создания в будущем условий для наказания виновных в жестоких преступлениях.

Европейскому союзу и его государствам — членам: (...)

11. Незамедлительно направить временных наблюдателей для контроля за соблюдением перемирия в качестве составной части миссии ОБСЕ, усилить аппарат Специального Представителя Европейского союза (СПЕС) и Группы поддержки пограничных войск (BST) и принять необходимые меры для направления группы Европейской политики по вопросам безопасности и обороны (ESDP) для оказания помощи миротворческой миссии, уполномоченной Советом Безопасности ООН.

НАТО и его государствам — членам:

12. Воздержаться от предоставления Грузии ПДЧ или членства в НАТО *до тех пор, пока не закончится настоящий кризис.* Рассмотреть другие возможные средства удовлетворения законной обеспокоенности Грузии в сфере безопасности, приостановив всякое продвижение ее заявления о вступлении в НАТО.

Европейскому Союзу и государствам — членам НАТО:

13. Уведомить Россию на самом высоком уровне, что, если она будет сотрудничать в осуществлении и поддержании перемирия, подписанного 15–16 августа 2008 г. и ведении переговоров и осуществлении резолюции Совета Безопасности ООН, описанной выше, то они готовы рассмотреть *общие интересы в сфере безопасности по широкому диапазону глобальных проблем, включая возможные способы уменьшения разногласий по вопросу отношений Грузии и НАТО*, оценить полезность проведения конференции по разработке нового инструмента по различным аспектам обеспечения европейской безопасности, к чему проявляет интерес Россия, и углублять диалог и сотрудничество в других сферах.
14. Уведомить Россию на самом высоком уровне, что, если она не будет сотрудничать в осуществлении и поддержании перемирия, подписанного 15–16 августа 2008 г. и ведении переговоров и осуществлении резолюции Совета Безопасности, описанной выше, они будут готовы соответствующим образом пересмотреть свои отношения, включая:
  - (a) Приостановку дальнейшего рассмотрения членства России во Всемирной Торговой Организации (ВТО) и ее участие в работе «большой восьмёрки»; и
  - (b) Запрос через национальные комитеты Международный Олимпийский Комитет (МОК) гарантий от России того, что *к 1 января 2009 г. в Абхазии будет размещено соответствующее международное присутствие*, с тем, чтобы можно было быть уверенным в том, что Зимние Игры 2014 г. будут подготовлены надлежащим образом и благополучно проведены, и что нет никакой необходимости в пересмотре решения о предоставлении права на проведение этих Игр Сочи (...)²¹⁵.

Заметим, что хотя этот документ был опубликован за несколько дней до заявления Президента России о признании Южной Осетии и Абхазии, похоже, что он верно определяет ключевые направления деятельности западной дипломатии по «грузинскому»

---

²¹⁵ Россия против Грузии: последствия. Доклад Крайсис Груп № 195 Европа 22 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5636&l=3>

направлению. Здесь и стремление восстановить статус-кво, и лишение России самостоятельной роли в проектируемом «международном миротворческом контингенте», и «независимое расследование преступлений», и попытки использовать уже решенный вопрос о вступлении Грузии в НАТО в качестве «дохлой кошки» в торге с Москвой, и недвусмысленные намеки на срыв Олимпиады-2014. Мнение МКГ о том, что «обеспечение территориальной целостности Грузии... не имеет правовых последствий для ситуации в рассматриваемом регионе на 7 августа 2008 г.» кардинально разошлось с позицией Москвы, так как в Тбилиси предпочли обеспечивать свою «территориальную целостность» путем геноцида в нарушение всех норм международного права.

В целом доклад МКГ содержит характерные для западного политического лексикона пассажи (например, о «безудержных репрессалиях югоосетинских сепаратистов против этнических грузин» или о действиях России, которые якобы «явно выходят за пределы допустимого») и однозначно свидетельствует о симпатиях этой претендующей на «беспристрастность» влиятельной организации.

6 октября вице-президент международной группы по предупреждению конфликтов *International Crisis Group*²¹⁶ Алан Делетроз дал развернутое интервью газете «Время Новостей»²¹⁷. На наш взгляд, этот документ заслуживает того, чтобы быть представленным в нашем выступлении полностью, с минимальными комментариями.

- *Как вы оцениваете итоги обсуждения грузинской ситуации на минувшей сессии ПАСЕ?*
- ПАСЕ — это важная символическая организация. Но я считаю, что основные вопросы будут решаться на встрече по Грузии в Женеве с 15 октября. То, что там произойдет, очень важно для вопросов безопасности Южного Кавказа и для дальнейшего развития отношений между Россией и Евросоюзом.
- *Какой там будет формат?*
- Пока никто точно не знает. Сейчас я закончил трехдневные консультации в Москве, в основном в МИД РФ. Через несколько дней я буду говорить об этом с французами, и надеюсь, что они как двигатель всего этого процесса в данный момент могут иметь какие-то более точные представления. Я считаю, что центральным там будет подход Российской Федерации. Если Россия приедет в Женеву с конструктивным предложением о создании некоего международного механизма урегулирования конфликта в Грузии, тогда отношения будут идти по одному пути. Если она придет только с твердой позицией, что все уже решено и вопрос об этом регионе больше не стоит, что Россия урегулирует все сама и спасибо вам за ваших 200 наблюдателей от Евросоюза, которые патрулируют буферную зону, и все, — тогда, я боюсь, охлаждение отношений может продолжаться еще несколько лет.
- *В чем может выражаться такое охлаждение отношений? В этом контексте принято вспоминать об энергозависимости Евросоюза от России.*
- Но возникает и вопрос, откуда поступает валюта в российский бюджет. Это именно взаимная зависимость. Россия очень сильно зависит от хорошего клиента, который без колебания платит хорошей валютой. Об этом забывают и в России,

²¹⁶ Подробнее см.: Арешев А. Чьи интересы выражает Международная Кризисная группа? // Нагорный Карабах в региональной и мировой политике. — М. — 2006. — С. 84–102.

²¹⁷ «Россия имела правовое основание отреагировать и разобраться» // Время Новостей. 2008. 6 окт.

и у нас тоже: в Европе разговор идет больше о том, насколько Евросоюз зависит от энергетики России, чем о том, насколько Россия зависит от ежемесячных платежей за поставки. Пока, даже если есть большие потенциальные клиенты вокруг границ, как Китай, например, то другого такого клиента, с которым Россию уже связывает инфраструктура и который платит ежемесячно, нет.

- *Но какой может быть конструктивный разговор между двумя сторонами, каждая из которых имеет свои принципиальные представления о ситуации? Россия признает независимость Абхазии и Южной Осетии, а Евросоюз независимости не признает. Как может быть выработан компромисс между этими позициями?*
- Я думаю, что если разговор пойдет о статусе Абхазии и Южной Осетии, тогда тупик наступит в первые же минуты переговоров. Начинать надо разговаривать о конкретной проблематике, которая там есть. Например, о возвращении беженцев и перемещенных лиц. В России, например, есть тенденция сравнивать эту ситуацию с Косово. Но в Косово тратится огромное количество человеческих, солдатских и денежных ресурсов НАТО, Евросоюза и ООН, чтобы сохранить сербов в этих анклавах. (sic! — Авт.) А в Южной Осетии не осталось ни одного живого грузина.
- *Все-таки насколько можно понять из отчетов в том числе неправительственных независимых наблюдателей, не все так тотально грустно: часть грузин в селах, которые не были затронуты конфликтом и в которых не было конфликтогенных постов, осталась. Хотя исход, конечно, был большой. Вы, говоря о беженцах, имеете в виду лишь грузин из сел в Южной Осетии или и тех, которые вынуждены были покинуть свои дома в Абхазии в 1993 году?*
- Всех, конечно. Прежде всего, я говорю о беженцах. Наша группа еще никогда не говорила о том, что надо признать независимость этих двух республик, поэтому беженец согласно международно-правовому определению, это лицо, оказавшееся за пределами Грузии. Это те грузины, осетины и абхазцы, которые живут за пределами Грузии, в основном в России. Всех остальных я называю внутренними перемещенными лицами. Но говорить необходимо об обеих категориях. Это огромные проблемы. У осетин, которые в начале 1990-х годов уехали из внутренних районов Грузии, есть колоссальные проблемы с восстановлением прав собственности. То же касается грузин из Абхазии и Южной Осетии. Если Россия и Евросоюз хотят выйти из этого плохого для всех положения, они должны искать решение этих проблем вместе. Отношения между ЕС и Россией отличаются от отношений США и России. Мы живем на одном континенте, и все это для нас всех очень близко. И если есть воля строить новые отношения, надо говорить о конкретных механизмах решения конкретных проблем, существующих в данном регионе.
- *Не касаясь статуса?*
- Вопрос статуса надо отложить на более позднее время (sic! — Авт.) Нам всем понятно, что Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Но моя позиция в следующем. В регионах конфликтов были провокации, а они случаются каждое лето, это не секрет. Это происходит не только в Грузии. В Нагорном Карабахе каждое лето ситуация тоже обостряется, и там только шесть международных наблюдателей на длинной линии фронта. Разбираться, кто начинал, кто нет, сложно, как всегда в таких конфликтах. Но есть один момент: реакция грузинского правительства 7–8 августа была непропорциональной. И Россия со своими миротворческими

силами в Южной Осетии имела полностью правовое основание отреагировать и разобраться. Нам трудно понять, почему Россия не дала кулаком по носу прямо и сразу, но в пределах существовавшей административной границы Южной Осетии, и не дальше. И потом не созвала, к примеру, специальное заседание Совета Безопасности или совета ОБСЕ, чтобы сразу начинать международный процесс. Тот факт, что Россия среагировала за пределами зон конфликтов, до города Поти и Сенаки в Западной Грузии и до Гори в районе Южной Осетии, что она создала эти буферные зоны, заставляет нас говорить, что и реакция России была также непропорциональна. (sic! — *Авт.*) И потом решение о признании независимости этих двух республик в одностороннем порядке, без всякого международного процесса — это тоже момент, который для всех в ЕС очень трудно понять. И для некоторых членов ЕС, особенно для бывших членов соцлагеря, это очень пугающий момент. Они очень сильно нервничают. Они говорят о безопасности в Европе, о миссии НАТО. Это важнейшая дискуссия — о миссии и формате НАТО в XXI веке. К сожалению, из-за непропорциональной реакции России в Грузии я боюсь, что наш голос в Европе в данный момент не будет услышан...

- *Ваш голос в пользу пересмотра формата миссии НАТО в сторону гражданского и гуманитарного, а не военного сотрудничества?*
- Да. И вопрос расширения встал бы тогда не до границ России, а вместе с Россией. Все-таки мы живем в достаточно хаотическом мире, в котором есть смысл держаться вместе.
- *Да, но тема расширения НАТО с включением России была, кажется, похоронена уже несколько лет назад...*
- Но тогда что делать сейчас? Россия устами президента и премьер-министра говорит сейчас, что она не хочет расширения НАТО до своих границ. А на Западе люди спрашивают: зачем нам включать Россию в НАТО и давать ей право вето во внутренних делах НАТО? Это два видения мира, и в каждом из них есть своя правда. Но есть ли смысл наращивать конфронтацию между нами? Или лучше начать другую дискуссию: какой тип безопасности мы хотим на этом континенте. И, кстати, ваш президент Дмитрий Медведев уже два раза декларировал публично, что надо начинать дискуссию об этом. И ваш министр иностранных дел Сергей Лавров также говорил об этом.
- *Вам не кажется, что после грузинской ситуации довольно сложно представить себе, чтобы эта дискуссия была конструктивной?*
- Она может быть конструктивной. Да, в данный момент уровень доверия к руководству России в Европе очень низкий. Почти такой же низкий и, возможно, даже ниже, чем к администрации Буша в 2003–2004 годах. И поэтому вы можете поступить, как Буш поступил тогда: сказать, что мы сами большие и сильные, нам наплевать, если эти маленькие европейцы не доверяют нам. Но посмотрите, как это было неудачно для Буша в Ираке: вдруг оказалось, что он стоит там один со своей силой и союзниками на уровне, как у вас Никарагуа, а у них, может быть, чуть побольше: Аргентина все-таки выслала туда какой-то корабль. Сейчас момент, когда Россия еще может сказать: хорошо, для нас трудно принимать то, что вы сделали с Косово. Для Европы было неприятно смотреть, что Россия сделала в Грузии. Но давайте искать конструктив.

- *Сложно найти конструктивное решение в таких условиях, особенно если учесть, что одним из основных мотивов решения России о вмешательстве в ситуацию в Грузии было то, что Грузия шла в НАТО. И Россия решила, что в такой ситуации ей нужны эти площадки в Южной Осетии и Абхазии, где она сможет иметь свое военное присутствие.*
- Я боюсь, что это не так. У вас в мире есть очень хорошие посольства. И Россия прекрасно понимает дебаты, идущие внутри НАТО по поводу членства Грузии и Украины. Да, Буш действительно хотел бы, чтобы двери НАТО были для них открыты. Но большинство серьезных членов НАТО, тех, которые готовы, когда нужно, положить на поле боя солдат и оборудование, а не тех, у которых во всей армии 10 тыс. солдат (я не говорю только о новых членах, есть и старые члены такого типа), тех, которые могут послать корабли, самолеты, вертолеты и солдат, имеют другую точку зрения на этот вопрос. И мы все понимаем, что Буш — это человек, который будет у власти еще несколько недель. Так что его мнение, конечно, важно, но оно не определяющее.
- *Но поведение России в Грузии изменило и позиции некоторых ее традиционных партнеров в Европе — например, Германии. Между старыми членами НАТО тоже появились разногласия.*
- Но не по поводу вступления Грузии. Действительно в Германии есть в данный момент очень серьезные вопросы к поведению России. Но и пресса, и общественное мнение в Германии с достаточным пониманием относится к российской стороне. У России очень велик капитал доверия к себе среди немецкого общественного мнения из-за одного простого факта: Россия великодушно ушла из ГДР после «холодной войны». Да, в Германии есть вопросы относительно поведения России на Кавказе, но не только. Есть и вопросы относительно поведения России в контактной группе по Косово. Это другая сторона вопроса. В контактной группе по Косово шел очень долгий переговорный процесс, который по просьбе России был даже продлен на шесть месяцев. В конце концов Россия оказалась единственной из шести стран группы, которая не согласилась на поддержку независимости. Она серьезно тормозила процесс. Был заблокирован вопрос передачи миссии в Косово от ООН к Евросоюзу. Зачем это блокировать, если ООН не хватает денег на миссии в других регионах земного шара, а ЕС готов платить собственными деньгами? Существует мнение, что Россия считает неприкосновенным международное право и включенный в него принцип территориальной целостности государств. Это можно понять: Россия — федерация с разными сложными автономиями. Но на Западе есть подозрение, что Россия так поступила по Косово не потому, что она была озабочена международным правом, а потому, что вела стратегическую игру, мешая решить этот конфликт в середине Европы.
- *А вам не кажется, что Россия была достаточно последовательна? Ведь публично сомнения в территориальной целостности Грузии, которой де-факто нет уже более 15 лет, зазвучали в России только после того, как группа стран признала независимость Косово в феврале этого года.*
- Да, но в Евросоюзе сейчас все снова вспомнили тот факт, что в 2006 году по кулуарам Совбеза ООН в Нью-Йорке ходил черновик резолюции по Косово, в ко-

тором было написано предельно ясно, что это не будет прецедентом для других регионов мира. (sic! — *Авт.*) И это закрыло бы правовую сторону претензий других регионов. Но Россия заблокировала его принятие.

- *Это было бы сложно объяснить жителям этих регионов: вопрос «почему нам нельзя то, что можно Косово?» возник бы неизбежно.*
- Можно было бы объяснить. 22 из 27 стран Евросоюза смогли объяснить своему общественному мнению, почему они это сделали именно в Косово, а не в Сомали или Чечне. Была возможность объяснить, почему Косово — уникальный случай. И тот факт, что Россия не дала включить эту фразу в резолюцию, уже тогда заставил многих думать о том, что Россия хочет сделать потом в Закавказье. Поэтому я возвращаюсь к тому, с чего начал: разбираться, кто прав, а кто нет, важно, но, с моей точки зрения, это не центральный вопрос. Центральный вопрос — как строить новые отношения. А это возможно только в том случае, если уровень доверия друг другу чуть-чуть поднимется. Я считаю, что России было бы выгодно поехать в Женеву 15 октября с неким набором конструктивных предложений, которые никак не будут угрожать ее позициям в Абхазии и Южной Осетии, но покажут по крайней мере что она озабочена и судьбой других людей, которые пострадали от этого конфликта, а не только судьбой осетин и абхазцев. И тогда, я думаю, европейцы готовы будут идти навстречу.
- *Для России очень важно присутствие на этой встрече в Женеве представителей Южной Осетии и Абхазии. Как к этому относятся в Европе?*
- Настороженно, поскольку Россия признала независимость, это сразу же поднимет вопрос о статусе. И о словах, которыми будут пользоваться. Я, например, считаю, что представители республик там должны быть. И что ЕС должен продолжать и усилить свои отношения с этими республиками. Не надо забывать о том, как шел демократический процесс в последние годы, особенно в Абхазии. Действительно последние президентские выборы в Абхазии в 2004–2005 годах показали реальную политическую кампанию, и выиграл ее не тот кандидат, которого ожидала Москва. Но я считаю, что здесь опять первым вопросом будет вопрос конструктива. Если Москва будет настаивать, чтобы их принимали как президентов и чтобы они подписывали все бумаги как президенты независимых стран, тогда отношение ЕС будет, конечно, отрицательным. Но дипломаты и у нас и у вас достаточно опытные люди, чтобы придумать формулировки и формы участия, которые понятны всем и для всех приемлемы. И это будет первый момент, которым Россия может доказать свою волю к конструктиву или наоборот. Факт, что изолировать республики нельзя. Наша группа придерживается точки зрения, что новый пакет помощи Евросоюза Грузии обязательно должен включить Абхазию и Южную Осетию, даже если Саакашвили и недоволен этим. Это не он решает, куда ЕС дает свои деньги.
- *Как вы оцениваете в целом итог российского вмешательства в ситуацию вокруг Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года?*
- Если честно, военное вмешательство России для меня не было большой неожиданностью. Чего нельзя сказать о скорости принятия решения о независимости. Я считал, что для России это решение достаточно опасно при наличии той ситуации, которая есть у нее на Северном Кавказе.

- *А вам не кажется, что после военного вмешательства это было уже неизбежно?*
- Нет, я считаю, наоборот, что до признания эта ситуация оставалась очень сильной картой в руках российской дипломатии. Но сейчас эта карта сыграна, и сыграна неудачно. Смотрите, кто признал Абхазию и Южную Осетию вместе с Россией— Никарагуа и Сомали (сообщение о признании Южной Осетии и Абхазии таким «государством», как Сомали было, скорее всего, сознательной дезинформацией. — *Авт.*). Может быть, если бы Ким Чен Ир не заболел, признала бы еще Северная Корея. Но даже Белоруссия колеблется, даже ближайšie соседи и партнеры по СНГ, ОДКБ и ШОС воздерживаются от признания. Видели декларацию ШОС? Президент Медведев сказал, что в кулуарах саммита ШОС он нашел большую поддержку, и я готов ему поверить. Но если в резолюции я читаю единственную фразу, что они обеспокоены ситуацией в Грузии, то кулуары не имеют значения. Да, возможно, все сделанное было хорошо для укрепления популярности президента Медведева. Но в контексте международных отношений это все-таки выглядит как дипломатическое поражение России.
- *Что это может означать для Северного Кавказа?*
- То, что может произойти — разные автономии в РФ могут начать задавать вопрос: «Почему можно Абхазии и Южной Осетии и нельзя нам?» (sic! — *Авт.*) В некоторых регионах Северного Кавказа ситуация достаточно нестабильная, например, в Ингушетии. И если вопрос самоопределения возникнет, трудно прогнозировать, как среагируют на это соседние страны того же Южного Кавказа. Они очень недовольны сложившейся ситуацией, и во власти там могут появиться не самые ответственные люди. Как они будут реагировать, если на Северном Кавказе сложится ситуация, аналогичная чеченской в середине 1990-х годов? Конечно, не дай бог, чтобы это повторилось.
- *Какое будущее у позиций России на Южном Кавказе?*
- Все зависит от того, как вы смотрите на ваши отношения с соседями. Можно процитировать высказывание Билла Клинтона: «Мы, США, сейчас такая держава, что нам надо решать: можем ли мы поступать таким образом, чтобы через 20 лет, когда мы уже не будем такой державой, мы будем спокойно жить в этом мире, потому что все будут уважать нас за то, как мы вели себя, когда были сверхдержавой. Или мы сейчас делаем так, чтобы никто нас не догнал». Вопрос о Южном Кавказе для России сейчас примерно такой же. По силам и политическому влиянию Россия сейчас там в довольно сильной позиции. Но эта позиция, к сожалению, во многом опирается на страх этих маленьких стран, особенно после того, что произошло в Грузии. И мы уже видим, как меняется позиция Азербайджана. Россия должна задать себе этот клинтоновский вопрос. Хочет ли она выстраивать свои отношения с Южным Кавказом только на основе голой силы, или они будут строиться на основе взаимного доверия, понимания и уважения.

Постконфликтная реконструкция кавказского макрорегиона в контексте обеспечения общественной безопасности после 08.08.2008 года

С. Ю. Иванова

После военных операций 8 августа 2008 г. в научных кругах и экспертном обществе активно разворачивается дискуссия по поводу оценки событий и поиску путей преодоления кризиса не только в регионе, но и в международных отношениях в целом. При всех различиях в терминологии важно другое, что Кавказ выделился в особую геополитическую целостность и рассматривается в качестве региональной подсистемы международных отношений. Геополитический регион превратился в узел напряжений всемирного целого, в точку пересечения интересов внерегиональных акторов.

Значение и специфика этой зоны мира состоит в следующем: в условиях постбиполярного мира данный регион стал зоной раздела «советского наследства», регион граничит с объединенной и все более расширяющейся на восток Европой и претерпевшей серьезную рецессию, но набирающей быстрыми темпами силу Россией, третья особенность состоит в непосредственной близости к богатейшей нефтяной провинции и зоне перманентной нестабильности — Ближнему и Среднему Востоку. В данном конкретном случае было в мире слишком много заинтересованных сторон, чтобы этот конфликт не перерос в войну.

Для успешного продвижения по пути урегулирования проблем на Южном Кавказе необходим конфликтологический анализ событий, произошедших в августе. Максимально полное знание обо всех участниках конфликта и его причинах является важнейшим условием эффективного воздействия на него. Сегодня налицо самостоятельная подсистема сложных и конфликтных отношений макро- и трансрегионального уровня. Этот конфликт следует рассматривать в геополитической парадигме, в которой этнические конфликты рассматриваются как неотъемлемая часть современной системы международных отношений, и, согласно этой точке зрения,

такие конфликты используются различными силами для изменения этой системы. Государства могут втянуться в конфликт за пределами их территорий с целью установления своего политического, экономического или военного присутствия в регионе. Это особо характерно для тех случаев, когда внешние акторы могут использовать конфликт в своих целях без значительного ущерба для себя. Вокруг современных этнических конфликтов нередко происходят масштабные геополитические игры, сами конфликты все чаще используются в качестве предлога для политического или военного вмешательства.

В соответствии с методологией Т. Гура и М. Брекера конфликт можно идентифицировать как международный этнический кризис. Международный этнический кризис отличается от неэтнических кризисов по ряду направлений, включая «пусковой механизм», ценности, роль насилия в управлении кризисом, степень вовлеченности крупнейших держав и мировых организаций, тип завершения кризиса, содержание и форму кризисных процессов. Набор затяжных конфликтов также является отличительной чертой международного этнического кризиса от неэтнического. Авторы предлагают ряд гипотез для характеристики международного кризиса с выраженным этническим компонентом: большая вероятность насилия в «пусковом механизме» кризиса; более высокие ставки в связи с этим, что угрозы воспринимаются на ценностном уровне; приоритетная роль насилия в управлении кризисом; политическая активность ведущих держав преобладает над военной; большая вовлеченность и большая эффективность мировых организаций; явная двусмысленность в выходах из кризиса, например то ли тупик, то ли компромисс; меньше формальных соглашений, символизирующих окончание кризиса.

Формирование затяжного конфликта между участниками кризиса усиливает все эти признаки, и дальнейшее развитие кризиса может протекать в трех формах: этнический кризис с затяжным конфликтом; этнический кризис за пределами затяжного конфликта и неэтнический кризис. Однако вопреки большой предрасположенности к насилию, этнический кризис имеет немного вероятности переселиться за границы непосредственно враждующих участников. Мировые державы заинтересованы в поддержании стабильности системы международных отношений, поэтому политический компонент их активности значительно превосходит военный.

В данном контексте нельзя оценивать действия Грузии как самодостаточные: важнейшим инициатором конфликта были США, которые переживают не лучшие времена в своей истории, к тому же положение осложняется предвыборной гонкой. США по причине переживаемого экономического кризиса уже не могут так эффективно использовать для прикрытия своего влияния так называемые миротворческие акции и гуманитарные интервенции, позволявшие им сохранять лицо в глазах мировой общественности.

Можно говорить о трансформации после стадии эскалации замороженного этнополитического конфликта в Грузии в глокальный конфликт макрорегионального масштаба, урегулирование которого невозможно без учета геополитической ситуации в мире, суть которой заключается в кризисе однополярного устройства и выходе на политическую арену «большой игры» новых участников.

Конфликт в Южной Осетии можно назвать глокальным, этот термин фиксирует реализацию в частном, локальном (в данном случае региональном) конфликте

глобальных проблем и противоречий. Объективный процесс образования наций и государств коснулся и СНГ. Вторжение Грузии в Южную Осетию — это звено в цепи развития ситуации в Закавказье, вся логика которых свидетельствует об очень большой вероятности именно такого развития событий. Начался кризис в однополярного мира и конфликт в Южной Осетии — один из элементов этого кризиса. Можно быть уверенным, что Америка не сдаст свою роль «главного игрока» без боя. Мир, в котором нефть стоила 12 долларов и в котором стоит 120 — это совершенно разные миры. В создание «демократической» Грузии были вложены огромные средства. И это на сегодняшний день единственный успешный проект США на Южном Кавказе.

Анализируя базу конфликта важно учитывать интересы не только формальных участников, но и всю конфигурацию геополитических интересов и притязаний по линии Балканы — Ближний Восток. Идет борьба между двумя проектами будущего макрорегиона — либо американский Ближний Восток, либо европейский проект расширения зоны геополитического влияния. В последние годы на мировой арене, и на Кавказе в том числе, все активнее заявляет о себе как самостоятельной геополитической силе Евросоюз. Его интересы и проекты не всегда совпадают с американскими. Известно, что потребление газа в Европе к 2020 году вырастет втрое, следовательно, Евросоюз не заинтересован в дестабилизации и фрагментации этой зоны, напротив, в целях реконструкции региона ими предпринимаются меры по ускоренному реформированию в ряде стран региона.

Постконфликтная реконструкция в регионе предполагает установление консенсуса между основными заинтересованными силами и самими участниками конфликта. Значение России в этом процессе трудно переоценить, хотя налицо тенденция западных держав, отрицать ее право на реализацию своих геополитических интересов в регионе, важнейшим из которых являются: создание «пояса стабильности» вдоль своих южных рубежей и выстраивание энергетического транзита в Европу поверх американской клиентелы. Значимость этих задач для России делает иллюзорными надежды на то, что она не будет проводить активной политики в макрорегионе. К тому же Кавказ связан с Россией историческими, экономическими, этническими корнями, важен для внешнеполитической и внутривнутриполитической стабильности. Это дополнительный ресурс российской внешней политики, но это не означает, что Россия воспользуется им как оружием.

История учит, что путь к войне очень короткий, путь же к миру сложный и длинный. Как бы не оценивали произошедшее в Южной Осетии, но война была, погибли люди. Россия и Грузия вопреки многовековой дружбе стали врагами. Теперь десятки лет и очень серьезные усилия потребуются для налаживания их отношений. Но работать нужно уже сейчас. Важно, чтобы отношения между правительствами не переносились в общественном сознании на народы. Как было отмечено выше, причины и условия вооруженного конфликта августа 2008 года имеют многоуровневый характер, следовательно, и попытки справиться с его последствиями тоже должны иметь многоуровневый характер.

Механизмы выхода из конфликта зависят от идентификации его участников. Поэтому ключевыми являются вопросы «Что делать?» и «Кто это будет делать?». Стабилизации и постконфликтной реконструкции в регионе может способствовать:

- развитие диверсифицированного международного сотрудничества в сфере экономики государств региона;
- соединение существующих вариантов регионального сотрудничества в мега-интеграционный проект «Черное море–Кавказ–Каспий», символизирующий отчасти сознательное, отчасти стихийное возрождение старого исторического маршрута культурно-духовных и экономических связей между народами Европы и Азии;
- преодоление отношений региональных государств и мировых держав по типу «патрон–клиент» с опорой на возросшие собственные ресурсы, проведение собственной относительно самостоятельной по отношению к глобальным центрам силы политики;
- отсутствие «стержневого» государства в регионе, с одной стороны, увеличивает вероятность борьбы за «субъектность» между государствами, организациями, династиями, а с другой, создает уникальную историческую возможность организации равноправного партнерства и политического сотрудничества, опровергающего стереотипы западных политиков по поводу того, что «потенциальная конфликтность глубоко укоренена в истории проживающих здесь народов, она вмонтирована в их судьбу» (Дж. Бертон);
- организация внеблоковой системы безопасности, в обеспечении которой участвовали бы действительно заинтересованные в мире региональные политические акторы, а не внерегиональные силы, рассматривающие регион или отдельные субрегиональные структуры как инструмент обеспечения своего геополитического влияния;
- оптимальным представляется такой сценарий развития, как создание в регионе наднациональной институции в сфере «высокой политики», то есть международной организации по проблемам безопасности, опирающейся на прочный фундамент ОЧЭС и присутствие в ней в том или ином виде ЕС, заинтересованного в стабильности в регионе, и России. Иными словами, речь идет о предпочтительности создания того, что политолог К. Дойч назвал «сообществом безопасности». Именно такой вариант развития событий отвечал бы нуждам и чаяниям народов, населяющих этот уникальный уголок земли. Хотя у элит, представляющих эти народы, зачастую противоположные взгляды и интересы. Поэтому на уровне общественной дипломатии необходимо сохранить и интенсифицировать личные контакты, особенно научной и творческой интеллигенции, конфессий, представленных в регионе. Важно накапливать потенциал сотрудничества, прежде всего в гуманитарной сфере;
- необходимо также восстановление характерного для культурно-исторической специфики региона статуса переговорного процесса как основного механизма урегулирования конфликтов, замененного после 90-х годов XX века «гуманитарными интервенциями» и «демократизаторскими бомбардировками».

Для усиления эффективности названных мер по постконфликтной реконструкции в регионе необходимо, чтобы они стали частью единой Концепции всех заинтересованных сторон, содержащей пути выхода из кризиса.

Черноморско-Каспийский регион после 08.08.08: старые и новые игроки на фоне постконфликтного пейзажа

В. В. Дегоев

Порой возникает шальное подозрение, что авантюра господина Саакашвили, которую так и подмывает окрестить «Уловка-888», застала врасплох всех, включая его ближайшее окружение. Выскажу еще более диковинное предположение — автор этой затеи сам от себя не ожидал такого феноменального, клинического разлада между фантазией и реальностью. Это достойно понимания и сострадания, когда речь идет о пациентах лечебного заведения специального профиля, которые сами не знают, что они выкинут в следующий момент. Но ведь в данном случае ...

Впрочем, с кем и с чем мы имеем дело в данном случае — тоже большой вопрос. Если Запад, во имя спасения Саакашвили от трибунала, будет искать и найдет ответ у светил психиатрии, то это нисколько не снимет ответственности с грузинского правящего и даже — шире — политического класса, в большинстве своем продемонстрировавшего либо открытое моральное сочувствие, либо тайное непротивление решению о массивном применении силы к Южной Осетии.

Для жертв этой трагедии уже совершенно неважно, на каком геополитическом фоне она разворачивалась. А вот тем, кто искренне скорбит о случившемся и полон решимости не допустить повторения подобного, стоит задуматься над общими и частными моментами в генезисе кровавых авантур такого рода.

* * *

После развала СССР число официальных и неофициальных субъектов международных отношений в Закавказье увеличилось с одного (Советский Союз) до шести (Грузия, Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия). Количество прикаспийских государств — с двух до пяти, причерноморских государств — с четырех до семи. Характер их взаимодействия друг с другом резко изменился. Это фундаментальное обстоятельство в сочетании с целым комплексом сложных внерегиональных факторов способствовало спонтанному умножению

элементов непредсказуемости в черноморско-каспийской ситуации вообще и в ее военно-политическом компоненте, в частности.

Данная тенденция получила новый тревожный импульс в связи с августовскими и последующими событиями 2008–2009 годов в Закавказье. Произошли существенные подвижки в региональном балансе сил, поставившие в повестку дня, наряду с различными сценариями расконсервации застарелых конфликтов, еще и проблему упреждения конфликтов новых, быть может, более опасных. Все они в той или иной мере касаются интересов стран-участников ОЧЭС.

Эта организация представляет собой во многом типичный продукт постбиополярного международно-политического и международно-экономического творчества. Она декларирует и по мере возможности пытается достичь оптимальной гармонизации интересов столь непохожих друг на друга субъектов региональной политики. Причем число членов ОЧЭС (13) в два раза превышает число государств (6), непосредственно граничащих с Черным морем. А если сюда прибавить наблюдателей (11 стран), то количественный состав организации вырастает до 24 — цифра не только огромная сама по себе, но и внушающая серьезные сомнения относительно реальной способности ОЧЭС вести эффективную работу в условиях такой скученности на ограниченном и неспокойном жизненном пространстве.

В этой работе, как утверждают эксперты, интегративная, конфликтоблокирующая, иначе говоря — стержневая, задача далека от решения. А когда нет результатов в столь принципиальном вопросе, то противоречия возникают и множатся самопроизвольно. Одна из острейших проблем — делимитация черноморской акватории — все теснее и опаснее сплетается с другой, связанной с дележом и эксплуатацией тамошних нефтеносных шельфов. Отсюда рукой подать до крупных конфликтов, в предвидении которых прибрежные государства ускоренными темпами осуществляют милитаризацию региона, активно привлекая третьи силы.

Дело усугубляется тем, что после августа 2008 года среди совладельцев черноморского бассейна де-юре появилось еще одно государство, контролирующее весьма протяженную береговую линию. Речь, понятно, идет о независимой Абхазии. Парадокс в том, что она, не будучи ни членом, ни наблюдателем ОЧЭС, имеет несравненно больше прав на то и на другое, чем, скажем, отнюдь не черноморские государства, входящие в основной состав ОЧЭС, не говоря уже о странах-наблюдателях, расположенных в тысячах километров от региона. Над этим обстоятельством теперь придется задуматься всем. Бесконечно игнорировать законные интересы и права Сухуми, вытекающие из независимого статуса нового черноморского государства, едва ли удастся. Стало быть, рано или поздно придется решать и эту проблему, хотя пока не известно, какой ценой.

Главными геополитическими игроками на черноморском пространстве, в силу естественного порядка вещей, останутся прибрежные государства. Но именно среди них сегодня обнажаются острейшие противоречия, которые неизбежно ведут к росту военной напряженности в ситуации, все более подходящей на запутанный клубок. (Что, кстати, подвергает любой экономический проект огромному риску, с одной стороны, и обрекает его на контрпродуктивную и во многом иррациональную политизацию, с другой.)

Все это напрямую затрагивает жизненно важные интересы государств, непосредственно образующих черноморско-кавказское пространство. Проблема серьезно

отягощается стремлением каждой страны отстоять свое во что бы то ни стало — стремлением, которым начинают опасно спекулировать внешние игроки, не имеющие никакого отношения к этому региону ни с географической, ни с исторической, ни с культурно-цивилизационной точек зрения. Они уже давно вмешиваются в региональные дела без всяких приглашений, хотя и в приглашениях — в частности от Украины и Грузии — недостатка не наблюдается.

По мнению осведомленных аналитиков, ЕС и НАТО уже стали ключевыми фигурами во все более рискованных черноморских ристалищах и готовы к решительному продвижению на восток под прикрытием международных программ, в названиях которых присутствуют с виду безобидные слова «партнерство», «соседство», «синергия» и т.д. Они мало о чем говорят, если не знать, что за ними таится. Впрочем, эти простые и конкретные вещи уже никто и не скрывает. Суть их такова: включить в военные, политические и экономические структуры Запада ту часть постсоветского пространства, которую Россия по-прежнему осмеливается причислить к сфере интересов своей безопасности. Речь — о черноморском регионе и его естественном продолжении в виде Закавказья и Каспия. А там неподалеку и Центральная Азия, правящие элиты которой, глядишь, тоже созреют до понимания всей серьезности угроз, исходящих от России, и объединятся с Западом в борьбе с возрождающейся «империей зла».

Там самым на геополитическом перекрестке, и без того тесном и беспокойном, искусственно создается сверхизбыточное нагромождение объектов и субъектов противоречий, неминуемо сопровождаемое накоплением отрицательной энергии. В лучшем случае она грозит тем, что собственно уже происходит — срывом крупных экономических проектов с участием кавказских и черноморских государств, а также исчезновением взаимовыгодных перспектив в области многосторонней интеграции. В худшем случае — стихийным или сознательным обострением конфронтационных тенденций, чреватых войной.

* * *

Эту ситуацию нельзя анализировать и прогнозировать вне контекста августовских событий в Закавказье и глобального экономического кризиса. Первый из этих факторов опасен тем, что Грузия может стать для России и мирового сообщества еще большей головной болью, чем она была. К сожалению, все относительно благополучные для себя сценарии Тбилиси истратил в бездумной борьбе с Россией. Осталось выбирать между плохим и очень плохим.

Одна из вполне реальных перспектив — полный развал Грузии, на предотвращение которого может не хватить ни западной помощи, ни объективной заинтересованности Москвы в нейтрализации деструктивных процессов вблизи российских границ. Второй вариант не многим лучше: заведомо суицидальное решение тбилисского руководства взять реванш за август 2008 года. При этом режим Саакашвили будет руководствоваться не расчетом на победу, а стремлением поставить на кон судьбу Грузии и свою собственную судьбу, чтобы лишить Запад и Россию какого-либо иного выбора, кроме лобового военного столкновения. Эдакое самозаклание, как последний, «геростратов» довод в надежде заставить других оплатить похороны грузинского проекта как можно дороже.

Учитывая психологические особенности личности Саакашвили, вполне вероятно, что перед уходом из истории (а, возможно, не только из нее) он захочет поставить на своей последней странице размашистую кровавую подпись.

Есть, наверное, и другие сценарии, но все они, скорее всего, будут вариациями вышеуказанных.

Глобальный кризис — фактор более масштабный, более сложный и более непредсказуемый. Если своим катастрофическим содержанием он сравняется с Великой депрессией или превзойдет ее, то можно ожидать, что и поиски выхода будут носить соответствующий характер — панический, чрезвычайный, беспощадный. Торжество принципа «спасайся, кто может и как может», в реальности означающего — «за счет других», чревато тоталитаризацией демократических обществ и появлением соблазна прибегнуть к испытанному средству оздоровления экономики — войне. Не обязательно мировой. Для начала почему бы не попробовать решить проблему с помощью серии региональных конфликтов, поддерживая уровень их интенсивности таким образом, чтобы, с одной стороны, не допустить неуправляемой эскалации, с другой, — обеспечить остывающие котлы западной экономики топливом и фронтом работы.

Беда, однако, в том, что даже самое искреннее желание исключить наихудшее отнюдь не страхует от непроизвольного запуска цепной реакции глобального воспламенения. Причем, до точки невозврата, как показала история, дело доходит гораздо быстрее, чем успевают это понять политики и народы. За месяц до начала Первой мировой войны европейские газеты писали о чем угодно, только не о том, что человечество находится в преддверии Армагеддона.

Августовские события и мировой финансовый кризис спровоцировали стремительную катализацию тех процессов на южном фланге СНГ, которые прежде удавалось удерживать в латентном состоянии. Благодаря этим процессам шансы черноморско-кавказского региона стать театром крупного военного конфликта существенно выросли. Наметившаяся конфигурация противостоящих сторон — Россия, поддерживающая Абхазию, и Украина, блокирующаяся с Грузией — уже сама по себе не сулит ничего хорошего.

Однако куда более опасную непредсказуемость вносит в ситуацию вполне предсказуемая реакция США и НАТО, которые ни при каких обстоятельствах не оставят дело без своего трепетного внимания. С этой точки зрения, еще не известно, что для России хуже — старая вашингтонская администрация с ее предсказуемой твердолобостью или новая, предлагающая разные варианты троянских «перезагрузок», которые повергли в гипнотическое умиление наших западников.

Совершенно наивно уповать на скорое ослабление США, на разброд и шатания в НАТО. Не факт, что Америка не найдет способа выйти из кризиса посвежевшей и окрепшей, как это в свое время удалось Западу, который в ответ на два нефтяных шока 1970-х годов продемонстрировал блестящую мобилизационную, интеллектуальную и поэтому ставшую спасительной реакцию, тем самым стратегически переиграв руководство СССР, соблазнившись абсолютно ошибочным выводом о «загнивании» капитализма. Кроме того, любой американский проект преодоления кризиса будет объективно ориентирован на создание для России максимального количества проблем. В том числе с помощью такого инструмента, как НАТО.

В этой связи не стоит забывать, что из 6 причерноморских государств 3 (Турция, Болгария, Румыния) являются членами Альянса, а 2 (Украина и Грузия) мечтают

ими стать. Количественно это значительно превышает тот коалиционный перевес, который имели противники России в период Крымской войны. Казалось бы, зачем вспоминать о том, что было полтора века назад? Однако почему-то вспоминают. И не какие-то второразрядные колумнисты-поденщики, а серьезные аналитики. К чему бы это? А к тому, что восточный кризис первой половины 50-х годов XIX в. показал: большие войны могут рождаться если и не из выведенного яйца, то, по крайней мере, очень странным образом. Сначала стихийно растет общая масса факторов, многие из которых кажутся малозначительными, случайными и не связанными между собой. Затем внутри этой массы возникает напряжение, и оно становится тем сильнее, чем больше появляется желающих ослабить его с максимальной для себя выгодой. И, наконец, вся эта «миротворческая деятельность» как-то неожиданно выливается в войну, озадачивающую современников и историков своей «незакономерностью».

Не то же ли самое (упаси Господи!), с типологической точки зрения, происходит сейчас в черноморском бассейне и в Закавказье? Если этим вопросом задаются многие эксперты, значит он того стоит?

Правда, сегодня не середина XIX века, когда у России не было нынешних аргументов против тех, кто задумывает победу над ней с последующим расчленением. Тем не менее, приятного мало, и будет совсем уж печально, если Москву вынудят прибегнуть к самым последним из этих аргументов. Но, быть может, главное в том, что поражения России, как продемонстрировала не только Крымская война, приводят совсем не к тем счастливым результатам, о которых грезят победители. Как бы и теперь славной коалиции мечтающих прижать Россию к стенке «не оборваться в задорном натиске своем».

* * *

В обстановке, подобной той, что сложилась сегодня на черноморско-кавказском пространстве, многое начинает зависеть от сильных региональных игроков, формально остающихся вне назревающей «блоковой» конфронтации. Речь в первую очередь идет о Турции — главном и, пожалуй, единственном претенденте на роль «честного маклера».

В августовских событиях 2008 года Анкара мгновенно уловила суть момента: Россия, разгромив Грузию и признав независимость ее бывших территорий, полностью изменила соотношение сил в Закавказье и сделала внушительную заявку на лидирующую роль в регионе. Поскольку Турцию это никак не устраивает, она спешно активизирует свои дипломатические усилия с тем, чтобы поделить с Россией плоды ее успеха с наибольшей для себя выгодой.

Во всяком случае, Анкара не собирается оставлять в руках Москвы ни «закавказский контрольный пакет», ни даже просто дипломатическую инициативу. Об этом говорят ее внешне любезные и благонамеренные, а по сути жесткие предложения о путях расконсервации карабахской проблемы с помощью целого комплекса сложных разменов фигур и перекрестных уступок. При этом очевидно, что Анкара стремится к максимализации собственного выигрыша и минимализации российского.

Рычаги давления и на Россию, и на государства Закавказья, и на Запад у Турции, безусловно, есть. Теоретически самый эффективный из них — угроза примкнуть к одному из противоборствующих региональных «блоков», каждый из которых, между

прочим, прекрасно отдает себе отчет в том, что значит иметь или не иметь в качестве союзника хозяйку Черноморских Проливов. Правда, действительна такая стратегия лишь до тех пор, пока Турция остается «над схваткой». Понимая это, она будет прибегать свой отказ от посреднического нейтралитета «на черный день», чтобы если уж продавать его, так подороже.

У США и НАТО нет желания видеть в качестве черноморского гегемона ни Турцию, ни, тем более, Россию. У Запада, имеющего свои козыри против обоих государств, собственная игра, в которой Анкаре отведена роль ведомого партнера и исполнителя, а Москве — роль основного противника.

Судя по всему, Вашингтон видит свою задачу на ближайшее будущее в том, чтобы в той или иной форме взять реванш за сокрушительное поражение своего закавказского сателлита. Причем такая политика уже приобретает комплексный характер. Частью ее является новая волна милитаризации Грузии, а также мощные финансовые субсидии на омовение ее августовских ран и на решение оргвопросов, связанных с передачей власти в Тбилиси другому ставленнику — более вменяемому и более расчетливому, чем Саакашвили, не оправдавший американских надежд.

Летом 2008 года Белый дом и режим Саакашвили обменялись жестами безграничного доверия друг к другу. Кондолиза Райс самым фактом своего визита в Тбилиси, даже если допустить отсутствие у нее дурных намерений, твердо убила грузинского президента в том, что ему дан карт-бланш. (Возможно, она недооценила всю опасность наделения политических недорослей свободой действий.) А в ответ господин Саакашвили доверил Соединенным Штатам расхлебывать последствия своей кровавой и безумной авантюры в Южной Осетии.

Еще при Дж. Буше вашингтонская администрация приняла пакет срочных мер по спасению своей ключевой точки опоры в Закавказье. Барак Обама был обречен стать заложником этого курса. Уж кому-кому, а американским глобально-политическим проектировщикам известно, как запускаются и срабатывают механизмы распада государств. Там, где это столь неожиданно легко и быстро произошло с СССР, какие могут быть основания для оптимизма в отношении целостности оставшейся территории Грузии?

У США есть все причины опасаться, что вслед за двумя упавшими в августе 2008 года костяшками грузинского имперского домино повалятся остальные, создав вполне реальную перспективу отлучения «больного человека» Закавказья от американской системы искусственного поддержания жизнедеятельности.

Пока же из Белого дома слышно одно: территориальная целостность Грузии — не тема для дискуссии. Можно, конечно, повторять это заклинание сколько угодно, веруя в то, что для закавказского союзника США худшее уже позади, и ничего подобного с ним больше не произойдет. Но современные реалии — не звери в цирке, которых заволаживает и укрощает взгляд, окрик или ласка дрессировщика. Эти реалии гораздо менее управляемы. У них есть собственная, плохо изученная нами логика, собственные варианты развития, точно вычислить которые невозможно, и определенный запас почти невероятных стечений неприятных случайностей. Причем, чем больше скапливается игроков на небезразмерном футбольном поле закавказской политики, тем меньше игрового рисунка, вместо которого только нарушения правил и стычки, перерастающие в массовые потасовки.

Вашингтон готов пойти на многое, чтобы не потерять Грузию, но, конечно же, не на все. Вопрос вопросов сейчас в том, где та черта, которую США не переступят. Этого они пока и сами не знают. И не могут знать, ибо их нынешняя стратегия в черноморско-каспийском регионе чревата опасностью увязнуть в чужих делах настолько глубоко, что выпутаться оттуда без потери лица окажется невозможным. А по опыту истории хорошо известно, чем оборачивается стремление спасти великодержавную репутацию любой ценой.

Многие западные СМИ через бесноватых журналистов и «аналитиков» пытаются оказать психологическое давление на лидеров Запада и прежде всего США, гневно упрекая их в «отъявленном пацифизме», в «трусливой приверженности тактике умиротворения» Кремля в августе 2008 года. Звучат призывы немедленно принять Грузию в НАТО, ибо в этой крошечной закавказской стране, оказывается, решается... судьба Европы, которой грозит участь превратиться в провинцию Российской империи, если Запад не консолидируется в своем более агрессивном отношении к России и не будет наращивать свои вооруженные силы, захват Грузии русскими — если позволить им это — неминуемо поощрит их к всемирной экспансии.

Поразительно, что для всей подобной чуши находится место на страницах западной прессы (включая, кстати, издания с символическими названиями, обзывающими к элементарной интеллектуальной и моральной ответственности, к примеру — *American Thinker*). И кто-то ведь все это читает и воспринимает всерьез! Еще полбеды, если это рядовой обыватель. А если это люди во власти?

Остается надеяться на здравый смысл политиков, хорошо понимающих разницу между безответственной болтовней псевдоэкспертов и ответственным поведением первых лиц государства, тщательно продумывающих каждый свой шаг, особенно в малоизведанном направлении.

Похоже, США будут стараться балансировать между напористостью и осторожностью. С одной стороны, появились тревожные признаки их намерения спровоцировать и профинансировать войну в Черном море и в Закавказье, в которой против России предполагается объединить Грузию и Украину. С другой, поведение Вашингтона пока позволяет надеяться, что прямого вмешательства он будет избегать. Это — утешение. Но надолго ли? Представляют ли себе США продолжение и, тем более, окончание сложной шахматной партии, затеваемой ими на фоне сегодняшних глобальных задач со многими неизвестными? Детонацию каких масштабов произведет эта война в закавказских и других государствах, перегруженных внутренними и внешними проблемами? Если Россия опять выйдет из устроенных для нее передраг полным триумфатором, найдется ли у Вашингтона достаточно трезвомыслия, чтобы смириться с этим и рационализировать свою стратегию на постсоветском пространстве?

* * *

Не менее сложные вопросы связаны с политикой ЕС в отношении черноморско-каспийского фланга вообще и Закавказья, в частности. Споры о том, существует ли такая политика или нет, кажется, закончились в пользу положительного ответа, хотя дебаты о ее характере, эффективности и перспективах будут продолжаться еще долго.

В какой практический результат трансформируется эта дискуссия и когда, сказать сложно. Но некоторые тенденции — при всей разногласии мнений политиков

и наблюдателей — налицо. После двух самых мощных волн расширения ЕС (2004 г., 2007 г.) логично было бы предположить, что брюссельские стратегии возьмут паузу, во-первых, для отдохновения от тяжелых интеграционных трудов, во-вторых, для тщательного анализа всех рисков, которые возникнут в случае дальнейшего продвижения на восток. Теперь ведь придется иметь дело с крайне чувствительной геополитической зоной и соответствующей реакцией России, которая уже не будет столь же терпимой, как в случае с предыдущими изменениями границ Евросоюза.

Однако паузы не последовало. Не только потому, что в коллективном евросоюзном разуме, обогащенном «творческими» идеями новоевропейцев, упрочились русофобские доминанты. Но и потому, что священный интеграционный принцип наднациональности стал инкубатором, в котором в режиме расширенного самовоспроизводства расплодилось гигантская бюрократия. Недавно она обзавелась своим официальным предводителем, сделав еще один, «конституционный» шаг к окончательному провозглашению себя самостоятельным субъектом мировой закулисы, живущей своими интересами, своими законами, своими планами. Эта армия чиновников, претендующая на статус надгосударства, должна постоянно что-то придумывать для оправдания собственного существования (между прочим, на деньги налогоплательщиков).

Вот она и придумала. И надо отдать ей должное: если это и не шедевр дипломатической изощренности, то уж точно не самая глупая штука из того, к чему в принципе могли бы склонить Брюссель наиболее «нежные друзья» России.

Сначала это была идея «общего соседства» (между Россией и ЕС). В сферу такого соседства попадали западная и юго-западная части постсоветского пространства. Подразумевалось, но широко не афишировалось, что там, под прикрытием различных программ сотрудничества с многоэтажными названиями, попросту развернется свободная конкуренция Брюсселя с Москвой в деле подготовки условий для превращения нашего ближнего зарубежья в восточный фланг объединенной Европы.

Затем выяснилось: для этого нужно слишком много времени и терпения, чего особенно не хватало младевропейцам. Появился концепт «восточного партнерства», и чем очевиднее становилась его геополитическая цель, тем больше возвышалась и учерявилась либеральная риторика, призванная показать, какой великий проект затевается «новыми европейцами», чья креативная энергия не чета косности и конформизму Старой Европы.

Про геополитику стараются говорить меньше и тише. Кто же из серьезных западных лидеров сегодня возьмет да и заявит в лоб, что восточной границей ЕС должно быть Каспийское море? Такие проекты требуют тишины и нудной методичности.

Толкуют преимущественно о высоких гуманистических идеалах — «дать нашим братьям и сестрам на окраинах Европы надежду» на избавление от «тирании», внутренней (местных авторитарных и коррумпированных правителей) и внешней (имперской России). К «братьям и сестрам» причислены, помимо других, Грузия, Азербайджан, Армения — на том основании, что «все это — европейские страны». Вот только не уточняется, в каком смысле — в смысле исторической принадлежности их к европейской цивилизации или в смысле наличия перспективы превращения их экономических, геополитических и остальных ресурсов в европейскую (читай — чужую) собственность.

Звучит также мысль о том, что только Запад с его миротворческим опытом (!) способен справиться с напряженной обстановкой в Закавказье, которую постоянно

нагнетает мечтающая о реванше Москва. Условия для стабилизации нужно создавать путем превращения региона в политически однородную среду, именуемую демократией, лидером в продвижении которой является Грузия. Никто при этом не удосуживается сообщить, в какой точке земного шара такой прием урегулирования этнополитических конфликтов сработал. Где то благословенное место под солнцем, которое явило бы человечеству образчик столь счастливого совпадения теории с жизнью?

Хотя в принципе такое место есть. Это — западные (да и многие наши) учебники по политологии. Там ясно сказано, что демократии между собой не воюют, и рекомендовано запомнить данную аксиому как «отче наш». Никакие сомнения на сей счет не принимаются, они приравнены к святотатству.

Между тем история XIX–XX веков изобилует событиями, не слишком поощряющими желание считать эту идею непререкаемым постулатом.

Ну ладно бы история. Но ведь и наше время выглядит не очень вдохновляюще в этом плане. Возможно, сегодня демократии друг с другом не воюют — по крайней мере, открыто и традиционно. Но что они делают с теми, кто по многим причинам скептически воспринимает «самую совершенную в мире социально-политическую и культурно-ценностную модель», хорошо известно по Югославии, Ираку, Афганистану (кто еще там на очереди?).

А уж о том, как обошлась с Южной Осетией в августе 2008 года «самая передовая демократия на постсоветском пространстве», и говорить трудно без содрогания.

* * *

Вообще в последнее время аналитические материалы о постсоветском пространстве, помещаемые в западных СМИ, не блещут, за редкими исключениями, утонченностью и разнообразием. Они не столько пишутся, сколько собираются, как *Lego*, по определенному «агитпроповскому ГОСТу». С первого абзаца статьи знаешь, чем она продолжится и как закончится. Манипуляция одними и теми же затертыми штампами, образами, модными словечками, ерническими приемами. И, конечно, обвинениями в адрес России, которая проклята историей и которую желательно навечно поместить в карантин, чтобы исходящее из нее моровое поветрие не заражало стерильно чистый окружающий мир.

Но даже на фоне этой неприятательной аналитики иные экспертные умозаключения и рекомендации выглядят совсем уж простецки. Не очень дисциплинированная и очень бестактная журналистская братия иногда выкладывает на стол карты, которые Брюссель и Вашингтон предпочли бы приберечь для более подходящего, частного случая. Вещи называются своими именами без всяких экивоков: геополитическую революцию, начавшуюся в 1991 году, нужно непременно довести до логического конца.

На сегодняшний день этот «логический конец» видится в превращении бывших советских республик (кроме среднеазиатских, пока) в часть евроатлантического полюса, если не с цивилизационной точки зрения, то, по крайней мере, с точки зрения военно-политической и экономической. На эту цель работают два параллельных процесса, связанных с расширением на восток НАТО и ЕС. Они органично дополняют друг друга, и чем очевиднее становится этот факт, тем тщательнее его стараются замаскировать.

Занятие сие — пустое, покуда существуют журналисты, не желающие хранить тайну полишинеля. Предаваться ему не стоит и прозападно ориентированным

представителям российских элит, хотя им, конечно, боязно признаться в том, что они ждут слияния этих двух процессов в один. И, не исключено, дождутся.

Не любят откровенничать об этом и западные лидеры. Они ведь не случайно возликовали от громыхания писаной торбы под названием «перезагрузка» и стали тиражировать ее в немислимых количествах. Видимо, не нашлось никакого более вразумительного термина, который красиво заместил бы понятия, гораздо точнее отражающие сущность западной стратегии — «поглощение бывшей советской периферии», «санитарный кордон», «новой издание холодной войны», «подавление возрожденческого потенциала России» и т.д.

У Вашингтона и Брюсселя есть все основания досадовать на тех «гамбургских» аналитиков, которые предлагают не тратиться зря на либеральную демагогию и, не обинуясь, заявить, что идея о продвижении лучших (то есть западных) образцов демократии туда, где их никогда не было и не будет, являлась химерой изначально, а сегодня последние запасы ее привлекательности стремительно расстрачиваются не только в Ираке и Афганистане. Поэтому пора отказаться от ставки на дискредитированную себя пропагандистскую мишуру и, не мороча голову себе и другим, вернуться к универсальному, понятному всем, везде и всегда языку реальной политики.

* * *

Все это ставит Россию перед лицом серьезнейших внешних вызовов (о внутренних — разговор отдельный). Август 2008 года упростил одни проблемы, актуализировал другие, загнал под спуд третьи, видоизменил все остальные до весьма опасной степени непредсказуемости. Под влиянием каких факторов и в чью пользу будет складываться баланс между теми или иными долгосрочными последствиями августовских событий — вопрос головоломный. Решать его уже ринулись все заинтересованные стороны. Ожидать от них, что они станут щадить кого-то в своих вариантах «решения» или брать в расчет что-то, кроме собственной выгоды, противоестественно.

Ну, что ж, России надо послушно принять эти старые как мир правила игры. Речь, конечно, не об игре с нулевой суммой, но это вовсе не означает, что на кону — приз, львиная доля которого непременно должна достаться кому угодно, только не России, поскольку свое она уже взяла в августе 2008 года.

Да, мировые судьбы никто не будет сознательно ставить в зависимость от ситуации в Закавказье — регионе, едва заметном на школьном глобусе. Однако там решается нечто такое, что для России, возможно, важнее мировых судеб — ее собственная судьба как великой державы.

«Большая игра» XIX века потому так и названа, что развернулась она между двумя гигантскими империями на широких просторах Азии. Стоит ли употреблять этот фундаментальный образ, как нынче делают многие, применительно к закавказской ситуации? Стоит. Потому что сегодня определение «большая» отражает не размеры игрового поля, а глубинную суть происходящего на нем.

В любой игре (геополитическая — не исключение) есть, помимо анализа, расчета, исполнительской техники, еще и потаенные элементы — роковые или счастливые: везение, случайность, необъяснимая ошибка, непредвиденная комбинация факторов. Одним словом — метафизика. Порой именно она либо обрекает тебя на плачевный исход, либо невероятным образом спасает от, казалось бы, неминуемого. Впрочем,

Южный Кавказ: проекты и прогнозы как искусство возможного

надеяться только на метафизику рискованно. Надеяться нужно прежде всего на себя. И при этом четко отличать подлинную победу от ее видимости, свою победу от чужой.

У России есть шансы на успех в новой «большой игре», но нет гарантии. Можно ли ею обзавестись — вопрос тяжкий. Гораздо легче сказать — как ее лишиться. Самый «верный» способ — исходить из того, что в Южной Осетии и Абхазии дело сделано и проблема закрыта. Так, похоже, думают многие. Это — глубочайшее заблуждение, опаснее которого может быть разве что полное затмение разума, поразившее господина Саакашвили в ночь с 7 на 8 августа 2008 года.

Те трагические события, помноженные на объективные и субъективные обстоятельства глобального характера, внезапно вынесли Россию к очень сложной, исторической развилке дорог в будущее, среди которых есть и роковые. На этой развилке без указательных столбов надо бы немного задержаться, чтобы перевести дух, собраться с мыслями и усвоить, что избежать фатального маршрута — задача для интуиции, вычислить спасительный — задача для ума, пройти по нему — задача для воли.

Располагает ли российское руководство этой «стратегической триадой»? Поживем — увидим.

Проблемы регулирования имущественных и земельных правоотношений в республике Южная Осетия на современном этапе

Д. Н. Медоев, А. А. Гассиев

Южная Осетия и Российская Федерация являются государствами, ранее входившими (в качестве равноуровневых субъектов) в состав единого союзного государства — СССР, с распадом которого, и Южная Осетия и Россия, получили в наследие одну и ту же систему имущественных правоотношений, которые действовали в единой советской правовой системе.

Это в первую очередь, огосударствление земли и иных средств производства, преобладание административных методов правового регулирования над частноправовыми и т.д. Для решения указанных проблем в России были приняты Земельный и Гражданский кодексы Российской Федерации, Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества», другие праворегилирующие документы.

В этой связи подчеркнем, что существующая в России нормативно-правовая база, регулирующая земельные отношения, представляет собой логичную систему правоотношений, опробована на практике и является понятной для инвесторов, желающих привлечь капитальные инвестиции в рынок земли и недвижимости.

По указанной причине, а также в связи с тесным экономическим, социальным и культурным обменом между Россией и Южной Осетией, наиболее близкой для правовой системой для последней выступает российская правовая традиция. Существуют объективные предпосылки для адаптации многих российских правовых институтов к условиям земельно-имущественных отношений, получающих свое интенсивное развитие в Южной Осетии. Унификация правовых моделей организации имущественных отношений в обоих государствах создаст благоприятную почву для притока инвестиций в земельно-имущественный сектор экономики.

Российская земельно-имущественная правовая система основывается на следующих позициях.

Существует кодифицированный акт — Земельный кодекс Российской Федерации, который закладывает общие принципы правового регулирования земельных отношений, устанавливает основные субъективные права на землю и возможные границы реализации таких прав, порядок предоставления земельных участков из государственной и муниципальной собственности, определяет основания и условия отнесения земель и земельных участков к уровням публичной собственности и к одной из предусмотренных кодексом категорий.

Для реализации закрепленных в Земельном кодексе Российской Федерации положений принят ряд специальных законов и подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих узкий круг вопросов, предусмотренных Кодексом. Например, к указанным законам следует отнести Федеральные законы «О землеустройстве», «Государственном земельном кадастре» («О государственном кадастре недвижимости»), «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Каждый из указанных законов предусмотрен к принятию непосредственно Земельным кодексом Российской Федерации, соответствует последнему и развивает отдельные из его положений.

Подзаконные акты, которые принимались в развитие Земельного кодекса Российской Федерации, по своей сути являются процедурными документами, призванными обеспечивать реализацию закрепленных в кодексе прав и обязанностей. Аналогичные документы приняты для реализации федеральных законов, принимаемых в развитие Земельного кодекса Российской Федерации.

Исходя из имеющегося общего с Россией опыта и с учётом местной специфики, в Земельном кодексе Республики Южная Осетия необходимо установить общие принципы правового регулирования земельных отношений, определить основные субъективные права на землю и возможные границы реализации таких прав, установить реальные гарантии реализации соответствующих прав, особенно — права собственности.

В Кодексе необходимо определить также порядок предоставления земельных участков из государственной и муниципальной собственности, а также порядок определения соответствующих расценок на приобретение таких участков в собственность или аренду; установить основания и условия отнесения земель и земельных участков к одной из предусмотренных кодексом категорий (непосредственно порядок перевода целесообразно установить в специальном законе о переводе земельных участков из одной категории в другую).

Для решения проблем, связанных с приватизацией земельных участков, на законодательном уровне (возможно издание самостоятельного закона) потребуются, прежде всего, установить правила отнесения земельных участков к определенному уровню публичной собственности (государственный — республиканский, муниципальный — городской, сельский и др.).

В качестве критериев можно использовать видовые характеристики земельных участков. Например, земельные участки, занятые объектами республиканского значения, занятые лесами, водными объектами, примыкающие к государственной границе и др., целесообразно относить к государственной собственности Республики Южная Осетия.

Земельные участки, занятые объектами инфраструктуры, соцкультбыта — к муниципальной собственности.

Необходима разработка «Лесного кодекса», «Водного кодекса», «Закона о недрах» и некоторых других законодательных актов.

Для обеспечения стабильности прав на землю и недвижимость в целом, в законодательство РЮО необходимо ввести механизмы государственного кадастрового учета недвижимости, и государственной регистрации прав на недвижимое имущество. В России, к примеру, соответствующие отношения регулируются Федеральным законом «О государственном кадастре недвижимости» и «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

При подготовке Закона Республики Южная Осетия о кадастре недвижимости необходимо исходить из того, что государственным кадастровым учетом недвижимого имущества признаются действия уполномоченного органа по внесению в государственный кадастр недвижимости сведений о недвижимом имуществе, которые подтверждают существование такого недвижимого имущества с характеристиками, позволяющими определить такое недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенной вещи (уникальные характеристики объекта недвижимости), или подтверждают прекращение существования такого недвижимого имущества, а также иных предусмотренных законом сведений о недвижимом имуществе.

При разработке нормативной базы в части государственной регистрации прав на недвижимое имущество следует исходить из того, что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней.

При этом государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Зарегистрированное право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

Некоторые угрозы слепого копирования

Вместе с тем, нельзя не признать, что прямое следование российской правовой традиции в вопросах разработки и принятия соответствующей нормативно-правовой базы содержит и ряд опасных элементов, в том числе внешне- и внутриполитических угроз.

Земельно-имущественная реформа в РФ проводилась под флагом приватизации и развития рыночных отношений. Право собственности постепенно становилось субстанцией «неприкосновенной». Общий фон демократизации всех сторон жизни подразумевал широкомасштабное разгосударствление собственности на недвижимость и земельные участки.

Этот процесс продолжается и по сей день. И, к сожалению, России на этом пути не удалось избежать ошибок. основополагающим фактором, негативно повлиявшим на развитие земельно-имущественных отношений до настоящего времени является неразвитость институциональной инфраструктуры.

Имеется в виду следующее. Рыночные отношения в данной сфере невозможны без существования (уже к моменту старта этих отношений) таких элементов, как институты инвентаризации и учета, рыночной оценки, регистрации прав, механизмов

досудебного и судебного оспаривания, профильных саморегулируемых организаций. Речь идет не только о наличии организаций с соответствующими титульными названиями. Необходима предварительная разработка соответствующей нормативной правовой базы, методик. Квалификация и уровень профессиональной подготовки работников данной сферы также должны соответствовать решаемым задачам.

Спекулятивные тенденции, неадекватный рост цен на земельные участки и недвижимость, проблемы с реализацией федеральной программы по формированию рынка доступного жилья — вот лишь некоторые последствия неподготовленного реформирования данной сферы отношений.

При этом, по подсчетам специалистов, начиная с 2002 года (следующий год, после вступления в силу Земельного кодекса) ежегодные затраты физических и юридических лиц на переоформление прав на земельные участки составляли около 100 млрд. рублей.

Следствием однобокого понимания проблем («рынок сам все отрегулирует») стали системные сбои и законодательные коллизии. Пришло осознание, что рынок в этой области — субстанция, жестко регулируемая на законодательном и общественном уровне во всех странах с вековой рыночной историей. И чем длиннее эта история, тем жестче регулирование. Именно этот этап проходит сейчас Россия.

Государство занимается разработкой недостающей для нормального развития правовой базы, соответствующих методик, реформированием государственных институтов учета, регистрации, распоряжения имуществом и земельными участками. Разрабатываются необходимые методики оценки, идет подготовка кадров.

Выводы, аргументы, решения.

Вышеизложенное должно предоставить властям Южной Осетии возможность избежать ошибок и эффективно использовать как позитивный, так и негативный опыт земельно-правовых отношений России.

Основное, на что хотелось бы обратить внимание:

- 1. разгосударствление собственности на землю ни в коем случае не считается неизменным доказательством рыночных отношений, их положительным показателем и тем более фактором, обеспечивающим приток инвестиций;**
- 2. прямое копирование российского опыта приведет к серьезным внешним и внутривнутриполитическим последствиям, что также подразумевает серьезные экономические риски для руководства республики;**

Первый тезис очевиден и не требует особой аналитической работы. Достаточно произвести самый поверхностный обзор основополагающих норм земельного законодательства как стран большой восьмерки, так и таких государств как Швеция или Испания.

В качестве аргументации второго тезиса следует необходимо указать следующее.

Для Южной Осетии разгосударствление собственности на объекты недвижимости и земельные участки при нынешнем развитии институциональной инфраструктуры будет означать:

- беспрепятственный доступ капитала, как внутреннего, так и российского, направленного на получение вещных прав на объекты недвижимости и земельные участки;
- необходимость немедленного правового закрепления за новыми владельцами и собственниками приобретаемого на тех или иных правах имущества;

- признание за собственниками зданий (строений, сооружений) исключительного права и на земельные участки;
- возможность свободной перепродажи и переуступки прав собственности и аренды на объекты недвижимости физическим и юридическим лицам.

В этой связи главный внешнеполитический риск (скрытый на первом этапе и возможно явный на втором) — проникновение на территорию РЮО капитала непонятого (криминального) происхождения, а также заведомо замаскированного под российские инвестиции грузинского (западного) капитала с закреплением за ними имущественных прав.

Подробное описание ввиду простоты механизма такого проникновения вряд ли требуется. Единоразы декларировав рыночную ориентацию в нынешних условиях, в дальнейшем невозможно будет помешать присвоению частей территории Южной Осетии «инвесторам» с деньгами непонятого происхождения. Курс на рыночную ориентацию неизбежно вынудит государство приветствовать любую инициативу инвесторов.

А на первом этапе такой приватизации ценовые барьеры также не сработают. Последствия получения таковыми «инвесторами» имущественных прав на землю и недвижимость за бесценок также очевидны.

Внутриполитические риски.

Правительство РЮО в лице Министерства экономического развития считают сельское хозяйство, туризм, производство стройматериалов—приоритетными отраслями развития РЮО.

Специфика указанных отраслей подразумевает неизбежное использование природных ресурсов в технологическом цикле. Трава на пастбищах, русло реки по которому сплавляются рафтеры, красивая поляна для коттеджа, щебень на стройке, минеральный источник — все это факторы производства.

Вовлечение этих факторов в хозяйственный оборот требует исключительной осторожности, учета традиций и уклада жизни нашего народа, с одной стороны, и правил поведения в рыночной экономике, с другой.

Вряд ли в настоящее время возможно ограничить бесконтрольное и пиратское использование ресурсов, большинство из которых является истощаемыми и экологически зависимыми. Неизбежно возникнут и проблемы справедливого распределения таких ресурсов, открытости конкурсов, черезполосицы и наложения земель одной категории на другую, изъятия для государственных нужд и т.д.

В России, не испытывающей дефицита территории, многие эти проблемы привели к социальным столкновениям. В Южной Осетии социальный взрыв может быть спровоцирован куда меньшими конфликтами.

Здесь помимо прочего надо помнить, что по территории РЮО проходят (а в перспективе будут увеличиваться) линейные и иные объекты, принадлежащие РФ, которые предполагают особый режим эксплуатации, наличие охранных зон и т.д.

Экономические риски.

Ввиду исторически сложившейся ситуации, Южная Осетия в настоящее время не обладает возможностью интегрироваться в экономическое пространство России. Ни одно из промышленных предприятий республики не уцелело за период 20 лет. Кроме

того, учитывая, текущую макроэкономическую ситуацию, вряд ли в ближайшие 5 лет такая промышленность в РЮО появится.

Единственным ресурсом РЮО — является природный ресурс, вне зависимости от формы «привязанный» к конкретным земельным участкам — минеральная вода, плодоовощная продукция, животноводство, даже Транскавказская автомагистраль. Качественным преимуществом этого ресурса является экологическая чистота территории, к которой этот ресурс «привязан».

Бесконтрольная приватизация земли в кратчайшие сроки сведет на нет основное преимущество и соответственно подорвет экономическую основу отраслей, признанных государством приоритетными. Яркое тому свидетельство — придорожные кафе вдоль Транскама. Основное конкурентное преимущество — открытое пространство и прекрасный вид — весьма динамично трансформировались в их же основной недостаток — антисанитария и вид на замусоренную реку.

Говоря о культуре ведения бизнеса, бесспорно, что она еще далека от совершенства даже в России: экологический аудит, регламентация рекультивации использованных и нарушенных земель находятся в зачаточном состоянии.

Для Южной Осетии такая роскошь вряд ли допустима. Слепое проецирование рыночного законодательства России непременно приведет приоритетные отрасли в экономический тупик за считанные годы.

Государства Южного Кавказа: история и прогнозы

Геополитическое значение Южного Кавказа и кавказский вектор российской политики

В. Ю. Жуковец

Распад Советского Союза существенным образом повлиял на геополитическую ситуацию во всем мире. Возникшие в конце 80-х и набравшие силу в 90-х годах прошлого столетия центробежные тенденции повлекли за собой не только образование новых государств, но и коренное изменение условий, в которых эти страны были вынуждены развиваться и выстраивать свои дипломатические и внешнеэкономические отношения. На постсоветском пространстве появились 15 новых внешнеполитических субъектов, каждый из которых стремился проводить самостоятельный курс, мало согласованный, а зачастую и вступающий в противоречие с национальными интересами соседей. Другим немаловажным последствием дезинтеграции СССР стал выход на авансцену региональной политики акторов, формально мало к ней относящихся, но чьи объективные интересы стали оказывать серьезное влияние на дальнейшее развитие бывших советских республик. Речь идет о таких политических «тяжеловесах» как США и ЕС, которые однозначно заявили о своих интересах на пространстве СНГ и о готовности их проводить, используя весь арсенал доступных политических средств. Помимо этого, в последнее время существенным образом возросла роль некоторых стран-соседей бывшего Советского Союза, имевших довольно тесные исторически сложившиеся связи с отдельными республиками нашей страны, и получившие шанс с распадом советского государства укрепить собственное влияние в регионе.

В полной мере все вышеописанные тенденции оказались характерны для процесса становления государств Южного Кавказа, на которых центробежные тенденции продолжают оказывать существенное влияние, и по сей день, заставляя лидеров этих стран совершать поступки, выходящие, зачастую, за грань разумного. Достаточно явно это прослеживается на примере российско-грузинских отношений последних лет. В то же время далеко не все можно объяснить иррациональностью отдельных руководителей. Нынешняя, по большей части негативная для нашей страны ситуация в кавказском регионе во многом является следствием объективных по своему

характеру процессов, обусловленных современным развитием мировой экономики, в частности увеличением объемов потребления энергоносителей и, как следствие, обострением конкуренции за контроль над ними. Однако помимо этого, значительную роль сыграли также отрицательные последствия непродуманной и непоследовательной политики России в Закавказье.

В последнее десятилетие геополитическое значение Южного Кавказа существенно возросло. Причины этого заключаются как в современных тенденциях развития мирового хозяйства, так и в том стратегическом положении, которое занимает кавказский регион, выступая связующим звеном в транспортных коридорах Север–Юг и Восток–Запад. Важность этих торговых путей в контексте глобализации, роста трансграничных перемещений товаров, расширения системы грузоперевозок и связанных с этим изменений основных товаропотоков постоянно увеличивается.

После относительно благоприятного развития в течение последних двух лет (по оценкам Всемирного банка прирост мирового ВВП в 2004 г. составил 4%, в 2005 г. — 3,2%, в 2006 г. прогнозируется также на уровне 3,2%), мировое хозяйство в очередной раз столкнулось с проблемами высоких и нестабильных цен на нефть и связанных с этим резких колебаний курсов валют на финансовых рынках. На текущий момент в мире ощущается серьезный недостаток нефтеперерабатывающих и транспортных мощностей, а также ограниченность дополнительных мощностей по добыче нефти. Рынок нефти характеризуется недостаточной транспарентностью, и, как следствие, недоинвестированием в различные сектора нефтяной индустрии.

Эти факторы отрицательно сказываются на развитии основных «локомотивов» мировой экономики — США и ЕС. По мнению экспертов Всемирного банка и Организации экономического сотрудничества и развития, негативная ситуация на рынке энергоносителей тормозит процесс оживления экономики ЕС, предпосылки к началу которого наметились в последнее время. Что же касается США, то более трети их торгового дефицита в 2005 г. пришлось на рекордные закупки нефтепродуктов (251,6 млрд. долл.). Существуют все основания полагать, что пик циклического подъема американской экономики может быть пройден уже в 2007 г. И тогда ей предстоит в полной мере ощутить на себе «проявление» влияния высоких мировых цен на энергоносители и сырье.

В экономически развитых странах продолжает увеличиваться разрыв между объемами производства и потребления нефти и газа. Согласно прогнозам американских экспертов, к 2025 г. в США ожидается удвоение объемов потребления углеводородного сырья, а совокупный импорт газа возрастет в 10 раз. Все это неминуемо влечет за собой усиление зависимости страны от внешних энергоносителей. В складывающейся ситуации американская и европейская экономики объективно заинтересованы в расширении географии поставок на свои рынки за счет новых богатых энергоресурсами регионов. Речь идет в первую очередь о месторождениях Центральной Азии и шельфа Каспийского моря, нефть и газ которых предполагается транспортировать через территорию кавказских стран в Европу и далее в США. Таким образом, благодаря запасам энергоносителей (Азербайджан), а также выгодному транзитному положению (Азербайджан, Грузия), значимость государств Закавказья в последние годы серьезно возросла. В этой связи вполне закономерным выглядит повышенное внимание, уделяемое США и странами Евросоюза, Южному Кавказу, что

было, в частности, зафиксировано в 90-х годах прошлого столетия расширением зоны американских «национальных интересов» за счет региона Каспийского моря. В начале 2006 г. в своем ежегодном послании к Конгрессу «О положении страны» Президент США Дж. Буш провозгласил конкретную цель — в рамках уменьшения зависимости страны в условиях растущего спроса на энергоносители сократить к 2025 г. на три четверти закупки нефти в странах Персидского залива. Восполнить недостающие объемы предполагается, в том числе, за счет привлечения каспийских и центрально-азиатских энергоресурсов.

Однако это причины объективного характера, обусловленные вполне реальной необходимостью наращивания объемов поставок энергоносителей в США и страны ЕС, а также стремлением потребителей диверсифицировать импорт — снизить зависимость от российской трубопроводной системы, проложив альтернативные транзитные пути в обход России. Другими словами, рост геополитического значения Закавказья в последние годы определяется, прежде всего, геэкономическими императивами основных развитых стран, удовлетворить которые предполагается за счет природных богатств региона. Южный Кавказ крепко привязан к мировым экономическим процессам и поэтому в ближайшее время его развитие будет определяться требованиями в первую очередь мировой экономики. В этой связи вполне закономерным выглядит утверждение, что государства Закавказья представляют собой в большей мере не субъекты, а объекты мировой экономической политики, которых глобальная экономика формирует и подстраивает под свои нужды.

В настоящее время ситуация в кавказском регионе в целом и на Южном Кавказе в частности характеризуется высоким уровнем напряженности. Причины столь сложной обстановки лежат не только в низком уровне доходов населения и бедственном состоянии социальной сферы, но и в нерешенности целого ряда межнациональных противоречий, обострившихся в начале 90-х годов прошлого века. На текущий момент положение в Закавказье можно определить как сохраняющее стабильность при высокой конфликтности населения. За прошедший период в регионе произошла политизация этничности и, отчасти, конфессиональности, а сами конфликты перешли с регионального на локальный уровень, что на деле угрожает дальнейшим повышением конфликтной готовности людей. По оценкам экспертов, участвовать в различного рода столкновениях (не только на этнической почве) готовы до половины всего населения.

Способствует поддержанию высокого уровня конфликтности на Южном Кавказе и то, что государства региона, в современном их виде, представляют собой по большей части мононациональные образования. В результате боевых действий подавляющая часть представителей этнических меньшинств была вынуждена иммигрировать в сопредельные страны или места их компактного проживания. Этот процесс в итоге привел к четкому выкристаллизовыванию автономных моноэтнических общностей, которые на подконтрольной им территории стали забирать в свои руки власть различного уровня — от верховной до местной. За прошедшее после этого размежевания время у населения региона сформировалось национальное самосознание, связанное именно с национальной государственностью, для которого крайне сложно допустить факт притязаний представителей других народов на собственную государственность, в том числе в форме создания на своей территории частично автономных государственных образований. В этой связи предложения грузинской и азербайджанской

сторон по предоставлению осетинскому, абхазскому и соответственно, армянскому меньшинству автономии в составе своих стран представляется более правильным рассматривать в контексте решения ими проблемы сохранения единого национального государства.

Еще одной характерной чертой для нынешнего положения всех стран Закавказья, является низкая степень имплементации властных полномочий, в том числе задерживания официальных органов власти в решении локальных вопросов. По большей части исчез механизм сплочивания людей вокруг властной вертикали. Не последнюю роль в этом играет высокая коррумпированность государственного аппарата, что серьезно ухудшает эффективность системы государственного управления. На деле происходит постепенное отчуждение государства от общества, руководящей прослойки от основной массы населения, что, в свою очередь, ведет к росту недоверия официальным властям и поиску альтернативного авторитета, причем, не всегда среди представителей политической оппозиции. В отдельных случаях государство уже не способно даже обеспечить безопасность своих граждан на формально подконтрольной ему территории. Эти факторы, несомненно, негативно влияют на уровень конфликтных настроений населения государств Южного Кавказа.

В полной мере все вышеописанные тенденции характерны и для кавказских республик России, несмотря на то, что федеральный центр пытается, по крайней мере на словах, активно позиционировать себя на Кавказе и играть роль «центра силы», притягивающего сопредельные государства. Однако на практике ситуация складывается несколько иная. Как представляется, участие России в процессах, происходящих в Закавказье с момента распада СССР, носило периодический и неструктурированный характер. У нашей страны не было и в настоящее время также нет четкого понимания собственно российских интересов на Южном Кавказе, что, в свою очередь, обуславливает явную непоследовательность в проведении внешней политики. Отсутствие определенной политической линии на протяжении последних лет привело к тому, что вовлеченные в дела региона министерства и ведомства (в частности МИД России) по большей части вынуждены были имитировать активную работу или же ограничиваться формальным исполнением возложенных на них обязанностей. Результатом этого периода «активного бездействия» стало то, что два из трех государств региона (Азербайджан и Грузия) официально заявили о своем стратегическом намерении ориентироваться на долгосрочное сотрудничество с западными странами; инициатива в урегулировании некоторых межнациональных конфликтов де-факто перешла к международным посредникам; лишь в одной стране из трех — в Армении сохранились серьезные пророссийские политические силы, в то время как во всех трех государствах активно действует сильная прозападная оппозиция; военное присутствие России в регионе сокращается; российскому бизнесу не удалось создать устойчивых позиций в экономике государств региона; наша страна в настоящий момент утратила многие рычаги эффективного отстаивания собственных национальных интересов на Южном Кавказе.

К сожалению, подход России к региону до недавнего времени характеризовался пережитками старой советской системы, при которой кавказские государства безоговорочно признавали за «большим братом» первенство и стремились любыми способами добиться его расположения. В свою очередь Россия не прилагала никаких

усилий для создания новой устойчивой базы взаимного сотрудничества с кавказскими государствами, предпочитая эксплуатировать великодержавный образ советской эпохи. Приходится констатировать, что наша страна с распадом СССР так и не смогла в полной мере подстроиться к новым геополитическим реалиям в контексте выработки собственной кавказской политики. Оставляя в стороне анализ причин случившегося, представляется целесообразным кратко остановиться на основных моментах, характеризующих объективную реальность двусторонних отношений России с каждым из государств Закавказья на современном этапе.

Российско-азербайджанские отношения на протяжении последних лет строились неоднозначно. С одной стороны между нашими странами неплохо развивалось торгово-экономическое сотрудничество. Так только за 10 месяцев 2005 г. товарооборот вырос на 48% по сравнению с 2004 г. и составил 816,1 млн. долл.

В российском экспорте в Азербайджан основное место занимают продовольственные товары и сырье для их производства, около 40% (зерновые, мука, крупы), машины и оборудование — 16%, древесина и изделия из нее — 12%, черные и цветные металлы — 9%.

В структуре импорта из Азербайджана в Россию преобладает группа продовольственных товаров: табак, фрукты, алкогольная продукция — 52%, хлопок, хлопковое волокно и пряжа — 18%, нефтепродукты — 12%.

Развивается сотрудничество в энергетической сфере: в соответствии с условиями договора о транзите нефти через территорию нашей страны осуществляется транспортировка нефти по маршруту Баку-Новороссийск. За 2005 г. было прокачено 4,4 млн. тонн. В 2005 г. в Азербайджан было поставлено 4,5 млрд. куб. м. природного газа.

Россия осуществляет несколько крупных инвестиционных проектов в Азербайджане, в частности, строительство железнодорожной ветки Казвин-Решт (Иран) — Астара (Азербайджан) (РАО «ЖД»), синхронизацию работы энергосистем двух стран (РАО «ЕЭС России»). Между рядом городов нашей страны и Баку налажено регулярное авиационное сообщение, осуществляется движение пассажирских и грузовых железнодорожных составов, автомобильного транспорта через российско-азербайджанскую границу, организованы морские перевозки между Баку и Астраханью, проходы на разрешительной основе азербайджанских судов по внутренним водным путям России из Каспийского до Азовского и Балтийского морей и обратно.

В качестве возможных путей дальнейшего наращивания российского экономического присутствия в Азербайджане просматриваются создание межгосударственных финансово-промышленных групп, организация совместных проектов в сфере банковского, строительного бизнеса и обработки цветных металлов, активизация неплохо развивающегося в последнее время сотрудничества отдельных регионов России с Азербайджаном.

Однако существует и ряд проблем препятствующих расширению торгово-экономического сотрудничества. Среди них необходимо отметить относительно низкий экспортный потенциал Азербайджана, проблемы платежно-расчетных отношений, а также ограниченные возможности обеих стран в части финансовой поддержки торгово-экономических сделок. Кроме того, на текущий момент можно констатировать, что большинство российских компаний обращается во внешнеполитические органы РФ от за содействием случая к случаю, в основном для лоббирования

проектов, правовой помощи или за содействием в решении консульских вопросов, т.е. отсутствует налаженный контакт государства с бизнесом, что влечет за собой разбросанность и несогласованность, а, в конечном счете, зачастую и неэффективность совместных усилий.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что при всей скромности объемов товарооборота, а также, несмотря на ряд проблем, торгово-экономические отношения наших стран в последнее время развиваются поступательно и имеют серьезные перспективы для дальнейшего наращивания. Этого, однако, пока сложно сказать о политической компоненте двустороннего сотрудничества. Сложилась, на первый взгляд, парадоксальная ситуация — Азербайджан является самым крупным, а, следовательно, самым важным нашим торговым партнером на Кавказе, но на отношениях Баку и Москвы это никак не отражается. Ярким доказательством этому является не только факт почти трехлетнего отсутствия посла России в Азербайджане — хотя на статусный фактор обращается серьезное внимание в мусульманских странах, но и то, что двусторонние отношения несколько раз переходили от скрытой конфронтации к периоду пассивного формализма.

Причины такого положения вещей, как представляется, лежат больше в неурегулированности внутривнутриполитических вопросов в обеих странах, а также в сфере взаимоотношений их руководителей. Так при Президенте А. Муталибове двусторонние отношения осложнились попытками последнего наладить контакты с исламскими соседями — Ираном и Турцией, что серьезно беспокоило Москву. Со следующим Президентом А. Эльчибеом России наладить добрососедские отношения не удалось в силу его протурецкой ориентации, что, в конечном итоге, закончилось конфронтацией и его свержением в результате вооруженного переворота. Личная неприязнь, основанная на обидах советского времени, между третьим Президентом Азербайджана Г. Алиевым и Б. Ельциным привела к тому, что двусторонние торговые отношения были практически свернуты, а пропускной режим на границе значительно ужесточен. В свою очередь Азербайджан сделал ставку на западные компании в разработке собственных нефтегазовых месторождений, а также негласно поддержал чеченский сепаратизм. По оценкам экспертов, несмотря на то, что формально отношения Азербайджана и России в этот период заметно улучшились, на деле обе страны вели друг против друга своеобразную «холодную войну». Результатом этого для России явилось то, что за 90-е годы нашей стране так и не удалось создать в Азербайджане серьезные пророссийские позиции среди политических партий, Баку сделал сильный крен в сторону Запада, военно-техническое сотрудничество с Россией было свернуто, товарооборот упал, эффективных рычагов для проведения собственной политики в отношении Азербайджана практически не осталось. Предстояло все выстраивать заново — задача очень сложная, тем более сложная, учитывая отсутствие у России четкого понимания своих интересов в Азербайджане. Справедливости ради, можно отметить, что с азербайджанской стороны также не было осознания того, чего же хочет его властная элита от российской внешней политики.

В результате в сложившейся ситуации на протяжении последних 6 лет наши страны просто имитируют развитие политической компоненты двусторонних отношений. При внушительной активизации межгосударственного диалога (состоялись визиты Президента России в Азербайджан (9–10 января 2001 г., 21–22 февраля 2006 г.)

и Президента Азербайджана в Россию (24–26 января, 9 июня, 23–24 сентября 2002 г., 5–7 февраля, 18–19 октября 2004 г., 15–16 февраля, 9 мая, 13–14 июня, 25–27 августа 2005 г.), реальных результатов это пока не возымело. Равно как и нельзя пока говорить о создании прочной политической основы отношений в лице общественных движений или политических партий. Имеющиеся в Азербайджане пророссийские силы, хотя и относительно многочисленны, но разрозненны и слабы, у них отсутствует лидер, не говоря уже о поддержке нашего государства. Проазербайджанских сил в российском политическом истеблишменте просто нет. Отношения двух стран базируются, в основном, на теплых отношениях их Президентов. Подобное развитие событий происходит на фоне заметного усиления прозападных и происламских сил в Азербайджане.

Однако, несмотря ни на что, потенциал для выправления вышеописанного перекоса у нашей страны все еще есть. Он основывается на ряде факторов, среди которых можно назвать не только стабильно развивающиеся в последнее время торгово-экономические отношения; но и 2 млн. азербайджанцев, работающих в России; представителей этнических меньшинств, проживающих на севере Азербайджана (в первую очередь, лезгин); а также, как это ни странно, относительную популярность России среди рядовых азербайджанцев, связывающих нашу страну с воспоминаниями об общем советском прошлом. Доказательством тому, в частности, служит сохраняющийся высокий рейтинг свергнутого первого президента страны А. Муталибова, считающегося российской креатурой и проживающего уже более десяти лет преимущественно в Москве. Особенно явно это проявилось в ходе прошедших в ноябре 2005 г. в Азербайджане парламентских выборов, на которых возглавляемой им социально-демократической партии Азербайджана удалось набрать, по оценкам независимых экспертов, значительное число голосов.

Таким образом, завершая краткое рассмотрение этого блока, хотелось бы резюмировать, что двусторонние отношения на текущий момент далеки от заявленного в ходе визита В. Путина в Азербайджан (21–22 февраля 2006 г.) стратегического партнерства, однако, многое в наших контактах с Баку можно изменить, но это целиком и полностью зависит от политической воли российского руководства. На настоящий момент реальных предпосылок к этому не видно.

Российско-армянские отношения в новейшей истории двух стран развивались внешне более плавно, без резких перепадов. В торгово-экономической составляющей двустороннего сотрудничества стабильно наблюдается позитивная динамика. Объем товарооборота в 2004 г. составил 208,4 млн. долл., в 2005 г. — увеличился на 31% и составил 266,2 млн. долл.

Экспорт из России представлен в основном поставками ядерного топлива и оборудования для Армянской АЭС, энергоносителей, алмазного сырья, машин и оборудования.

В структуре импорта из Армении ведущее место занимают продовольственные товары и сырье, необработанный алюминий, машины и оборудование.

Россия продолжает занимать одно из ведущих мест по объемам инвестиций в экономику Армении (на июль 2005 г. — 240 млн. долл.), которые направлялись в первом полугодии 2005 г. в металлургическую промышленность, строительство, энергетику и сферу информационных технологий. Среди примеров успешных инвестиционных

проектов — модернизация энергомошностей Севано-Разданского каскада и крупнейшего предприятия Армении завода «Арменал», деятельность российской авиакомпании «Сибирь» (владеет 70% акций компании «Армавиа»). В банковской сфере Армении с 2004 г. наблюдается активизация позиций российских банков, доля которых в уставном капитале банковской системы республики достигла 25% (в 9 из 20 банков страны).

В связи с тем, что многие предприятия Армении передаются в собственность российским хозяйствующим субъектам в рамках схемы «имущество в обмен на долг», этот процесс проходит под контролем уполномоченных органов обеих стран, что существенно снижает несогласованность в действиях государства и бизнеса.

Руководство Армении выступает за активизацию сотрудничества в рамках Евр-АзЭС, поскольку ее члены являются наиболее крупными рынками сбыта армянской продукции, что дает возможность обеспечить устойчивые темпы роста для экономики страны.

Однако существуют и серьезные проблемы, которые, в конечном счете, сводятся к двум основным моментам. Первый из них — это продолжающаяся блокада Армении со стороны Азербайджана и Турции, что вынуждает переориентировать двусторонние товаропотоки, как следствие, ведет к увеличению транспортных издержек и, в результате, к сокращению объемов торговли. Другой серьезной проблемой является фактическое простаивание значительной части переданных России предприятий. На многих из них, несмотря на смену собственника, производство так и не было налажено, что болезненно воспринимается рядовым гражданами Армении, в силу высокого уровня безработицы в стране. В настоящее время это социальное недовольство уже привело к появлению не только политических сил антироссийской направленности, но и обвинений в адрес официального Еревана в том, что однозначная ориентация на нашу страну низвела Армению до уровня «вассала России».

На этом фоне двусторонние политические отношения вступили в период переоценки. На протяжении всего постсоветского периода нашими государствами постоянно подчеркивался тезис о том, что отношения между Россией и Арменией имеют характер взаимовыгодного стратегического партнерства. Для России Армения является одним из важнейших звеньев обеспечения безопасности и единственным реальным союзником в данном регионе. Для находящейся же в окружении недружественных государств Армении Россия остается главным гарантом национальной безопасности, ведь на территории Армении функционирует российская военная база (Гюмри), а российские пограничники несут охрану внешних границ республики. Однако на деле оказывается, что многое не совсем так.

Более правильным, представляется говорить о том, что Армения является одним из немногих союзников нашей страны в мировой политике. И действительно, позиции наших двух стран по большинству ключевых международных проблем совпадают или очень близки, что явственно проявляется в ходе рабочих заседаний различных межгосударственных форумов и институтов. Армения также поддерживает Россию в деле укрепления СНГ и ОДКБ.

В то же время в отношении региональных проблем позиции Москвы и Еревана не всегда в полной мере устраивают друг друга. Особенно четко это можно увидеть на примере нагорно-карабахского урегулирования. Как известно, в этом краеугольном для Армении вопросе Россия занимает отстраненную позицию, официально не

поддерживая ни одну из конфликтующих сторон, что не вполне устраивает Ереван. Помимо этого, Россия, по сути, в настоящее время отдала США инициативу в разрешении конфликта, что также беспокоит официальные власти Армении.

Противоречивость российско-армянских отношений может проиллюстрировать и такой факт: некоторые основополагающие двусторонние документы, такие как Договор и Программа долгосрочного экономического сотрудничества на период до 2010 года (2002 г.) или Договор о дружбе сотрудничестве и взаимной помощи (1997 г.) практически дословно воспроизводят положения аналогичных документов, заключенных в те же периоды времени нашей страной с Азербайджаном — основным противником Армении в кавказском регионе. Безусловно, во многом эти договоры являются типовыми, но, представляется, если бы российско-армянские отношения действительно носили бы характер стратегических, то это непременно нашло бы должное закрепление в таких программных нормативных актах.

Необходимо также отметить, что Россия не взаимодействует с армянскими неправительственными организациями (НПО), социальное влияние которых постепенно усиливается. Сфера НПО полностью отдана в распоряжение американских и европейских структур, что делает их позиции на этом направлении более устойчивыми по сравнению с российской.

На практике в течение последних лет Ереван пытался лавировать между интересами США, России и Европы в кавказском регионе. При первом президенте Л. Тер-Петросяне была предпринята попытка наладить отношения с Турцией, прорвать блокаду и строить долгосрочные отношения с западными странами. Однако такая политика не принесла успеха и в 1998 г. Л. Тер-Петросян сменил выходец из Нагорного Карабаха Р. Кочарян, сделавший ставку на тесное сотрудничество с Россией. По мнению ряда экспертов, Ереван в последние годы в военно-политической сфере откровенно опирался на помощь Москвы. Финансовую же помощь республика в основном получала и продолжает получать от США. По данным американского посольства в Ереване, за весь постсоветский период эта цифра достигла полутора миллиардов долларов (1 493 760 тыс. долл.). Еще недавно Армения была второй после Израиля страной по этому показателю на душу населения. Одновременно в плане общественно-политических реформ армянское государство пытается ориентироваться на европейские стандарты, являясь членом Совета Европы, и с 2004 года принимает участие в программе «Расширенная Европа: новые соседи».

Таким образом, можно констатировать, что в отличие от российской политики в отношении Армении, армянская политика носит практический характер, в целом успешно, хотя и не без проблем, решая поставленные перед ней сиюминутные задачи. В то же время сложное социально-экономическое положение страны диктует Еревану новые стратегические императивы. Основной проблемой для Армении на современном этапе является необходимость оживления экономики и улучшения состояния социальной сферы. Надежды, возлагавшиеся на Россию в этом контексте, во многом не оправдались — как это уже отмечалось выше, до сих пор не удалось наладить полноценное функционирование предприятий, переданных нашей стране в счет погашения государственного долга Армении. Несмотря на положительную динамику, инвестиционное сотрудничество пока также не дало социально значимых результатов.

В сложившейся ситуации уже на протяжении нескольких лет в армянском политическом и экспертном сообществе идет переоценка двусторонних отношений в пользу более взвешенной политики и налаживания эффективного диалога с западными странами. Многие полагают, что стратегическое партнерство наших двух стран, как и партнерство в рамках СНГ, на сегодняшний день фактически изжило себя и не дает Армении явных политических дивидендов. Во время прошедших в 2003 г. президентских и парламентских выборов эта тема стала одним из наиболее существенных и весомых аргументов оппозиции.

Подводя краткие итоги, представляется целесообразным акцентировать внимание на том, что Россия, пока что все еще обладает серьезными политическими позициями в Армении, основанными не только на хозяйственных связях, но и на определенном авторитете у армянского политического истеблишмента и населения страны. Однако на протяжении последних лет все чаще раздаются голоса в пользу пересмотра существующего статус-кво. Во многом причина недовольства нашей страной кроется в отсутствии серьезных успехов двустороннего торгово-экономического сотрудничества, а также в неопределенности, прежде всего для России, собственных интересов в Армении, что, в свою очередь, вынуждает Посольство России в Армении и другие официальные органы нашей страны, ограничиваться выполнением лишь представительских функций.

Российско-грузинские отношения на всем протяжении постсоветского периода характеризуются неоднозначностью и резкой сменой политических приоритетов. С одной стороны традиционно относительно неплохо идет сотрудничество в торгово-экономической сфере. Россия является одним из самых крупных торговых партнеров Грузии. На ее долю до недавнего времени приходилось порядка 16% внешней торговли страны.

В 2004 г. двусторонний товарооборот составил 336,7 млн. долл. США (рост — 42,0%). За 2005 г. объем взаимной торговли вырос на 43,7% и составил 439,7 млн. долл. США. При этом российский экспорт и импорт равнялись, соответственно, 310,6 млн. долл. (рост — 54,2%) и 129,1 млн. долл. США (рост — 38,7%).

В товарной структуре российского экспорта в Грузию основное место занимают продовольствие, продукция химической промышленности, машины и оборудование, электроэнергия. ООО «Газэкспорт» поставило в Грузию в 2004 г. 1,2 млрд. куб. м., а в январе–ноябре 2005 г. — 1,23 млрд. куб. м. природного газа.

Российский рынок до недавнего времени являлся главным потребителем грузинских вин, минеральной воды и сельскохозяйственной продукции.

По данным Единого государственного регистра Грузии, в стране насчитывается около 190 предприятий с российским участием. Объем инвестиций из России в экономику Грузии в 2004 г. составил 77,2 млн. долл., а по итогам 2005 г. он превысил 100 млн. долл. США. Среди российских компаний, активно действующих в Грузии, можно отметить РАО «ЕЭС России», ОАО «Газпром», Внешторгбанк, ООО «Промышленные инвесторы» (горно-обогатительный комбинат «Марнеули»).

Однако развитие двустороннего торгового сотрудничества осложняется, по существу, отсутствием национального режима для иностранных фирм и компаний. В принятии экономических решений представителями официальной власти Грузии, зачастую, превалирует политический компонент. Так, в частности, не секрет, что на

грузинские власти оказывают давление США с целью ослабить позиции ОАО «Газпром» в регионе. Помимо этого, среди факторов, ухудшающих торгово-экономическое взаимодействие двух государств, можно отметить высокий уровень коррупции и влияния властных структур на конкретные бизнес-проекты.

Что же касается российско-грузинских политических отношений, то они с момента распада Советского Союза развивались, по большей части, со знаком минус. Очередное их обострение переживается нашими странами в настоящее время. Безусловно, огромная доля ответственности за это лежит на грузинской стороне, представители которой особенно в последнее время выступают с иррациональными заявлениями, выходящими, зачастую, за грань приличия. Однако необходимо признать, что российской политике по отношению к Грузии на протяжении всего периода новейшей истории были присущи, в общем-то, знакомые уже ошибки — отсутствие четкого понимания конкретных политических целей и задач, а, следовательно, и отсутствие видимых ориентиров, к достижению которых можно было бы стремиться.

Возможно, ситуация не приобрела бы такой критический характер, если бы на территории Грузии не было бы двух нерешенных межнациональных конфликтов, порожденных провокационными действиями официального Тбилиси в начале 90-х годов. Но реальность такова, что они есть и Россия непосредственным образом принимает участие в их разрешении. Что касается позиции нашей страны по отношению к этим проблемам, то она представляется все-таки не до конца проработанной — с одной стороны Россия признает территориальную целостность Грузии, с другой стороны де-факто во многих вопросах принимает сторону абхазов и югоосетин, не прилагая при этом разумных и достаточных усилий для нормализации отношений с Тбилиси и смягчения его естественно-негативной реакции. При наличии существенных внешне-торговых связей между нашими странами, вкладывая значительные инвестиции в экономику Грузии, Москва крайне пассивно вела себя на внутривнутриполитическом треке, что, в конечном итоге, привело к утрате Россией серьезных политических позиций в республике. С первым президентом Грузии З. Гамсахурдия нормальных взаимоотношений построить не удалось как по причине непосредственной вовлеченности нашей страны в разделение воюющих сторон и последующее урегулирование грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов, так и вследствие противоречивых личных качеств грузинского главы государства. С приходом к власти в стране Э. Шеварнадзе появилась надежда на потепление и налаживание российско-грузинского диалога. Однако, сняв остроту проблем, стороны не спешили с развитием отношений, сосредоточившись на внутривнутриполитической повестке дня. За годы своего президентства Э. Шеварнадзе не удалось сколько-нибудь существенным образом улучшить социально-экономическое положение населения. Помимо того, очень остро стоял вопрос о сохранении территориальной целостности Грузии, к решению которого он также не приступал, балансируя между интересами России и Запада в регионе. Подобная стагнация власти, в конечном счете, привела к росту народного недовольства, которое в 2004 г. вылилось в смену режима и избрание на пост главы государства М. Саакашвили. Новый президент занял откровенно проамериканскую позицию и начал проводить курс на активную конфронтацию с Россией. В основу внешнеполитических приоритетов Грузии был положен тезис о ее европейской ориентации. В соответствии с концепцией национальной безопасности страны «тремя китами»

внешней политики Грузии были объявлены вступление в НАТО, ЕС, Черноморское сотрудничество в области безопасности.

Оставляя за скобками политическую недальновидность неконструктивных действий правящей грузинской элиты, представляется необходимым отметить, что подобного негативного развития событий наша страна могла бы избежать, если бы четко сформулировала для себя видение собственных национальных интересов в Грузии и вела бы целенаправленную работу по их обеспечению. Однако этого не было, равно, как и не предпринималось никаких шагов по созданию и укреплению пророссийски настроенных политических сил в стране. На текущий момент среди официальных оппозиционных партий Грузии нет ни одной, которая заявила бы о своей ориентации на развитие отношений с Россией. Об отсутствии серьезного интереса к Грузии красноречиво свидетельствует также тот факт, что до назначения действующего посла России в Грузии, эта должность на протяжении долгих лет оставалась вакантной.

В конечном итоге, несогласованность и неопределенность официальной Москвы по отношению к Тбилиси была использована оппозиционными «демократическими» силами для укрепления своего положения в стране и создания у населения Грузии образа внешнего врага в лице нашего государства. Осенью 2005 г. Тбилиси развернул антироссийскую кампанию. Грузинский парламент фактически потребовал вывести российских миротворцев из Абхазии и Южной Осетии, а также инициировал обсуждение вопроса о выходе Грузии из СНГ.

Участились провокации грузинских властей против военнослужащих Группы российских войск в Закавказье и миротворцев, им стали приписывать причастность к терроризму и криминалу. В обнародованной в декабре 2005 года «Национальной военной стратегии» Грузии российские миротворцы и российские военные базы были названы в числе угроз грузинскому государству.

Тбилиси прибегает к публичным антироссийским выпадам на различных международных форумах. Грузинское руководство использует разные поводы в контексте двусторонних отношений — переговоры по поставкам газа в Грузию, фитосанитарный контроль в России — для оголтелых обвинений в стремлении оказать политическое давление на Тбилиси.

Столкнувшись с такой массивной атакой, российские политические круги были вынуждены определяться с формулированием интересов нашей страны в Грузии, а также со своим видением будущего формата двусторонних отношений. Последовавшее затем развитие ситуации показало, что выбор был сделан в пользу умеренной конфронтации. В результате этого дипломатические отношения между нашими странами в настоящее время серьезно обострились. Стороны обмениваются взаимными упреками и обвинениями, в России был введен запрет на ввоз основных экспортных товаров из Грузии. Однако необходимо отметить, что на текущий момент нет оснований быть полностью уверенным, что этот выбор окончательный и в Москве существует однозначное осознание своей политики в отношении Тбилиси. Более правильным представляется говорить о ситуативном решении вопроса, острота которого ни у кого сейчас не вызывает сомнений.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на всю сложность двусторонних отношений в последнее время и существенное ослабление российских позиций в Грузии, наша страна все еще сохраняет за собой эффективные

рычаги воздействия на своего кавказского соседа — это и неурегулированные межнациональные конфликты на территории Грузии, и большая грузинская диаспора, проживающая в России, и вопросы пограничного и визового режима, и серьезные позиции российского ТЭК в энергетике страны. Однако практически все эти элементы влияния, хотя и смогут обеспечить защиту наших национальных интересов, но отнюдь не гарантируют нам создания устойчивой базы для дальнейшего сотрудничества и повышения авторитета нашей страны в глазах местного населения, а без этого поступательное движение вперед просто невозможно.

Отдельно хотелось затронуть еще один специфический аспект кавказской политики России. Характерной особенностью отношений нашей страны со всеми государствами Закавказья на нынешнем этапе является наличие в России крупных этнических диаспор выходцев из этого региона. По данным экспертов, речь идет о 2–2,5 млн. граждан каждого из трех государств Южного Кавказа. Многие из них приняли уже российское гражданство, но продолжают поддерживать тесные связи со своей Родиной.

Представителям этих этнических диаспор удалось наладить свой бизнес в нашей стране, некоторым из них даже добиться в этом определенных успехов. Представляется необходимым отметить, что эти люди пока не сильно инкорпорированы в российское общество, несмотря на то, что свой выбор в пользу России они уже сделали. Подобные диаспоры представляют собой не только эффективный рычаг влияния на политический курс закавказских республик, но и ту самую пророссийски настроенную часть населения, на которую в перспективе можно было бы опереться при создании прочных двусторонних отношений со странами Южного Кавказа. К сожалению, на текущий момент остается лишь констатировать, что этот, без сомнения, важный ресурс межгосударственного общения в позитивном контексте нашей страной практически не используется. Россия пока ограничивается лишь репрессивными мерами — введением ограничений на перевод денежных средств или визового режима, — не подкрепляя эти действия попытками активного включения представителей проживающих в России диаспор в политическую жизнь на своей Родине.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить следующие основные тезисы. В середине 90-х годов прошлого века Россия самостоятельно, в основном по собственным внутривнутриполитическим соображениям свернула кавказский вектор своей внешней политики. Не останавливаясь на анализе причин такого выбора, можно сказать, что наша страна, по сути, «ушла» из Южного Кавказа, самоустранилась от участия в региональной политике, забыв, что сама является крупнейшим кавказским государством и самой мощной геополитической силой в Закавказье. Однако, несмотря на это, объективная реальность не оставила руководителям Российской Федерации иного выбора, кроме как вновь стать вовлеченной в дела уже серьезно изменившегося региона. Другими словами, кавказские государства своими действиями на внешнеполитической арене заставили Россию определяться с ее приоритетами в их отношении.

Как представляется, на текущий момент еще рано говорить о восстановлении какого-то реального влияния нашей страны в регионе, скорее речь идет о потенциальных возможностях, которые, действительно, огромны. У России есть все средства, при помощи которых она способна в относительно короткие сроки усилить свою геополитическую роль в Закавказье, что, отчасти, даже совпадает с объективными

экономическими интересами отдельных кавказских государств. Но на практике пока мало что происходит. Причины этого лежат в нерешенности главного вопроса последних лет, а чего же, собственно, Россия хочет добиться на Кавказе? Отсутствие четкого понимания своих интересов существенно тормозит налаживание широкого двустороннего диалога с кавказскими государствами и на деле создает реальные трудности для нашей страны. (Достаточно вспомнить хотя бы негласную поддержку Г. Алиевым чеченских сепаратистов в середине 90-х годов прошлого века или имеющиеся на настоящий момент разногласия с Грузией по вопросу вступления нашей страны в ВТО). Россия еще не начала свою «кавказскую» партию и пока занимает выжидательную позицию. Таким образом, уходит драгоценное время, за которое многое, может быть, удалось бы наверстать. С другой стороны до тех пор пока наша страна не начнет действовать, остается так до конца не понятной степень решимости России заняться урегулированием «кавказских» дел, равно как и границы распространения интересов России на Кавказе в их современном российском понимании. Другими словами, ничего не делая — не совершаешь ошибок. Пока что их совершают больше всех США, способствуя росту недовольства своими действиями и исподволь повышая интерес к сотрудничеству с нашей страной. Однако насколько оправдана такая выжидательная политика Москвы, не является ли пассивность главной ошибкой — покажет время.

Социально-политическая ситуация в Южном федеральном округе в аспекте безопасности (некоторые проблемные «узлы» и новые факторы развития)²¹⁸

В. Н. Рябцев

В отличие от других российских территорий, Южный федеральный округ (далее — ЮФО) лежит, что называется, на «направлении главного удара», или, как говорят специалисты, на южном стратегическом направлении. *Южном...* — потому что именно здесь Россия в наибольшей степени приближена к экватору. *Стратегическом...* — потому что именно здесь наша страна выходит к зоне «Черноморье — Кавказ — Каспий». А это как раз тот макрорегион, который в условиях распада Советского Союза и его обширной сферы влияния приобрел особую геоэкономическую и геополитическую значимость. Тому есть разные причины. Но главное в том, что он занимает особое положение в мировом геопространстве. Во-первых, он находится между территориально усеченной, но все еще достаточно большой державой — Россией и Объединенной Европой, которая все дальше расширяется на восток, проникает в глубь Евразии. Во-вторых, здесь Россия выходит на Ближний и Средний Восток, который является кладовой углеводородов (прежде всего нефти) и контроль над которым в условиях обостряющейся энергетической безопасности приобретает все большую остроту. Наконец, в данном сегменте мирового пространства имеет место стык расширяющейся сферы влияния Китая с его быстро растущей экономикой и арабо-мусульманского мира, вбить клин между которыми так хотят сегодня США.

²¹⁸ Помимо указанных в конце доклада источников, автор использовал данные собственных полевых исследований и экспертных опросов на Кавказе, проведенных в период с апреля по октябрь 2008 г., а также ряд информационно-аналитических материалов из региональных СМИ.

В этой связи следует подчеркнуть особую значимость Кавказа (и для Юга России, и для нашей страны в целом). Ведь не случайно один из родоначальников российской геополитики, блестящий публицист и военный деятель Р. А. Фадеев говорил о том, что «государство, упирающееся в Черное и Каспийское моря, не может быть равнодушно к тому, что происходит на кавказском перешейке, который в полном смысле командует этими морями». Вот почему Москва должна постоянно уделять внимание Кавказу и — шире — южному стратегическому направлению. И в те периоды своей истории, когда она это делала, мы имели надежный «пояс безопасности» у своих южных границ. Тогда же, когда власть предрасположенная игнорировала географические и геополитические реалии на Юге, как это было, например, в течение 1990-х годов, Россия получала наибольшее число вызовов и угроз, многие из которых позднее затягивались в настоящие «узлы противоречий» (и речь идет не только о чеченской драме). Сегодня вроде бы ситуация не самая тяжелая. Все-таки внимание российского руководства к делам на Юге очевидно. И тем не менее есть ряд моментов общеполитического и геополитического порядка (в плане характеристики нынешнего развития российского Юга и Северного Кавказа), которые не могут не вызывать озабоченность.

Предлагаемая ниже аналитическая записка (по сути, это экспертная оценка) состоит из двух частей, делится, условно говоря, на ту часть, где указываются факторы уязвимости ЮФО в современных условиях, и ту, которая указывает на некоторые новые факторы — важные как для развития ЮФО, так и России в целом (не все они при этом положительные).

I. Общеполитические и геополитические факторы уязвимости Южного федерального округа в современных условиях

Южная периферия нашей страны... Извечно уязвимый сегмент российского политического пространства (когда-то царской Империи, затем «империи Кремля», в настоящее время переживающей этап становления Российской Федерации)... Мало кого сегодня можно удивить теми характеристиками, которые говорят о давно наметившейся неблагоприятной тенденции к превращению его в нестабильный, конфликтный регион. Он как был, так и продолжает оставаться для федерального Центра «трудным» в плане управления, отличается наличием целого ряда застарелых проблем. В этой связи стоит обратить внимание на ряд наиболее важных из них.

Так, например, не снята «глубоко укорененная» чеченская проблема, (типичный внутрисоветский конфликт по оси «Центр — периферия» немеждународного характера), хотя внешне она вроде бы медленно, но все-таки решается на пути идущего миростроительства и продолжающейся легитимизации режима Р. Кадырова. Действительно, к лету 2006 г. (с уничтожением таких одиозных лидеров «чеченского сопротивления», как Ш. Басаев, Абу-Хафс и А.-Х. Садулаев и др.) вооруженный конфликт на территории Чечни оказался фактически завершенным. Большую роль в этом сыграли два события: во-первых, визит А. Кадырова в Саудовскую Аравию, когда в обмен на «интеграцию» во вновь формируемую чеченскую власть ряда соратников А. Масхадова А. Кадыров заручился обещанием Эр-Рияда отозвать с Северного Кавказа значительную часть арабских моджахедов и прекратить финансирование сил «чеченского сопротивления», и, во-вторых, визит В. В. Путина на Ближний Восток в феврале 2007 г., прежде всего его переговоры с руководством Саудовской Аравии,

которое фактически дало обещание прекратить «экспорт террористических услуг», а заодно с ним и переброску групп боевиков на Северный Кавказ, что уже окончательно положило конец второй чеченской кампании.

Однако, зная расклад сил в современном чеченском социуме и отдавая отчет в непростых межтайповых и межрайонных (по оси «горы — равнина») взаимоотношениях, можно констатировать: до настоящего, или, как говорят конфликтологи, «позитивного» мира в республике еще далеко. Не удивительно, что по степени инвестиционной привлекательности из всех российских регионов Чеченская Республика занимает едва ли не самое последнее место, т.е. обладает наивысшим показателем в плане инвестиционных рисков (хотя в 2007 г. лед вроде бы тронулся...). Да и цена, которую Москве пришлось заплатить за то, чтобы Чечня осталась в составе нынешней России, немалая. Помимо тех колоссальных человеческих жертв, финансовых затрат и тяжелейших социальных последствий, которыми ознаменовались обе чеченские кампании, Москве приходится сегодня признать еще одну неприятную вещь — то, что она фактически проиграла Западу т.н. «транзитную войну» на Кавказе. Ведь фактом является то обстоятельство, что как ни старалась Москва, но ей не удалось сохранить свою монополию на прокачку нефти по «северному» маршруту и предотвратить запуск выгодного Турции и США нефтепровода «Баку — Тбилиси — Джейхан», который был запущен в 2005 г. и вроде бы успешно функционирует. Одновременно с этим сегодня налицо потеря интереса к нефтепроводу «Баку — Новороссийск» со стороны Азербайджана, в силу чего этот нефтепровод испытывает постоянные перебои, недогрузку.

Далее. До сего дня минимальным было продвижение на пути решения давно поставленной руководством страны задачи по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта, поскольку налицо непреодолимые трудности в вопросе возвращения вынужденных переселенцев в места их прежнего проживания. И трагические события августа с.г. в Южной Осетии, вызванные грузинской агрессией и вызвавшие массовый исход юго-осетинских беженцев (кударцев) из зоны боев в направлении Северной Осетии только усилил и без того напряженную обстановку вокруг Пригородного района (поскольку известно, какую роль некогда сыграл т.н. «кударский фактор» в возникновении осетино-ингушского конфликта). И это в ситуации, когда в ряде субъектов федерации на Северном Кавказе (в том числе и в находящейся рядом с зоной этого конфликта Ингушетии) далеко не снята угроза исламского радикализма. Не всегда же обдуманное действие местных властей типа тех, что они применяют в отношении оппозиции и оппозиционно настроенных СМИ власти Республики Ингушетия только подливают масла в огонь.

Более того, в ряде субъектов ЮФО не только сохраняется, но даже *воспроизводится социальная база* такого рода деструктивной деятельности. Особенно уязвимым в этом отношении, помимо той же Ингушетии, остается Дагестан, отличающийся перманентным силовым противостоянием исламских радикалов и представителей правоохранительных органов; не снята такая угроза в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии. Причем, заметим, это имеет место на фоне той деликвентности (с точки зрения российской правоприменительной практики), которая вообще характерна для Северного Кавказа, которая традиционно отличает значительные слои населения этого региона и которая за последние годы только усилилась. Реалии суть таковы, что в регионе в целом сохраняется *благоприятная почва для роста политического*

экстремизма и терроризма, увы, может быть даже более глубокая, чем для прежних «радуевщины» и «басаевщины». Это «благоприятствование» выражается в триаде: наличие большого числа незанятого молодого населения, дефицит плодородной земли (которая в массовом сознании многих народов Северного Кавказа считается «этнически закрепленной») и отсутствие в регионе сколь-нибудь значимых ресурсов, экстенсивный характер экономики при постоянных «инъекциях» из Центра, съедаемых (как правило) местными «князьками» и их окружением.

Проблема в том, что в 1990-е гг. фактически была сломана та система «сброса» трудоизбыточного населения, которая сложилась за годы существования советской власти (полуофициальная коммерческо-предпринимательская деятельность плюс сезонные работы, в основном за пределами Северного Кавказа) и не сложилась новая, которая позволяла бы эти трудовые ресурсы рассосать. Если учесть еще и то обстоятельство, что Северный Кавказ — это густонаселенный и многочисленный регион нашей страны, где естественный прирост населения заметно опережает темпы потребностей в трудовых ресурсах, то нетрудно сделать вывод о создавшейся здесь весьма благоприятной обстановке для произрастания «семян» политического экстремизма и терроризма.

Не удивительно, что на отдельных территориях Северного Кавказа в 90-е гг. прошлого века и позже терроризм фактически стал способом существования ничем не занятых молодых и агрессивно настроенных людей — людей, которые, не считаясь с обычаями предков и стремясь показать свой «горский характер», могут только одним способом компенсировать свою психологическую ущербность, а именно: практикуя в своей жизни криминально-террористические технологии, причем с явной тенденцией их распространения на собственно российские регионы. Не стоит также забывать, что вся эта практика «негативного жизнестроительства» на отдельных территориях Северного Кавказа щедро «подпитывалась» извне определенными религиозно-политическими кругами и радикальными представителями северокавказских диаспор на Ближнем Востоке (имея, прежде всего, ваххабитскую «прописку»), то картина вырисовывается достаточно четкая.

Достаточно сложной в социальном отношении ситуация остается и сегодня. Так, если говорить об одной только Чечне, то официально показатель безработицы равняется 300 тыс. человек (это данные на начало 2008 г.), причем $\frac{3}{4}$ из них не имеют какого-либо профессионального образования, а многие — вообще какого-либо опыта трудовой деятельности). Не удивительно, что, несмотря на некоторую, в основном поверхностную, социально-политическую стабилизацию молодежь все равно продолжает «уходить в горы», тем более что специфика сложившегося в Чечне режима («кадыровщина») суть такова, что постоянно подпитывает внутричеченскую конфликтность и, более того, втягивает в эти внутричеченские «разборки» федеральный Центр.

Нельзя не сказать и о том, что далекая от последовательности и тонкости в отношении исламского подполья в целом и уничтожении военной составляющей «местных» конфликтов в частности политика привела к тому, что на Северном Кавказе начался процесс создания рафинированного городского подполья, куда более опасного для Москвы и подконтрольных ей местных администраций. Для успешной борьбы с таким подпольем необходимо слишком многое менять в самом руководстве республиками Северного Кавказа, на что пока политической воли и сил нет. Ведь главная задача —

серьезная и глубокая модернизация северокавказских республик (и, стало быть, достаточно болезненная трансформация местных локальных социумов, влекущая за собой ломку вековых укладов и механизмов социального контроля!) — остается не просто не решенной, но даже, по существу, еще и не начатой решаться.

Еще один негативный момент в политической «картине» региона — это вытеснение коренного населения со стороны этнических групп, обладающих высокой репродуктивной способностью и миграционной мобильностью (т.н. «сукцессия») и налицо вообще резкое изменение этнодемографического баланса на территориях Юга, где раньше доминировали русские (с некоторых территорий русские просто уходят или уже ушли). И хотя в некоторых субъектах федерации (например, в Дагестане) предпринимаются некоторые усилия в плане приостановки такого рода «исхода русских», общей картины это пока не меняет.

Далее. Растет число острых межэтнических конфликтов на локальном уровне, уже создающих серьезные проблемы для руководства крупных и исконно русских территорий Юга (включая Ростовскую и Астраханскую области). Перманентная нестабильность в сфере межэтнических отношений сохраняется на юго-востоке Ставрополья и в ряде других районов этого края, отголоски чего доходят уже даже до краевого центра (см., например, события в Ставрополе в мае 2007 г.). К сожалению, имеют место признаки «раскола» Юга России в социально-культурном отношении, поскольку в регионе все больше проявляет себя негативная тенденция — жесткое противопоставление этоса²¹⁹ кавказцев этосу русских, причем активность в этом плане исходит от кавказцев (в некоторых в северо-кавказских республиках, точнее говоря, на отдельных их территориях это приводит к архаизации общественной жизни и даже к ее известной «варваризации»).

Данная тенденция, к тому же, в известной мере «накладывается» на усиливающиеся экономические различия и — можно сказать даже шире — на различия между хозяйственно-экономическими укладами двух групп субъектов федерации: национальных республик (прежде всего, но не исключительно, Чечни, Дагестана и Ингушетии) и территорий т.н. «русского Юга» (это Астраханская и Ростовская области, а также Краснодарский край). А «накладываясь» на эти различия, закрепляет их, делая весьма ощутимым соответствующий раскол. Дело в том, что национальные республики во многом характеризуются экономической депрессивностью, что усиливает и без того существующий разрыв между территориями. Скажем, вышеназванные республики — дотационные на 80% бюджета территории, они не обеспечивают своему населению и 100% прожиточного минимума (правда, здесь приходится делать скидку на реально имеющие место теневые доходы отдельных групп населения). В то же время, например, среднемесячная номинальная зарплата (по данным на 2005 г.) в Астраханской области составила 5499,0 руб., а в Краснодарском крае — 4818,5 руб., что тоже ниже общероссийского уровня на 20–25 %, но составляет 1,7–1,8 стоимости фиксированного набора потребительских услуг. Такого рода территориальная неравномерность уровня жизни только закрепляет ареалы депрессивных поселений и даже целых районов, которые могут существовать исключительно за счет средств

²¹⁹ Напомним, что этим понятием специалисты в области этносоциологии называют институционализированную систему ценностей, которая как бы «маркирует» определенную этническую или этносоциальную общность в ряду ей подобных.

федерального бюджета. Это, однако, вовсе не исключает существования внутри этих ареалов и районов значительных сегментов «теневой» и/или «серой» экономики, уходящей своими корнями в криминальную среду.

Если же говорить о Юге России в целом, сравнивая его с другими макрорегионами нашей страны, то он явно не блещет, поскольку такой важный показатель, как производительность труда на душу населения, здесь в 2,5 раза ниже, чем в среднем по стране.

Но, помимо этих внутривнутриполитических моментов, следует отметить тот факт, что далеко непростая ситуация складывается сегодня для ЮФО в геополитическом плане, поскольку весьма сложные и далеко неоднозначные процессы и явления имеют место в непосредственном международном окружении нашего Округа, а именно: в Причерноморье и на Южном Кавказе (без них понять многие процессы, протекающие сегодня в пределах ЮФО не представляется возможным). Причем здесь есть точки сильного напряжения и настоящие «узлы противоречий». Прежде всего и по преимуществу, мы имеем в виду систему двусторонних взаимоотношений нашей страны с Украиной и Грузией, которые как раз всю историю и выстраивались через территорию российского Юга и Северного Кавказа. Отношения с последней, уже давно вошедшие в состояние «холодной войны», после авантюры Тбилиси в Южной Осетии в августе с.г. вообще перешли в формат взаимоотношений с враждебным государством с очевидной перспективой полного разрыва дипломатических отношений. Отношения с данными государствами столь важны для России и ощутимы для ЮФО, что без понимания их специфики нельзя понять природу многих процессов, протекающие в пределах ЮФО. Отношения, например, с Грузией, уже давно вошедшие в состояние «холодной войны», после авантюры Тбилиси в Южной Осетии в августе с.г. вообще перешли в формат взаимоотношений с враждебным государством с очевидной перспективой полного разрыва дипломатических отношений. Разве это не отражается на социально-политической ситуации в ЮФО (причем речь идет не только о Северной Осетии)? Итак, о чем конкретно идет речь?

Так, в российско-украинских отношениях до сих пор не урегулирована проблема статуса Азовского моря и вопрос о прохождении границы в Керченском проливе (и то и другое напрямую задает интересы Юга России, особенно россиян, живущих на приграничных с Украиной территориях). Понятно, что в наших интересах было бы скорейшее урегулирование вопроса о правовом статусе Азовского моря и Керченского пролива, что, с точки зрения, Москвы, предполагает: 1) определение Азово-Керченской акватории как внутренних вод России и Украины, исключающее какие-либо разграничения между ними морских пространств, 2) рассмотрение Азовского моря и Керченского пролива как целостного хозяйственного комплекса, используемого обоими государствами, т.е. являющегося объектом общего пользования в целях судоходства и рыболовства; 3) разграничения дна Азовского моря для целей недропользования, т.е. определение участков, где Россия и Украина имеют исключительные права на ресурсы дна и недра, на их разведку и разработку.

Поэтому если в обозримой перспективе свои отношения с Украиной России не удастся урегулировать в выгодном для себя ключе, то она встанет перед необходимостью любой ценой обеспечить выход из Каспия через Волго-Донской канал в Азовское и Черное моря, памятуя о старой истине, согласно которой «истинное устье Дона — это Керченский пролив» (В. Л. Цымбурский). И у Москвы не будет

иной альтернативы, кроме как рассмотреть в качестве геоэкономического приоритета вариант строительства канала из Темрюкского залива в Черное море, минуя Керчь, хотя понятно, сколь ощутимыми должны быть затраты на такой проект.

Киев постоянно давит на Москву из-за присутствия ВМС РФ в Севастополе и в целом в Крыму, хотя этот вопрос вроде бы до 2017 г. не должен подниматься. Поэтому Москва уже сейчас озабочена тем, куда именно и как конкретно ей придется передислоцировать Черноморский флот. Вопрос очень серьезный, учитывая то обстоятельство, что передислоцировать его придется на кавказское побережье (прежде всего это, конечно, коснется Новороссийска, где к 2020 г. де-факто должна быть оборудована новая военно-морская база, на создание которой из госбюджета выделена немалая сумма — 40 млрд руб.). Ясно, что в этом случае значительно возрастет давление на уникальную природную среду и всю хозяйственно-экономическую инфраструктуру России в полосе от Тамани до Адлера (а ведь к побережью Черного моря уже выходят такие ориентированные на экспорт линии транзита углеводородов, как нефтепровод «Баку–Новороссийск», Каспийский трубопроводный консорциум и газопровод «Голубой поток», идущий от ст. «Береговая» в районе пос. Джубга в Турцию). Не будем забывать также, что идут проектные работы по строительству автодороги «Минеральные Воды–Черкесск–Адлер», которая должна стать своеобразным «золотым туристическим кольцом» Юга России. С вводом ее в строй и созданием соответствующей дорожной инфраструктуры нагрузка на природную среду черноморского побережья и заповедной зоны на Западном Кавказе возрастет в геометрической прогрессии.

Вообще надо сказать, что перед Россией встает многоплановая задача форсированного развития Азово-Черноморского бассейна и совершенствования здесь портовых комплексов с доведением их до мирового уровня. Сочетать все это с развитием курортно-санаторных услуг, традиционных для этого сегмента ЮФО, и созданием здесь (как, например, в Приазовье рядом с п. Катон) развлекательных зон, будет далеко не просто. И решить эту задачу только усилиями «южан» невозможно. Здесь необходимо «вмешательство» федерального Центра.

Но на украинском направлении Россию могут ожидать и куда большие неприятности. Это произойдет в том случае, если атлантически настроенные круги этой страны осуществят-таки свои чаяния и форсируют вступление Украины в НАТО (пока вопрос отсрочен — по крайней мере, до декабря с.г.).

В этом случае развертывание натовской инфраструктуры вблизи границ России станет реальностью, а стало быть, резко возрастет угроза для крупных городских центров и коммуникаций ЮФО. Такая угроза, увы, существует, поскольку за последние полтора–два года Украиной был сделан ряд практических шагов, направленных на углубление ее отношений с НАТО. В их числе: одобрение Верховной Радой при поддержке Правительства Меморандума об использовании стратегической транспортной авиации Украины в операциях НАТО; принятие Советом национальной безопасности и обороны (СНБО) Украины позитивного решения об участии Украины в мероприятиях НАТО на Средиземном море в рамках общей операции «Активные усилия»; принятие СНБО Украины решения о направлении украинского миротворческого контингента в Афганистан для участия в операциях Североатлантического альянса; поддержка Правительством Украины участия своей страны в операции по поддержанию мира в Косово и выделение Верховной Радой денег для этого. Нельзя

не назвать и такие шаги нынешней «оранжевой» власти в Киеве, как разрешение на заход судов ВМС США в порты Крыма с целью участия в военных учениях на территории полуострова («благо» соответствующее решение было принято Верховой Радой), что вызвало бурный протест крымчан и неодобрительную реакцию большинства жителей Юго-Востока Украины. Впрочем, эти примеры можно продолжать и продолжать.

Оставляют желать лучшего российско-грузинские отношения. Все последние годы официальный Тбилиси оказывал жесткое давление на Москву по вопросу вывода российских военных баз с грузинской территории, выражал явное недовольство миротворчеством России в зоне грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, неоднократно бросал упреки России в «пособничестве» сепаратистам, открыто обвинял Москву в «газовом шантаже» и т.д. В итоге все это вылилось в резкое обострение российско-грузинских отношений в связи с проведением Тбилиси военной операции «Чистое поле» в зоне грузино-югоосетинского конфликта.

В этом смысле Москву не может не тревожить то обстоятельство, что полным ходом идет натоизация этой страны. Ныне налицо тесное взаимодействие Грузии и НАТО, формат которого определяется как «интенсивный диалог». И хотя вопрос о выводе Грузии на новую ступень взаимодействия с Североатлантическим альянсом — принятие для этой страны Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ) отложен, тем не менее, официальный Тбилиси ведет себя так, как будто Грузия уже является членом Альянса. Ведь, как известно, в январе 2008 г. одновременно с президентскими выборами в Грузии был проведен общенациональный референдум о вступлении страны в НАТО (январь 2008 г.), по результатам которого вроде бы 72,5% принимавших участие в голосовании сказали принятию своей страны в НАТО «да».

НАТО же, в свою очередь, присматривается к бывшим советским и российским базам в Грузии. Так, не без давления со стороны Брюсселя, Турция затратила более 1 млн долл. на реконструкцию бывшего советского аэродрома в Марнеули, что в 30 км от Тбилиси (это единственный на Кавказе военный аэродром на котором могут приземляться турецкие военные самолеты). В последнее время актуализирован военный аэродром в Сенаки на западе Грузии, где также находилась советская база, причем это было сделано под видом турецкой «помощи» в тушении пожаров. Со стороны НАТО имеет место постоянный мониторинг состояния авиабаз Грузии для проведения ежегодных учений ВВС в рамках «Программы «Партнерство ради мира».

Большим подспорьем в этом для вершителей т.н. «революции роз», ныне заправляющих на политическом Олимпе Грузии, является их взаимодействие с США, де-факто установление отношений стратегического партнерства с элементами союзнических отношений. Факты таковы, что еще в 2003 г. американцы демонстративно ввели в эту страну своих военных инструкторов для выполнения т.н. «ограниченных задач» по охране Панкисского ущелья (а это, как известно, прямой путь на Чечню) и для содействия (!?) военным реформам. Со временем их численность достигла ни много ни мало 2,5 тыс. человек. Американцами (и натовцами) не только реконструируются и постепенно обживаются бывшие советские базы, но и вводятся в строй новые (так, недавно была введена в строй база по подготовке военнослужащих горно-стрелковых подразделений в Сачхерском районе). И это на фоне того, что во исполнение ранее взятых на себя договоренностей Россия практически вывела свои базы с грузинской территории.

Операцию по наведению «полицейского порядка» в верхней части Кодорского ущелья летом 2006 г. Госдепартамент США ободрил, даже в пику реакции ООН в лице Миссии ООН по наблюдению в Грузии (МООННГ). Москва же категорически была против этого, поскольку это усугубило тогда и без того сложную ситуацию в зоне грузино-абхазского конфликта и фактически сорвало переговорный процесс между Сухумом и Тбилиси, который и без того находился в вялотекущем состоянии. Наконец, еще один штрих. Показывая свою максимальную лояльность США, в марте 2005 г. Грузия предоставила свою территорию для транзита сил и личного состава НАТО, направлявшихся в Афганистан.

Однозначная ориентация Грузии на США и НАТО, а заодно с ними и Турцию и, что особенно важно, плотный патронаж этих игроков по отношению к «демократическому» режиму М. Саакашвили позволяет последнему делать то, что он делает, и что в итоге выливается в операции типа августовской авантюры в Южной Осетии. Дело в том, что нынешняя Грузия — это одно из немногих государств на постсоветском пространстве, которое демонстрирует устойчивую тенденцию к росту военного бюджета, что сопровождается нарастанием соответствующих амбиций политического руководства. Так, на 2007 г. Правительство Грузии планировало увеличение военного бюджета страны почти вдвое — с 513 млн лари (303 млн долл) до 957 млн лари (566 млн долл). По данным экспертов, в Грузии имеет место беспрецедентный рост военного бюджета — почти в 5 раз (и это для такой экономически слаборазвитой страны)! По заявлению, сделанному президентом М. Саакашвили в ноябре 2007 г. военный бюджет Грузии составлял 9–10% ВВП и существенно снижаться в ближайшее время не будет (интересно, что в России он составляет сегодня всего лишь 3%). Для сравнения: денежные переводы грузинских мигрантов, живущих и работающих в РФ, составляют 20% бюджета этой небольшой страны.

В сентябре 2007 г. Парламент Грузии приступил к рассмотрению инициативы М. Саакашвили об увеличении численности ВС Грузии с 28 тыс. до 32 тыс. чел. И спустя некоторое время численность только регулярных сил грузинской армии стала составлять уже 33 тыс. чел. Незадолго до трагических событий в Южной Осетии была озвучена цифра куда большая: 37 тыс. человек. Но, пожалуй, самым решительным шагом на пути демонстрации возросших военных амбиций нынешнего грузинского руководства стало сделанное в мае 2008 г. заявление официального Тбилиси о выходе Грузии из системы ПВО стран СНГ, при том, что за несколько месяцев до этого им было высказано неременное желание войти в систему НАТО по обмену данными радаров (*Air Situation Data Exchange System*) в рамках Плана индивидуального партнерства с НАТО.

Россия вообще не может сегодня закрывать глаза на то, что идет форсированная атлантизация этой страны, чреватая созданием (в перспективе) в непосредственной близости от границ ЮФО натовских или американских баз, а возможно, тех и других баз вместе взятых. Получить такой «подарок» в условиях подготовки к Олимпиаде-2014 в районе Большого Сочи явно не в планах Москвы. В этой связи некоторые эксперты по Кавказу обращают внимание на тот факт, что покой М. Саакашвили заявляет, что у него нет претензий на этот российский город, но он вполне способен их выдвинуть. Ведь обратилась же группа грузинских политиков в марте 2007 г. к Совету национальной безопасности Грузии и Высшему Совету по объединению страны с требованием предъявить территориальные претензии к России и потре-

бовать возвращения бывшего Клухорского района Грузии и... ни много ни мало района Сочи–Красная Поляна–Адлер. Почему бы не поставить этот вопрос вновь?

Все это и ряд других моментов свидетельствует о том, что рядом с границами ЮФО создается мощный военно-политический плацдарм, с которого известные нам «заинтересованные стороны», помимо давления на строптивый Иран, могут вести свои операции по дестабилизации российского Северного Кавказа, что, впрочем, уже подтверждается на практике (тут можно упомянуть резкое обострение ситуации в Ингушетии, очередной всплеск террористической активности в Дагестане и т.д. весной, летом и ранней осенью с.г.).

Но, помимо того, что сегодня для России складывается непростая геополитическая ситуация непосредственно в зоне «Черноморье–Кавказ–Каспий», к числу угроз ее национальной безопасности добавляется эскалация международной напряженности вокруг Ирана с его ядерной программой. А ведь наша страна является соседом и серьезным деловым партнером Ирана. Поэтому не только боевые действия против этой страны, связанные с ее «принуждением» к отказу от разработки ядерной программы, но даже простая дестабилизация ситуации в этом полиэтничном государстве могут обернуться для России неисчислимыми бедами. Силовой вариант действий США в отношении Ирана и/или дестабилизация этой страны абсолютно не в интересах России, которая активно работает с Ираном в таких сферах, как ядерная энергетика, военно-техническое сотрудничество или морские транспортные коммуникации. Чего стоит, например, один только транспортный коридор «Север–Юг» с выходом на Астрахань, Лагань и п. Оля?! Для реализации геоэкономической стратегии Москвы на Каспии в направлении Центральной Азии он просто жизненно необходим. В отличие от ситуации на Черном море, выход из которого в известной мере «закрыт» зоной Проливов, а режим судоходства жестко контролируется турецкой стороной (оба эти обстоятельства до некоторой степени обесценивают значение российских портов), на Каспии — иная ситуация. Здесь уже Россия имеет «особое мнение», и она намерена жестко реагировать на вмешательство внерегиональных акторов в т.н. «каспийский процесс». Она может (и должна) контролировать основные торговые потоки на Каспии, а также в системе речных транспортных коридоров по оси «Север–Юг».

Поэтому Москва никак не заинтересована в милитаризации Каспийского бассейна, попытки чего, к сожалению, имели место в последние годы (заметим: не без участия внерегиональных сил) и заслон чему вроде бы был выставлен на последнем саммите прикаспийских государств (Тегеран, октябрь 2007 г.). Но она продолжает не без тревоги следить и за тем, как набирает военную силу Азербайджан и как растут его соответствующие амбиции. Так, например, по данным агентства *Forecast International*, если в 2006 г. расходы этой страны на оборону составляли 673 млн долл., то на 2007 г. намечен 29-процентный рост, вплоть до уровня 871 млн долл. Более того, высшим руководством страны озвучиваются планы увеличения военных расходов до 1 млрд долл. к концу финансового года. Это, в частности, связано с фактической неурегулированностью застарелого карабахского конфликта и возможностью эскалации напряженности в отношениях Еревана и Баку.

Уж, тем более, с опасениями Россия следит за тем, как на ее южных рубежах медленно, но верно появляется очередная ядерная держава. Ибо Москве трудно

квалифицировать как «благо» то обстоятельство, что в зону поражения со стороны возможного противника (при использовании Ираном своих ракет класса «Шах-3») попадает не только Южный Кавказ, но практически весь ЮФО. Но, прежде всего и по преимуществу, серьезные проблемы возникнут для Москвы в таком сложном и перманентно нестабильном регионе, как Северный Кавказ. А ведь этот регион, как мы помним, в 1990-е гг. уже испытал на себе воздействие мощнейшей миграционной «волны», пришедшей на Кубань и Ставрополье из Южного Кавказа, в том числе непосредственно из зоны нагорно-карабахского конфликта, в результате чего не только в ЮФО, но и в России в целом сформировались довольно-таки большие армянская и азербайджанская диаспоры. Весь вопрос в том: выдержит ли Россия еще одну или даже несколько демографических «волн», которыми неизбежно будет сопровождаться эскалация напряженности вокруг Ирана и, тем более, прямые боевые действия со стороны США «со товарищи»...? Вопрос не риторический, учитывая, что новые миграционные потоки пройдут, прежде всего, через т.н. «южнороссийский конус».

II. О некоторых новых факторах регионального развития, непосредственно влияющих на социально-политическую ситуацию в ЮФО

В последнее время появился и «заявил о себе» ряд новых факторов регионального развития, которые, на наш взгляд, уже повлияли на социально-политическую ситуацию в этом сегменте общероссийского пространства, но в еще большей степени будут влиять на нее в ближайшем будущем. Перечислять все эти факторы у нас нет возможности, поэтому выделим из них наиболее важные. С нашей точки зрения, их три.

Первым в ряду таковых является *фактор Евразийского судоходного канала* между Каспийским морем и Азово-Черноморской акваторией, что позволяет соединить Каспий с Мировым океаном.

У идеи строительства такого рода канала между двумя морями давняя история. Оно, кстати сказать, и было начато в 1936 г. и до начала войны в 1941 г. были построены Усть-Маньчский, Веселовский и Пролетарский гидроузлы, которые превратились в соответствующие водохранилища. Целевым зданием (если можно так сказать) нынешнего обсуждения и первичного проектирования, которое было инициировано президентом Казахстана Н. Назарбаевым, является ежегодная транспортировка 30 млн тонн нефтепродуктов из Казахстана и Туркмении по территории России, а также других товаров Средней Азии и России на европейский рынок. Общим же контекстом, в котором проблематика Евразийского судоходного канала рассматривается сегодня, является Международный транспортный коридор (МТК) «Север–Юг» из Азии в Европу, частично совпадающий с уже действующим паромным сообщением на Каспии между российским и иранскими берегами.

Экспертами и управленцами высказываются различные варианты расширения возможностей широтного транзита в рамках этого МТК, учитывая фактическую исчерпанность потенциала действующего Волго-Донского судоходного канала (ВДСК). Резкую актуализацию этот вопрос получил после IX Петербургского международного экономического форума (июнь 2007 г.) и саммита прикаспийских государств (Тегеран, октябрь 2007 г.). В течение 2007–2008 гг. идея канала активно обсуждалась на Нижней Волге и в Дагестане.

В принципе обсуждаются два варианта прокладки нового судоходного канала между Каспием и Азово-Черноморским бассейном: проведение ВДСК-2 (по идее, он должен пройти южнее нынешнего «Волго-Дона», минуя Цимлянское водохранилище) и прокладка совершенно нового канала «Евразия», который должен был бы пройти по Куме, через Восточный Маныч и Западный Маныч, и далее в Азовское и/или Черное моря (конкретный вариант маршрута его западного участка, правда, до конца еще не определен). Справедливости ради, отметим, что в свое время обсуждался также проект канала «Казак», который соединил бы реки Терек и Кубань, но в силу его малой реалистичности сегодня о нем почти не говорят.

На сегодняшний день проект канала «Евразия» выглядит предпочтительнее, чем два других. Строительство нового глубоководного, в перспективе — международного морского канала позволило бы России сполна реализовать ее возможности в плане предоставления транспортных услуг странам Европы и Азии, грузооборот между которыми постоянно растет. А это значит, что данный канал, будучи построенным, безусловно, усилит позиции России как ключевой транзитной страны в пространстве МТК «Север–Юг». Что же касается его значимости для решения внутренних проблем, то надо учитывать, что «Евразия» имеет своей целью способствовать динамичному и устойчивому развитию огромной территории (как минимум, четырех субъектов РФ). Не случайно у проекта свое лобби в российских коридорах власти: руководители Дагестана, Калмыкии и Ставропольского края. Правда, у проекта ВДСК-2 тоже есть солидная группа поддержки: весьма авторитетные губернаторы Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей. Пока две эти группы в целом уравнивают друг друга.

Но есть вещи много более важные, чем амбиции соответствующих региональных лидеров. Ведь начало комплекса работ по строительству канала «Евразия» и уж, тем более, запуск его в строй позволил бы решить очень *важную «задачу Развития» в масштабе всего ЮФО*, а именно: привлечь инвестиции в слабо освоенную зону Округа, способствовать созданию здесь транспортных коммуникаций, социально и экономически обустроить эту аридную зону. Здесь, правда, в будущем могут встать серьезные вопросы, касающиеся того, что ни в коем случае нельзя будет допустить движение по каналу морской воды из Каспия, ибо это однозначно привело бы к интенсивному засолению Ногайских и Калмыцких степей и опустыниванию всей этой территории общей площадью не менее 20 тыс. кв. км (что, скажем, было бы просто катастрофичным для Северного Дагестана). Поэтому специалистам надо будет всерьез подумать, как и в каких объемах перебрасывать в «Евразию» пресную воду из дельты Волги.

Но уже детали. Главное же в том, что со строительством канала «Евразия» была бы решена принципиально важная задача стягивания воедино двух, в общем-то, совершенно разных сегментов ЮФО — Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, в советские времена входивших, как известно, в разные экономические районы. Тем самым преодолелась бы известная искусственность той конструкции, которую некогда Москва навязала российскому Югу.

Если же говорить конкретно об экономических выгодах «Евразии», то следует отметить, что перевозки по этому каналу по сравнению с ВДСК-2 могут почти вдвое сократить путь и время доставки грузов в Европу. Но для зарубежных парт-

неров России много важнее его выгодное сравнение с Суэцем, а именно: меньшая стоимость транспортных расходов (на 25–39%) и меньшее время грузов в пути (в 1,5 раза). По степени заявленного интереса к «Евразии» на первом месте стоит Казахстан, имеющий на Каспии современный международный порт Актау, через который грузы могли бы идти на западный берег Каспия. Но главный вопрос все же не в решимости Астаны поддержать российский проект, а в том, проявит ли к нему заинтересованность Китай, который все больше опутывает транспортными и трубопроводными сетями Казахстан и практически уже вышел к Каспию. Спрашивается: заинтересует ли *его* возможность поставлять свой ширпотреб в Европу еще одним — более экономичным — путем?! Судя по всему, Пекин для себя уже дал положительный ответ на этот вопрос, а Астана, безусловно, имея собственный интерес в данном «предприятии», одновременно с этим де-факто выступает лоббистом китайских интересов.

Вторым из такого рода факторов является *подготовка к Олимпиаде в Сочи в 2014 г.*, которая *уже оказывает* существенное влияние на развитие не только Кубани, но и всего нашего Округа.

Практически сразу же после победы Сочи на конкурсе городов-кандидатов на проведение зимних олимпийских игр 2014 г. и завершения комплекса первичного проектирования начались работы по созданию инфраструктуры Олимпиады-2014, на которые (по данным ФЦП «Развитие Сочи как горно-климатического курорта») было выделено 327,2 млрд руб., из них: из федерального бюджета — 192,4 млрд руб., из бюджетов Краснодарского края и г. Сочи — 7,1 млрд руб., из внебюджетных источников, в том числе частных — 127,7 млрд руб. затратами. Сегодня «олимпийская стройка» в самом разгаре и в принципе она может/должна существенно преобразить не только облик черноморского побережья, вдохнуть новое дыхание в (и без того динамично развивающийся) Краснодарский край, но и оказать благотворное влияние на всю обстановку в ЮФО. Может..., но лишь в том случае, если и Москва, и руководство «Олимпстроя», и аппарат Полномочного представителя Президента РФ в ЮФО своевременно учтут известные риски, связанные с Олимпиадой, и нейтрализуют их. А то, что эти риски уже заявили о себе, и сегодня возник целый ряд непредвиденных проблем, говорят факты. Они суть таковы:

1. имеет место значительное увеличение стоимости работ по созданию инфраструктуры Олимпиады-2014 в связи с необходимостью выкупа земли у частных владельцев в Имеретинской долине (в этом плане озвучиваются весьма внушительные цифры);
2. возникло социальное напряжение в этом районе Большого Сочи в связи с тем, что значительное число людей, живущих исключительно курортным бизнесом, имеющим исключительно сезонный характер, лишается возможности сдавать свое жилье курортникам, а многие попросту теряют свои земельные участки;
3. становятся очевидными риски строительства вблизи сочинского побережья искусственных островов, связанные, во-первых, с возможными большими затратами на соответствующие материалы, поскольку инициаторы проекта первоначально недоучли степень агрессивности сероводородной среды в Черном море, и, во-вторых, может перейти в актуальную плоскость вопрос о собственности на эти острова. Иностранные инвесторы — партнеры «Олимпстроя» могут выдвинуть свои

претензии на эти островами (полностью или частично) как свою собственность, причем, несмотря на то, что эти искусственные объекты будут располагаться в территориальных водах России²²⁰;

4. вполне реальной может стать угроза воздушному сообщению в небе над Сочи и, следовательно, над строящимися объектами, по причине неоднократного появления (как это было недавно в случае с Абхазией) беспилотных разведывательных самолетов Грузии, что, во-первых, может стать регулярным и, во-вторых, смениться полетами уже пилотируемых летательных аппаратов, и не только с разведывательными целями;
5. известные проблемы влечет за собой и завоз иностранной рабочей силы из Турции и — как следствие — увеличение в районе Большого Сочи, особенно в самом городе Сочи, численности турецкой общины, может привести к возникновению этнических конфликтов (прежде всего между турками и армянами), что, к сожалению, уже имеет место, хотя и не выходит пока за рамки чисто бытовых конфликтов;
6. т.н. «турецкий след» может проявить себя и в том, что в столице Олимпиады-2014 резко активизируется подпольное «цеховое» производства ширпотреб, что обязательно повлечет за собой появление в регионе Большого Сочи огромного количества низкокачественных турецких товаров (и так в избытке представленных на местных вещевых рынках) и неизбежно будет сопровождаться ростом контрабанды через сочинский порт.

И еще один момент. Олимпийские игры могут состояться только в ситуации, когда полностью обеспечены условия их безопасного проведения, и не только непосредственно в районе Большого Сочи, но и в прилегающих к нему районах (регионах) Черноморья и Южного Кавказа. И, естественно, что со стороны Международного олимпийского комитета (МОК), который каждые полгода проводит тщательный мониторинг ситуации на олимпийских объектах Сочи и отслеживает ситуацию вокруг столицы зимней Олимпиады-2014 — это предмет пристального интереса.

В случае если же данное условие не будет выполнено или по какой-то причине в районе проведения Олимпиады и на прилегающих к нему территориях произойдет обострение социально-политической обстановки, моментально будет поставлен вопрос о целесообразности проведения Олимпиады в том месте, которое МОК было определено изначально. Поэтому де-факто МОК не может не учитывать резервный вариант проведения Олимпиады в Южной Корее. Если подобное произойдет, то это будет означать колоссальный удар по престижу России, не говоря уже об огромных финансовых потерях, поскольку весьма значительные затраты на подготовку Олимпиады уже были произведены.

Третьим из группы наиболее важных факторов регионального развития ЮФО является «*феномен новых независимых государств на Кавказе*».

---

²²⁰ Насколько нам известно, сегодня разрабатываются проекты строительства трех таких сооружений с преимущественным вкладом иностранных инвесторов: два острова — с японской корпорацией *Sennonomori Inc.* и один — с финансово-консалтинговой группой из Объединенных Арабских Эмиратов *Allied Business Consaltants*. По мнению ряда экспертов, налицо серьезные риски в реализации проектов, что обусловлено неурегулированностью в российском законодательстве юридического статуса подобных сооружений. В связи с этим высказываются опасения, что иностранные инвесторы попытаются добиться для искусственных островов вблизи сочинского побережья статуса, близкого к экстерриториальности.

Этот феномен стал реальностью с официальным признанием Москвой двух территориальных образований, долгие годы находившихся формально в пределах международно-признанных границ Грузии — Республики Абхазия и Республики Южная Осетия. С момента признания этих республик Россией в качестве субъектов международного права они перестали носить неопределенный и несколько униженный статус квазигосударств. Не будем забывать, что задолго до этого Москва приняла решение о снятии экономических санкций в отношении двух (тогда еще непризнанных) республик Южного Кавказа, наложенных на них еще в 1996 г. решением Совета глав государств СНГ, призвав другие страны СНГ сделать то же самое. Тем самым Россия фактически дала старт (запустила своеобразную программу) интеграции обеих республик в хозяйственную и социальную систему России. Однако сегодня резонно задаться вопросом: что влечет за собой для России в целом и для нашего Округа в частности международная правосубъектность Абхазии и Южной Осетии? С нашей точки зрения, не только очевидные плюсы, но и вполне очевидные сложности, причем все последствия этого решительного шага со стороны Москвы пока просчитать не представляется возможным.

В самое ближайшее время Москва должна приступить к реализации полномасштабного Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Абхазией, подписанного в сентябре с.г. Первым шагом на этом пути, по всей видимости, будет открытие российского дипломатического представительства в Сухуме. Одновременно с этим следует ожидать распространения на всех граждан РФ, проживающих в Абхазии, действующих в РФ социальных программ, включая выплату пенсий и социальных пособий, а также выплат в рамках российских национальных проектов. Это означает, что большая часть пенсий и пособий будет выплачиваться из бюджета РФ (хотя конкретная схема такого рода выплат пока не просматривается).

Не сложно будет подключить (и это обязательно надо будет сделать) некоторые предприятия стройиндустрии Абхазии к строительству олимпийских объектов в Сочи, в частности, обеспечить поставки щебня, объем которых оценивается в 5 млн тонн. Для этого, правда, необходимо обеспечить инвестиции в два крупнейших объекта по разработке природных карьеров в м. Скурча (Очамчирский район) и на р. Бзыбь (Бзыбский район). На этот жест доброй воли Сухум, скорее всего, ответит тем, что предложит Москве разместить у себя часть иностранных рабочих (от 15 до 20 тыс.). В качестве потенциальной зоны размещения называют район «Гагра–Пицунда». Это очень важно, поскольку снимет чрезмерную нагрузку на инфраструктуру Сочи в связи с привлечением от 180 до 200 тыс. рабочих на строительство олимпийских объектов. Такая нагрузка в районе Большого Сочи ощутима уже сегодня, что же будет завтра?

В повестке дня налаживания добрососедских отношений между Россией (через «посредничество» Кубани) открытие счета Национального банка Абхазии в сочинском отделении ЦБ РФ и обеспечение для ЦБ РФ преференций в плане легальной возможности снабжать НБ Абхазии льготными кредитами (до 1 млрд руб. по ставке около 5%). За этим последует отмена двойного налогообложения, упрощение таможенного режима и рассмотрение вопроса о вхождении Абхазии в Единое таможенное пространство. Все это, естественно, немедленно отразится и на ситуации в ЮФО.

Наконец, следует ждать восстановления в полном объеме прямого железнодорожного сообщения между Россией и Абхазией (многое в этом плане уже сделано «РЖД»

и Правительством Москвы), почтового сообщения, открытия для международного сообщения морских портов в Сухуме, Пицунде и Очамчире. Российская сторона уже проявляет интерес к реконструкции сухумского аэропорта, который впервые за 15 лет в августе с.г. принял военно-транспортные самолеты РФ с миротворцами на борту, направлявшимися в зону грузино-абхазского конфликта. С его приведением в порядок и началом функционирования у сочинской Олимпиады появится дополнительный транспортно-коммуникационный ресурс.

Само собой разумеется, что наибольшей инвестиционной привлекательностью для российского бизнеса была и продолжает оставаться курортно-рекреационная сфера нового кавказского государства, тем более что за долгие годы квазинезависимого существования Абхазии имело место вложение в нее не только московских денег, но и финансовых ресурсов ряда субъектов федерации ЮФО — по крайней мере, с властями и предприятиями тех из них, с которыми абхазская сторона поддерживала теплые отношения (например, с Краснодарским краем или Ростовской областью).

Что же касается Южной Осетии, то на этом участке российских интересов ситуация выглядит сложнее. Здесь, с нашей точки зрения, для России больше проблем, чем очевидных приобретений. И в первую очередь это может коснуться именно ЮФО. Ведь в данном случае, в отличие от Абхазии, мы имеем дело с малонаселенной, к тому этнически гетерогенной по составу (до трети населения — этнические грузины), экономически слаборазвитой и достаточно изолированной территорией, доступ к которой из России весьма затруднен (за исключением автомобильного сообщения через Рокский тоннель практически нет никаких иных путей сообщения). И хотя российское руководство приняло решение о выделении 12 млрд руб. на восстановление разрушенной хозяйственно-экономической и социальной инфраструктуры Южной Осетии и полностью гарантирует безопасность населению этого небольшого кавказского государства, объем задач, решение которых необходимо для обеспечения всех систем жизнеобеспечения республики впечатляет. К тому же, неизвестно, коснется ли это и если да, то в какой мере грузинских анклавов на территории РЮО. И вообще: как быть с ними, учитывая, что значительная часть местного населения бежала в Грузию, и если она вернется в места прежнего проживания, как будет обстоять дело с обеспечением *их* безопасности. Есть еще один важный момент, на который стоит обратить особое внимание. Учитывая тот факт, что население РЮО в подавляющем своем большинстве однозначно ориентировано на Россию, а Россия для него — это, прежде всего, братский осетинский народ по то сторону Кавказского хребта, в актуальный план переходит вопрос о вхождении РЮО в состав России. И произойти это может путем объединения РСО и РЮО, т.е. путем осетинской ирреденты. Стало быть, вполне могут расшириться территориальные пределы ЮФО. Но как именно и в какие сроки произойдет это инкорпорирование нового государства в «тело» Большой России, какая реакция при этом может последовать со стороны международного сообщества — это вопрос... Однако Москву могут ожидать трудности и на чисто внутреннем «фронте». Осуществление осетинского ирредентизма неизбежно вызовет обострение застарелого осетино-ингушского конфликта, вовлечет в ситуацию Чечню (только усилит тенденцию к ее объединению с Ингушетией) и может способствовать усилению социально-политической напряженности в восточной части Северного Кавказа в целом. Конечно, всего этого хотелось бы избежать, но

абсолютно исключить возможность усиления конфликтного потенциала в северокавказских республиках нельзя.

Наконец, учитывая известную геополитическую уязвимость Южной Осетии, России придется держать здесь значительный военный контингент и испытывать на себе все «прелести» агрессивного грузинского национализма. А то что Тбилиси не оставит в покое эту территорию (некогда свою «мятежную» провинцию) ясно как божий день. Значит, Россия будет находиться под постоянным прессингом Грузии и стоящих за ней сил, что, в частности, не исключает возможность совершения диверсионно-террористических актов не только на территории самой Южной Осетии, но и на Юге России. Как говорится, перспектива не из приятных...

Резюмируя, можно сказать, что ЮФО продолжает оставаться весьма сложным для Центра в плане управления регионом — регионом с многофакторной комбинаторикой — той частью нашей страны, которая максимально выдвинута в мировое геоэкономическое и геополитическое пространство и потому испытывает на себе (точнее говоря, «пропускает» через себя, через свою территорию) все идущие в направлении России вызовы и угрозы. С нашей точки зрения, в обозримой перспективе в зоне «Черноморье — Кавказ — Каспий» следует ожидать серьезных геополитических подвижек в изменении баланса и расстановки сил великих держав, крупных региональных игроков и блоковых/протоблоковых структур, что, безусловно, отразится и на социально-политической ситуации на Юге России и Северном Кавказе. Симптомы этих грядущих перемен очевидны уже сегодня. Стало быть, сохранение на южных рубежах России мира и обеспечение социальной стабильности на примыкающих к ним территориях ЮФО во многом будет зависеть от положения дел в «ближнем» зарубежье России, в той обширной зоне, которая протянулась от Балкан до Центральной Азии и которая представляет собой важнейший сегмент мирового пространства в аспекте энергетической безопасности.

Источники, использованные автором при подготовке к докладу:

1. *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев В. А.* Региональная конфликтология: экспертное мнение / Под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. — М., 2007. — С. 32–61.
2. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том II / Под ред. акад. Г. Г. Матишова. — Ростов н/Дону, 2007.
3. *Баранов А. В.* Краснодарский край в системе внутренней геополитики России: конфликтогенные факторы // Евразийский проект: кавказский вектор / Под ред. И. П. Добаева и А. Г. Дугина. — Ростов н/Дону, 2005.
4. *Вартумян А. А.* Геополитическая обстановка на юге России: диагностика угроз и стратегия ответов // Кавказский сборник. Т. 3 (35) / Под ред. В. В. Дегоева. — М., 2006. — С. 338.
5. *Градировский С. Н.* Ислам и политика: в поисках формы // Ислам в России: взгляд из регионов / Научн. ред. А. В. Малащенко. — М., 2007. — С. 20.
6. *Добаев И. П., Немчина В. И.* Новый терроризм в мире и на Юге России / Под ред. А. В. Малащенко. — Ростов н/Д, 2005. — Гл. 4.
7. *Захаров В. А.* Грузия, НАТО и Абхазия — хроника событий и перспективы развития отношений // Независимая Абхазия: проблемы и решения / Под ред. Т. М. Шамба. — М., 2007. — С. 43–117.

8. *Кокошин А. А.* Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник РАН. — 1999. — Т. 69. — №10.
9. *Курбанов М.* Евразийский судоходный канал. Насколько это возможно? // Дагестанская правда (Махачкала). — 2008. — 4 июля.
10. *Переслегин С. Б.* Самоучитель игры на мировой шахматной доске. СПб, 2006. — С. 66.
11. *Рябцев В. Н.* Кризис вокруг ядерной программы Ирана и его влияние на урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2006. — № 8. — С. 144.
12. *Рябцев В. Н.* Конфликтологическая компетентность как ресурс профессиональной работы представителей силовых структур на Северном Кавказе // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сборник докладов международной научно-практической конференции / Отв. ред. *В. Г. Игнатов*. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006. — С. 211–222.
13. *Рябцев В. Н.* Современный иранский кризис в геополитическом измерении (опыт ситуационного анализа). — Ростов н/Дону, 2007.
14. *Рябцев В. Н., Розин М. Д.* Политический экстремизм и терроризм на этнонациональной и религиозной почве в условиях Северного Кавказа // Problems of Regional Security in Caucasus: Terrorism and Transnational Organized Crime / Ed. by *G. Glonti*. — Tbilisi, 1999.
15. *Саидов Р.* Нельзя помиловать. Агония политики США на Ближнем Востоке // Завтра. — 2007. — №2 (январь). — С. 3.
16. *Сошин Ю.* Кавказский тупик // Завтра. — 2005. — № 47 (ноябрь).
17. Цель — 1 млрд долл. // Военно-промышленный курьер. — 2007. — №18 (16–22 мая).
18. *Юртаев В.* «Евразия» — путь в международный транспортный коридор «Север–Юг» // Аналитические записки. — 2007. — №24 (декабрь).
19. *Яценко Н.* Инвесторы провалились в Чечню // Эксперт-Юг. — 2008. — №3 (18 февраль — 2 март).

Провал «оранжевой революции» в Армении как проявление кризиса стратегии НАТО в Закавказье

М. В. Александров

Сейчас основная кавказская тема — события в Южной Осетии. Это задвинуло далеко в угол события в Армении в начале этого года. Между тем, именно это событие явилось первым залпом геополитической войны, развязанной Западом России в Закавказском регионе.

Президентские выборы в Армении, состоявшиеся в феврале сего года довольно широко освещались российскими средствами массовой информации. Накал страстей и острота борьбы на улицах Еревана, последовавшие за выборами, были в полной мере донесены до российской аудитории. Тем не менее, в большинстве комментариев и репортажей было упущено главное — понимание того, насколько мощные и влиятельные глобальные силы управляли мятежом армянской оппозиции и что реально стояло на карте как для Армении, так и для России.

Без преувеличения можно сказать, что первым ударом НАТО в Закавказье была именно Армения, а не Осетия. И если бы операция в Армении удалась, то, возможно, не было бы и операции в Южной Осетии. Так как Грузия резко бы утратила ценность в глазах Запада и начало бы развиваться совсем другое направление по связке Турция–Армения–Азербайджан. Но для этого Армению надо было заставить капитулировать по Нагорно-Карабахскому вопросу.

Я думаю, никто не будет отрицать, что в Армении была предпринята попытка «оранжевой революции». Причем, для осуществления этого переворота была выбрана самая сильная кандидатура. Ну кто еще из армянских оппозиционных лидеров мог реально считаться подходящей кандидатурой, чтобы отстранить от власти мощный карабахский клан. Люди типа Ющенко или Саакашвили были для такой задачи явно не пригодны. Тут нужен был опытный политический боец, поднатаревший именно на поле раскачивания политической ситуации и захвата власти неконституционным путем. Причем человек, имевший определенную поддержку в госаппарате и силовых структурах. Ведь и Кочарян и Саркисян — это не Кучма и даже не Шеварднадзе.

Это люди прошедшие горнило войны, для которых обычные мирные митинги протеста — это комариный укус. Поэтому оппозиция должна была готова применить насилие в том числе и вооруженное и Левон Тер-Петросян прекрасно знал как это делается.

И действительно, набрав всего 21% голосов Левон Тер-Петросян смог так раскачать политическую ситуацию, что власть действительно зашаталась. Начался переход на его сторону представителей госаппарата, в том числе министерства обороны, были созданы отряды боевиков, готовые по команде пойти на штурм госучреждений. И только решительные и сплоченные действия тандема Кочарян-Саркисян позволили подавить попытку мятежа. План НАТО в Закавказье был сорван.

Почему я называю это первым ударом НАТО? Ведь цветные революции были и в Грузии и на Украине и в Киргизии? Но тогда это не было ударом. Россия тогда не сопротивлялась и даже ассистировала пресловутым «союзникам» по антитеррористической коалиции в разруливании ситуации. Однако, когда планы НАТО стали достаточно очевидны для наших руководителей Россия уже не ассистировала, она как могла сопротивлялась этому натиску. И НАТО пришлось действовать вопреки интересам и сопротивлению России. Конечно, понятно, что в Армении острие главного удара было направлено не столько против российских, сколько против армянских интересов. Но рикошетом этот план бил по геополитическим позициям России в регионе. Не случайно поэтому, Россия заняла позицию по поддержке Сержа Саркисяна.

Чтобы понять стратегический замысел НАТО в Армении надо взглянуть на общую стратегию этого блока на Южном Кавказе. Официально эти цели были провозглашены на Стамбульском саммите НАТО в 2004 г. В принятом на саммите коммюнике отмечалось, что страны НАТО сделают особый акцент «на взаимодействии с нашими партнерами в стратегически важных регионах Кавказа и Центральной Азии».

Вот как я определял суть этой стратегии в своем докладе на международной конференции в ноябре 2004 года: «Приоритетная роль Закавказья в натовской стратегии объясняется тем, что именно здесь может быть обеспечена стратегическая смычка между Черным и Каспийским морями и выход в Центральную Азию». Далее я пояснил существо этой стратегии — поставить под свой контроль энергетические запасы Центральной Азии и пути их транспортировки. Блокировать усиление российского влияния в этом обширном регионе, перерезать российские коммуникации на Юг, усилить давление на наш Северный Кавказ. Помимо этого — окружить Иран и создать стратегическую угрозу Сяньцзянь-Уйгурскому автономному району Китая.

Понятно, что для полной реализации этой стратегии надо завоевать на свою сторону Азербайджан. Грузия — только начало. В отличие от Грузии, Баку пока не спешит раскрывать объятия для Североатлантического альянса, видимо, понимая, что никаких особых преимуществ Азербайджан от этого не получит, а возможный негатив может запросто перевесить весь позитив. К негативу можно отнести — обострение отношений с Россией, Ираном, потерю значительной доли суверенитета, возможно даже угроза всевластию клана Алиевых итп.

Поэтому НАТО должно было сделать Азербайджану предложение, от которого Баку просто не смог бы отказаться. И это предложение — возвращение Нагорного Карабаха под азербайджанскую юрисдикцию. Решив этот вопрос в пользу Азербайджана, НАТО получило бы взамен военное присутствие на его территории.

И похоже, что в преддверии президентских выборов в Армении, Запад, взяв перед Баку определенные обязательства в этом ключе. Иначе трудно понять почему президент Азербайджана Ильхам Алиев был столь разочарован результатами этих выборов. И сразу же возродил угрозу возобновления военных действий, когда стало ясно, что победу одержал С. Саркисян. Разочарование азербайджанского президента можно понять. Он искренне надеялся на обещания Запада и попал впросак. Теперь перспектива урегулирования конфликта на условиях Азербайджана становится в обозримой перспективе маловероятной.

Расхождения по карабахскому вопросу

Для того чтобы понять натовской план по сдаче НКР Азербайджану необходимы сравнить разницу в подходах к урегулированию этого конфликта двух основных кандидатов в президенты Армении. Расхождения эти, на первый взгляд, мизерные и незначительные, тем не менее предопределяют две альтернативные внешнеполитические стратегии Армении. По существу главным отличием позиции Левона Тер Петросяна от позиции Сержа Саркисяна было согласие **на поэтапное урегулирование конфликта.**

Серж Саркисян считал возможным возвращение Азербайджану семи районов, оккупированных армией НКР, в обмен на немедленное признание независимости Карабаха.

Левон Тер Петросян считал, что после возвращения семи районов с признанием независимости можно повременить. На первом этапе достаточно снятия экономической блокады Армении и НКР. А для обеспечения безопасности НКР на этот период в регионе должны быть размещены международные миротворческие силы, состав которых не уточняется. Но можно предположить, что речь пойдет о силах НАТО. Затем по прошествии какого-то времени в НКР должен пройти референдум по вопросу о независимости. Предполагается, что такой референдум гарантирует 100% победу сторонникам независимости, так как этнических азербайджанцев в НКР практически не осталось.

Поэтому, как утверждали сторонники Левон Тер-Петросян, никакой принципиальной разницы в этих планах нет. Но поскольку снятие блокады — важный экономический императив, то план Левон Тер-Петросяна более практичен и его надо как можно быстрее реализовывать. И действительно, данный план выглядел довольно привлекательно для части армянского бизнеса, уставшего от экономической блокады и рассчитывающего с ее отменой на рост товарооборота с зарубежными странами и своих капиталов.

Но не все так просто. **Ключ к пониманию ситуации — проблема беженцев.**

И это наглядно подтвердилось на недавнем круглом столе в Фонде «Единство во имя России», где выступал руководитель Института стратегических исследований при Администрации президента Азербайджана Эльхан Нуриев. Он прямо сказал, что после снятия блокады НКР должна быть решена проблема беженцев. И в этом подходе — железная логика. Как можно считать референдум легитимным, если в нем не примут участие азербайджанцы, которые там ранее проживали, а также их потомки, число которых, как можно предположить, за прошедшие годы значительно возросло.

Против возвращения беженцев возражать трудно. Международное сообщество всегда на их стороне. Даже Россия, союзница Армении, не сможет обосновать в международных инстанциях запрет на возвращение беженцев. Ну а карабахский аргумент, что мол многих армян изгнали из Азербайджана и они должны тоже туда вернуться, может быть легко парирован Баку. «Пусть возвращаются» — скажут власти Азербайджана. Но реально заставить армян туда поехать никто не сможет. Но главное, даже если предположить немыслимое — и многие армяне вернуться — они все-равно ничего не решают. Референдум, ведь, пройдет в Карабахе.

Таким образом, согласившись на референдум, карабахская сторона окажется перед роковым выбором: пускать азербайджанцев обратно в Карабах или нет. Если нет, то Азербайджан тут же заявит, что не будет признавать результаты референдума и возобновит блокаду НКР и Армении. То есть ситуация вернется на круги своя, правда, с той разницей, что Карабах окажется в гораздо менее выигрышной стратегической ситуации. Войска-то из оккупированных районов Азербайджана уже выведены. И ввести их назад без прямого столкновения с международными миротворческими силами будет не реально. Ну а нападение на миротворцев только даст возможность Азербайджану оказать им военную помощь. Более того, НКР будет выглядеть агрессором, бросившим вызов всему мировому сообществу. Тут уж и до натовских бомбардировок территории НКР будет недалеко. Ну а дальше — бесславное поражение по косовскому сценарию.

Поэтому Карабах не решится атаковать международный миротворческий контингент. Получится, что Азербайджан вернул утраченные территории, ничего не дав карабахцам взамен. Ведь понятно, что, несмотря на международный контроль, азербайджанцы смогут вернуться на в семь районов и начнут их осваивать. Со временем туда войдут и азербайджанские полицейские силы. И положение НКР еще более осложнится. Ведь Лачинский коридор тоже будет под контролем миротворцев. Азербайджан потребует введения там пропускного режима, таможи, будет настаивать на запрете поставлять вооружения и военную технику. Будет требовать задержания различных «преступников» и «террористов», якобы окопавшихся в НКР. Это сильно осложнит и экономические возможности Карабаха и его военный потенциал. После этого экономическое удушение республики будет лишь вопросом времени. Вот такую политическую победу одержит Азербайджан, причем без единого выстрела, если карабахцы откажутся от возвращения беженцев.

Ну а теперь представим себе, что власти НКР пошли на требование Азербайджана и согласились на возвращение беженцев в расчете на то, что азербайджанцев — количественно меньше и они не смогут выиграть референдум. Понятно, что сразу же возникнут противоречия относительно цифр беженцев. Азербайджан будет настаивать на большем количестве, НКР — на меньшем. Любое несогласие НКР с претензиями азербайджанской стороны будет трактоваться Баку как нарушение соглашения и может послужить поводом, чтобы не признавать результаты референдума.

Даже если Степанакерт согласится на завышенные цифры азербайджанской стороны, то следующим этапом срыва договоренностей станет определение того результата голосования, которое необходимо для признания независимости. Азербайджан будет настаивать на $\frac{2}{3}$ голосов, а карабахцы на 50% плюс один голос. Эти разногласия опять-таки могут служить поводом, чтобы обвинить армян в срыве согла-

шения. И такое блокирование процесса возможно на каждом последующем — этапе. Это касается и подсчета голосов и оценки демократичности выборов и каких-нибудь других причин. Таким образом, никаких гарантий получения независимости НКР в ходе осуществления поэтапного плана урегулирования попросту нет.

Ну, а власти Армении, сделавшие ставку на реализацию данного плана будут убеждать свое население, что надо сотрудничать с международным сообществом и международными силами. Мол, мы же взяли обязательства и не можем уже от них отказываться. И в итоге не мытьем так катанием Запад добьется возвращения Карабаха Азербайджану. Вот почему, предложенный Левон Тер-Петросяном план нельзя считать ничем иным, как планом постепенной «сдачи» НКР Азербайджану в угоду стратегическим интересам Запада.

Провал «оранжевой революции» в Армении не был случайным событием. Он стал результатом того, что большинство армян не вынесло вотума доверия Левон Тер-Петросян, несмотря на все его ухищрения, манипуляции, подтасовки и прочие информационно-пропагандистские приемы. И это — в условиях, когда реальных претензий у большинства избирателей к Сержу Саркисяну, причем, вполне обоснованных, было более чем достаточно. Просто армяне своим национальным нутром почувствовали, что первый президент клонит куда-то не туда, отстаивает чьи-то посторонние интересы, противоречащие интересам безопасности и выживания армянской нации. Думается, что в этом случае эта народная мудрость и спасла Армению от роковых ошибок.

Как следствие провала «оранжевой революции» в Армении, натовская стратегия в Закавказье оказалось в тупике. Отсюда последующие конвульсивные действия в Южной Осетии, также закончившиеся провалом.

Сейчас уже достаточно очевидно, что военно-политическое противоборство России и НАТО в Евразии вступает в новую фазу. Запад уже не может рассчитывать на автоматические победы и беспрепятственное продвижение вперед. Меняется и соотношение глобальных сил. Запад утрачивает главенствующую роль в мировой экономике, а вместе с ней уходит и его былой политический вес. Все это делает отступление НАТО на пространстве СНГ фактически неизбежным. Таким образом, у России при твердой и грамотной политике открываются серьезные возможности не только для того, чтобы остановить дальнейшую экспансию НАТО, но и вернуть ряд утраченных позиций. Где произойдет генеральное сражение, пока не ясно. Скорее всего, как и прежде в истории, это будет Украина. Однако значение и потенциал кавказского «фронта» тоже не стоит преуменьшать. В конце концов, если бы не было победы в битве за Кавказ, то не было бы и победы на Украине.

При этом надо иметь в виду, что наши успехи на Кавказе пока никак нельзя признать необратимыми. Пронатовские круги в регионе еще сильны и не сложили оружия. В Армении сторонники Левона Тер-Петросяна продолжают свои поползновения по дестабилизации политической ситуации в стране. С учетом вышесказанного мы здесь в России должны отдавать себе ясный отчет в том, кто наши истинные друзья в регионе и кого нам надо поддерживать. Если быть кратким, то наши друзья — это патриоты своих стран, думающие о том, как оптимально обеспечить свои национальные интересы, а не выступать в качестве марионеток иностранных держав. Именно такой союз патриотов и должен противостоять наступлению агрессивной машины глобализма, одним из механизмов которого выступает военный блок НАТО.

Идейно-политическая концепция Евразии в Турции

Р. А. Сафрастьян

Концепция Евразии занимает важное место в политических дискуссиях в Турции с начала 90-х годов прошлого века и считается одной из основных концепций, отражающих геополитическую стратегию Турции, ее международные отношения и национальную безопасность. Турецкая региональная политика также частично находится под воздействием этой концепции.

Определения Евразии

Термин «Евразия» в политическом и идеологическом дискурсе современной Турции является, скорее, политизированной интерпретацией, чем четким научным определением. Некоторые политологи и ученые считают Евразию регионом, населенным в основном тюркскими народами, и включают в него Турцию, Балканы и часть Кавказа, бывшие советские республики Средней Азии, Поволжье России и Северный Афганистан. Подобные подходы, представляющие собой «модернизированные» редакции идеологии пантюркизма, были широко распространены в различных кругах турецкой элиты, особенно с начала 1990-х годов.

Однако дефиниция, основывающаяся на таком этнолингвистическом принципе, потеряла свою актуальность в середине 1990-х годов, и в настоящее время распространена меньше, чем другие версии определения «Евразии», исходящие из географических или политических подходов. Так, на веб-сайте Министерства иностранных дел Турции до недавнего времени Евразия географически определялась как «широкий ландшафт от Европы до Центральной Азии». Нынешний президент страны Абдулла Гюль в бытность свою министром иностранных дел характеризовал Евразию как «континент, состоящий из Европы и Азии». Фактически, это попытка избежать обвинений в политизации концепции.

Определения, данные представителями различных течений турецкой политической элиты, более детальны и политизированы. Например, бывший президент Сулейман Демирель считает «Балканы, Кавказ, Среднюю Азию, Ближний Восток, Турцию, Иран и Ирак» составными частями региона. А бывший вице-премьер и председатель

пантюркистской Партии национального действия (ПНД) Девлет Бахчели определяет Евразию как Балканы, Кавказ и Ближний Восток.

Тем не менее, наши многочисленные встречи с турецким дипломатами в течение более чем пятнадцати лет, позволяют утверждать, что в своей повседневной деятельности турецкая дипломатия использует прагматичную, со своей точки зрения, версию, согласно которой пределы Евразии ограничиваются восемью новыми независимыми государствами Южного Кавказа и Центральной Азии. Примечательно, что в период пребывания на посту премьер-министра Сулейман Демирель придерживался этого же мнения, в частности, в ноябре 1992 года он заявил: «С развалом Советского Союза родилась Евразия...». Такой подход разделяет так же ряд турецких политиков.

Проблема определения границ Евразии в турецком дискурсе, на первый взгляд представляющая лишь абстрактный интерес, имеет важнейшее значение для выявления мотивов современной турецкой внешней политики.

Евразийские геополитические теории в Турции

Концепция Евразии, являющая одной из центральных в геополитике, стала объектом изучения в Турции совсем недавно — под воздействием существенных изменений в региональном геополитическом окружении. Используя западные классические геополитические подходы для определения Евразии — от Х. Дж. Макиндера и Н. Дж. Спайкмена до З. Бжезинского, турецкие теоретики попытались разработать собственные концепции. Они оперируют такими основными геополитическими понятиями как *Heartland*, *Inner Crescent* или *Outer Crescent*. Но в то же время их заключения сильно отличаются от западных.

В этом смысле наиболее примечательная и завершенная концепция — «Теория центрального доминирования турок» — сравнительно недавно была разработана профессором Рамазаном Озеем из Университета Мармара. Ее основные элементы можно суммировать следующим образом: *Анатолия* — «Крепость мира» (*Dünya Kalesi* — по-турецки, или *Heartland* — в классическом значении), и Турция как страна, правящая Анатолией и владеющая этим акрополем, получает возможность контролировать регионы «внутреннего круга» или «*Internal Circle*» (*İç Çember* по-турецки; что сравнимо с *Inner Crescent* Макиндера), коими в понимании турецкого ученого являются Балканы и Евразия. Автор приходит к заключению, что рано или поздно Турция будет править миром (*Diş Çember*, что является турецким аналогом *Outer Crescent*, по Макиндеру).

Таким образом, Озей «легализует» доминирование Турции на Балканах и Евразии, считая его естественным результатом географического положения страны. Он считает, что господство Турции в Евразии — не самоцель, а средство для достижения большего — *мирового господства*.

Другие турецкие эксперты в области геополитики не столь откровенны, а их идеи не ведут так далеко. Тем не менее, большинство их поддерживает идеи турецкого господства или приоритета в Евразии, используя в своих изысканиях более «мягкие» формулировки. Так, например, Мустафа Йылмаз, профессор Университета Хаджитепе, также считает Турцию «естественным акрополем», расположенным между Балканами, Кавказом и Ближним Востоком, что позволяет ей придерживаться ряда альтернативных политических и военных подходов.

Для обоснования главенствующей роли Турции «естественными» геополитическими условиями, в 1990-х годах была введена в научный и политический оборот еще одна идея — «Центральная империя». Один из приверженцев этого подхода, Орал Сандер считает, что хотя Турция уступает по мощи ряду других государств и находится под воздействием «мировых событий», она, благодаря своему положению «Центральной империи», сама влияет на эти события.

Евразия в политическом дискурсе Турции

В 1990-х годах турецкие мыслители и политические деятели как левого так и правого толка, а также представители ряда происламских и пантюркистских политических сил, разработали модель евразийской политики Турции, которая представляет собой полную альтернативу «традиционно» прозападной внешнеполитической стратегии. Этот подход основывается на идее сотрудничества наиболее важных сил Евразии — Турции, Ирана и России, направленного против «западного империализма». Авторы осуждают внешнюю политику Турции как подчиненную Западу и игнорирующую основные интересы страны.

В частности, один из известных политиков левого толка и ветеран турецкого социалистического движения Догу Перинчек одну из своих книг назвал весьма характерно: «Выбор Евразии — независимая внешняя политика для Турции».

Вместе с тем, в настоящее время политическая и интеллектуальная элита Турции в целом по-прежнему сохраняет приверженность стратегическим пристрастиям Ататюрка. Представители этого крыла прагматичны и хорошо представляют, что Турция не готова стать доминирующей как экономической, так и политической силой в Евразии без поддержки Запада. Поэтому они рассматривают евразийское направление внешней политики Турции соподчиненной турецко-западным отношениям и стремятся координировать свою политику с целями Запада и, в частности, США. В то же время они считают расширение влияния Турецкой Республики в Евразийском регионе важным козырем в торге с Западом по таким вопросам как членство в Европейском Союзе или кипрская проблема.

Изучение мнений представителей современного военного истеблишмента Турции относительно Евразии позволяет сделать выводы о том, что их подходы сместились с жесткой кемалистской прозападной ориентации в направлении к многовекторной ориентации. У них много общего с взглядами вышеупомянутой прозападной политической элиты. Даже в официальных документах военного ведомства о Турции говорится как о «евразийской стране», обязанной «сохранять и укреплять связи как с Западом, так и с Востоком». Выступая в 1998 году в Вашингтонском Институте ближневосточной политики министр обороны Хикмет Сами Тюрк подчеркнул, что «Турция не только повернулась лицом к Западу; она также поддерживает традиционные связи с исламским миром. Она уходит корнями в Центральную Азию, на Ближний Восток, в Анатолию и Европу. Короче говоря, Турция — евразийская страна».

Военные традиционно рассматривают Евразию и, в первую очередь, Южный Кавказ как нестабильный регион, угрожающий безопасности Турции. Основным источником опасности в этом регионе они считают российское влияние и военное присутствие. Таким образом, очевидно, что внимание военных главным образом сконцентрировано на трех южно-кавказских государствах. В то же время они, как

и многие турецкие политические деятели, исходят из того, что «Турция находится в центре мира».

За последние два-три года среди высокопоставленных турецких военных образовалась группировка, выступающая против интеграции в Европейский Союз. Ее члены рассматривают принадлежность Турции к Евразии как важное геополитическое преимущество, а не источник опасности. Несмотря на свою прозападную ориентацию, они предсказывают жесткое соперничество в этом регионе с европейскими государствами, особенно с Германией.

В период пребывания у власти коалиционного правительства, возглавляемого Бюлентом Эджевитом (1999–2002), Министерство иностранных дел находилось под контролем Демократической Лево́й Партии (ДЛП). В целом, хотя и с некоторыми оговорками, она поддерживала прозападную стратегию турецкой внешней политики. Вместе с тем, еще в 1995 году, лидер ДЛП Бюлент Эджевит предложил проводить «регионально ориентированную политику». Он считал, что использование европейского и азиатского элементов сделает в будущем возможной интеграцию государств Евразийского макро-региона, в котором Турция, конечно же, занимает главенствующую позицию. Он даже использует термин «евразияция» (*Avrupalaşma* по-турецки) — для обозначения процесса интеграции Европы и Азии.

Возглавлявший в то время министерство иностранных дел Исмаил Джем, который также представлял ДЛП, не избегал публичных и вполне откровенных заявлений о будущих Евразийских планах Турции. Так, он однажды заявил: «Мы, несомненно, присоединимся к Европейскому Союзу, но наше перспективное видение шире. Наша цель — стать центром принятия решений в Евразии».

В программе правительства происламской Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшего на смену коалиционному правительству Эджевита, подчеркивается, что его целью является расширение «евразийского направления» внешней политики страны и в частности, отношений с Россией, основываясь на стремлении «осмотрительно расширять Евразийскую перспективу». Недавние шаги правительства ПСР свидетельствуют о появлении тенденции к усилению влияния евразийской концепции на внешнюю политику Турции. Министерство иностранных дел действует в новых рамках, указанных в программе ПСР по пересмотру приоритетов турецкой внешней политики в соответствии с Евразийской концепцией, которая считается наиболее подходящей для меняющихся региональных и глобальных реалий. Министерство устанавливает новый баланс между национальными интересами и этими реалиями, а также пытается улучшить отношения с соседними странами.

Различные интерпретации *евразийской концепции* присутствуют и в официальных документах других турецких политических партий. Так, в программе Социально-Демократической Партии (СДП), игравшей важную роль в турецкой политике первой половины 1990-х годов, «обширный Евразийский» регион характеризуется как «наша территория жизни, наша мощь и зеница ока». А недавно образованная Партия новой Турции (ПНТ) рассматривает это государство как «центр силы» в формирующейся «евразийской цельности».

Концепция Евразии широко распространена среди различных кругов современного турецкого общества. Существует множество исследовательских и мозговых центров, неправительственных организаций, фондов, периодических изданий, вклю-

чивших в свое название слово «Avrasya» (Евразия). Их большая часть заинтересована в поддержании евразийской тенденции в политической, экономической и культурной жизни Турции. Лишь один пример: неправительственная организация «Ассоциация культурного и общественного развития Евразии» способствует укреплению разнообразных отношений между Европой, Турцией и другими евразийскими, особенно центрально-азиатскими, государствами. Согласно ее программным документам, Турция должна играть «главенствующую роль» в Евразии. Лидеры этой организации являются сторонниками использования евразийского направления в турецкой внешней политике как козырной карты в процессе переговоров о вступлении страны в ЕС.

Заключение

Рассмотренные выше теоретические подходы и интерпретации концепции Евразии, которые широко распространены в общественных и политических кругах современной Турции, указывают на то, что не только политическая элита, но и военные, ученые, отдельные сегменты становящегося гражданского общества, приводя различные причины и аргументы, разделяют идею господства этого государства на евразийском пространстве.

Эти концепции, исходящие как с левого, так и с правого флангов политического спектра, служат теоретическим обоснованием для внешней политики Турции, одной из долгосрочных целей которой является превращение в господствующую силу в регионе Евразии.

Армения–Турция: теоретическая интерпретация межгосударственных отношений

Р. А. Сафрастян

Армяно-турецким межгосударственным отношениям конца XX — начала XXI веков «не повезло» дважды: как факту действительности, так и объекту исследования. Поясним нашу мысль.

В реальной жизни они хоть и существуют: два соседних государства «признают» существование друг-друга, время от времени присходят контакты между официальными представителями различных уровней, включая президентов и министров иностранных дел и ведутся переговоры, однако до сих пор они не получили своего легального оформления с точки зрения международного права — дипломатические отношения не установлены; то есть строго говоря, в системе современных международных двусторонних отношений они как бы не существуют. К тому же, одна из сторон — Турция — в одностороннем порядке закрыла свою сухопутную границу с Арменией и осуществляет фактическую экономическую блокаду, а также ввела специальный визовый режим, который она то ужесточает, то вводит определенные послабления в зависимости от... результатов обсуждения проблемы геноцида армян в парламентах третьих государств.

Не лучше обстоит дело и с исследованием проблем армяно-турецких межгосударственных отношений. Фактически отсутствуют работы, в которых они анализировались бы с применением понятийного аппарата, используемого в современной науке о международных отношениях. К сожалению, отсутствует также сколь-нибудь полное фактологическое исследование истории армяно-турецких межгосударственных отношений, даже их отдельные периоды не получили адекватного отображения в специальной литературе с точки зрения «голой» фактографии, не говоря уже о монографии, в котором проявился бы комплексный подход. Авторы существующих работ решают прежде всего задачу оправдания кое-каких узконациональных или узкопартийных подходов к этой сложной и многослойной проблеме. Получила также распространение практика их рассмотрения только в контексте изучения Карабахского конфликта.

В результате, предлагаемые в специальной литературе интерпретации армяно-турецких отношений являются в целом односторонними и поверхностными.

Между тем, даже из краткого описания в начале статьи состояния армяно-турецких межгосударственных отношений становится очевидной их безусловная «ценность» в качестве объекта исследования в рамках подхода «case-study» — с целью их дальнейшей генерализации и включения в каталог конкретных случаев, которыми оперирует современная теория международных отношений. Отметим две ее области, для которых, по нашему мнению, история отношений между Арменией и Турцией последнего десятилетия представляет несомненный интерес.

Это прежде всего такая новая, на наших глазах формирующаяся область, как изучение методов и способов осуществления «неконвенциональной дипломатии» или, выражаясь более конкретно, исследование двусторонних отношений между государствами в условиях отсутствия дипломатических отношений. Казалось бы, армяно-турецкие отношения могли бы послужить одним из основных «случаев» (case), используемых для теоретических обобщений. Однако исследователями опыт армяно-турецких отношений в целом игнорируется. Характерным является следующий пример: в новаторской по своей сути в этой области работе профессора Лейкастерского университета Г. Р. Бэрриджа «Разговаривая с врагом», положившей начало исследованиям в этой области, отсутствует обращение к опыту армяно-турецких отношений, хотя и автор в числе других случаев использования присутствия на официальной церемонии похорон видного государственного деятеля для осуществления контактов между руководителями государств, не имеющих дипломатических отношений, упоминает визит президента Армении Л. Тер-Петросяна в Анкару по случаю похорон президента Турции Т. Озала²²¹. Между тем, рассмотрение особенностей армяно-турецких отношений позволило бы автору не только расширить, пользуясь терминологией самого Бэрриджа, список «ключевых методов коммуникации», используемых сторонами, но и «рассмотреть более пристально формальные и существенные обстоятельства, которые делают необходимым обращение к ним»²²².

Так, вся концепция и структура книги английского ученого основываются на допущении, что государства могут не иметь дипломатических отношений или в результате не признания друг друга, или в результате разрыва дипломатических отношений²²³. Тем самым им устанавливается прямая зависимость между признанием нового государства и установлением дипломатических отношений. «Во всяком случае, — пишет Бэрридж, если в признании нового государства или нового правительства отказано по какой-либо причине, дипломатические отношения, конечно, не могут быть установлены; точно также, если признание взято обратно, то дипломатические отношения, если они существовали, должны быть приостановлены»²²⁴. В результате, он фактически исключает из своего рассмотрения такой случай, как отказ от установления дипло-

---

²²¹ G. R. Berridge, *Talking to the Enemy: How States without 'Diplomatic Relations' Communicate*. New York, 1994.

²²² *Ibid.*, p. XVI.

²²³ *Ibid.*, p. 1.

²²⁴ *Ibid.*, p. 3.

матических отношений при официальном признании нового государства — то есть тот «операционный код»²²⁵, который выработало руководство Турции в отношении Армении еще в 1991 году и который оно сохраняет до сих пор. Тем самым, поле анализа автора сужается до рассмотрения только двух случаев: непризнания государства и разрыва дипломатических отношений.

Между тем, отмеченный нами выше случай имеет ряд принципиальных отличий от оказавшихся в центре внимания Эрриджа. В частности, избравшее такую политику государство получает не только значительное стратегическое преимущество перед «новым государством», ставя установление дипломатических отношений в зависимость от выполнения неких предварительных условий, но и официально признавая существование этого «нового государства» оставляет за собой возможность установления с ним и поддержания «неконвенциональных контактов» на самых различных уровнях, включая высший, используя их в конечном итоге с целью оказания давления на него. В случае непризнания «нового государства» каналы «неконвенциональных контактов» были бы в значительной степени перекрыты, что уменьшило бы возможности для дипломатического маневрирования, а в конечном счете — для оказания давления на него.

С другой стороны, официально признанное «новое государство», с которым не установили дипломатические отношения, оказывается в затруднительном положении, кстати, более затруднительном, чем если бы сначала дипломатические отношения были бы установлены, а лишь затем в одностороннем порядке разорваны. Испытывая вполне понятный недостаток в опытных дипломатах такое государство лишается также возможности сбора информации посредством посольства и консульств, а также возможностей их посредством установления контактов с представителями различных слоев общества. Все это приводит к тому, что в случае поддержания «неконвенциональных дипломатических отношений» оно вынуждено действовать как бы «вслепую», что еще более ослабляет его позиции в диспуте с противной стороной, которое, обычно, представлено более сильным и уже состоявшимся государством.

Прочерченная выше лишь пунктирно парадигма отношений была выведена нами на основе обобщения опыта отношений между Турцией и Арменией. Она не имеет аналогов в современной практике дипломатических отношений. Своеобразие армяно-турецких отношений станет более наглядным после краткого обзора рассматриваемых в научной литературе случаев отсутствия межгосударственных отношений.

Государства в наши дни в отношении друг друга применяют главным образом или политику непризнания, или политику разрыва (заморозжения) дипломатических отношений. «Классическими» случаями непризнанных государств в годы «холодной войны» были разделенные государства: Германия, Вьетнам, Корея. До сих пор большинство арабских государств не признают существование государства Израиль. В последние десятилетия получил распространение модифицированный вариант непризнания — непризнание не государства, как такового, а правящего режима (правительства). Особенно часто такую политику применяли Соединенные Штаты, а также под их давлением — их союзники. Так, США многие годы не признавали коммунистический режим Пекина в качестве законного правительства Китая.

²²⁵ Термин был введен в практику международных исследований Александром Джорджем. См.: A. George, The «Operational Code»: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making. — *International Studies Quarterly*, 1969, 13, p. 190–222.

Вместе с тем, как показывает обращение к практике международных отношений, значительно большее распространение в новейший период времени получил разрыв дипломатических отношений при одновременном сохранении «признания» данного государства или даже политического режима. Согласно традиции, кодифицированной Венским конгрессом 1815 года, разрыв дипломатических отношений воспринимался как символический акт признания невозможным разрешения конфликтной ситуации между государствами мирными средствами и скорого начала военных действий. Вся история периода «классической европейской дипломатии» позапрошлого века полна примерами подобного рода. И в наши дни время от времени акция разрыва или замораживания дипломатических применяется в непосредственной связи с началом военных действий, как, например, поступила Великобритания в отношении Аргентины в период Фолклендской войны. Однако в современный период или в эру «новой дипломатии»²²⁶ разрыв дипломатических отношений служит чаще всего актом, символизирующим недовольство политикой данного государства и направлен на его изоляцию на международной арене, особенно, если он применяется сильным государством в отношении более слабого, или же преследует пропагандистские цели; причем, в реальной дипломатической практике обе эти цели зачастую совмещаются.

Приведем в качестве примера разрыв Соединенными Штатами дипломатических отношений с правительством Кастро на Кубе, которое, тем не менее, не сопровождалось отказом не только от признания кубинского государства, но даже от признания режима Кастро²²⁷. Подобный подход США был обусловлен, на наш взгляд, их стремлением оставить дверь открытой для последующих «неконвенциональных» контактов с представителями коммунистического правительства Кубы с целью попытаться добиться благоприятных для себя изменений. Важную роль сыграл, несомненно, фактор географической близости Кубы к США, что обуславливает его особое значение даже для такой мощной державы, как Соединенные Штаты. Интересно отметить, что в одном из своих выступлений тогдашний президент США имплицитно оправдывая подобную политику вынужден был даже публично солгать, заявив что США не признают правительство Кастро.

Политика Турции в вопросе дипломатических отношений с Арменией оказывается наиболее близкой именно к политике США в отношении к Кубе, имея, однако, существенное отличие от последней; а именно, она с самого начала отказалась установить с Арменией дипломатические отношения, обусловив их установление рядом предварительных условий, касающихся других пунктов повестки дня в отношениях между этими двумя государствам, по которым ей не удалось добиться удовлетворяющих ее уступок со стороны Армении. Подобный подход турецкой стороны основывался на убеждении, что Армения, как «новое государство», к тому же, не имеющая выхода к морю, находящаяся в состоянии военного конфликта с Азербайджаном

²²⁶ Термин «новая дипломатия» применяется нами в соответствии с подходом, разработанным Сассоном Софером. См.: Sasso Sofer, *Debate Revisited: Practice Over Theory?* — In: *The Theory and Practice of International Relations*. Eight Edition. Edited by: William Clinton Olson, Englewood Cliffs (New Jersey), 1991, p. 65–78.

²²⁷ См. об этом: C. Warbrick, *The New British Policy on Recognition of Governments*, *International and Comparative Law Quarterly*, 1981, Vol. 30, p. 569.

и испытывающая значительные экономические трудности, больше ее заинтересована в установлении дипломатических отношений. Таким образом, можно утверждать, что Турция, фактически, использовала свое возможное согласие на установление дипломатических отношений с Арменией в качестве «средства влияния» в понимании исследователя проблем международного влияния (influence) Джеймса Дэвиса²²⁸. Однако до сих пор, по прошествии почти 17 лет, дипломатические отношения между Турцией и Арменией не установлены. Это означает, значительные расхождения между ними остаются, и Турции не удалось добиться от Армении существенных уступок, то есть вовлечь ее в сферу своего влияния.

В более широком смысле, отношения между Турцией и Арменией представляют определенный научный интерес также с точки зрения дальнейшего развития теории межгосударственных двусторонних отношений, которая в условиях усиления в последние годы влияния неолиберальных и мондиалистических теорий оказалась на периферии интереса исследователей. Между тем анализ армяно-турецких отношений в контексте такого фундаментального понятия этой теории, как мощь («power») государства и способы ее реализации, или концепция принуждения мог бы способствовать ее дальнейшему развитию.

В частности, турецкая политика по отношению к Армении, основывающаяся на выдвигании предусловий и применении различного рода угроз, вплоть до угрозы применить военную силу, может рассматриваться в качестве примера «дипломатии принуждения» («coercive diplomacy») в том ее понимании, которое развивал в своих работах периода «холодной войны» такой известный специалист по теории международных отношений, как стенфордский профессор Александер Джордж. Согласно уже ставшему классическим определению Джорджа, «идея дипломатии принуждения состоит в том, чтобы подкрепить требования к сопернику такой угрозой наказания за неподчинение, которое было бы правдоподобным и имело бы достаточно потенци, чтобы убедить его подчиниться требованиям»²²⁹. Он же выделил основные элементы дипломатии принуждения: четко сформулированное требование к государству, которого хотят принудить изменить свою политику, угрозы и давление в течение определенного промежутка времени с указанием срока, к которому требование должно быть выполнено²³⁰. Некоторые исследователи придают последнему элементу решающее значение, отмечая, что угрозы применения силы могут не иметь достаточного эффекта, если не будут сопровождаться указанием определенного срока²³¹. Однако А. Джордж, основываясь на более глубоком анализе конкретных проявлений «политики принуждения», подчеркивает, что вовсе не обязательно, чтобы государством, осуществляющим принуждение, ставились бы конкретные сроки; вполне возможно, чтобы были использованы различные подходы, в том числе и такой, который он

---

²²⁸ James W. Davis, Jr., *Threats and Promises: The Pursuit of International Influence*. Baltimore and London, 2000, p. 10–25.

²²⁹ Alexander George, *Forceful Persuasion: Coercive Diplomacy as an Alternative to War*, Washington, 1991, p. 4.

²³⁰ *Ibid.*, p. 7.

²³¹ Peter Jakobsen, *Western Use of Coercive Diplomacy after the Cold War. A Challenge for Theory and Practice*, London, 1998, p. 29.

называет «применяй и смотри, что будет дальше»²³². Именно такой подход лежит в основе политики Турции в отношении Армении.

Другой интересной с точки зрения современной теории международных отношений проблемой является проблема формирования повестки дня («agenda») как двусторонних, так и многосторонних международных отношений. В последние годы ряд исследователей пришли к выводу, что в наши дни в дипломатической практике возросло ее значение, исходя из чего и подчеркивают необходимость ее более пристального изучения²³³. Однако конкретные способы формирования повестки дня остаются малоисследованными.

Обращение к опыту армяно-турецких отношений и в этом случае снабжает нас интересным материалом для анализа. Так, оказывается, еще до краха СССР и создания независимого армянского государства стороны вступили в борьбу за формирование повестки дня двусторонних межгосударственных отношений. Об этом свидетельствует визит посла Турции в Москве В. Вурала в Ереван в апреле 1991 года и его переговоры с руководством республики, в ходе которых обнаружили различия сторон в подходах к формированию повестки дня. Если армянская сторона стремилась сконцентрировать повестку дня двусторонних отношений на вопросах экономического характера, то посла Вурала интересовали прежде всего вопросы, связанные проблемой геноцида армян и армяно-турецкой границей, а также проблема урегулирования Карабахского конфликта и лишь в последнюю очередь — вопросы торгово-экономического характера. Турции тогда удалось навязать свою интерпретацию повестки дня, а после того, когда она, признав в конце 1991 года независимость Армении, отказалась установить с ней дипломатические отношения, форсированно в нее вошел новый пункт: об установлении дипломатических отношений. В 1992–1993 годах в иерархии ее пунктов опять-таки под давлением Турции произошли изменения, в результате которых проблема урегулирования Карабахского конфликта выдвинулась на первое место. Борьба за повестку дня закончилась в 1993 году победой турецкой стороны, когда после потери Азербайджаном Кельбаджара она окончательно закрыла свою границу с Арменией, вынудив тем самым армянскую сторону согласиться с заменой торгово-экономического пункта повестки дня на вопрос об открытии Турцией границы с Арменией. В течение последующих лет вплоть до сегодняшнего дня повестка дня армяно-турецких отношений не претерпела существенных изменений, лишь новое руководство Армении, пришедшее к власти в 1998 году, сконцентрировав свое внимание на проблеме признания геноцида армян добилось изменений в иерархии пунктов повестки дня.

Сказанное выше о борьбе за повестку дня армяно-турецких отношений не оставляет сомнений в том, что мы имеем весьма интересный случай с точки зрения более детального изучения проблемы формирования повестки дня двусторонних межгосударственных отношений. В частности, стремление Турции установить свой контроль

---

²³² Alexander George, *Forceful Persuasion: Coercive Diplomacy as an Alternative to War*, Washington, 1991, p. 7–9.

²³³ См., например, следующие работы: Robert O. Keohane and Joseph S. Nye, *Complex Interdependence and the Role of Force*. — In: *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*. Fifth Edition. Edited by: Robert J. Art, Robert Jervis, New York, 2000, pp. 241–242; Chris Brown, *Understanding International Relations*. New York, 1997, p. 228–230.

над формированием повестки дня в межгосударственных отношениях с Арменией свидетельствует о ее стремлении расширить поле применения (*domen*) своей мощи (*power*) за счет включения в нее и повестки дня. Такая интерпретация политики Турции основывается на определении мощи государства как способности контролировать других, глубоко разработанном Джоном Ротгебом²³⁴.

Вместе с тем, изменение в иерархии вопросов повестки дня, происшедшее в 1998 в результате изменения в политике Армении в вопросе признания факта геноцида армян, показывает, что и более слабое государство, в данном случае — Армения, имеет возможность не только противостоять более сильному и игнорировать его требования, но и добиваться определенного преимущества в дипломатическом противостоянии, особенно, когда это касается вопросов, коренящихся в глубинах коллективного сознания и исторической памяти. К сходным результатам пришла группа американских специалистов, исследующих предпосылки и условия достижения успеха при использовании угроз, главным образом, военного характера²³⁵.

Заключая, попытаемся очень кратко интерпретировать армяно-турецкие отношения применяя отмеченные нами выше новые разработки в теории международных отношений. Они характеризуются как «неконвенциональные», для которых большое значение имеет определение повестки дня межгосударственных отношений. На формирование такой парадигмы отношений решающее влияние оказал «операционный код», разработанный дипломатией Турции в отношении Армении, который характеризуется использованием ряда не вполне традиционных методов принуждения (*coercion*).

По приблизительной оценке признанного канадского специалиста Калеви Холсти более 90% отношений между государствами базируется на политике «простого убеждения» (*persuasion*)²³⁶. Таким образом, армяно-турецкие межгосударственные отношения относятся к такому типу отношений, который составляет лишь менее 10% всего современного международного «траффика», именно по этой причине обращение к их опыту и дальнейшая генерализация могут способствовать уточнению некоторых концепций и понятий, применяемых в наши дни для изучения международных отношений.

---

²³⁴ John M. Rothgeb, Jr., *Defining Power: Influence and Force in the Contemporary International System*. New York, 1991, p. 27–36.

²³⁵ См. об этом в книге: Peter Karsten, Peter D. Howell, and A. F. Allen, *Military Threats: A Systematic Historical Analysis of the Determinants of Success*. Westport, Connecticut, 1984.

²³⁶ K. J. Holsti, *International Politics: A Framework for Analysis*. Sixth Edition, Englewood Cliffs, 1992, p. 126.

Взаимоотношения армянских эмигрантских организаций с аналогичными объединениями из Кавказа в 1924–1940 годах

Э. А. Абрамян

Большевизация Южного Кавказа (Закавказья) проходила кровопролитно. В некоторых районах дашнаки, меньшевики и мусаватисты организовали столкновения с Красной армией, однако в итоге были разоружены и, в конце концов, эмигрировали за границу.

После провала февральского восстания армянских дашнаков в 1921 г., многие сторонники и лидеры партии «Дашнакцутюн» были убиты или заключены в тюрьмы. Члены партии и многие сторонники идей партии эмигрировали в ближнее и дальнее зарубежье. Несмотря на это, в стране оставались ячейки Дашнакцутюн, которые были вынуждены действовать подпольно. С началом раскулачивания, голода и пятилеток ячейки организаций антисоветского толка активизировались. Сразу после установления советской власти на Кавказе, различные дашнакские, мусаватистские, меньшевистские разведовательно-диверсионные группы периодически пытались проникнуть в Закавказье не только для разведовательно-диверсионной деятельности, но и для антибольшевистской агитации, в результате которых в период коллективизации в Южном Кавказе начались массовые антисоветские волнения, о которых советская историография молчала. Эти события не в достаточной мере исследованы и сегодня. Отметим лишь, что Кавказ являлся самым нестабильным регионом СССР в 20-х — 40-х гг. прошлого столетия, основной причиной которого кроме бытового недовольства являлась активная антисоветская пропаганда со стороны эмигрантских организаций, которые, по сути, представляли собой правительства в изгнании.

Армянские общины, находящиеся в эмиграции, начали объединяться в более крупные организации. АРФ Дашнакцутюн стала основной партией в изгнании. Являясь единственной националистической партией, имея отличную репутацию и доброе имя, «Дашнакцутюн» сплотила основные слои эмигрантского общества.

Ее руководители — легендарные военачальники и национальные герои вселяли в людей надежду, что настанет день, когда многострадальный народ вернется на свои земли с национальным знаменем в руках.

В 1933 г. в Париже состоялось 12-е собрание АРФ Дашнакцутюн, на котором участвовали практически все известные деятели армянской эмиграции. Среди участников был и армянский военачальник Гарегин Тер-Арутюнян (Нжде)²³⁷, который представлял армянские эмигрантские круги Болгарии. Нжде представил несколько основных пунктов по организации эмигрантства и борьбы против Турции и большевиков. Главной задачей Нжде считал организацию армянской молодежи на основе здорового национализма и принципа внепартийности. Летом 1933 г. для осуществления этой задачи он отправился в США, где создал националистическое движение «Цегакрон» (Родопочитание). Нжде создал Клятвенные Союзы Цегакранов (Цегакрон Ухтер) в местах компактного проживания армян США. Филиалы организации были открыты в Болгарии, в Румынии, в Германии, в Греции и во Франции. Организация пропагандировала ценности армянской нации, ее культуры и языка, идею сотрудничества со всеми антитурецкими силами для освобождения своей страны. В 1935 г. в Софии Нжде опубликовал работу «Американское армянство — Род и его отребье», а также большое количество статей. В одной из них он писал: «Если по сей день наш народ получает лишь удары и трагически неспособен дать отпор — причина в том, что он не живет как род... Цегакронство — вот панацея, без которой армяне останутся политически самой обездоленной частью человечества»²³⁸. Тем самым Нжде положил начало теории Арменизма. Девизом организации было «Армению — армянам», а целью ее создания: «Воспитать родопочитающее поколение, представители которого жили и действовали бы как подданные и воины своего рода, где бы они ни были и какое бы социальное положение ни занимали»²³⁹.

С середины 1935 г. отношения между «Цегакрон Ухтер» и партией «Дашнакцутюн» обострились. Лидеры «Дашнакцутюн» считали Цегакрон молодежным крылом партии и порою не считались с его руководством. Обострились в частности отношения между Нжде и руководителем Бюро АРФ Рубеном. Рубен обвинял Нжде, что он якобы создал опасную для армянства организацию, и что она может расколоть Дашнакцутюн изнутри. В итоге в 1938 г. на 13-м Общем Собрании партии было принято решение об исключении Нжде из ее рядов. В дальнейшем руководство «Дашнакцутюн» попыталось вернуть Г. Нжде в свои ряды, однако получил отказ. В 1939 г. генерал Драстамат Канаян пытался убедить Нжде снова войти в ряды партии и подчинить «Цегакрон» партии «Дашнакцутюн», однако и на этот раз Нжде отказывался и заявил, что пришло время для решения не только партийных, но и общеармянских проблем, что он будет сотрудничать с партией именно в этом направлении.

²³⁷ Гарегин Нжде родился 1 января 1886 г. в селе Кзнут Нахичеванского уезда, с 1907 г. член партии АРФ «Дашнакцутюн», участвовал в Первой Балканской войне, командовал армянскими частями Болгарской армии. С 1918 г. являлся одним из командующих армянских войск республики Армения. Нжде являлся основным организатором обороны в битве за Каракилиса (Ванадзор). Был награжден орденом за храбрость высшей степени. В 1919–1921 гг. организовал героическую борьбу армянского народа в Зангезуре. Основатель и руководитель республики Лернайастан (Горная Армения). В 1921 г. эмигрировал в Иран, а оттуда — в Европу.

²³⁸ Гарегин Нжде и его учение, ред. М. Лалаян. Ереван, 2004, С. 20.

²³⁹ Там же.

В 1937 г. Нжде вместе с Айком Асатрянном, также покинувшего партию «Дашнакцутюн», начинает публиковать влиятельную эмигрантскую газету «Размик», которая в дальнейшем становится органом Цегакрон. Необходимо также отметить, что во главе с Айком Асатрянном в Европе в конце 1937 г. была создана новая эмигрантская организация «Таронаканутюн» (Таронство)²⁴⁰, которая основывалась на националистических идеях, а также поддерживала и развивала идею об арийском происхождении армян. А. Асатрянну в работе по созданию идеологии организации всячески содействовали Г. Нжде, Н. Аствацатурян и другие эмигрантские деятели. Официальным органом движения являлся еженедельник «Таронский Орел» («Тарони Арцив»). Таронское движение, однако, не очень отличалось от основной направленности организации «Цегакрон». К началу Второй мировой войны, после военно-психологической подготовки начались формироваться полувоенные разведывательно-диверсионные группы молодежи из «Цегакрон» и «Таронаканутюн». В дальнейшем группы под руководством Гарегина Нжде проходили подготовку в лагерях Абвера для их дальнейшей переброски на территорию Кавказа и Турции.

Во второй половине 1920-х гг. под покровительством Польши был создан союз кавказских народов «Прометей» — общественно-политическая организация, которая включала в себя антисоветски настроенных представителей кавказских эмигрантских организаций Европы и Турции. Польское руководство попыталось использовать национально-освободительные идеи для расчленения своего давнейшего и основного противника — Россию в лице СССР. Как считали в Варшаве, достижение этой цели возможно при тесном сотрудничестве с кавказской эмиграцией. Архивные материалы и исследования некоторых российских и польских историков свидетельствуют, что Генеральный штаб в Варшаве даже намеревался для этого разработать специальную стратегию²⁴¹. Как известно, Государство Польское до ее оккупации Россией в XVIII веке и разделением между Австро-Венгрией и Пруссией являлось мощным государством Восточной Европы. Находясь в составе Российской империи вплоть до 1917 г., ее границы и население уменьшились в несколько раз. В 1920 г. большевистское руководство решило вернуть Польшу в состав России. Был организован известный поход под командованием М. Тухачевского, который в итоге потерпел поражение при попытке захватить Варшаву, и был вынужден отступить.

Исходя из вышеуказанных фактов, польский генштаб был уверен, что большевики никогда не смирятся с поражением и в дальнейшем попробуют включить Польшу в состав России. Для этого, руководство в Варшаве пыталось создать для Москвы проблемы, связанные с антибольшевистскими эмиграционными кругами народов Кавказа, а также казаков и тюркоязычных народностей России. Одним словом, польские военные круги считали, что при войне той или иной страны с СССР должна актуализироваться идея независимого и свободного Кавказа. Принимая во внимание возможности Варшавы стать «покровителем освободительного движения»²⁴², было решено в дальнейшем активно снабжать оружием будущих кавказских партизан.

²⁴⁰ Тарон — географическая местность, расположенная в центральной части Армянского нагорья. Эта местность считается сердцем объединенной Армении и всего армянства. Ныне находится на территории Турции. Из этих соображений А. Асатрян и назвал свою организацию «Таронаканутюн».

²⁴¹ Абрамян Э. А. Забытый легион. Ереван, 2005 г. С. 48.

²⁴² Gorlitz W. Der Zweite Weltkrieg 1939–1945. Frankfurt. 1953, P. 121.

Турция являлась основным союзником Польши, что и привело к разногласиям внутри организации Прометей. В частности, армянские антисоветски настроенные лидеры не поддерживали идею, что Турция будет снабжать оружием повстанческие движения на Кавказе и в нужный момент якобы «поможет» восставшим военной интервенцией и станет гарантом независимости южнокавказских стран. Пантюркистская политика Турции по отношению к Кавказу также оставалась неизменной. Основной задачей Анкары, как и в 1918–1920 гг. было воссоединение со своими этническими братьями в Аджарии, в Азербайджане, в Борчалы, а затем и с тюркскими народами Дагестана. Кроме того, по планам турецкого руководства, в период восстаний кавказских народов против советской власти, тюркоязычные народы должны были объединиться в одно государство, а это значило уничтожение армянского народа и ее государственности. Такая участь ждала и Грузию. Это стало одной из основных причин раскола организации «Прометей».

14 июля 1934 г. в Брюсселе состоялась конференция народов Кавказа, на которой по инициативе Варшавы были представлены все, кроме армян. За Азербайджан — Расул-заде и Топчибаев²⁴³; за Северный Кавказ — Чулик, Шакманов и Сунжев; за Грузию — Жордания, бывший представитель грузинского правительства, и Чхенкели, его представитель во Франции. Они сразу же подписали договор по созданию Конфедерации народов Кавказа.

Участники договора в дальнейшем направили послание в адрес армянского национального центра, в котором выразили глубокое сожаление по поводу того, что «обстоятельства не позволили Армянской республике присоединиться к нему»²⁴⁴. Была выражена надежда, что в недалеком будущем она не преминет занять оставленное для нее место в Союзе Кавказской Конфедерации, хотя всем было ясно, что этого не будет. Ситуация с армянами более накалилась, когда национал-демократ Г. Хвазава, редактор журнала «Прометей», в одном из его номеров опубликовал карту «Великой Грузии» (через год она была перепубликована в журнале «Le Georgie»), включив в ее состав армянонаселенные Самцхе, Джавахк, Трехк (Цалкский район) и Лори, населенный аварцами и азерами-тюрками Закатал, и порт Ризе вместе с окрестностями (входит в состав Турции), который по Севрскому договору должен был перейти к Армении.

Согласно исследованиям Льва Соцкова²⁴⁵, в организации, начиная с 1936 г., сформировались новые и более глубокие разногласия. К примеру, на том же собрании, по польскому плану, в ряды «Прометей» должна была вступить и эмигрантская организация казаков в Польше во главе с атаманом Билым.

В мае 1936 г. на ежегодном собрании организации, или как его называли участники — «клуба», начало вырисовываться недопонимание между некоторыми представителями эмигрантских групп. Так, представитель горцев Северного Кавказа Чулик выразил несогласие по поводу вступления казаков в организацию, объяснив при этом, что возглавляющий казачество атаман Билый хочет, мол, создать какое-то казачье

---

²⁴³ По некоторым данным, Топчибаев на конференции представлял азербайджанскую боевую эмигрантскую организацию «Истикалал» («Независимость»).

²⁴⁴ Соцков Л. Незвестный сепаратизм. С. 128.

²⁴⁵ В своих исследованиях Л. Соцков использовал документальные материалы ОГПУ–НКВД–КГБ, спецслужб Польши и Германии.

королевство, включив в него часть Северного Кавказа, населенную горцами. А грузинский представитель стал осуждать армян и азербайджанцев за захватнические и империалистические идеи по отношению грузинских территорий²⁴⁶ и т. д.

Кроме того, армяне, которые были приглашены из Румынии и Болгарии, не одобрили план Варшавы по поводу снабжения оружием повстанческих групп со стороны Турции. Армянские лидеры также выразили озабоченность слишком большой ролью этого государства в общих планах Варшавы. Они, как и украинцы и грузины, предложили открыто сотрудничать с Германией, Италией и Великобританией, что, конечно, не устраивало польский Генеральный штаб. В итоге все эти предложения и соображения или были отвергнуты, или не получили точных ответов: армянская делегация покинула собрание, не дождавшись окончания его работы. И как объяснялось после в армянской эмиграционно-партийной прессе — «наша делегация, представляющая армян в организации освобождения, не может пойти на переговоры и примирение с турецкими мясниками и варварами, а также не будет в случае войны стрелять по своим, если станет известно, что перед ними стоит армянское формирование...»²⁴⁷.

Более того, армянская сторона официально так и не вступила в организацию, заявив, что в антибольшевистских планах Варшавы Турция играет главнейшую роль. Грузинская сторона во главе с Михаилом Кедия также осознала турецкую опасность и в конечном итоге вышла из состава союза. «Уж лучше защищать Грузию от немцев и турок вместе с коммунистами, чем оказаться под их владычеством»²⁴⁸, — неоднократно заявляли руководители грузинских эмигрантских кругов. Польская сторона несколько раз пыталась уговорить армянскую сторону вступить с организацией в качестве «представительства Армянской республики», но руководство армянской эмиграции все же отклонило предложения Варшавы. Кроме того, основная часть членов «Прометея», имея явно протурецкую ориентацию, не желала видеть армян в организации. До этого времени в начале 1930-х гг. из состава «Прометея» вышла организация северокавказского лидера Гейдара Баммата (ингуш), который очередь в 1934 г. создал свою организацию «Кавказ». Члены этой организации считали, что после освобождения Кавказа территориальных претензий и вопросов быть не должно. Признать Московский и Карский договоры, они считали границы кавказских государств неизменными, то есть в вопросе границ придерживались «status quo». Касаясь территориальных претензий народов Кавказа, Г. Баммат писал: — «...сколько бы мы не желали иметь собственную национальную политику, нельзя забывать, что наш «кавказский дом» состоит из четырех «комнат», которые связаны между собой, если мы не хотим, что бы наш «дом рухнул», похоронив всех нас собой, то все комнаты должны быть равномерно «освещены» и «просторны», чтобы все кавказские граждане чувствовали себя везде уютно и свободно». Касаясь территориальных претензий армян к Турции, Г. Баммат здесь же пишет: «...Отказываясь от всяких территориальных претензий к Турции и к Ирану, и ограничивая Армению в кавказских границах, мы конечно понимаем, что настраиваем против нас сотни тысяч армянских беженцев,

---

²⁴⁶ «Razmik», 7/06/1942 г. № 13. — Болгария.

²⁴⁷ «Razmik», 15/05/1942 г. №9.

²⁴⁸ Цит. по: Соцков Л. Указ. соч. С. 104.

особенно тех, кто своим домом до сих пор считает не в границах кавказской Армении, а турецкие восточные вилаеты²⁴⁹. Мы не способны «подкармливать» армянские общины нереальными надеждами, которые что и делают многие армянские лидеры — мечтая об Объединенной Армении, пришло время принять реальную правду, какой горькой она не была»²⁵⁰. Конечно, Г. Баммат отлично знал об Армянском вопросе и имел ряд причин высказывая эти мысли. Во-первых, Г. Баммат ни под каким предлогом не хотел ссориться с Турцией, понимая ярые желания своих кавказских «братьев» — азербайджанцев; он также знал о традиционных претензиях Турции ко всему Кавказу и опасался всяких столкновений с ней, даже во внешней политике. Скорее всего, Г. Баммат надеялся на помощь Анкары и Тегерана в информационно-разведывательном плане. Своими высказываниями, относительно «претензии к Ирану», он мягко дал то же самое понять и некоторым азербайджанским лидерам. Кроме того, Г. Баммат четко понимал, что любое территориальное приобретение со стороны одной из четырех сторон (т.е. кавказских государственных образований) сразу же приведет к цепной реакции у других и в конечном итоге все кавказские народы втянутся в войну друг против друга. Идеология организации «Кавказ» основывалась на так называемом «кавказском национализме», то есть она была против любого попочительства со стороны одной из держав и считала что, сплотившись, кавказцы вполне могут защитить собственный дом, однако, Г. Баммат разочаровался в Анкаре, когда узнал о задержании и высылке членов его разведывательно-экспедиционной группы в сентябре 1938 г. Группа планировала перейти советско-турецкую границу и действовать в Грузии. Кроме того, руководство «Кавказа» имела цель воссоздать Кавказскую конфедерацию, забыв о горьких последствиях 1917 г. Члены организации были против большевиков, меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. С 1935 г. организация начала налаживать связи с руководством Германии, Японии, Турции и Румынии. Она частенько финансировалась со стороны Японии, а затем и Германии, имела свои центры в Берлине, в Мюнхене, в Токио, в Париже и т.д. С 1934 г. началась публикация журнала «Кавказ» («Le Caucase») на русском, грузинском, тюркском, а с 1936 г. — и на армянском языках. В состав организации «Кавказ» до 1935 г. входили лишь некоторые северокавказцы и представители азербайджанской эмиграции. Впоследствии в нее вступили грузинские и армянские эмигрантские группы. Некоторые ее руководители и члены входили в состав «Прометейя». К примеру, сам Гейдар Баммат, лезгинский лидер Владимир Ахметели, азербайджанец Джаид Азери. Другие, в частности, северокавказский эмигрант Александр Кантемир, грузинский князь Ш. Амиреджиби примкнули к организации исключительно из-за идеологических принципов. Руководство «Кавказа» четко понимало, что, как говорил Баммат, «трех стен» для нормального развития организации и ее идей не достаточно, и после вступления в «Кавказ» грузинской группы, ее члены всячески пытались наладить контакты с армянской стороной. Больше всех подходили некоторые лидеры партии «Рамкавар», члены которой также эмигрировали из Армении в период советизации. Эта партия имела социал-демократическую направленность, однако в 1935 г. наиболее националистически настроенная группа во главе с Суреном Бегзадяном откололась

²⁴⁹ Вилает — название провинции на турецком языке.

²⁵⁰ «Le Caucase» (Covcas), 11/03/1939., №1, p. 3. (копия).

от нее и в декабре 1938 г. официально вошла в состав организации «Кавказ». В январе 1939 г. бывший рамкавар Г. Аристакесян и бывший дашнак К. Ростомян создали организацию «армянских патриотов Кавказа «Азг»» («Нация»). Через полтора месяца, под редакцией Вигена Шанта в Париже началось издание ежемесячного журнала «Кавказ» на армянском языке.

Являясь малочисленной и неконструктивной, не имея поддержки у армянской эмиграции в Европе, руководство «Азг» согласилось вступить в состав организации «Кавказ». Вступление армян в организацию порадовало многих членов организации, иными словами, «четвертая стена» была построена, а это значило, что и Берлин начал бы относиться к организации серьезнее. Несмотря на это, основная часть кавказской эмиграции относилась к организации крайне негативно. Одной из многих причин являлось то, что значительную часть организации составляли политически неподготовленные люди, которые, не раз меняя свои идеологические позиции, все же выбрали националистический путь. Организации и национальных деятелей, не принявших идеи объединения «Кавказ» можно разделить на две части:

Первые — бывшие прометеевцы, возглавляющие различные национальные эмигрантские центры, в основном представители меньшевиков Грузии и мусаватов Азербайджана, то есть бывшие руководители национальных республик 1918–1921 гг. Среди них можно выделить бывшего руководителя Грузии Жордания и его помощника (лидера грузинских эмигрантов во Франции) Чхенкели. При создании организации «Кавказ» шквал критики и обвинений в «неконструктивности» в первую очередь было сделано со стороны Жордания. Поводом для критики «Кавказа» являлась ее либеральная направленность по вопросам территориальных претензий. Иными словами подверглась критике политика «status quo», идею которую развивала организация.

Жордания попытался уговорить другие грузинские центры подчиниться ему, начал вести работу с центрами азербайджанцев и северокавказцев для создания оппозиции организации «Кавказ». Кроме того, он попытался внести раскол в ряды армянской эмиграции Восточной и Западной Армении.

Жордания подчинил себе грузинский эмигрантский «Центр», который в свою очередь входил в состав объединения под названием «Совет Кавказской Конфедерации», которая была организована после подписания сторонами особого соглашения. Это соглашение известно под названием «Брюссельский пакт» (14 июля 1934 г.). Подписавшие, являлись представителями партии «Мусават» под руководством пантюркиста М. Э. Расул-заде, пантюркисты-северокавказцы (в большинстве своем чечено-ингушские, адыгские и кумыкские лидеры) и сторонники Жордания.

Несмотря на попытки Жордания, Расул-заде отказался с ним сотрудничать. Расул-заде также начал работу по организации тюрко-кавказской эмиграции в Турции, вступил в интенсивный диалог с одним из влиятельных представителей «черкесской» эмиграции в Турции Саид Шамилем — внуком имама Шамиля, легендарного лидера, возглавившего сопротивление горцев во время Кавказской войны 1860-х гг.

Расул-заде и Шамиль попытались совместно организовать вооруженные отряды, которые в составе турецкой армии должны были «освободить Кавказ от красных». Иными словами, и Саид Шамиль, и Расул-заде являлись яркими представителями пантюркизма и пантурунизма, одними из многих «проповедников», через которых официальная Анкара строила свои планы на Кавказе. Одним из сотен фактов этого

является интервью М. Э. Расул-заде в начале 1936 г. одной тюркской эмигрантской газете Варшавы. На вопрос журналиста о деятельности и планах «Совета Кавказской Конфедерации» бывший премьер-министр Азербайджанской демократической республики ответил: «Кавказская Конфедерация является этапом для пантуранизма. Как германские федеральные государства влились в «Прусское море», так и все кавказские государственные образования будут влиты в «Турецкое море»».

Вторая часть организаций — противники идей «Кавказа» — включала армяно-северокавказский союз эмигрантских общин, «Армяно-грузинский унион», Армянскую Революционную Федерацию «Дашнакцутюн».

По некоторым данным, армяно-северокавказский союз, или как ее некоторые армянские представители называли армяно-осетинский союз (или армяно-кавказское боевое объединение) было создано еще в 1917 г. в Хасавюрте. В дальнейшем, в 1922 г. в Румынии на основе этой организации было создано армяно-осетинское боевое братство. По сохранившимся сведениям, организация в дальнейшем действовала во Франции и в Чехословакии. В эмигрантской прессе публиковались статьи об армяно-аварском и армяно-аланском военном сотрудничестве в античный и средневековый период. Кроме дружественных вековых отношений между армянами и народами Северного Кавказа, организаторы объединения взаимовыгодным моментом считали антигрузинскую и антитатарскую (антиазербайджанскую) направленность обоих национальных образований. В идеологии объединения господствовало мнение, что Кавказ должен принадлежать «истинным владельцам — армянам, албанцам, грузинам, аланам и вайнахам». Под «албанцами» подразумевались в первую очередь удины, аварцы, тальши (несмотря на их традиционную иранскую ориентацию), лезгины, цахуры которые должны были быть представлены в едином государстве под названием «Албания» или «Новая Албания». Границы ее должны были простирались по северному берегу Куры, включая Шамахан, Нухи, Закатал, Шеки, Северный Лезгистан, центральную и южную части Дагестана. Вайнахи, то есть чеченцы, бацбойцы, ингуши и кистинцы должны были войти в отдельное государственное образование. Они должны были стать «стражниками ворот Кавказа с севера, как это было тысячелетиями). Грузия не должна была быть в границах советского периода, и не трудно догадаться какие территории должны были быть отколоты от нее. Основной идеей объединения являлся лозунг «достижение исторической справедливости». Все как один должны были стать под единым флагом против пантуранистских домыслов Стамбула и Баку. Одновременно, объединение считало своим заклятым врагом и Москву, которая время от времени союзничала с Турцией. Организация по некоторым данным распалась в 1925 г., по другим — просуществовала вплоть до 1930 г.

Другим довольно интересным и влиятельным объединением являлся Армяно-Грузинский Унион («армяно-грузинское объединение»). Эта организация была создана во второй половине 1936 г. во Франции по инициативе некоторых армянских эмигрантских лидеров и грузинских национал-демократов, которые из-за христианской солидарности были сторонниками объединения с армянами. Кроме того, немало было и тех, кто в идеологическом плане считались соперниками меньшевиков. Иными словами, Армяно-грузинский унион представлял собой противовес как «Кавказу», так и «Совету Кавказской Конфедерации», которая по некоторым данным получала подпитку со стороны Турции.

В результате подписания «Брюссельского пакта» в 1934 г. и создания Совета Кавказской Конфедерации (СКК), армянская сторона была полностью вытеснена, и как говорилось на страницах официального органа армяно-грузинского Униона: «Декларация Униона (Бюллетень 1) представляет собой лишь разумную подготовительную работу для сбора и сплочения всех кавказских сил, не претендую на свое окончательное юридическое оформление. Меж тем, как эту ошибку допустил «Брюссельский пакт», без соответствующей серьезной подготовки и сговора, не предупредив армян, внезапно, официально оповестив весь мир об учреждении «Кавказской Конфедерации трех... без Армении!»²⁵¹.

Таким образом, нельзя игнорировать тот факт, что первым инициатором создания Армяно-Грузинского Униона были представители партии «Дашнакцутюн». Почти во всех эмигрантских газетах дашнакского направления от Аргентины до Болгарии писались сочувствующие статьи в поддержку этого объединения. Одним из самых типичных примеров этого являются июльские номера выходящего в Софии ежедневника «Азат Хоск» («Свободное слово»), где самыми восторженными словами пишут о создании и идеях Униона. В частности отмечалось, что между армянами и грузинами почти никогда не было вражды, недопонимания и распри. В начале XX столетия разногласия между этими народами искусным образом использовались в первую очередь «шайтанами» (т.е. внешними силами). Затем в статье говорилось: «Возникшие споры на границах не трудно было бы урегулировать, если бы обе стороны осознали присутствие «шайтана» и узко-националистические страсти подчинили ясному сознанию общности интересов».

В свою очередь, в отделе «Хроника» октябрьского номера газеты армянских националистов «Азг» говорится: «Мы в свое время с удовольствием прочитали выпущенное на трех языках воззвание к армянскому и грузинскому народам, в котором доказывается необходимость тесного, органического их сближения, чтоб суметь противопоставить объединенную духовную и физическую силу московским угнетателям и возможным захватническим попыткам в будущем. Будучи, вместе с идейно-родственными нам представителями грузинского интегрального национализма, протагонистами идеи реального сближения наших двух наций, как первого этапа Кавказского объединения, мы не можем отделаться и от некоторой законной гордости, но это удовлетворение мы ставим ни во что по сравнению с тем, которое получаем от самого факта, что стремление к сближению проникает во все более и более широкие круги грузинского и армянского обществ».

Конечно, недопустимым являлось забвение Джавахкского вопроса и то, что армянская сторона в этот период «попыталась» предать забвению 1918–1919 гг., когда с легкой руки тех же грузинских националистов все армянское население Грузинской республики, (более 450 000 человек), были объявлены военнопленными и направлены в концлагеря или же изгнаны из родных мест. В результате этого около 40 000 армян замерзло в снегах Боржомы зимой 1919 г. или же вырезано турками и азербайджанцами в Джавахке и на берегах Алазани.

Поэтому армяне — сторонники униона не могли забыть эти годы, и на первый взгляд в дружеских отношениях с грузинами вырисовывалась истинная цель — создать

²⁵¹ Bundesarchiv — Militärarchiv. Freiburg. (BA-MA). MSg/123/17, Bulletin de L'Union Armeno-Georgienne, Decembre-1936, p. 1. Paris.

альтернативу против Совета Кавказской Конфедерации и организации «Кавказ» путем втягивания в свою орбиту максимального количества в первую очередь христианских эмиграций из Кавказа. Дело в том, что Унион изначально ориентировался на Рим. Италия как известно, имела ряд противоречий с Анкарой в Средиземноморье. Этими противоречиями хотели воспользоваться и члены Униона, получавшие финансовую поддержку со стороны Муссолини. С этой точки зрения отнюдь не удивительно, что Армяно-Грузинский Унион сразу же распался, когда противоречия между Италией и Турцией начали утихать, и стало ясно, что на Рим рассчитывать не приходится. Унион полностью распался в апреле-мае 1937 г.

18 октября 1934 г. на очередном заседании СКК официально была приглашена и армянская сторона, однако делегация армянского правительства во главе с А. Хатисяном отказалась подписать Брюссельский Пакт. Понимая, что полная изоляция армянской эмиграции в общекавказских вопросах может негативно отразиться в дальнейшем, 28 мая 1940 г. армянское правительство в изгнании официально вошло в состав Совета Кавказской Конфедерации (подписали А. Хатисян, А. Джамалян).

Одним из основных требований Брюссельского пакта было то, что вступившие в Союз Кавказской Конфедерации должны были подписать также заявление о том, что они признают границы кавказских республик с Турцией и Ираном. После официального приглашения СКК Армянское правительство поставило условие, согласно которому от грузин, северокавказцев и мусаватистов требовалось признать Севрский договор, настаивало на том, чтобы стороны поддержали вопрос о необходимости воссоединения Армении в своих исторических границах. Благоприятный нейтралитет Турции был необходим для ведения подпольной работы и национально-освободительной борьбы на Кавказе. К тому же, после Лозаннской конференции 1923 г., когда западные державы признали Турцию в ее нынешних границах, добиться расчленения этого государства было уже очень трудно, кавказские правительства и центры в изгнании были вынуждены отказаться от требований армянской стороны. Подписав Брюссельский Пакт и, вступив в СКК, армянские лидеры понимали, что нарастала опасность того, что Турция может вступить в союз с Германией против СССР и в случае ее победы в приближающейся войне Южный Кавказ мог бы оказаться в руках турецких оккупантов. Это тревожило не только армян, но также и грузинскую сторону, которые в этом плане попытались спасти то, что еще возможно и в 1940 г. безоговорочно признали границы Турции. Таким образом, можно сказать, что Хатисян и его окружение считали, что в случае вступления Турции в войну с СССР, могут повториться события 1918 г., когда после распада Кавказской конфедерации турецкая армия оккупировала почти весь Южный Кавказ и дошла до Баку. Как известно, армянская сторона вынуждена была подписать униженный мир с Турцией в Батуми и провозгласила свою независимость на небольшом клочке армянской исторической земли.

В дальнейшем, армянская сторона, как и другие эмигрантские организации различных народов Кавказа, стали активно сотрудничать с руководством Гитлеровской Германии. Из вышеуказанных фактов можно сделать вывод, что лозунг эмигрантских лидеров в течение десятилетий не менялся: «Активное сотрудничество со всеми, кому выгодно территориальное разложение Советского государства путем поднятия антисоветских национально-освободительных восстаний».

Таким образом, приведенные в статье факты позволяют несколько иначе осветить политическую деятельность лидеров армянского государства 1918–1920 гг. на благо своего народа. Они пытались сделать все возможное ради освобождения армянского народа от того большевизма, который им довелось увидеть в 20-х и 30-х гг. XX века. Большевизм, в тот период принес армянскому народу массовые репрессии, голод, коллективизацию и расчленение самой Армении.

Руководители армянского государства, находясь в эмиграции, продолжили политику с соседними странами, которой придерживались в 1919–1920 гг. Борьба за признание Севрского договора, за принадлежности Армении Нахичевана, Карабаха и Джавахка не утихла до 1940 г., когда армянская делегация все же подписала Брюссельский пакт. Несмотря на это, в дальнейшем, с началом армяно-германских отношений эти вопросы актуализировались, в результате чего германская сторона признала возможность создания армянского отдельного Рейхскоммисариала (фактически статус отдельного государства) после захвата немцами Южного Кавказа.

Итак, можно с уверенностью сказать, что армянская эмиграция и армянское правительство в изгнании играли активную роль в сплочении армянства в Европе и в Америке, представляли армянское легитимное правительство в отношениях с правительствами различных государств. Со стороны некоторых государств (Германия, Польша, Италия, Венгрия, Болгария) армянское правительство в изгнании воспринималось равноправной стороной. Иными словами, это не были «малочисленные группы бандитов», как нам представляет советская историография.

Азербайджан 10 лет спустя: возможные варианты развития

ЮНУСОВ Ариф Сейфулла оглы

ВСТУПЛЕНИЕ

Азербайджан — молодое государство, который всего два десятилетия назад провозгласил свою независимость и при этом сразу столкнулся с большим набором конфликтов и проблем внутри страны, играющих все еще огромную роль в судьбе республики по сей день. К тому же, Азербайджан находится в одном из самых нестабильных регионов мира, где у каждой из четырех стран (Азербайджан, Армения, Грузия и Россия) имеются свои конфликтные зоны и большое число внутренних проблем. К тому же, заметное воздействие на развитие ситуации в Азербайджане оказывают внешние факторы, в первую очередь геополитические противоречия в регионе между США, Россией, Турцией и Ираном. Вполне закономерно, что столь большое число внутренних и внешних конфликтов, имеющихся и потенциальных, а также региональное соперничество внешних актеров вызывают обоснованное беспокойство за нынешнее и уж тем более за будущее развитие Азербайджана. Что ждет Азербайджан в ближайшей и отдаленной перспективе? Пойдет ли он по пути дальнейшей евроинтеграции и станет в ближайшей перспективе демократической и экономически состоявшей страной, как того регулярно обещают нынешние власти Азербайджана? Или страна не выйдет из конфликтов, экономической и политической нестабильности и столкнется с перспективой распада? Какие угрозы безопасности страны имеются извне? Какие факторы внутри страны могут повлиять на дестабилизацию ситуации в Азербайджане? Как это может повлиять на ситуацию в регионе в целом?

Все эти вопросы очень актуальны сегодня. Но не менее актуально и важно попытаться понять, какие возможные изменения могут произойти с Азербайджаном через 10 лет. Почему именно на такой срок, а не больше? Для страны с таким большим числом конфликтов и проблем делать прогноз на больший срок очень сложно и проблематично.

Итак, каким может стать Азербайджан в 2018 году? Все прогнозы можно разделить на пессимистичные, оптимистичные и реалистичные. Начнем с первого.

1. ПЕССИМИСТИЧНЫЙ ПРОГНОЗ

Внутриполитическая ситуация

Власть в Азербайджане продолжает удерживать семья Алиевых. Прекращена даже имитация каких-либо демократических свобод. Выборы президента, парламента, муниципалитетов носят номинальный характер, ибо все заранее определяется президентом страны. Оппозиционные партии демократического толка прекратили свое существование. Созданная ранее властью «конструктивная оппозиция» десять лет спустя также сходит на нет, ввиду абсолютной невосребованности, поскольку нет необходимости даже в имитации демократических выборов и работы закона.

Зачатки гражданского общества уничтожены. Не только электронные, но и печатные СМИ находятся под контролем властей или отдельных министров-олигархов. Полностью отсутствует в стране свобода слова и собраний, независимая судебная система.

Периодически различные группы министров-олигархов, соперничая друг с другом и конкурируя из-за раздела новых сфер влияния и установления новых монополий, устраивают криминальные разборки с привлечением собственных полулегальных военизированных формирований.

Протестный электорат в большинстве своем эмигрировал (главным образом его интеллектуальная часть). Оставшиеся, большей частью рожденные в 80–90-х годах прошлого века и получившие образование уже в независимом Азербайджане, симпатизируют и поддерживают исламскую оппозицию. Только исламская оппозиция пользуется авторитетом и доверием большей части населения, особенно обездоленного и малограмотного. Постоянными стали террористические акты и нападения на посольства и офисы международных организаций, мечети. В ответ власти все время проводят аресты среди активистов происламских сил, отчего исламская оппозиция действует в подполье. В то же время периодические облавы среди верующих и массовые аресты рекрутируют в число радикально настроенных оппозиционеров новые силы. Вместе с тем, отсутствует единство в исламских силах. Шиизм и суннизм, на протяжении последних двух веков мирно сосуществовавшие в Азербайджане, ныне стали враждебны друг другу. Различные политические группировки исламского толка, враждующая между собой, препятствуют созданию единой и сильной исламской оппозиционной партии движения.

Экономическое положение

Огромные нефтяные доходы, поступавшие в республику после 2007 г., были использованы крайне неэффективно. Отсутствие прозрачности и общественного контроля по расходованию доходов от нефти, привело к полному разбазариванию национальных богатств.

Львиная доля нефтяных доходов была присвоена правящей семьей. Средства из Нефтяного фонда не были потрачены на создание ненефтяной индустрии, наукоемкой промышленности, новых рабочих мест, развитого современного образования и медицинского обеспечения населения. Большая часть средств была потрачена на приобретение вооружения и военного обмундирования, передана в Министерство

обороны и там разворована. Часть средств была затрачена на изменение архитектурного облика Баку: строительство новой инфраструктуры и современных зданий. В результате, Азербайджан стал «страной контрастов», в которой рядом с убогими хижинами, с канализацией и водоснабжением конца 19 века, кварталами с покосившимися самостройками, заполненными крысами и горами мусорных отходов, нищими, и малолетними жертвами траффинга расположены роскошные Дворцы спорта, многоэтажные башни офисов западных кампаний, автомагистральи заполнены дорогостоящими автомобилями. Азербайджан окончательно разделился на две части: столицу, космополитичный и более или менее благоустроенный Баку и провинции — более однородные в этническом отношении, в советское время сравнительно сытые и зажиточные, а через 25 лет независимости обезлюдившие и резко обнищавшие.

Доходы от нефти стали падать по естественным причинам падения ее добычи после 2012 г. Но привыкшая жить на «широкую ногу» правящая элита в поисках новых доходов взяла под личный контроль и поставила на «конвейер» траффинг наркотиков и людей (в том числе малолетних детей) через республику. Возросшая в стране наркомания и принявшие массовый характер (до этого единичные случаи) похищения детей из семей в беднейших селах также способствует росту радикального ислама.

Карабахский конфликт

Президент Ильхам Алиев, будучи не в состоянии выполнить фактически ни одно из обязательств по демократизации страны и ее евроинтеграция, так как демократизация и законность фактически привели бы к утрате им власти в результате демократических выборов президента, вынужден был согласиться с предложениями Минской группы ОБСЕ по урегулированию Карабахского конфликта. Согласно этим предложениям, Армения возвращала Азербайджану пять оккупированных вне бывшей Нагорно-Карабахской Автономной области (НКАО) районов, сохранив за собой не только собственно Нагорный Карабах, но и Лачинский и Кельбаджарский районы. Статус этих территорий должен быть разрешен на референдуме в 2020 году, в котором должны принять участие жители бывшей НКАО. Предсказать результаты референдума несложно, учитывая численное превосходство армян. Иначе говоря, под давлением западных стран и России правящий режим Азербайджана согласился на план «независимость Нагорного Карабаха в обмен на возвращение несколько оккупированных районов».

Уступка в Карабахском конфликте была единственной уступкой, на которую правящий клан мог пойти под давлением мирового сообщества, без ущерба для собственной власти. Напротив, уступив в Нагорном Карабахе, режим Алиевых получал индульгенцию демократического Запада на ужесточение полицейского режима, создание еще более мощной машины подавления недовольных, протестного электората, оправдываемая необходимостью подавления недовольных мирным разрешением Карабахского конфликта радикалов националистического и исламского толка.

Фактическое отторжение части территории Азербайджана христианской Арменией при поддержке и участии христианского мира (России и стран Запада) также способствовало росту авторитета ислама в стране и усилению антихристианских настроений.

Международное положение

По прошествии 10 лет произошел окончательный распад когда-то единого региона Южного Кавказа. Грузия, лишившись своих территорий (Абхазии и Южной Осетии) при поддержке западных стран сумела осуществить серьезные демократические преобразования. Она быстро и достаточно успешно интегрировалась в Европу, стала членом НАТО и надежным партнером Евросоюза и воспринималась как часть Восточной Европы.

Армения, умело балансируя между Россией, США и Ирана, стала фактически незаменимым мостом, местом соприкосновения и соперничества этих сил в регионе. При этом политический истеблишмент Армении, используя это положение, как «умный телок» продолжал «сосать аж трех маток».

Азербайджан же, окончательно перекрыв любые возможности для демократизации и евроинтеграции, в то же время не мог пойти на прямое сближение с Россией или Ираном, будучи сильно зависим от западных нефтяных компаний, энергетического бизнеса и инвестиций Запада. В результате, Азербайджан превратился в одну из наиболее отсталых и бесперспективных стран третьего мира, став сырьевым придатком развитых индустриальных держав.

2. ОПТИМИСТИЧНЫЙ ПРОГНОЗ

Внутриполитическая ситуация

Объединенные демократические силы Азербайджана одержали убедительную победу на президентских и парламентских выборах и пришли к власти в республике. Этому предшествовало сближение руководства Азербайджана с Россией и отказ от сотрудничества с США странами Западной Европы против Ирана. В ответ США и Евросоюз профинансировали создание независимого телевидения для Азербайджана, помогли демократическим силам республики организовать избирательную кампанию и организовать многочисленный протестный электорат.

Азербайджан перестал быть президентской республикой. На всенародном референдуме была изменена Конституция страны и Азербайджан стал парламентской республикой. В стране начали проводить демократические реформы, устанавливается власть закона.

Экономическое положение

После прихода к власти объединенных демократических сил во избежание гражданской войны был легализован теневой капитал подпольных олигархов. Стала создаваться рыночная экономика. Установлен общественный контроль над расходованием средств Нефтяного фонда.

Развивается промышленность, создаются новые рабочие места. В республику потекли иностранные инвестиции.

Карабахский конфликт

Официальный Баку пошел на установление прямого диалога с Нагорным Карабахом и предложил совместный с Арменией протекторат над Карабахом в обмен на возвращение всех вынужденных переселенцев, в том числе в Нагорный Карабах. Стороны договорились об отказе применения силы при решении Карабахского конфликта.

Началась работа над определением статуса Нагорного Карабаха под протекторатом двух стран и совместного разминирования фронтальной полосы, а также восстановления пострадавших в результате боевых действий инфраструктуры.

Международное положение

В Армении к власти также пришли демократические силы. Начался интенсивный диалог о совместном протекторате над Нагорным Карабахом и перспективах экономического сотрудничества. Открылось транспортное наземное сообщение с Нахичеванской АР через территорию Армении. Три республики Южного Кавказа начали разрабатывать Программу превращения Южного Кавказа в демилитаризованную зону, в нейтральный регион без военных баз третьих стран и прочее.

Стал смягчаться режим в Иране, начался прямой ирано-американский диалог и местом встреч был избран Баку.

Азербайджан стал играть также ведущую роль в процессе демократизации стран Средней Азии. Российско-азербайджанские отношения имеют характер добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества.

3. РЕАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Внутриполитическая ситуация

Власть продолжает удерживать семья Алиевых. В стране продолжает имитация демократических преобразований. Представители правящего клана говорят об окончании «переходного периода» и скорому переходу к «полной и суверенной демократии». Сменившая на посту президента Ильхама Алиева его жена Мехрибан Алиева демонстрирует новый образ руководителя мусульманской страны — впервые женщина-мусульманка стала президентом в бывшей советской республике. Безусловно, Мехрибан Алиева пользуется неизменной поддержкой международных структур (ООН, ОБСЕ, СЕ, ЕС), которые с «пониманием» относятся к ее заявлениям о своеобразном демократическом пути Азербайджана. Фактически страной управляет несколько групп министров-олигархов из соперничающих кланов. Каждая из групп обязательно платит дань правящей семье Алиевых. Контроль за денежными потоками непосредственно осуществляет Ильхам Алиев.

Сохранившиеся благодаря поддержке западных доноров институты гражданского общества и слабые оппозиционные партии демократического толка объединяются в единое демократическое движение, пытаются противостоять полицейскому режиму Алиевых. Сохранившие независимость несколько печатных СМИ являются единственным рупором этих слабых демократических сил. У демократических сил отсутствует возможность мобилизации протестного электората, все без исключения выборы в стране проходят под жестким контролем власти.

Силловые структуры, обладающие значительными материальными и людскими ресурсами, полностью контролируют ситуацию в республике. Полицейский произвол, насилие и отсутствие независимой судебной системы держит население в страхе. Любое инакомыслие подавляется. Исламские группировки различного толка действуют в подполье и периодически осуществляют террористические акты и нападения на иностранных граждан.

Экономическое положение

В республику по-прежнему продолжают поступать доходы от продажи нефти и газа, хотя объем сравнительно сократился по сравнению с предыдущими годами. Львиная доля доходов присваивается правящей семьей и разворовывается в силовых структурах: министерствах обороны, внутренних дел, национальной безопасности и чрезвычайных событий, во главе которых стоят министры-олигархи. Отсутствие общественного контроля и прозрачности в расходовании средств Нефтяного фонда, доходов от нефти позволяет коррупции разрастаться дальше.

Значительные средства от нефтедоходов затрачиваются на изменение архитектурного облика столицы, развитие инфраструктуры, строительство дорог по знаменитому шелковому пути, развитие туризма и спорта. В Азербайджане строятся роскошные Дворцы спорта, пятизвездочные отели, создаются места отдыха и туризма. Деньги вкладываются в развитие туризма и спорта. Однако эти капиталовложения в сферу туризма и спорта не могут принести ожидаемую прибыль, поскольку рядом находится Турция с ее дешевым и налаженным сервисом и комфортом.

Трудовая миграция продолжает расти. Значительная часть трудоспособного населения по-прежнему эмигрирует на заработки в Россию, Турцию и западные.

В стране по-прежнему отсутствует рыночная экономика и господствуют монополии министров-олигархов. При господстве монополий в Азербайджане нет никаких зарубежных инвестиций, крайне низкий уровень жизни и высокие цены на энергоносители, недвижимость и продукты первой необходимости.

Карабахский конфликт

В решении Карабахского конфликта нет никаких продвижений или изменений. Продолжаются многолетние переговоры по достижению мирного урегулирования на уровне министров иностранных дел при посредничестве Минской группы ОБСЕ, все время предлагаются новые предложения, которые однако не находят понимания и поддержки, в первую очередь, в азербайджанском обществе.

Международное положение

По прошествии 10 лет произошел окончательный распад когда-то единого региона Южного Кавказа. Грузия стала членом НАТО и «страной черноморского бассейна». Хотя по-прежнему актуальным остается проект нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и завершено строительство железной дороги Баку-Тбилиси-Карс, однако не Азербайджан, именно Грузия является связующим звеном между Азией и Европой, Азией и Востоком. Укрепляются партнерские отношения Грузии и Турции. Азербайджан, в котором заметно укрепились силы, покровительствующие курдской террористической партии ПКК, перестал быть надежным партнером Турции на Кавказе.

Госдепартамент США также исключил Азербайджан из отдела, занимающегося Кавказом, и перенес его соответственно в департамент по странам Центральной и Средней Азии. Находясь в ряду таких стран, как Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан, Азербайджан демонстрирует определенное развитие, чем «все довольны».

Российско-азербайджанские отношения укрепляются. Политическое влияние России в республике растет, одновременно растет и миграция азербайджанцев в Россию.

ВЫВОДЫ

Оптимистичный прогноз мог бы стать реальностью, не обладай Азербайджан большими запасами нефти и газа, в которых сегодня так нуждаются Европа и США, особенно на фоне разгорающейся новой «холодной войны» с Россией. Однако нуждающиеся сегодня в альтернативных российским источникам углеводородов США и Европа, поддерживают полицейский режим семьи Алиевых, который пока их устраивает.

В такой ситуации наиболее реальным в течении ближайших 10 лет представляется сохранение нынешнего статус-кво: у власти по-прежнему будет семья Алиевых, Азербайджан окончательно превращается в полицейское государство, монополизм и теневой капитал в экономике полностью доминируют, Карабахский конфликт заморожен. Прозападная оппозиция окончательно сошла на нет, а ее активисты частью эмигрировали из страны, частью стали диссидентами. Усилилась роль политического ислама. При определенном стечении обстоятельств, в первую очередь внешнего фактора (война США против Ирана) еще более усилится роль радикального ислама в политической жизни страны.

27 августа 2008 г.

г. Баку

О заблаговременном принуждении к миру политико-дипломатическими средствами

В. Н. Казимиров

Хотел высказаться лишь о нагорно-карабахском конфликте. Занимался им более 4 лет как глава посреднической миссии России, добившейся перемирия с 12 мая 1994 г., и как сопредседатель Минской группы ОБСЕ. Но спровоцированная Саакашвили «пятидневная война» обострила обстановку не только в регионе Южного Кавказа, но и в мире в целом. Теперь невозможно говорить о Карабахе без учёта событий в Южной Осетии и Абхазии.

Вторжение в Цхинвал Саакашвили совершил в высшей степени вероломно, в стиле Гитлера и Геббельса: внезапно, ночью, как раз в часы открытия всемирной Олимпиады, когда приостанавливают любые баталии. Отказываясь заключить соглашения о неприменении силы для разрешения обоих конфликтов, он заверял, что против «соотечественников» и не думает применять её. В последние часы источал словеса о миролюбии, отводе войск и прекращении огня. Верх цинизма — вывод грузинских миротворцев, чтобы затем вероломно атаковать миротворцев российских. Саакашвили регулярно саботировал деятельность согласованных миротворческих механизмов.

Вокруг Черного моря — 4 неразрешённых вооружённых конфликта на постсоветском пространстве, а рядом ещё 2: доносится эхо и Косово, и Кипра. Каждый из них — очаг напряжённости и может стодиться для её нагнетания. «Балканизация» Южного Кавказа требует особого внимания к методам разрешения конфликтов. Из авантюры вооружённого вторжения Грузии в Южную Осетию и вызванных ею событий важно извлечь конкретные уроки для других конфликтов.

* * *

Кратко о путях разрешения этнополитических конфликтов. Вполне естественно, что даже в самое трудное время распада СССР и становления своей государственности именно Россия проявила нетерпимость к возникшим вокруг неё конфликтам. Причём не на словах, а на деле. В своем посредничестве во всех 5 конфликтах на

постсоветском пространстве (включая Таджикистан) Москва считала наивысшим приоритетом остановить войну, прекратить огонь и добилась этого. Убеждён, в нерешённых конфликтах важнее всего — нейтрализовать угрозу возобновления военных действий. Иначе мирное политическое урегулирование вообще недостижимо. Последние события это ещё раз подтвердили.

Оптимальные и единственно разумные — переговорные, мирные средства их урегулирования чрезвычайно трудоёмки, требуют немало лет, а иногда десятилетий, долготерпения, мудрости и изобретательности правящих кругов и дипломатических служб.

Военный путь авантюристичные деятели считают решительным и быстрым, будто бы способным поднять их рейтинг сегодня и историческую роль завтра. Им невдомёк, что авантюра может дать как раз обратный эффект на многие десятилетия, а то и на века (ведь и Саакашвили на словах признавал, что кровь на Кавказе — это на века). Они бредят блицкригом — внезапным, ошеломительным и победоносным ударом (как с благословения США удалось в Сербской Краине хорватам).

Кроме этих двух контрастных вариантов (мирного и прямого силового решения конфликтов), есть ещё нечто будто бы промежуточное — накопление военного, экономического и прочих преимуществ в надежде под воздействием этого вынудить потом противостоящую сторону пойти на односторонние уступки. Но это требует много времени и слабоватых нервов у противника.

Но если они у него крепкие, и он не сдаёт позиций, а преимущества, казалось бы, уже набраны, велик соблазн внезапно прибегнуть к военным действиям в расчёте на быстрый успех, то есть по сути дела после какой-то отсрочки вернуться ко второму варианту — к войне. Типичными просчётами тут оказываются недоучёт боеспособности противника, его психологической готовности защищаться, и как следствие — риск затяжки боевых действий. Нередко недооценивается и влияние внешних факторов.

* * *

Права человека и стенания по территориальной целостности Грузии. Любой принцип — это лишь стержневая ось, но не абсолют. Он должен сочетаться с другими принципами, а не господствовать над ними, он несомненно подвержен воздействию конкретных обстоятельств.

После событий на Кавказе Запад чуть ли ни абсолютизирует принцип территориальной целостности, хотя только что сам же растоптал его в Сербии ради своих расчётов на Балканах. Эта абсолютизация противоречит другим любимым постулатам Запада — правам человека, выборным процедурам, венчающему их принципу самоопределения народов. В Хельсинкском акте все 10 принципов прописаны как равнозначные, к тому же — для отношений межгосударственных. Но их то и дело накладывают на внутригосударственные конфликты этнополитического характера, причём явно выборочно.

Логика тех, кто превозносит сейчас территориальную целостность Грузии весьма уязвима. Они не ведают или «забывают» историю, не только давнюю, но и прошлого века. Не учитывают, например, что Абхазия была произвольно включена Сталиным и Берией в состав Грузинской ССР как автономное образование (причём ранее имела в СССР тот же статус, что и Грузия). Запад не желает видеть разницы между админи-

стративными рубежами внутри единого государства и границами нынешней Грузии с другими государствами. Откуда вдруг у тех, кто критиковал всё советское, такая трогательная любовь к внутренним границам в СССР — давно ли они считают их справедливыми? Этому нет вразумительного объяснения — только своекорыстный интерес.

Немалую роль сыграло безразличие Запада к тому, как выходили союзные республики из СССР: по специально принятому закону или произвольно. Этот этноцентрический произвол не был случайным: правящие элиты норовили превратить административные границы в государственные, чтобы подчинить народы, которых не устраивал выход из СССР под чужим началом, по инерции. Запад, да и ельцинская РСФСР явно недоглядели тогда права целых народов.

Первый правитель независимой Грузии Гамсахурдия тоже напрочь отринул всё советское (конечно, всё, кроме внешних границ), вбросил лозунг «Грузия для грузин», упразднил даже формальную автономию Южной Осетии и Абхазии. Затем он начал военный поход против первой из них, а сменивший его Шеварднадзе — против второй. Обе войны не принесли им успеха и были остановлены при содействии спохватившейся России.

Наш бывший посол в Грузии Феликс Станевский насчитывает за 20 лет 5 масштабных попыток Тбилиси подавить силой нацменьшинства (Южная Осетия-89–92; Абхазия-92; Гальский р-н-98; Кодорское ущелье-06, Цхинвал-08). Да и раньше, в 1918 и в 1921 гг. Тбилиси проводил жесткие карательные операции против южных осетин. Подготовку с 2005 г. военных вторжений в Южную Осетию и Абхазию подтверждает бывший министр Окруашвили. Так что массированный обстрел и штурм Цхинвала никакое не исключение — весьма убедителен весь исторический фон, который на Западе и знать не хотят.

Могла ли её территориальная целостность Грузии (изначально сомнительная) остаться «неприкасаемой» и после этой серии преступных рецидивов её правителей в стремлении насильственно подавить абхазов и южных осетин? Не стала ли она после распада СССР уже абстракцией, мифом, за которые Запад цепляется в угоду своим политическим расчётам? Южная Осетия и Абхазия уже более 15 лет живут вне Грузии.

Да и как же с правами человека для абхазов и южных осетин? Имели ли они право после распада СССР избрать гражданство предпочтительного государства? Или приказ Тбилиси начать шквальный обстрел Цхинвала из «Града» и взять этот город не коснулся законных прав южных осетин на жизнь? Или это право не для них?

Есть поборники обожествления принципа территориальной целостности, доводящие пренебрежение правами человека до ненавистничества, требуя, чтобы коренные народы убрались вон с «их» территории, где те проживают веками. Где уж тут до философской формулы «человек — мера всех вещей»!

* * *

Манипуляция общественным мнением на Западе. Как известно, западные СМИ классически дезинформировали общественность: сначала замалчивали вторжение Грузии в Южную Осетию, а затем развернули кампанию, будто военные действия начаты Россией. Правда о том, кто их начал, кто ответственен за все жертвы и разрушения, там поныне с трудом продирается к людям.

Один из главных доводов ряда западных столиц — ответные меры России по принуждению Грузии к миру, мол, диспропорциональны, чрезмерны. Когда стало невозможно скрыть, кто начал военные действия в Южной Осетии, выдумали, будто бы нападение Саакашвили было спровоцировано инцидентами со стороны южных осетин. Если бы эта ложная версия даже была верна, то чрезмерны, неадекватны как раз массированный обстрел и захват Цхинвала, попытка покорить Южную Осетию силой и тут же предрешить конфликт с Абхазией (Саакашвили и там готовил военную операцию, лгал, будто в Кодорское ущелье введена лишь полиция — ведь артиллерией её не вооружают!).

А что значат ныне требования вернуться к «статус-кво анте»? Это значит «не обижать» агрессора, сделать вид, будто тут ничего и не произошло; более того — воссоздать прежние условия для новой попытки применить силу. Одно дело — срыв краткосрочного прекращения огня в ходе вооружённого конфликта (как это не раз бывало в карабахском конфликте), но совсем другое — полномасштабное развязывание военных действий вопреки достигнутому 16 лет назад перемирию и в нарушение всех норм международного гуманитарного права.

Акцию по принуждению Саакашвили к миру Запад превратно называет «агрессией». Представьте себе абсурдность ситуации, если в ответ на агрессию Гитлера союзники довольствовались бы освобождением своих территорий и наблюдали бы, как он будет вооружаться заново. А вице-президент Чейни даже не скрывает, что США пытаются заново вооружать и подстрекать грузинский режим к новым авантюрам.

Реакция на циничные нападения и приготовления должна быть не символической, а эффективной, убедительной. Ведь надо было не только пресечь этот поход Саакашвили, но и не допустить его повтора, показать «нерентабельность» новых силовых вылазок. В этих условиях необходимо было расшатать военную инфраструктуру Грузии, признать независимость Южной Осетии и Абхазии, помочь им выстроить надёжную защиту, разместить вокруг них наблюдателей ЕС в буферной зоне на грузинской территории.

* * *

Перейдём, наконец, к третьему на Кавказе — **карабахскому конфликту**. Как события в Южной Осетии и Абхазии проецируются на него? Как извлечь уроки из этих двух конфликтов, чтобы не повторилась трагедия и в третьем?

Суть конфликта хорошо известна: это — статус Нагорного Карабаха (НК), провозгласившего независимость ещё в 1991 г. и поддержанного Арменией в войне 1991–1994 гг. Известны и приоритеты Еревана, Степанакерта и Баку. Почти 15 лет сохраняется перемирие, но армяне удерживают 7 захваченных районов Азербайджана, добиваясь от него признания НК или хотя бы его безопасности. Баку не признаёт НК даже стороной конфликта, не желает, чтобы его население проголосовало по статусу, настаивает, прежде всего, на освобождении своих территорий и возвращении перемещённых лиц. Не вдаюсь сейчас в детали — в них можно утонуть. Сопредседатели Минской группы ОБСЕ продолжают посредничество, но трудности выхода на компромисс и соглашение очевидны.

А что в Карабахе важнее всего для международного сообщества? Не допустить новой войны! Тем более что есть ряд отягчающих обстоятельств: 1) трагическая

предыстория взаимоотношений азербайджанцев и армян ставит сложнейшую задачу — не только уладить нынешний конфликт, а положить конец всей череде массовых кровопролитий между ними; 2) нигде нет столько жажды силового реванша, как в Баку; 3) примерное равенство сил сторон может привести к длительному противоборству, весьма крупным обоюдным потерям, к дестабилизации всего региона.

Коренной вопрос опять же — как решать конфликт: путём переговоров или, как не раз заявлял Ильхам Алиев, «любим путём», «любой ценой»? Идея безальтернативности мирного решения карабахского конфликта проходит через множество публичных заявлений официальных представителей влиятельных государств и международных организаций.

(Кстати, на Западе таких заявлений по Южной Осетии и Абхазии было намного меньше, чем по Карабаху. Запад не пожелал поддержать предложение заключить соглашения о неприменении силы в конфликтах по Абхазии и Южной Осетии. В чём тут дело? Саакашвили реже, чем И. Алиев выступал со словесными угрозами, но в военных приготовлениях опережал даже Азербайджан, а США не хотели осаждать того, кто рвётся в НАТО. С другой стороны, по Карабаху встречи по линии Минской группы продолжаются, хотя Баку не прочь поискать и иные форматы, а Саакашвили срывал переговоры, ломая согласованные нормы и механизмы).

Сложнейшие проблемы Карабаха отягощены 1) воинственной риторикой Баку; 2) гонкой вооружений; 3) инцидентами на линии соприкосновения сил сторон, где нет ни миротворцев, ни нейтральных наблюдателей; 4) тотальным негативизмом в менталитете (отказ от мер доверия, рассмотрения отдельных вопросов, контактов с армянами и т.п.). Каждый из этих факторов, а тем более их совокупность может привести к возобновлению военных действий.

Одних высказываний против силовой риторики Баку недостаточно, хотя воинственных призывов оттуда стало меньше. Не годятся и скидки, будто сие лишь для внутреннего потребления — оно вредоносно во многих отношениях.

Сопредседатели МГ ОБСЕ, продолжая согласование базовых принципов урегулирования, должны предложить сторонам соглашение о неприменении силы в решении конфликта. Тут нельзя упустить то, что было упущено в Южной Осетии и Абхазии. Заключить это соглашение нелёгко, но, если что, прекратить огонь ещё трудней (Россия добилась этого лишь с седьмого раза).

Есть немаловажные предпосылки для такого соглашения. В отличие от прежних, прекращение огня в мае 1994 г. специально было оформлено как бессрочное (по умолчанию). Все стороны на высоком уровне не раз официально обязались соблюдать его вплоть до подписания соглашения о прекращении вооружённого конфликта.

К тому же только устранение угрозы возобновления военных действий откроет путь к взаимным уступкам. Тупики в урегулировании порождены во многом ожиданием применения силы. Для Баку уступки — это риск; менее рискованной выглядит иллюзорная ставка на реванш где-то попозже. Армяне же не идут на уступки, чтобы не ослабить своих позиций перед возможной попыткой реванша. Сузив опасность новой войны, сторонам легче будет постичь необходимость уступок и баланса интересов — иного не дано. Баку не ценит, что это лишило бы армян доводов для удержания занятых районов АР.

Даже если такое соглашение не будет заключено, сама постановка вопроса о нём обозначит барьер на пути к войне, затруднит бряцание оружием. Повтор отказа Грузии от такого соглашения будет вдвойне многозначителен.

Превентивная дипломатия должна охватывать и другие опасные сферы.

* * *

Гонка вооружений. Бурный рост военных расходов сторон конфликта прямо связан с призывами к реваншу и приготовлениями к нему. Баку нацелился на достижение военного превосходства и втягивает армян в гонку вооружений в ущерб социально-экономическому развитию всего региона. Пока ОБСЕ не касается этого, а должна возвысить голос. И не задним числом!

* * *

Инциденты. Буквально ежедневно Минобороны АР сообщает, что армяне нарушили режим прекращения огня в целом ряде районов. Вроде бы Баку озабочен инцидентами, но где же его предложения, как поправить ситуацию? В 1994 г. Азербайджан не захотел развода сил от линии соприкосновения, а потом даже сблизил оставшиеся с тех пор позиции. Гибнут люди, даже мирные жители, накаляется атмосфера. Ясно, что это выгоднее той стороне, которая грезит и грозит реваншем. Инциденты стали средством поддержания и даже нагнетания напряженности, раскрутки ненависти к противостоящей стороне.

4 февраля 1995 г. под эгидой ОБСЕ все три стороны конфликта подписали соглашение об укреплении режима прекращения огня. Стороны обязались немедленно вступать в контакт, чтобы локализовать и уладить инцидент, не допускать его раздувания в пропаганде. Соглашение подписано министрами обороны по поручениям Гейдара Алиева, Левона Тер-Петросяна и Роберта Кочаряна, но, увы, давно не выполняется. Армения и НК готовы вернуться к его выполнению, если так же поступит Баку. Но об этом Сафар Абиев упорно молчит, а Эльмар Мамедъяров откладывает решение проблемы инцидентов до полного урегулирования конфликта. Получается — пусть так и будет! ОБСЕ должно настаивать на выполнении этого единственного в её активе соглашения. Для этого нужна лишь политическая воля и ответственность сторон. Видимо, Баку недоволен тем, что в соглашении участвует НК и предусмотрены тесные контакты между сторонами. Но мог бы предложить изменить его, дополнить, заключить новое соглашение. Пора заострить вопрос — зачем вообще подписывать соглашения по Карабаху, если кто-то не желает их выполнять?

Тотальный негативизм рассчитан на то, что крутые отказы ото всего естественного и позитивного (меры доверия, контакты с армянами и т. п.) сплачивают нацию вокруг руководства. Не пойдём, мол, на это до ухода армян со всех занятых территорий! Наивно полагать, будто это принудит противника к уступкам или вызовет сочувствие за рубежом.

Оккупация районов Азербайджана, её тяжкие последствия — основной козырь Баку в политико-дипломатической и пропагандистской войне. Ближний Восток и Кипр показывают, что оккупация в современном мире «рассасывается» не так быстро, хотя ясно, что это аномалия, как правило, тяжкое наследие войны.

Но почему Баку так упорно замалчивает, как возникла оккупация? Она не с неба свалилась — это прямой результат боевых действий. Война — нештучное дело. Абульфазу Эльчибею и Гейдару Алиеву надо было думать о последствиях целого ряда своих отказов прекратить военные действия. Чем раньше остановили бы их, тем меньше районов заняли бы армяне. Но Баку всё надеялся взять верх силой. А теперь скрывает эту причинно-следственную связь. Сейчас критически разбираются лишь ошибки Эльчибея, но не более того.

Армяне ловко воспользовались тем, что Баку более года не выполнял ключевое требование резолюций СБ ООН 1993 г. — прекратить военные действия и теперь не спешат уходить с занятых территорий, требуя встречных уступок. Они должны быть активнее в процессе урегулирования: тот, кто остался в выигрыше, свободнее в маневрах, должен быть инициативнее, вносить компромиссные предложения. Это касается и Степанакерта, заинтересованного в признании стороной конфликта, участником переговорного процесса. Нецелесообразно отмалчиваться вдали от стола переговоров — лучше делать себя де-факто их участником.

* * *

Посредничество. Сейчас немало спекуляций, будто из-за обострения обстановки на Кавказе Россия, США и Франция не смогут слаженно работать по Карабаху и нужен новый формат посредничества. Встречи в Нью-Йорке в конце сентября доказали обратное. Пренебрежение сложившимся механизмом мирного урегулирования, поиск альтернативных форматов контрпродуктивны. На этот счёт поучителен тот же печальный опыт Грузии.

Жаль, что в переговорном процессе всё заслонили «принципы». Посредники пока не ищут сдвигов в частных вопросах, ждущих развязок: ведь при всеобщей пробуксовке в Карабахе и «малые дела» имели бы немалое значение.

* * *

Много лет пытаюсь доказывать в прессе, на встречах и конференциях, что в конфликтах нет ничего важнее, чем добиться скорейшего прекращения военных действий и надёжно перекрыть возможность их возобновления. Только так можно свести к минимуму страдания народов и выйти на мирное урегулирование конфликта. Эту работу нельзя откладывать, надо действовать немедленно. В этнополитических конфликтах необходимо принуждение к миру, но лучше всего — заблаговременно, а не задним числом и политико-дипломатическими, а не военными средствами. Необходима активность превентивной дипломатии.

Саакашвили дал всему этому ещё одно доказательство — как говорят математики: от противного, ad absurdum.

Нагорно-Карабахская Республика: время международного признания

Заргарян Рубен

В 2008 г. исполнилось 90 лет с начала азербайджано-карабахского конфликта, который возник в 1918 г., и 20 лет последнего этапа карабахского движения, начавшегося в 1988 г. Азербайджано-карабахский конфликт слишком затянулся, ждать в этой ситуации, когда Азербайджан абсолютно не готов к компромиссам, саботирует переговорный процесс, постоянно грозит войной и даже джихадом, не признает право Нагорного Карабаха на существование, устраивает провокации на границе, никакого смысла нет. В соответствии с нормами международного права, кратчайший реальный путь к урегулированию азербайджано-карабахского конфликта, путь к миру и стабильности в регионе — это скорейшее окончательное юридическое признание международным сообществом государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики и участие НКР в переговорах.

Важно подчеркнуть, что окончательное признание независимости НКР не нарушает территориальной целостности Азербайджана и не угрожает его существованию. Принцип территориальной целостности не применим к Азербайджану по многим международно-правовым основаниям, но главное — Нагорный Карабах де-юре никогда не входил в состав Азербайджана.

Карабахский вопрос решен путем создания независимого карабахского государства, являющегося главной гарантией безопасности карабахского народа и соблюдения его прав. Цель переговоров и урегулирования — взаимное признание двух государств Нагорно-Карабахской Республики и Азербайджанской Республики и подписание мирного договора между НКР и Азербайджаном, отвечающего коренным интересам карабахского и азербайджанского народов. К примеру, франко-алжирские переговоры в Эвиане, начатые по инициативе президента Франции Ш. Де Голля, завершились соглашением не о статусе Алжира, а о признании его государственной независимости и об установлении отношений между ним и бывшей метрополией на новой межгосударственной основе.

От затяжки окончательного признания НКР никто в мире не выигрывает, наоборот проигрывают многие, в том числе и Азербайджан. Признание Азербайджаном

независимости НКР обеспечит общие коренные интересы народов НКР и Азербайджана: прекращение почти столетнего конфликта и недопущение новой войны и новой волны беженцев; решение проблем беженцев; формирование стабильных институтов, обеспечивающих демократию и законность; обеспечение государственного суверенитета НКР и Азербайджана; экономические реформы и повышение благосостояния; прекращение гонки вооружений; вместо линии фронта формирование цивилизованных границ добрососедства и сотрудничества.

Окончательное юридическое признание международным сообществом демократической и жизнеспособной НКР полностью вписывается в современные реалии международных отношений. Необходимо констатировать, что НКР имеет намного больше международно-правовых, исторических и социально-экономических оснований для окончательного признания, чем признанное исключительно по политическим мотивам Косово. Именно карабахский прецедент независимости и государственности давным-давно состоялся, что признается многими в мире.

Для НКР международным прецедентом, в большей степени, является не Косово, а Черногория и Восточный Тимор.

Согласно принятым в науке подходам, международно-правовой статус НКР как независимого государства, обеспечивают следующие параметры.

Во-первых, в отличие от албанцев Косово, НКР образована армянским коренным населением на собственной исконной карабахской территории, в течение тысячелетий исторически принадлежавшей армянскому народу. В отличие от косовских албанцев, армяне Нагорного Карабаха всегда обладали той или иной формой государственности, Нагорный Карабах (Арцах) является одним из древнейших государств на территории Кавказа. После того, как большая часть Армении в средние века была захвачена Турцией и Ираном, армянские княжества (меликства) Нагорного Карабаха фактически оставались независимыми. В 1813 г. по Гюлистанскому договору Нагорный Карабах как самостоятельная армянская территория вошел в состав России. Важно подчеркнуть, что азербайджанского государства никогда ранее не существовало. Впервые азербайджанское государственное образование возникло в 1918 г.

Во-вторых, с момента своего образования НКР обладает международной правосубъектностью. В статье №3 «Конвенции о правах и обязанностях государств», которая была подписана в Монтевидео (Уругвай) 26 декабря 1933 г., зафиксировано, что «политическое существование государства не зависит от признания другими государствами». В статье №1 дано юридическое определение государства — субъекта международного права, которое должно обладать следующими характеристиками: а) постоянное население; б) определенная территория; в) правительство; и г) способность вступать в отношения с другими государствами. Очевидно, что НКР обладает всеми перечисленными характеристиками.

В-третьих, независимость НКР обусловлена политикой систематического и целенаправленного геноцида со стороны любого руководства Азербайджана в отношении армян.

В-четвертых, НКР образовалась в результате всенародного референдума о государственной независимости, проведенного в Нагорном Карабахе 10 декабря 1991 года, в полном соответствии как с международным правом, так и с законодательством еще существовавшего в тот момент СССР. Народ НКР единодушен в своей позиции, высказанной на референдуме, которую не реалистично игнорировать. В отличие от

НКР, в Косово референдума не было, что является серьезным нарушением практики международного права.

Современная логика международных процессов, связанных с урегулированием этнополитических конфликтов, направлена на реализацию права народов на самоопределение через референдум, которое признано в последнее время в Восточном Тиморе, Эритрее, Квебеке, Фарерских островах, Гибралтаре, Западной Сахаре, Новой Каледонии, Южном Судане, Черногории.

В-пятых, НКР — самоорганизовавшееся и давно состоявшееся государство. В НКР самостоятельно сформированы государственные институты и легитимные органы власти, осуществляющие эффективный контроль над территорией республики. По своему демократическому развитию, по демократическим стандартам НКР намного опережает Косово, а современная Сербия намного опережает Азербайджан по тому же самому параметру.

В-шестых, НКР сама отразила широкомасштабную агрессию и террористическую интервенцию Азербайджана и освободила свои земли от азербайджанского агрессора. Азербайджано-Карабахская война 1992–1994 годов являлась войной между двумя независимыми государствами. В отличие от албанцев Косово, независимая НКР подверглась широкомасштабной агрессии Азербайджана с применением боевой авиации, танков, ракетных установок залпового огня «Град», оружия массового поражения — касетных бомб, сопровождавшейся этническими чистками и геноцидом армян.

Важно подчеркнуть, что Армия обороны НКР эффективно выполняет фактическую миротворческую функцию. Одной из уникальных особенностей данного конфликта является отсутствие международной миротворческой операции.

В-седьмых, НКР доказала свою способность на экономическое самообеспечение. Рост международного авторитета НКР связан не только с тем, что народ НКР сумел отразить широкомасштабную агрессию Азербайджана, но и достиг серьезных успехов в государственном строительстве, экономическом и социальном развитии. Окончательное признание независимости НКР создаст благоприятные условия для экономического развития как Нагорного Карабаха, так и Азербайджана.

В-восьмых, важно подчеркнуть, что НКР не является дестабилизирующим фактором в регионе, чего нельзя сказать о Косово.

Вместе с тем, в обоих конфликтах имеется ряд внешне идентичных параметров.

Во-первых, в Нагорном Карабахе и Косово было реализовано право на самоопределение автономий, а не союзных республик. Но в отличие от Косово, армянская автономия Нагорного Карабаха была создана на собственной армянской территории.

Во-вторых, независимость НКР и Косово была реализована в процессе распада СССР и Югославии. Причем НКР, в отличие от Косово, провозгласила независимость в соответствии с законами СССР (Закон СССР от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»). 11 марта 1999 г. в Страсбурге Европарламент принял резолюцию по Нагорному Карабаху, в которой отмечалось, что «в сентябре 1991 года Нагорно-Карабахская Автономная Область декларировала свою независимость после развала СССР и аналогичных деклараций бывших Союзных Республик». Тем самым фактически была признана международно-правовая обоснованность провозглашения карабахской независимости, аналогичная другим союзным республикам.

В-третьих, Нагорный Карабах и Косово провозгласили независимость без учета мнения бывших метрополий, что соответствует новым подходам и практике мирового сообщества, сформулировавшим принцип потери страной своих международно-признанных прав на какую-либо территорию (причем порой без собственного согласия) в случае неспособности правительств осуществлять эффективное управление на принципах демократии, уважения прав человека, этнического мира и региональной стабильности.

Ситуация с Косово характеризуется в мировых СМИ и политологических анализах устойчивой аббревиатурой UDI — от английского Unilateral Declaration of Independence — «одностороннее провозглашение независимости».

В международном праве нет норм, обязывающих самоопределяющееся государство получать согласие метрополии, от которой оно отделяются. Наоборот, в Декларации о принципах международного права (Резолюция №2625 от 24 октября 1970 года) отмечено, что создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса свободно определенного народом, является формами осуществления этим народом права на самоопределение. В Декларации подчеркивается, что каждое государство обязано незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов, а также иметь в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением принципа самоопределения и основных прав человека и противоречит Уставу ООН.

Руководство Азербайджана находится в панике от того, что карабахский прецедент независимости имеет намного больше очевидных международно-правовых и исторических оснований, чем косовский.

Признание Россией независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия положило начало стабилизации ситуации на Южном Кавказе, но прочная стабилизация в регионе возможна лишь после скорейшего окончательного признания независимости Нагорно-Карабахской Республики, что предотвратило бы очередные попытки властей Азербайджана осуществить геноцид против народа Нагорного Карабаха.

27 августа МИД НКР сделал заявление: «В Нагорно-Карабахской Республике приветствуют факт признания государственной независимости Южной Осетии и Абхазии. Он полностью соответствует основным принципам права наций на самоопределение и международного права, которые закреплены в основополагающих документах и юридических актах ООН, ОБСЕ и других международных организаций. Мы многократно предупреждали, что угрозы применить силу, чрезмерное увеличение военного потенциала и стремление решить вопросы в свою пользу силой оружия чреваты гуманитарными катастрофами. Мы полны надежды, что все заинтересованные в мире в регионе силы сделают правильные выводы из произошедших на Южном Кавказе за последнее время событий и предпримут действенные шаги для решения существующих проблем исключительно мирным путем и восстановления региональной стабильности».

За эскалацию насилия на Южном Кавказе несут ответственность и власти Азербайджана, систематически призывающие к развязыванию новой агрессии и террори-

стической интервенции против НКР, устраивающие военные провокации на границе, готовящие планы блицкрига. Азербайджан закупает оружие у Украины, Турции и Израиля, раскручивают гонку вооружений, привлекают зарубежных инструкторов и наемников к обучению своих вооруженных сил, усиливают милитаристскую риторику и расистскую антиармянскую пропаганду. Агрессия Саакашвили получила полную поддержку официального Азербайджана, что было отражено в заявлении МИД Азербайджана. Глава пресс-службы МИД Азербайджана Хазар Ибрагим всерьез настаивал на том, что Грузия имеет «полномочия» восстановить свою «территориальную целостность». После вхождения грузинских войск в Южную Осетию, многие азербайджанские политики с восторгом предлагали предпринять аналогичные действия Азербайджана по отношению к Нагорному Карабаху. Азербайджанские политологи и аналитики подчеркивали, что в случае победы Грузии, аргументы мирного урегулирования карабахского конфликта резко ослабнут, уступив позиции военному противостоянию. Фактически власти Азербайджана использовали Грузию и Южную Осетию как экспериментальный полигон для отработки планов блицкрига. Однако развитие ситуации нанесло удар по расчетам Баку, что вызвало всплеск антиросийской пропаганды в Азербайджане, не стесняющейся в таких выражениях, как «бандитская агрессия России», «Россия — страна оккупант» и т.п.

Важно также подчеркнуть, что карабахская мирная позиция и модель урегулирования азербайджано-карабахского конфликта сейчас востребована Россией применительно к Южной Осетии и Абхазии. Россия использует карабахскую аргументацию, справедливо апеллируя к международному принципу права народов на самоопределение. Нагорный Карабах считает, что определение статуса — исключительное право народа НКР, а независимый государственный статус НКР — важнейшая гарантия безопасности народа Нагорного Карабаха. 13 августа 2008 г. президент России Дмитрий Медведев подчеркнул: «Могут ли и хотят ли осетины и абхазы жить в составе Грузии? Этот вопрос нужно задать им самим». 14 августа 2008 г. президент РФ Дмитрий Медведев заявил, что Россия поддержит любое решение народов Южной Осетии и Абхазии в отношении статуса этих республик и будет служить их гарантией в мире. Думается, что Россия поддержит и решение народа НКР о независимости. Российский дипломат, бывший сопредседатель МГ ОБСЕ Владимир Казимиров подчеркивает: решать судьбу Нагорного Карабаха без его участия — это уже не XXI, а XVIII или XIX век.

Россия и Запад, с разных позиций, проводят параллели «косовской уникальности» и Южной Осетии с Абхазией, активно используя выражения «геноцид», «этнические чистки», «гуманитарная катастрофа», «статус — фактор безопасности», но при этом цинично умалчивая, что все это пришлось испытать народу Нагорного Карабаха. НКР призвала осудить политику целенаправленного геноцида властей Азербайджана против армян в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и подчеркивала, что независимый государственный статус НКР является важнейшим фактором безопасности народа Нагорного Карабаха. Преступления властей Азербайджана против человечества и военные преступления на территории Нагорного Карабаха и Азербайджана должны быть осуждены Международным трибуналом. Это послужило бы уроком для всех возможных последователей, способствовало бы предотвращению последующих геноцидов, которые мы наблюдаем в последнее время. Желание скрыть правду о геноциде является сейчас основным для азербайджанского правительства. В этой связи, стоит

вспомнить слова Гитлера, заявившего 22 августа 1939 года на совещании высшего командования третьего рейха в Оберзальцберге: «Наша сила в нашем натиске и нашем зверстве. Кто помнит сегодня о геноциде армян?». Если бы великие державы не допустили использование Турцией результатов геноцида армян в 1915–1923 годах, то есть аннексию Западной Армении, а также осудили бы всех организаторов геноцида, как это произошло в Нюрнберге в отношении германских военных преступников, то многие миллионы жертв нацистов остались бы в живых.

Действия азербайджанского руководства в последней войне 1991–1994 гг. против Нагорного Карабаха можно охарактеризовать как политику международного государственного терроризма, выразившуюся в уничтожении гражданского населения НКР, геноциде и этнических чистках, бомбежках и ракетных обстрелах мирного населения. При массированных авиабомбардировках использовались шариковые и игольчатые бомбы, относящиеся к оружию массового поражения. С ноября 1991 года по май 1994 года только на один карабахский город Степанакерт упало свыше 21000 реактивных снарядов «Град», 2700 ракет «Алазань», более двух тысяч артиллерийских снарядов, сто восемьдесят шариковых бомб, около ста пятисоткилограммовых авиабомб, в том числе восемь вакуумных. Вот данные только за три дня с 19 по 22 февраля 1992 года: в Степанакерте было убито и ранено 150 человек, половина из них женщины и дети. Полностью разрушено и сгорело 90 жилых и административных зданий. Московская писательница Инесса Буркова 23 февраля 1992 года направила из Степанакерта обращение к президенту России, в котором говорилось: «Десятые сутки азербайджанская армия бьет по городу из ракетных установок «Град». Их огнем сметены целые жилые кварталы, уничтожены роддом, больница, телецентр. Повсюду полыхают пожары, но их невозможно потушить». Действия Азербайджана наглядно продемонстрировали мировому сообществу безальтернативность государственной независимости НКР. Руководство России подчеркивает, что признание Южной Осетии и Абхазии направлено на предотвращение геноцида осетинского и абхазского народов. Аналогично окончательное признание независимости НКР также отбило бы желание у властей Азербайджана предпринять очередную террористическую интервенцию и геноцид.

В ходе отражения азербайджанской агрессии 1991–1994 гг. НКР провела операцию по принуждению Азербайджана к миру. В ходе карабахско-азербайджанских переговоров необходимо на первом этапе добиться подписания юридически обязывающего договора о неприменении военной силы против Нагорного Карабаха, включающего международные гарантии. Нельзя забывать, что НКР и Армения имеет дело с государством-агрессором Азербайджаном, которое постоянно устраивает политические и военные провокации, раскручивает гонку вооружений, способно в любой момент сорвать переговорный процесс и развязать вероломную агрессию.

В настоящий момент переговоры проходят в двух направлениях — в рамках Минской Группы ОБСЕ и российско-американской Дартмутской конференции по Нагорному Карабаху. Тупик в переговорном процессе во многом объясняется тем, что НКР продолжает де-юре оставаться стороной конфликта, но де-факто отстранен от участия в переговорном процессе в МГ ОБСЕ. В последнее время полноценных переговоров нет. Важно подчеркнуть, что формат переговоров, в котором участвуют только Армения и Азербайджан является нарушением принятых в ОБСЕ официальных решений Будапештского саммита декабря 1994 г. и Пражского Резюме действующего

щего Председателя ОБСЕ от 31 марта 1995 г. о трех сторонах конфликта и не отражает суть конфликта, основными сторонами которого являются Нагорно-Карабахская Республика и Азербайджанская Республика.

В ходе трехсторонних переговоров в официальном формате Нагорный Карабах — Азербайджан — Армения в рамках МГ ОБСЕ в 1994–1997 гг. принципиальная позиция о трех сторонах конфликта неоднократно провозглашалась сопредседателями МГ ОБСЕ. Наконец, все три проекта урегулирования, предложенные МГ ОБСЕ в 1997–1998 гг. были адресованы трем сторонам конфликта, а не двум, что отражено в самих текстах.

Необходимо констатировать, что Азербайджан использует двусторонний формат консультаций с Арменией исключительно в пропагандистских целях — для представления Армении в качестве агрессора.

Без признания НКР и ее участия в процессе переговоров проблему решить невозможно. Единственным действующим соглашением является Бишкекское 1994 г., которое подписано именно тремя сторонами, в том числе и НКР. В рамках российско-американской Дартмутской конференции по Нагорному Карабаху, проходящей в официальном трехстороннем формате, в 2005 г. был согласован проект «Рамочного соглашения о мирном процессе». Полноценное участие НКР привело к серьезному успеху и прорыву в переговорах.

Важно подчеркнуть, что модель, которую пытается в ультимативной форме методами шантажа навязать Азербайджан не может быть реализована, так как Баку, претендуя на территории, желает получить их в одностороннем порядке и на первом этапе урегулирования. При этом Азербайджан отказывается решать основной вопрос конфликта — обеспечение безопасности карабахского народа, механизмом и важнейшей гарантией чего является признание независимости НКР, а также решать проблемы оккупированных Азербайджаном земель Нагорного Карабаха, Армении и армянских беженцев.

Очевидно, что в условиях отсутствия всеобъемлющего урегулирования азербайджано-карабахского конфликта особо опасным было бы удовлетворение территориальных претензий государства-агрессора Азербайджана и односторонняя передача Азербайджану каких-либо территорий Нагорного Карабаха, что неизбежно приведет к новой агрессии Азербайджана и общей дестабилизации ситуации в регионе. История нас учит, чем закончилось Мюнхенское соглашение 1938 года для человечества.

Позиция НКР остается неизменной — признание мировым сообществом независимости НКР и обеспечение ее безопасности во всех ее аспектах и проявлениях. Эти два вопроса не подлежат торгу.

Принцип — территории в обмен на референдум или на статус является изначально ущербным и ошибочным, что не способствует мирному процессу и успеху в переговорах. Статус не меняется на территории. Очевидно, что независимый государственный статус НКР не подлежит обсуждению, а должен быть незамедлительно признан и подписан мирный договор между НКР и Азербайджаном, в рамках которого оформляется взаимное признание НКР и Азербайджана и решается вопрос территорий и беженцев на взаимной основе, то есть освобожденные и реинтегрированные районы Южного Нагорного Карабаха на которые предъявляет претензии Азербайджан должны обсуждаться в связке с районами НКР и районами Северного Нагорного Карабаха, оккупированными Азербайджаном.

В случае обсуждения поэтапного плана следует на первом этапе зафиксировать взаимное признание Нагорно-Карабахской Республики и Азербайджанской Республики и взаимный отказ от насилия, а на втором этапе решать наиболее сложные проблемы: территории, беженцы, границы. Признание Азербайджаном независимости НКР является кратчайшим путем для решения вопросов территорий и беженцев.

В рамках российско-американской Дартмутской конференции по Нагорному Карабаху, проходящей в трехстороннем формате, в 2005 г. был согласован проект «Рамочного соглашения о мирном процессе». Полноценное участие НКР привело к серьезному успеху и прорыву в переговорном процессе и сделало возможным достижение соглашения всеми тремя делегациями. У НКР есть серьезные замечания к документу. Тем не менее, впервые после Бишкекского соглашения 1994 года создан документ, согласованный представителями всех трех сторон конфликта — Нагорным Карабахом, Азербайджаном и Арменией и отвечающий коренным интересам народов этих стран. Согласно Дартмутскому соглашению 2005 г., урегулирование должно осуществляться исключительно мирными способами, путем переговоров в трехстороннем формате. Переговоры должны начаться без предварительных условий. Вопрос о территориях и беженцах должен решаться на согласованной и взаимной основе и быть синхронизирован с ходом мирного процесса, а не предшествовать ему. В ходе переговоров должен быть юридически оформлен статус Нагорного Карабаха и заключен мирный договор между Нагорным Карабахом и Азербайджаном. Укрепление взаимного доверия между участниками мирного процесса требует прекращения враждебной деятельности и особенно пропаганды.

Необходимо отметить, что большое значение в цивилизованном урегулировании сыграли бы меры доверия: укрепление режима прекращения огня и прекращение Азербайджаном снайперского обстрела и провокаций на границе, прекращение Азербайджаном антиармянской пропаганды в СМИ и системе образования, покаяние руководства Азербайджана за геноцид и этнические чистки, формирование благоприятного общественного мнения. Именно Азербайджану, как несущему всю ответственность за разжигание конфликта, широкомасштабную агрессию, политику геноцида, этнических чисток и международного терроризма, необходимо принять меры по созданию уровня доверия в карабахском обществе по отношению к Азербайджану. Руководство Азербайджана до сих пор не только не осудило свою преступную политику, но все более раздувает антиармянскую истерию, раздаются призывы к террористической интервенции и к джихаду против НКР и Республики Армения.

Азербайджан и НКР должны навсегда отказаться от враждебных действий и, прежде всего, от вооруженной интервенции, блокады и других форм вмешательства или угрозы вмешательства, направленных на уничтожение или ограничение суверенитета, изменение политических, экономических, культурных основ Нагорного Карабаха и Азербайджана и права их народов свободно избирать формы своего национального существования.

Необходимо историческое примирение народов НКР, Азербайджана и Армении, которое возможно на основе покаяния Азербайджана, аналогичного покаянию Германии за преступления нацистов в годы второй мировой войны. Для Азербайджана это был бы поистине смелый и достойный шаг.

Цивилизованное и прочное урегулирование азербайджано-карабахского конфликта должно основываться на следующих пяти принципах:

во-первых, определение статуса НКР — исключительное право народа Нагорного Карабаха;

во-вторых, взаимное признание независимости Нагорно-Карабахской Республики и Азербайджанской Республики и окончательное признание международным сообществом государственной независимости НКР;

в-третьих, восстановление территориальной целостности Нагорного Карабаха и исключение его анклавности;

в-четвертых, международные и собственные гарантии безопасности народа Нагорного Карабаха;

в-пятых, решение проблемы территорий и беженцев может и должно осуществляться только на взаимной основе, в рамках мирного договора между НКР и Азербайджаном.

Нагорный Карабах является в географическом и историческом аспекте более широким понятием, чем бывшая НКАО и современная НКР. По международному праву Нагорный Карабах имеет полное право на восстановление своей территориальной целостности и самоопределение в своих естественных исторических границах, в которых он был противоправно аннексирован Азербайджаном в 1921 году. Согласно нормам международного права, последующий раздел властями Азербайджана аннексированного Нагорного Карабаха на территории с разным административным статусом не меняет статус всего Нагорного Карабаха как оккупированной территории. Международным прецедентом может служить решение ООН (Луандская декларация 1987 г.) по самоопределению Намибии с восстановлением ее территориальной целостности.

В ходе урегулирования должна быть также решена проблема оккупированных Азербайджаном Шаумянского района, части Мардакертского и Мартунинского районов НКР, а также Северного Нагорного Карабаха (Ханларский, Дашкесанский, Шамхорский, Кедабекский районы, армянская часть города Гандзака) и армяно-карабахских беженцев из этого региона.

«Карабахская Реконкиста», то есть освобождение земель исторического Нагорного Карабаха, должна получить логическое окончательное международно-правовое урегулирование, основанное на воссоединении реинтегрированных территорий с Нагорно-Карабахской Республикой и восстановлении территориальной целостности Нагорного Карабаха.

Кроме того, Азербайджан, как государство-агрессор, должен нести ответственность. В международной практике есть немало случаев лишения государства территорий, как формы ответственности государства-агрессора за тягчайшее международное преступление — агрессию и в качестве меры, направленной против ее повторения. После первой мировой войны Германия лишилась территорий Эйпин и Мальмеди, которые были переданы Бельгии в качестве наказания за германскую агрессию. Лишение Турции ее колоний (арабских и Западной Армении) по Севрскому договору обосновывалось международным сообществом теми же причинами, а также турецкими зверствами. Страны антигитлеровской коалиции на основании Потсдамской декларации 1945 года приняли решение о ликвидации бывших германских территорий Восточной Пруссии, Силезии и Померании и передачи их в состав СССР и Польши

в качестве наказания Германии за развязывание агрессивной войны, систематическое использование данного региона в качестве удобного плацдарма для нападения и преступления против человечества. Другим современным международным прецедентом может служить наказание Ирака за агрессию против Кувейта. В соответствии с резолюцией № 687 Совета Безопасности ООН, в мае 1991 года была создана Международная комиссия по демаркации иракско-кувейтской границы. Кувейту были переданы часть города Умм-Каср, участки иракской территории в районах Румейлы и Кхор-Зубейр. Комиссия руководствовалась в своем решении двумя аргументами: во-первых, необходимостью обеспечения безопасности Кувейта перед лицом возможной новой агрессии Ирака, во-вторых, фактором доступности судоходства по пограничным рекам для обоих государств, что должно было служить важной предпосылкой стабильности и мира в регионе. 27 мая 1993 года Совет Безопасности ООН одобрил решение Комиссии по переносу границы в пользу Кувейта. В 1994 году Ирак признал отторжение части своей территории в пользу Кувейта. Помимо территориальных потерь, Ирак должен был осуществить переселение своих граждан, проживавших на территориях, отошедших к Кувейту.

Препятствием на пути урегулирования азербайджано-карабахского конфликта является деструктивная позиция Азербайджана, в которой преобладают тенденции к разрешению проблемы военным путем и шантаж мирового сообщества, отказ от прямых переговоров с НКР и признания его независимости, отрицание геноцида против армян Нагорного Карабаха и Азербайджана. Систематические призывы официальных представителей Азербайджана к уничтожению Армении и Нагорного Карабаха, прозвучавшие впервые после разгрома нацизма, демонстрируют его истинные намерения, идут в разрез с ценностям мирового сообщества в XXI веке и противоречат критериям членства как в ООН, так и в других международных организациях. Идеология и практика пантюркизма предопределяет нежелание Турции и Азербайджана отказаться от претензий на Нагорный Карабах именно как от фактора давления на армянскую государственность. Задача Турции — окончательно ликвидировать «армянский клин» в регионе. Именно по этой причине официально озвученная готовность Еревана на уступки не может быть принята Азербайджаном.

Серьезно осложняет переговорный процесс требование Азербайджана об одностороннем выводе карабахских войск с контролируемых территорий и об одностороннем возвращении всех азербайджанских беженцев, но не армянских. Руководство Азербайджана стоит на позициях турецко-азербайджанской доктрины обращения с армянскими беженцами, суть которой — недопущение ни при каких условиях их возвращения на свою родину.

В рамках общего анализа сложившейся ситуации в регионе (Армения, Нагорный Карабах, Азербайджан, Турция) необходимо развенчать миф азербайджанской пропаганды о том, что Армения и Нагорный Карабах являются абсолютными победителями, а Азербайджан — проигравшая жертва. На самом деле Азербайджан аннексировал значительные армянские земли — Нахичеван, Северный Нагорный Карабах, часть Нагорно-Карабахской Республики, а Турция аннексировала Западную Армению и часть Восточной Армении (Карскую область), остался безнаказанным геноцид против армян в Турции и Западной Армении 1915–1923 гг. и в Азербайджане и Нагорном Карабахе 1988–1994 гг. В этой ситуации, когда ¼ территории Армении и Нагорного Карабаха

захвачено Турцией и Азербайджаном, абсолютно противоправными и нелепыми звучат призывы о дальнейших дополнительных территориальных уступках и компромиссах со стороны Нагорно-Карабахской Республики. Политика умиротворения азербайджанского агрессора за счет Нагорного Карабаха может привести к новой войне, как и в годы, предшествующие второй мировой войне.

Постоянные заклинания ряда политиков о признании территориальной целостности Азербайджана и отсутствие жесткого и однозначного осуждения азербайджанских заявлений о неизбежности войны подрывают усилия в переговорах, так как лишают Баку стимулов для поиска компромиссов.

Антиправовое противопоставление принципа права народов на самоопределение и территориальной целостности также мешает переговорному процессу. Согласно международному праву, принцип права народов на самоопределение никак не может противоречить территориальной целостности, так как применяются они к разным сферам международных отношений.

Ничем не объяснимая задержка мировым сообществом окончательного признания независимости НКР ведет переговорный процесс в никуда. Она лишь серьезно увеличивает риск нестабильности в регионе, раскручивает гонку вооружений, мешает динамичному и демократическому развитию НКР, укрепляет тоталитаризм и усиливает милитаризм в Азербайджанской Республике, стимулирует власти Азербайджана к усилению агрессивности и еще большему ужесточению позиции.

Подход России и мирового сообщества к урегулированию азербайджано-карабахского конфликта может и должен основываться на философии принципов: не просто нужно, но должно признать независимость НКР, что было бы не только правильно, но и праведно.

Мировое сообщество, ставшее заложником авантюрной политики руководства Азербайджана, должно, наконец, осознать свою ответственность за последствия ничем не оправданного затягивания решения этого вопроса и проявить политическую волю в деле неизбежного окончательного признания независимости НКР. Как говорил Талейран, дипломатия — это искусство сотрудничества с неизбежностью.

Несмотря на существующие противоречия, Россия и Запад нуждаются в сотрудничестве. Уникальность ситуации в урегулировании азербайджано-карабахского конфликта, в отличие от других конфликтов, состоит в том, что у сопредседателей МГ ОБСЕ России, США и Франции нет разногласий, все три державы признают право Нагорного Карабаха на самоопределение. Совместное окончательное признание ими независимости НКР способствовало бы снятию возникшего напряжения между Россией и Западом.

Спор вокруг каспийских ресурсов углеводородного сырья между Азербайджаном и Туркменистаном

Куртов Аждар

Современная ситуация в Каспийском регионе, разумеется, определяется целым комплексом факторов. Данный регион расположен на пересечении важных с точки зрения национальных интересов России коммуникационных путей, соединяющих северо-европейские и южно-азиатские, а также европейские и дальневосточные экономические центры. Потенциальная возможность смещения основных транспортных потоков, включая транспортировку углеводородного сырья, на юг от нынешних российских границ неизбежно может обернуться не только чисто финансовыми потерями российского бюджета в следствие сокращения поступлений от платы за транзит, но и утратой российского влияния в целом ряде стран, причем не только непосредственно расположенных на побережье Каспийского моря.

В настоящее время можно утверждать, что в Каспийском регионе возрастают риски российским интересам. Ситуацией с распадом СССР воспользовались прежде всего США, которые стали последовательно усиливать военную составляющую на Каспии, через оказание военно-технической помощи Азербайджану, Туркменистану и Казахстану. Так, в рамках программы «Зарубежное военное финансирование» на оказание военной помощи США выделяют миллионы долларов этим бывшим советским республикам. Эти деньги идет на закупки американского военного оборудования и вооружений, а также для получения оборонных услуг и профессионального военного обучения личного состава.

На берегах Каспия уже появились военные объекты, созданные американцами. Один из последних примеров — 2 базы РЛС в Азербайджане — на севере вблизи российской границы и на юге — в Астаре — вблизи иранской границы. С финансовым участием министерства обороны США создана военная база в Атырау (Казахстан). Несколько лет назад США заявили о намерении приступить к реализации новой программы «Инициатива по охране Каспия».

По ней правительство США планировало выделить 130 миллионов долларов на патрулирование Каспия и охрану границ прикаспийских государств. По словам американских военных данная программа пока фокусируется на Азербайджане и Казахстане, но она может быть расширена в последующие годы. В названных республиках Пентагон планировал построить командно-штабные центры, а также центры по воздушным и морским секретным операциям. Водную гладь Каспийского моря давно бороздят военные суда, построенные в США и подаренные правительствам новых независимых государств «ради обеспечения безопасности в регионе».

Многое из этого не могло бы произойти, прояви в свое время российская дипломатия большую принципиальность. Огромную роль сыграл в этом именно юридический аспект, недооцененный российскими дипломатами в период президентства Бориса Ельцина. В цепочке причинно-следственных связей ему принадлежит одно из главных мест, и именно этот правовой фактор оказал столь негативное воздействие на характер нынешней ситуации в Каспийском регионе. Многих из отмеченных выше рисков и угроз российским интересам можно было бы избежать, если бы российский МИД отстаивал национальные интересы страны более последовательно. Ведь в руках России были практически безупречные в правовом отношении козыри, которые она сама же бездарно растеряла.

Это тем более печально потому, что Россия вовсе не была в одиночестве. Важно отметить, что позиция Ирана, занятая им по проблемам Каспийского моря, в течение длительного времени была схожей с позицией России. Азербайджан и Казахстан, под несомненным нажимом западных компаний и стоящих за их спинами политических сил, вскоре после обретения независимости встали на путь самостоятельного, расходящегося с нормами международного права, освоения шельфа Каспия. Этими двумя государствами, не дожидаясь урегулирования вопроса о правовом статусе Каспия, были приняты по сути сепаратные правовые нормы. Азербайджан зафиксировал свое исключительное право на «национальный сектор» в принятой Конституции 1995 года, а Казахстан также внес в новый Уголовный кодекс статью, предусматривающую уголовную ответственность за исследование, разведку и разработку естественных богатств континентального шельфа или исключительной экономической зоны без соответствующего разрешения.

С точки зрения международного права принципиально важным является то, что Россия, Азербайджан, Казахстан и Туркменистан в качестве государств-членов СНГ, подписали Алма-Атинскую Декларацию от 21 декабря 1991 года и тем самым обязались признавать и выполнять все заключенные международные договоры и соглашения СССР. Прекращение действия Договора 1922 года о Союзе ССР и появление новых независимых государств — Азербайджана, Туркменистана и Казахстана — не ведет само по себе к изменению правового статуса Каспийского моря. Здесь действует общеправовой принцип «*Pacta sunt servanda*» — заключенные договоры должны соблюдаться. Отход России от юридически выигрышной позиции по Каспию, выразившейся в появлении 23 января 1998 года заявления о намерении согласиться с позицией некоторых прикаспийских государств — членов СНГ о разделе всего дна моря на национальные сектора по «срединной линии», равно как и последующие решения в этой области, было как раз той ошибкой, которая и открыла коварные шлюзы.

Широко известно, что основной правовой документ из арсенала современного морского международного права — это Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Данная Конвенция содержит определения открытого, полузакрытого и замкнутого моря. Каспий под эти определения не подходит и естественно, что он относится к озерам — закрытым водоемам, не имеющим сообщения с мировым океаном ни непосредственно, ни через другие моря и проливы, хотя с глубокой древности за ним и закрепилось название «море».

Впрочем, и признание Каспия озером еще не означало, что тогда отсутствуют юридические основания для его раздела на сектора. Даже наоборот, международное право знает понятие международного пограничного озера, при котором раздел на сектора такого водоема вполне возможен. Однако в случае с Каспием важны не только и не столько ссылки на Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года и на Женевскую Конвенцию по континентальному шельфу 1958 года, сколько апелляция к договорам России (СССР) и Ирана, в которых-то и определялся статус Каспия. С точки зрения международного права именно эти договора в первую очередь являются источниками международного статуса Каспия.

Обращение к данным документам особенно интересно именно в связи с военно-политическим аспектом Каспия. Несколько столетий основной силой, пытавшейся интриговать на мировой арене против России с целью ограничения ее влияния, была Британская империя. Ныне же ее место заняла новая империя — США.

Со времени заключения Петербургского трактата 23 сентября 1723 года, а затем Рештского (январь 1732 года), Гюлистанского (12 октября 1813 года), и особенно Туркманчайского мирного договора (10 февраля 1828 года), положения которого Иран свято соблюдал в течение более полутора столетий, во внешней политике Британии явно обозначился один из приоритетов. Он состоял в том, чтобы остановить движение России на юг, сравнить ее с исламским миром и, в частности, с Ираном.

Уже согласно Петербургскому трактату 1723 года, заключенному между Россией и Персией право иметь военный флот на Каспии предоставлялось только России. Статья V Гюлистанского договора предоставляла равное право российским и персидским торговым судам в плавании по Каспию. Часть вторая этой же статьи устанавливала: «В рассуждении же военных судов: то, как и прежде войны, так равно во время мира и всегда Российский военный флаг один существовал на Каспийском море; то... и теперь предоставляется ему одному прежнее право с тем, что кроме Российской державы, никакая другая Держава не может иметь на Каспийском море военного флага».

Британцы приложили максимум усилий, чтобы убедить персидского шаха начать войну против России. Эмиссары Лондона обещали персам свое содействие в создании военного флота на Каспии путем поставок оружия, присылки специалистов, военных офицеров и даже английских плотников. Их увещевания сделали свое дело: в июле 1826 году война началась, но победа в ней осталась за Россией.

Новый договор с Персией воспроизводил прежние обязательства. Статья VIII Туркманчайского договора гласила: «Российские купеческие суда, по прежнему обычаю, имеют право плавать свободно по Каспийскому морю... Таким же образом предоставляется и персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю... Относительно же военных судов... кроме России, никакая

другая Держава не может иметь на Каспийском море судов военных». Примечательно, что Россия получала даже право на так называемое «стационарство» своих военных кораблей в персидском порту Энзели.

Британцы не успокоились. В смутные годы Гражданской войны начала XX века они опять попытались столкнуть Россию с Ираном. Летом 1918 года Лондон направил офицера своих ВМС — Норриса в порт Энзели. Норрис должен был не много ни мало создать английский флот на Каспии., ведь британцы не сомневались, что власть большевиков не выстоит в условиях массивированной военной интервенции извне. Британский эmissар посетил Баку и Красноводск, и уже к осени 1918 года ему удалось собрать четыре судна. Их объединили с белогвардейскими судами, и они под британским командованием начали осуществлять пиратские рейды против советских судов.

Разгром белого движения и интервентов нейтрализовал эти планы. 26 февраля 1921 года был подписан Договора между РСФСР и Ираном о дружбе и сотрудничестве. Статья XI этого международного акта предусматривала, что «обе Высокие договаривающиеся Стороны согласны, что, с момента подписания настоящего Договора, они будут в равной степени пользоваться правом свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом». РСФСР и Иран согласно статье V обязывались не допускать на своих территориях, в том числе на Каспии, оборудования или пребывания организаций или групп или даже отдельных лиц, ставящих целью борьбу против Ирана и России или против союзных с ними государств.

Статья VII этого договора вводила ограничение для Ирана: Иран обязывался не допускать службы на иранском флоте граждан третьих стран. Эта оговорка была вызвана имевшими место во время военной интервенции 1918–1920 гг. прецедентами военных действий в регионе третьих стран против Советской России.

Иранцы отмечают, что Иран пошел на заключение договора с РСФСР для того, чтобы стать независимым субъектом международных отношений и что договор 1921 года был первым равноправным договором Ирана с крупной зарубежной державой. Следующей крупной вехой стал Договор о гарантии и нейтралитете между СССР и Ираном от 1 октября 1927 года. По нему обе страны обязывались «не участвовать ни фактически, ни формально в политических союзах или соглашениях, направленных против безопасности на суше или на море другой договаривающейся стороны».

Наконец статус Каспийского моря был подтвержден в Договоре о торговле и мореплавании 1940 года, по которому Каспий рассматривался лишь как море советское и иранское. И эти международные договоры как раз и обеспечили мир на Каспийском море. Здесь никогда не было крупных морских сражений, фактически отсутствовало и такое явление, как пиратство.

Таким образом, правовая база по Каспию была не такой уж маленькой, хотя азербайджанские и казахстанские юристы, вопреки объективной реальности, пытаются утверждать, что в этих договорах, якобы, «международно-правовой статус Каспийского моря юридически не оформлялся».

Современная Россия вполне могла настаивать на выигрышных для нас нормах международного права. Тот же Китай никогда, даже в трудные годы культурной революции, не признавал отторжения Тайваня и Гонконга. И он своего добился — Гонконг был возвращен, наверняка та же участь рано или поздно постигнет и Тайвань.

Российская дипломатия же при Ельцине сама сдала национальные интересы на

Каспии. Произошло это не только из за происков Соединенных Штатов, но и в следствии корыстной заинтересованности российского олигархического класса. Слабо контролируемый государством вывоз углеводородного сырья приносил баснословные прибыли ряду крупных нефтяных компаний. Именно эти структуры были главными лоббистами нынешнего раздела Каспия. Они сумели убедить Ельцина, что проблему Каспия нужно решать поэтапно: сначала решить вопрос дна, эксплуатации шельфа, а потом двигать дальше. По сути дела сам выдвинутый лозунг «делим дно, вода — общая» был явно лукавым, поскольку та же линия границы, как известно, предполагает линию, уходящую и в недра, и в воздушное пространство. Соглашения по дну Каспия действительно Россия заключила с Казахстаном и Азербайджаном. Доступ нефтяникам к эксплуатации шельфа Каспия был тем самым открыт. Однако Азербайджан и Казахстан при этом сохранил собственные воззрения о разделе Каспия, суть которых сводится к утверждению о самостоятельности национальных секторов тех государств, которые представлены на Каспии.

Но вот остальные вопросы так и остались нерешенными. Они повисли в воздухе. А вопросы эти отнюдь не праздные: милитаризация Каспия, экология, судоходство, рыболовство и многое другое. Теоретически все они могли быть зафиксированы в конвенции о правовом статусе Каспия. Но этот документ не могут согласовать и принять уже много лет.

16 октября 2007 года на саммите прикаспийских государств в Тегеране России и Ирану удалось добиться принятия итоговой декларации, которую можно расценить как определенную победу. В этом документе воспроизводятся, в частности, те подходы, которые присутствовали ранее заключенных договорах между Россией и Ираном. Так статья 7 декларации закрепляет право мореплавания на Каспии только за судами прикаспийских государств. Статья 15 гласит, что стороны «... ни при каких обстоятельствах не позволят использовать свои территории другим государствам для совершения агрессии и других военных действий против любой из сторон».

Тем не менее, необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, декларация — это не полноценный договор или соглашение. Нормы деклараций фиксируют преимущественно морально-политические обязательства поступать определенным образом. Декларация — это те позиции, на которых обязуются стоять страны-подписанты. Но прочных гарантий того, что государства действительно будут стоять на них, декларации не содержат. И поэтому, как знать, что нас ждет в будущем. Алма-Атинскую декларацию Казахстан и Азербайджан тоже ведь обещали исполнять.

Во-вторых, даже на саммите в Тегеране некоторые главы прикаспийских государств уже сделали публичные заявления, расходящиеся с духом Декларации. Так, президент Казахстана заявил, что прежние договора между Россией и Ираном, якобы, принадлежат истории. Между тем договор уходит в историю не потому, что стареет бумага, на которой он написан. И не потому, что сегодня принято печатать текст на лазерных принтерах, а не писать чернилами при помощи гусиных перьев. Договор только тогда уходит в историю, когда стороны, его подписавшие принимают новый договор. Этот подход зафиксирован, в частности, в Венской конвенции о праве международных договоров. Но как видно для некоторых властей прикаспийских стран и международное право не указ. Поэтому можно сказать, что война за Каспий еще продолжается.

Частным примером того, к чему приводит игнорирование правовых норм в угоду эгоистическим интересам отдельных прикаспийских государств является длящийся с момента распада СССР спор между Азербайджаном и Туркменистаном по поводу территориального размежевания на Каспии.

20 мая 2008 года в столице Азербайджана побывал с визитом президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов. В преддверии этого события и непосредственно в ходе визита мировые средства массовой информации накрыла мощная волна сообщений корреспондентов и комментариев различных экспертов, которые неизменно патетически пророчествовали о новой эпохе, которую, якобы, открывает визит главы туркменского государства в соседнюю прикаспийскую страну. Отметились на этом «пиршестве сентенций» и многие российские авторы. Их велеречивые умозаключения сводились в общем-то к простой фабуле: все вспоминали давний конфликт между Туркменистаном и Азербайджаном по поводу спорных участков акватории Каспия; все приводили довод о том, что прежний президент Туркменистана сторонился встреч со своим азербайджанским коллегой по цеху; все указывали на очевидную взаимосвязь нынешнего визита с проектом «Набукко».

Однако мало кто мог усмотреть за всем этим потоком информации его истинный источник. Ведь те же российские СМИ довольно редко удостаивают своим вниманием визиты глав бывших союзных республик друг к другу. А тут будто проснулся вулкан. Все только и говорили о том, что данный визит может приблизить реализацию проекта прокладки Транскаспийского газопровода в обход территории России. В этом собственно и была «зарыта собака». Многим в России только кажется, что «оранжевая волна» давно схлынула и больше никогда на пространстве СНГ розы, апельсины и тюльпаны и им подобные символы не будут красоваться на флагах политических сил, стремящихся силой заполучить власть. Между тем это явное заблуждение. Ведь стоящие за спинами оранжевых оппозиционеров силы никуда не исчезли, как не исчезла и их идеология, базирующаяся на крутой смеси воинствующего демократического мессианства западного разлива.

Попытки трансформировать по западным лекалам постсоветское пространство были и будут. И вся ситуация, связанная с визитом туркменского президента в Баку, — лишнее тому подтверждение. При этом мы вовсе утверждаем, что в Вашингтоне и Брюсселе замыслили вырастить в лабораторной колбе азербайджанскую «девушку с косой» или туркменского «неистового розового Мишку». В конце концов натовские стратеги — не такие примитивные недоумки, чтобы не понимать всю неготовность условий для лобовой оранжевой атаки в Баку или Ашхабаде. Поэтому на этот раз их замысел более замаскирован и не столь прямолинеен. Но стратегическая цель при этом остается неизменной: отколоть от СНГ новый кусок, максимально ослабить связи между Россией и ее ближайшими соседями, проложить мосты, по которым в будущем новые когорты западных волонтеров смогут пойти в Азербайджан и Туркменистан.

Частью этой оранжевой стратегии являются соответствующие информационные кампании, навязывающие окружающим определенную точку зрения и способствующими утверждению в умах заранее выстроенной позиции. Не случайно в большинстве сюжетов о визите президента Туркменистана можно было встретить в качестве лейтмотива мысль о том, что Гурбангулы Бердымухамедов, де, — это не Сапармурат Ниязов, слывший взбалмошным и болезненно тщеславным диктатором,

рассорившимся с Гейдаром Алиевым из-за личной неприязни. А вот Гурбангулы Бердымухамедов, мол, — это совершенно другой лидер, проводящий принципиально новую политику, и поэтому, якобы, с ним обязательно в Баку будет достигнуто полное взаимопонимание.

Другим намеренно внедряемым в сознание тезисом стало утверждение, что спор между Туркменистаном и Азербайджаном касается всего-то одного нефтегазового месторождения на Каспии. Сущая безделица, мол, стоило из-за этого огород городить, копать лопать. Короче всех подводили к выводу о том, что эти разногласия можно легко преодолеть. Особенно, если иметь в виду те «колоссальные выгоды», которые, якобы, сулит Ашхабаду его участие в осуществлении проекта Транскаспийского трубопровода.

Между тем все эти информационные сюжеты являются преднамеренной ложью. Однако все по порядку. Трения между двумя странами касались широкого спектра проблем, а вовсе не только спора об одном единственном месторождении. Азербайджан лишь с начала нынешнего века стал потихоньку выходить из экономического кризиса. Причем, судя по тому, что азербайджанцы по-прежнему не стремятся возвращаться на свою историческую родину с той же России, ситуация в Азербайджане не так уж великолепна, как можно судить по статистике, публикуемой в официальной газете «Бакинский рабочий». А в середине 1990-х годов власти в Баку едва успевали гасить многочисленные мятежи то сторонников свергнутого президента Эльчибея, то самозванных полевых командиров ОПОНа. Применяя силу внутри Азербайджана, власти не гнушались тем же и в своей внешней политике по отношению к Туркменистану. Например, решили тогда не платить за поставки туркменского газа, и не стали этого делать. Поэтому выдаваемые за какой-то прорыв в двусторонних отношениях, за жест доброй воли, факт признания этих долгов и их выплату (без надлежащих процентов) в размере чуть выше 48 млн долл, — это ли не цинизм пропаганды. 13 лет незаконно удерживали средства, принадлежащие Туркменистану, а теперь еще и стремятся выгладеть эдакими благодетелями. Ведь не поставляй тогда Ашхабад свой природный газ в Азербайджан, он бы сегодня был только в выигрыше: цены ведь на этот вид углеводородов выросли многократно.

Теперь коснемся проблематики спорных месторождений на Каспийском море. Кто первым вопреки нормам международного права в одностороннем порядке решил позариться на каспийские месторождения? Азербайджан! Именно при Гейдаре Алиеве в 1995 году принимается новая конституция Азербайджана, пункт второй статьи 11 которой объявлял составной частью территории данного государства весь так называемый азербайджанский сектор Каспийского моря. Каковы же были границы этого сектора? Ведь их никто ранее не определял так, как это положено в отношении государственных границ, по крайней мере, — в отношении линий разграничивающих бывшие союзные республики. Власти в Баку просто решили явочным порядком урвать побольше, благо у них имелись большие, чем у Туркменистана «стартовые возможности».

Дело в том, что так уж сложилось исторически, что в Советском Союзе морская добыча нефти на Каспии осуществлялась преимущественно в акватории, расположенной вблизи Азербайджана и силами нефтяников этой республики. Нефть на суше издревле добывали и в Азербайджане и Туркменистане, благо часто она залежала на

небольших глубинах, и чтобы до нее добраться просто рыли колодцы. Когда в 80-х годах XIX века на каспийском побережье Туркменистана стали бурить промышленным способом первую скважину, то нефть из нее пошла с глубины всего 37 метров.

Спорными между Туркменистаном и Азербайджаном является не одно месторождение Кяпаз (в туркменском варианте названия — Сердар), а как минимум три. Именно так заявляли в 90-ые годы лидеры и Азербайджана и Туркменистана. Обе конфликтующие стороны представляли в качестве доказательств карты, изготовленные для хозяйственных нужд в период СССР. Карты эти имели разночтения, поскольку министерства нефтегазовой промышленности обеих союзных республик и не помышляли о том, что изготовленные ими схемы кто-то будет использовать в политических целях. Согласно схемам, например, спорное месторождение Чираг (советский вариант названия — Каверочкин — по имени знаменитого нефтяника, который был первопроходцем в морской добыче на Каспии) было расположено в 132 километрах от туркменского берега и в 148 километрах — от азербайджанского. Другое месторождение — Азери (советский вариант названия — имени 26 Бакинских комиссаров) находилось в 118 километрах от туркменского берега и в 160 километрах от азербайджанского. Месторождение же Кяпаз (советский вариант названия — Промежуточное) находилось в 104 километрах от туркменского и в 184 километрах от азербайджанского берега. Поэтому президент Ниязов тогда рассматривал Азери и Кяпаз как месторождения, расположенные целиком в секторе моря, который должен отойти Туркменистану, а месторождение Чираг попадало в него частично.

Ситуация осложнялась тем, что и Баку и Ашхабад активно пытались втянуть в этот спор внешние силы, в том числе и Россию, причем не в качестве арбитров, а в качестве своих союзников де-факто. В 1995 году российский ЛУКОЙЛ подписал с Министерством нефти и газа Туркменистана договор о разведке и разработке месторождения Кяпаз. Однако позднее ответный удар нанесли азербайджанские власти. Им удалось переманить россиян. 4 июля 1997 года азербайджанская сторона подписала в Москве контракт с российскими компаниями на разработку структуры Кяпаз. В итоге разразился острый дипломатический конфликт. Я прекрасно помню, как он развивался. В июле 1997 года МИД Туркменистана выступил с резким заявлением, в котором выдвигалось требование аннулировать новое соглашение. Одновременно Ашхабад провел переговоры с Ираном и Пакистаном по закупкам сторожевых катеров для береговой охраны. А президент Туркменистана вылетел в Москву, где добился от Ельцина аннулирования заключенного российскими компаниями соглашения. Российская сторона даже принесла Ашхабаду свои извинения. Ниязов же на пресс-конференции в РИА-Новости вообще назвал действия Баку разбойничьими. Президент Туркменистана тогда не раз подчеркивал, что хотя месторождение Промежуточное было выявлено еще в 1959 году азербайджанскими геологами, а буровые работы на нем начались только в 1986 году, не кто иной, как сам президент Азербайджана Гейдар Алиев, находясь с визитом в Ашхабаде в мае 1997 года заявлял, что у его страны нет никаких претензий на Кяпаз, а переговоры азербайджанцы будут вести только по месторождениям Азери и Чираг.

Так что нынешняя версия, излагаемая большинством СМИ, — это намеренная фальшивка. Не сумасбродство Ниязова было причиной конфликта. Он как раз стоял на страже национальных интересов Туркменистана. В отличие от некоторых иных ли-

дерев СНГ не разбрасывался территориями своей страны. И не пытался отказаться от них за деньги, которые и сегодня сулят Бердымухамедову те силы в Баку, Вашингтоне и столицах Западной Европы, где считают, что нового туркменского лидера можно либо купить, либо обвести вокруг пальца разговорами о том, что спор де идет только об одном месторождении.

Вероятно, кто-то на Западе надеется, что Бердымухамедов действительно отличается от Ниязова, только не столько демократичностью своих взглядов, а короткой памятью. А поэтому методами оранжевой пропаганды туркменам удастся запудрить мозги и подтолкнуть их к сдаче своих национальных позиций. Наверное поэтому в Баку туркменского лидера соблазняли как туземца стеклянными бусами. 20 мая Гурбангулы Бердымухамедова пригласили в Бакинский государственный университет, где состоялась торжественная церемония присвоения туркменскому лидеру звания почетный доктор Бакинского государственного университета «за выдающийся вклад в укрепление туркмено-азербайджанских отношений, развитие науки и образования». Президенту Туркменистана были вручены соответствующий диплом и мантия.

Такие акции раньше практиковали украинцы в отношении Ниязова. Они приезжали в Ашхабад и привозили президенту Туркменистана ордена Украины, надеясь взамен получать туркменский газ по дешевке. Ниязов, кстати, при всем своем тщеславии, на это редко покупался. Бердымухамедов пока тоже не купился. Никаких значимых соглашений по принципиальным вопросам в Баку по время визита так и не было подписано. Заключили лишь несколько второстепенных двусторонних документов, в числе которых межправительственные соглашения о международных комбинированных грузовых перевозках, о сотрудничестве в области молодежной политики и спорта, о международном автомобильном сообщении, о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии, сертификации и аккредитации.

Итак, никого прорыва не произошло. Антироссийский по своей направленности проект «Набукко» по-прежнему висит в форме призрачного воздушного шарика. Но вот на усиление антироссийской пропаганды в СМИ надо все же реагировать, да и президента Туркменистана не грех опекать так же, как это сегодня делают наши геополитические соперники. Ведь он все-таки живой человек, а значит, когда-то может дать слабину.

Русский язык и русская культура как инструмент российской политики на Южном Кавказе

В. А. Захаров

Опыт взаимоотношений народов Кавказа, да и сама история этого региона — «горячая точка» в судьбе России. Эти темы, как ни странно, вот уже пять веков подряд остаются чрезвычайно актуальными. Можно только сожалеть, что уроки истории в многотрадной школе жизни нашего государства, далеко не всегда идут впрок и поэтому, простым людям, народу приходится зачастую платить слишком большую цену за одни и те же ошибки.

Говоря об «уроках» общекавказской истории, нельзя не вспомнить имен подлинных национальных самородков: Шоты Руставели, Самеда Вургуня, Николозо Бараташвили, Косты Хетагурова, которые вместе с гениями российской многонациональной культуры А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, А. А. Бестужевым-Марлинским, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым и другими и по сей день, остаются незабываемыми опорами культурно-политического моста, связывающего Россию и Кавказ.

Значение Северного Кавказа для России общеизвестно. Без него нарушается целостность нашего государства. И если справедлива точка зрения, что Россия унаследовала традиции и европейской и азиатской цивилизаций, то одну из главных ролей в этом сыграл Кавказ. В течение нескольких веков происходил сложный, внешне невидимый процесс взаимопроникновения и синтеза европейской и восточной культур.

Первым, кто открыл Кавказ для русской литературы, был А. С. Пушкин. Случилось это в 1822 году, когда свет увидела его поэма «Кавказский пленник». Известный литературный критик В. Г. Белинский свыше полутора веков назад прозорливо отметил: «Муза Пушкина как бы осытвила давно уже существовавшее родство с этим краем, купленным дорогой кровью сынов ее и подвигами ее героев». Среди тех, кто участвовал в военных действиях на Кавказе, были и многочисленные представители русской литературы.

Если обратимся к творчеству Пушкина, Лермонтова, Бестужева-Марлинского, да и многих других отечественных литераторов, то увидим, что Кавказ занял особое место — они не раз бывали там, до нас дошло немало произведений, написанных об этих удивительных местах. Писатели буквально заново открыли этот край для русских людей, и именно их литературное творчество в какой-то степени воспитали нас на реалиях кавказской жизни.

Не менее знаменито было для Кавказа имя Л. Н. Толстого. Он оказался здесь в 1851 г. и пробыл почти четыре года. На Кавказе вступил в армию и принял участие в военных действиях. На Кавказе началась его литературная деятельность. Здесь он закончил свое первое произведение — повесть «Детство», публикация которого принесла ему писательскую славу. Кавказ стал для Толстого местом творческого вдохновения и озарения, о чем он отмечал в письме к своей «тетеньке» Т. А. Ергольской: «Мне кажется, что странная мысль поехать на Кавказ, внушена мне свыше. Это рука Божия вела меня, и я непрестанно благодарю Его. Я чувствую, что здесь я стал лучше».

Покинув Кавказ, Л. Н. Толстой, как и все его предшественники, не смог забыть этот удивительный край. Сохранилась дневниковая запись, сделанная через год: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи — война и свобода».

Вообще, еще с конца XVIII — начала XIX веков знакомство с Кавказом ассоциировалось у российского читателя с знакомством с Востоком, и это столкновение с «диким» миром Востока особым образом воздействовало на рационализм русской элиты.

Очень метко отметил значение, которое оказал Кавказ на художественное творчество русских литераторов, известный отечественный этнолог В. П. Уланов. Именно в этот период, писал он, возникают классические тексты, представляющие собой отражение русского национального (этнического) сознания через призму борьбы за Кавказ. Эта борьба совпала с рождением русской нации как таковой и тексты, слышанные ею при рождении, навсегда отпечатались в ее подсознании. Русский человек может не знать Ермолова, не читать «Хаджи-Мурата», но в каждом из произведений русских «кавказцев» он неминуемо узнает себя и свой народ²⁵².

Сложная межнациональная ситуация, сложившаяся во время Кавказской войны, в которую были втянуты отдельные народы Кавказа, ни в коей мере не уменьшила интерес российского народа к Кавказу, как и народов, населявших этот регион, к России, к русской культуре. И если народы Закавказья, в первую очередь Грузии, довольно быстро входили в европейскую цивилизацию, благодаря постоянному присутствию России, то родство с Россией народов Северного Кавказа давало историческую перспективу для их национального развития.

Можно назвать десятки имен русских писателей и поэтов, воспевших Кавказ и его народы. Со школьных лет мы помним «Кавказского пленника» Пушкина. Мы знаем Кавказ благодаря «Герою нашего времени» и многим другим прекрасным поэтическим произведениям Лермонтова, осудившим вслед за Г. Р. Державиным, войну:

---

²⁵² Уланов В. П. Северный Кавказ в русском этническом сознании // <http://www.rustrana.ru/print.php?id=5522>.

И с грустью тайной и сердечной,
Я думал.
Жалкий человек. Чего ты хочешь?
Небо ярко, под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один воюешь ты, зачем?

— писал поэт в стихотворении «Валерик».

Говоря о кавказских народах, необходимо акцентировать внимание на том факте, что русский язык в течение нескольких веков накладывал свой отпечаток на все сферы жизни их жизни и деятельности, и уже начиная с 30-х годов XIX в. на Кавказе идет активное взаимное обогащение культур. Русский язык и литература помогли становлению национальной литературы народов Кавказа, а русские школы стали основным источником знаний для горцев. Их знакомство с русской культурой, а через нее и с мировой культурой, шло постепенно, начиная с восприятия и изучения русского языка, простого человеческого общения, а закончилось уже со знакомством с произведениями русских авторов, и, наконец, с русским театром, открытым 160 лет назад в Тифлисе, который обучал живому русскому языку.

Первые и наиболее яркие ростки влияния русского языка на культуру горских народов можно увидеть в появлявшихся в XIX веке периодических изданиях Северного Кавказа. Эти средства массовой информации сыграли значительную роль в развитии культуры, общественно-политической мысли, да и просто жизни местных народов.

Большую роль также сыграло открытие в Ставрополе в первой половине XIX в. первой на Северном Кавказе типографии²⁵³. А первенцем северокавказской периодической печати стала газета «Ставропольские губернские ведомости», выходившая с 1850 года. На ее страницах было опубликовано много разнообразных сведений о народах Северного Кавказа. Но, центр изучения и публикации изданий, содержащих материалы по этнографии, истории, экономике и культуре народов Кавказа, оказался в Тифлисе, где размещалось военное руководство Отдельного Кавказского Корпуса, а позже Кавказское Наместничество.

Русский язык стал на Кавказе плацдармом для межнационального общения. Многие горские народы не чурались считать русский своим вторым языком, пополняя в течение веков словарный запас национальных языков русскими словами и выражениями. В то же время и русский язык многое почерпнул из языков народов Кавказа. Иными словами, происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур, шедшее на благо и русским и кавказцам. Со временем русский язык все более и более проникал в языки горцев (особенно слова и понятия, в т.ч. технические, ранее вообще отсутствовавшие в их лексике). Русский язык, можно сказать, явился своеобразным «ограничиком» всей социальной культуры кавказских народов, своеобразным ее оформителем.

Благодаря знанию русского языка у адыгов появились свои национальные просветители, писавшие на русском языке: Шора Ногмов, Нотаук Шеретлук, Султан Казы-Гирей, Хан-Гирей, Султан Адиль-Гирей, Умар Берсей, Адиль-Гирей Кешев и др.

---

²⁵³ Захаров В. А. 150 лет со дня основания в г. Ставрополе первой на Северном Кавказе типографии // Календарь памятных дат по Ставропольскому краю на 1966 год. — Ставрополь, 1966. — С. 35–37.

Их творческое наследие, являясь громадным вкладом в общественно-политическую мысль кавказских народов, и по сей день не потеряло своего значения. Благодаря им, народы Кавказа не только смогли сохранить свою своеобразную культуру, но и развить и приумножить ее.

На основе русской графики начали создаваться национальные алфавиты для народов Северного Кавказа: П. К. Усларом (для дагестанских и чеченских школ), Л. Г. Лопатинским (для адыгских), абадзехом Х. Ш. Анчеком, кабардинцем К. Х. Атажукиным, балкарцем С. Урусбиевым и другими. Л. Г. Лопатинский сделал попытку создания письменности кабардинского языка на русской графической основе и в 1891 г. издал в Тифлисе «Краткую кабардинскую грамматику» и «Русско-кабардинский словарь», он постоянно занимался сборником кабардинского фольклора. Будучи инспектором Кавказского учебного округа, Лопатинский в то же время поддерживал идею преподавания родного языка в школах. Тогда же появились новые буквари на русской основе. Н. Кириченко — учитель Карт-Джуртского училища (Карачай) — в 1897 г. подготовил грамматику и словарь балкаро-карачаевского языка. В 1906 г. в Тифлисе были изданы кабардинский букварь, составленный П. Тамбиевым, а в 1916 г. — книга «Родная речь» И. Акбаева для карачаево-балкарских школ. В 1911 г. известный чеченский просветитель, депутат Государственной думы Т. Эльдерханов издал в Тифлисе «Чеченский букварь» тоже на русской графической основе.

Несмотря на некоторое расширение количества школ, в дореволюционный период учебной была охвачена все-таки незначительная часть детей школьного возраста (балкарцев — 2,3%, народов Дагестана — 10, кабардинцев — 12,8, осетин и русских — 33%). Следует отметить, что наряду с русскими школами на Северном Кавказе продолжали существовать религиозные мусульманские школы (мектебе и медресе), православные церковно-приходские и иудаистские горско-еврейские школы. Накануне Октябрьской революции в одном Баталпашинском отделе насчитывалось 36 православных церковно-приходских и 8 мусульманских училищ. В Дагестанской области насчитывалось более 740 мусульманских и 20 горско-еврейских школ, охватывавших 7,5 тыс. учащихся. Дагестан не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего Северного Кавказа. Едва ли где-либо на Кавказе до такой степени было развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане.

XIX век связан в истории некоторых народов Северного Кавказа с зарождением национальной художественной литературы. Если осетины и народы Дагестана встретили начало XX века уже имея сформировавшуюся как искусство письменного слова литературу, то у карачаевцев, черкесов, кабардинцев и балкарцев одновременно с творчеством самобытных поэтов-одиночек, писавших на родных языках, на изобретенных ими самими алфавитах (Б. Пачев, К. Мечиев, И. Крымшамхалов), продолжали творить народные певцы и поэты (адыги — Цуг Теучеж, Джанчатов Куйпеш, Хамахоков Хапат, Пшизов Татун; чеченцы — Мази из Катарюрта, Уддин Эфи из Гехи; карачаевцы — Каспот Кочкаров, Аппа Джанибеков, Исмаил Семенов; ногайцы — Баймурза Монага, Негмота Айбата и др.).

В начале XX века в литературе народов Северного Кавказа нашли свое реальное отражение черты реализма. Новое литературное направление постепенно вытесняет наивный романтизм XIX века. Особенно ярко это проявилось в творчестве Сулеймана Стальского (1869–1937), Гамзата Цадасы (1877–1951) и Цуга Теучежа (1855–1950).

Становление нового человека стало предметом художественного воплощения в их реалистической поэзии.

После Октябрьской революции развитие русского языка на Кавказе получило новый мощный импульс. Развернувшаяся борьба с неграмотностью привела к повсеместному открытию школ практически во всех населенных пунктах северокавказского региона. Начиная с 20-х годов XX века, обучение в них велось в основном на русском языке. При этом существовали целые школы с преподаванием на национальных языках. Одновременно в русских школах отдельные предметы также преподавались на местных языках. Уже к концу первой трети XX века все народы Северного Кавказа обрели не только письменность, но и достаточное количество учебных заведений. В каждой национальной республике появился свой университет, а вскоре и научно-исследовательские институты, в которых работали крупные ученые, выходцы из Северного Кавказа.

Влияние русской классической литературы с ее гуманистическими и демократическими традициями не только сказалось на дальнейшем развитии русскоязычного северокавказского просветительства, но и способствовало появлению новых, прежде не свойственных для горской литературы, жанров — повестей, романов, новелл. Появляются национальные писатели и поэты, пишущие на нескольких языках, в том числе обязательно на русском. Это Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Исхак Машбаш и другие.

Политические процессы конца XX века, с одной стороны, нанесли удар по развитию местных национальных литератур народов Северокавказского региона, с другой — создали предпосылки к отделению зерен от плевел.

Свойственное для национальной политики КПСС требование о том, чтобы каждый народ имел своих представителей писательской интеллигенции приводило к тому, что в эту категорию попадали лица, проходившие по идеологическому, но отнюдь не писательскому критерию. Но время все расставляет по своим местам, плохое, наносное отходит в сторону, забывается. В памяти народной остается только то, что происходит «естественный отбор» временем.

После драматического распада СССР ряд северокавказских республик отказались признать себя частью новообразовавшихся государств, провозгласив в одностороннем порядке свою независимость.

На первых порах многие руководители этих «независимых» государств весьма активно принялись поддерживать местные культурные и языковые традиции, включая мусульманство, рассматривая их как способ утверждения своего государственного суверенитета. Но прошло совсем немного времени, и им пришлось умерить свой энтузиазм, особенно в отношении культурного возрождения мусульманства.

Первоначальные надежды руководителей «независимых» государств были прозаичны. Во-первых, появляющаяся новая политическая элита в государствах Южного Кавказа, как и в государствах СНГ, создавалась на деньги США, нового заокеанского хозяина, а во-вторых, отказ от российского влияния, быстрая переориентировка на нового хозяина, была платой за те мизерные подачки, которые они стали получать лично. И здесь снова произошла метаморфоза. В наши дни язык вновь стал центральным элементом государственной политики практически во всех постсоветских государствах, но стал использоваться сегодня больше для разделения, чем для объединения

народов. Стали происходить изменения в области этнической идентичности и языковой практики. Особенно остро эта проблема стоит в Грузии, новое руководство этой республики, повторяя в данном вопросе политику первого президента Гамсахурдиа, с еще больше ожесточенностью обрушилось на все российское. Демонстративный отказ от разговора на русском языке приносит неудобство не России, а в первую очередь Грузии, и ее народу. И в этой связи такие вопросы как развитие науки, и особенно культуры, были отставлены даже не на второе место. Что уж говорить о новых независимых государствах, когда в самой России финансирование культуры велось и ведется по остаточному принципу.

И здесь на сцену выходит новый международный игрок, каким является Америка. Интерес США к государствам Кавказского региона понятен. Территория Кавказа всегда была и остается лакомым куском для многих западноевропейских государств никогда не имевших с этим регионом общих границ. Всем известно то важное и значимое геополитическое положение Кавказа не только для окружающих его государств, но и для тех держав, которые в настоящее время взяли на себя право мирового судьи, право разделять и властвовать. Некоторые авторы считают, что Кавказ привлекает Соединенные Штаты Америки только перспективами обширного энергетического коридора. Далеко не так! Большую роль играют особенности геополитического и геостратегического положения Закавказских государств. Они дают возможность Соединенным Штатам и другим ведущим западноевропейским государствам, разнообразные возможности для реализации своих интересов не только в экономической, но и в политической, и военной сферах. Одновременно мы видим многовекторное соперничество, а порой и противоборство между пограничными с Южным Кавказом государствами: Турцией, Ираном, а также государствами, находящимся далеко от границ этого региона.

Небезызвестный Збигнев Бжезинский в своей новой книге «Вызов» выразил главный тезис о всемирной роли США следующими словами: «американское могущество — решающий фактор в обеспечении национального суверенитета страны — является сегодня высшей гарантией глобальной стабильности». И далее известный политолог специально подчеркнул: «американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подвергают эрозии традиционный государственный суверенитет»²⁵⁴.

Иными словами, Америка заинтересована больше всех в развале существовавшей многовековой государственной системы, в появлении новых мини государств, которые окажутся в полной зависимости от главного мирового арбитра. А именно им стали Соединенные Штаты, которые присвоили себе право не только быть верховным мировым судьей, но, по утверждению все того же Бжезинского: «именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится»²⁵⁵.

Регион Южного Кавказа уже много веков является ареной соперничества и противоборства. Но после того как США объявили эту территорию «жизненно важным» регионом своей внешней политики, это соперничество стало более воинственным.

---

²⁵⁴ Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. — М.: «Международные отношения», 2004. — С. 7.

²⁵⁵ Там же.

Вновь обратимся к главному политологу Соединенных Штатов Збигневу Бжезинскому, прогнозируя будущую мировую политику своего государства, он четко сформулировал суть американской геостратегии во всем Кавказском регионе в ближайшие годы: «В непостоянной Евразии первостепенная задача состоит в том, чтобы создать такие условия, чтобы ни одно государство или какая-либо комбинация государств не смогли вытеснить США или даже уменьшить их решающую роль»²⁵⁶.

Отсюда следует, по мнению американского политолога, следующий вывод: США должны находиться в постоянной готовности контролировать процесс возможного усиления других государств с тем, чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Америки в мире. Таким образом, Америка превращается в ведущего геополитического игрока в Южно-Кавказском регионе. Претворение этих планов не замедлило начаться уже в конце XX века, и все более нарастает из года в год. Да, для успешной реализации этих планов нужны послушные исполнители, и их быстро стали подыскивать. Когда этого требует большая стратегия, Америка умеет закрывать глаза на действия, с которыми в других местах она не соглашается.

Так, например, молча была воспринята передача власти по наследству в Азербайджане, в то время как такая же смена власти в Сирии не была одобрена. Ну, и конечно, революция в Грузии, которая готовилась за океаном. Следствие этого, ориентировка правящей элиты новых независимых государств Южного Кавказа, и особенно Грузии, которая имеет ярко выраженную антироссийскую направленность. Она стала более резкой, безапелляционной, а порой и агрессивной и не только в словах, но и в делах. В своей запальчивости новые политики, вдруг, начинают вспоминать факты некоего ущемления их экономического развития во времена существования СССР.

Но, во-первых, что вспоминать о том, к чему представители нынешних властных элит не имеют или почти не имеют никакого отношения. А во-вторых, в чем можно упрекать руководство СССР, если эти территории вот уже в течение нескольких столетий, были и остаются провинцией. Я не имею в виду их географическое положение или экономику. Да, она там всегда развивалась на несколько примитивном уровне. Экономика государств Южного Кавказа никогда не составляла и не составит в ближайшем будущем конкуренцию продуктам и товарам, которые ряд тех же бывших советских республик выдавали значительно лучшего качества, а уж тем более большинству европейских производителей, даже из бывшего социалистического лагеря.

Речь идет о совершенно ином факторе, который за последнее десятилетие с одной стороны вытесняется, а с другой стороны на него не обращают никакого внимания. Речь идет о факторе культуры, значение которого не только недооценено большинством политиков России и государств Южного Кавказа, но и политиками многих стран мира. И я не оговорился.

Если мы обратимся к выяснению вопроса, где находятся базы, на которых идет подготовка террористов во всемирном масштабе? То ответ будет однозначен: там, где на низком уровне находится образование, наука, культура. Можно только удивляться тому факту, что недооценка культурного фактора, всегда приводила к необратимым процессам, и не просто к каким-то негативным явлениям, но даже к распаду государств. Примеров тому много. Для политиков новой эпохи, должно стать аксиомой

---

²⁵⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. — М.: «Международные отношения», 1999. — С. 240.

уяснение того факта, что современные экономические и политические отношения могут и должны развиваться только в тесной связи с культурой.

На всем пространстве Южного Кавказа мы наблюдаем геополитические игры народившейся новой национальной политической элиты. В этом особенно преуспели грузинские лидеры, которые заявляют о своем желании войти в Объединенную Европу. Ни в коем случае не хочется никого обижать, но необходимо смотреть правде в глаза, а правда эта такова, что никто Грузии в Объединенной Европе не ждет. Ни сельское хозяйство, ни промышленность Грузии не смогут выдержать конкуренции с самым слабым европейским государством. Так было, так есть и, к сожалению, так будет. Территория Грузии нужна Европе и особенно США совсем для других целей. Буш на переговорах с Саакашвили в мае 2005 г. заявил, что они обсудили вопрос о возможном вступлении Грузии в НАТО.

Вероятно чувство поддержки заокеанского «друга» дает грузинским политикам силы вести себя относительно России особенно агрессивно. Если проанализировать сообщения, прозвучавшие в грузинских СМИ хотя бы последние два-три месяца, то можно услышать лишь заявления, в которых звучат постоянные обвинения в адрес России.

Вот, например, мнение, высказанное независимыми обозревателями: Грузия под началом Михаила Саакашвили превратилась в штаб, где куются «освободительные» революции, имеющие ярко выраженный русофобский характер. Эфиры грузинских телеканалов заполнены политическими и пропагандистскими программами. Огромная армия журналистов готова воспитывать не только собственное население, но и всех желающих внимать «свободному» слову. Михаил Саакашвили видит себя руководителем страны, которая «начала третью и окончательную волну освобождения и объединения Европы», он ощущает себя **политиком иного, не грузинского масштаба**. Все его действия проникнуты чувством собственного мессианства. «Грузия не будет счастлива до тех пор, пока не станет единой, и эта цель будет достигнута во время моего президентского срока, — говорит Михаил Саакашвили. — Мы можем освободить Грузию, восстановить ее территориальную целостность, но это стоит жертв». (И видимо жертв немалых. Зураб Жвания вряд ли подозревал, что будет одной из первых жертв той «революции», которую сам же и организовывал). Михаил Саакашвили призывает грузин набраться терпения и быть готовыми к жертвам ради свободы. **«Абхазия — наша главная цель, мы стоим на правильном пути, остальное — дело техники, хорошей работы и правильно рассчитанных шагов»**, — подчеркивает Михаил Саакашвили²⁵⁷.

Что можно противопоставить этим заявлениям? Да, современные грузинские лидеры вполне самостоятельны и никто в России не навязывает им своего мнения. Но слишком уж часто звучат высказывания, что им не нравится все русское, и особенно русский язык, поскольку посредством его в республику проникает имперская идеология. В Грузии практически прекращают печатать на русском языке книги, газеты, журналы. На сегодняшний день выходит только три газеты и один журнал, причем делается это на частные деньги. Подобная картина до недавнего времени была и в Азербайджане. При всем уважении к грузинскому, армянскому и азербайджанскому

---

²⁵⁷ www.apn.ru

языкам, приходится констатировать, что это не языки межнационального общения, хотя именно язык является главным средством общения народов как внутри своего сообщества, так и вне его.

Да, мы с глубоким почтением и бережливостью должны сохранять наше общее наследие, поскольку мы обязаны передать его следующим поколениям. Однако на каком бы языке не говорил человек важно, что он говорит, так же, как и в любой конфликтной ситуации требуется не осуждать поступки других, а говорить о своих проблемах. Это основные правила социолингвистики, но политики часто ими пренебрегают.

То, что стараются не видеть политики, отлично понимают представители грузинской интеллигенции. В начале февраля я участвовал на одной международной конференции, которая проходила в течение нескольких дней в Москве. Там встретился со своим давним знакомым профессором из Тбилиси. Он познакомил меня со своим внуком, который учится в четвертом классе общеобразовательной школы в Тбилиси. Перед этим мой друг сказал, что он привез внука специально для того, чтобы он начал говорить по-русски. «Мы дома говорим и по-грузински и по-русски, но во дворе, в школе все говорят только по-грузински и внук стесняется, вокруг никто не говорит по-русски и он не может переступить языковой барьер. Знания у него имеются, и я решил окунуть его в русскоязычную среду. Первые два дня внук стеснялся говорить по-русски, а на третий день вдруг заговорил, как ни в чем не бывало». Действительно, мы разговаривали с мальчиком втроем, и хоть он говорил с небольшим акцентом, но многие фразы произносил даже лучше дедушки.

Еще один пример совсем недавних дней. В ноябре 2005 года я был в Тбилиси, принимал участие в круглом столе «Выбор царя Ираклия II: взгляд из XXI века». Тема эта была объявлена грузинским представительством фонда развития «Кавказский Институт Демократии» еще в конце сентября. Было предложено прислать письменные работы, а после подведения итогов конкурса назвать нескольких победителей, которым вручить денежные премии.

Накануне, вечером, мне были переданы для ознакомления все работы, написанные на русском языке. После внимательного изучения 12 произведений, вывод был однозначный: грузинская интеллигенция **истосковалась** по общению с русской интеллигенцией. При этом необходимо отметить, что речь идет не о специфической грузинской интеллигенции гуманитарного образования, а о людях разного образования. Это были историки и литературоведы, писатели и поэты, но были и люди далекие от гуманитарного склада ума: биологи, математики, технари (инженеры, изобретатели) и пр. Это мое наблюдение, что в Грузии истосковались по обычному человеческому общению с русскими людьми, вполне подтвердилось на следующий день.

На круглом столе присутствовало около 40 человек, кроме того, присутствовали представители местных грузинских СМИ. Заседание открыла глава грузинского отделения фонда Майя Николойшвили. Затем стали выступать некоторые лица, из сидевших за столом. Первые два выступления звучали преднамеренно по-грузински, они были весьма резки по тону и смыслу сказанного. Около меня сидела переводчица, поэтому я мог следить за содержанием всего сказанного. После этого я взял слово и стал спокойно говорить о том великом значении, которое имеет решение царя Ираклия II, обратившегося к России с просьбой о принятии его Картлийского

царства, которое тогда олицетворяло всю Грузию, под защиту Российской Империи. И я, в частности, сказал: представьте себе на минуту ту ситуацию, которая сложилась в Грузии. С трех сторон это небольшое христианское, православное государство теснимо мусульманскими державами, которые постоянно занимаются грабежом, уничтожают, а точнее вырезают православный грузинский народ. Его численность стремительно сокращается. Что в таком случае должен предпринять разумный государственный деятель. Выход может быть только один — обращение к другому православному государю, более могущественному, за поддержкой, за помощью. Что и сделал мудрый 85-летний старец Ираклий II.

Все присутствующие здесь, говорил я, лучше меня понимают, что этим своим решением Ираклий II сохранил не только землю грузинскую, но и народ грузинский. Благодаря именно этому решению грузины сейчас существуют в мире! За что же мы можем его осуждать, за что кто-то желает бросить в его память комок грязи или камень? Давайте спросим каждый себя: по христиански ли мы поступаем? Вы знаете, мои дорогие друзья, стоит ли нам выяснять отношения в том ключе, в каком был начат круглый стол? Вы, например, обвиняете нашу московскую, как вы говорите, делегацию в том, что мы держим свой стабилизационный фонд в Америке. Но я хочу вам сказать, ни у кого из членов делегации, кто присутствует здесь, как и ни у кого из жителей России, я подчеркиваю, не у русских, а у жителей России — многонационального государства, в котором живут не только русские, но и грузины, евреи, армяне и лица многих других национальностей, так вот, ни у кого из нас, ни господин Греф, ни господин Кудрин, ни кто-то другой не спросил, а желаем ли мы, чтобы стабилизационный фонд находился не в России, а в Америке?

Поймите, мне, как представителю России вовсе не хочется выяснять заявления политических лидеров. Вот почему я считаю, что нам всем надо отойти от всяких политических, амбициозных, а порой и грубых заявлений. Мы не политики, мы простые российские люди, да кто-то из нас занимается наукой, кто-то из нас писатель, но основная-то масса жителей России как и Грузии люди многих специальностей: врачи и учителя, рабочие. Мы все не занимаемся активной политикой, нас, как и вас нет в политике. А вот то, что мы слышим и читаем в СМИ в России и в Грузии, различные заявления политических лидеров, руководителей партий, так это чаще всего бывает личное мнение конкретного человека. И делают свои заявления эти люди, называющие себя политиками, не спрашивая ни нас, ни вас.

И далее я высказал свое мнение о прочитанных работах, написанных на русском языке, отметив, что в них четко прослеживается одна идея, все, кто написал их, истосковались по простому человеческому общению. Поверьте мне, — сказал я, — мы тоже истосковались по такому же общению с Вами. Вот у вас сейчас в Грузии выкорчевывается русский язык. К чему это приводит? А приводит это к вашей собственной изоляции. Еще 20 лет тому назад, в СССР знали великолепные грузинские философские, исторические, филологические школы. Из под пера грузинских ученых выходили произведения, обогащавшие науку, которые до сих пор не утратили свою научную ценность. Мой друг профессор Тбилисского университета, имя которого всем в Грузии хорошо знакомо, Вано Шадури написал немало прекрасных книг и о российско-грузинских отношениях, о Пушкине и о Лермонтове, о декабристах, которых немало оказалось в Тифлисе в 30–40-е годы XIX века. Он издал весь грузинский

фольклор. И все его книги находятся у меня с дарственными надписями. Но я знаю, что они хранятся и во многих библиотеках России, в музеях. Ценность их до сих пор велика. Значение его работ очень высоко.

Но я хочу обратить ваше внимание, дорогие друзья, что у вас и сейчас немало прекрасных историков, но посмотрите, они пишут или по-грузински или по-английски, на русском языке за последние годы вышло совсем немного книг, вот почему нам в России сейчас попросту не известно, над чем они работают, что они пишут. Поверьте мне, англоязычным историкам ваши исследования малоинтересны, в то время как история Грузии, ближайшего соседа России, имеет много общих имен, много общих событий. У нас в России выходит немало статей и книг, посвященных истории грузинского народа.

Я хочу вам напомнить, говорил я, о том, что жители СССР, а ныне России до сих пор знают имена грузинских писателей и поэтов общественных деятелей, композиторов и актеров, и я стал их перечислять...

После этого, заседание круглого стола пошло уже совсем в другом ключе. Стали выступать авторы написанных работ, говорили по-русски, только несколько человек извинились, сказав, что они плохо говорят по-русски, но будут учиться русскому языку. Они говорили по-грузински, вставляя отдельные фразы, предложения по-русски, но говорили очень тепло о России.

Действительно, еще двадцать лет назад в Армении, Грузии, Азербайджане были прекрасные научные школы. В университетах и других учебных заведениях работали историки, лингвисты, литературоведы, имена которых были известны далеко за пределами их республик. Да, часто армянских, азербайджанских и грузинских ученых называли одним общим, возможно не совсем справедливым, именем «советские ученые». Но в то время не очень-то акцентировали внимание на национальности ученого. Их великолепные научные исследования печатались в основном на русском языке и становились достоянием ученых, студентов, других читателей, число которых превышало численность населения этих республик вместе взятых. Благодаря публикациям их трудов именно на русском языке имена ученых и деятелей культуры Закавказья были известны специалистам во всем мире.

К сожалению, не только в СМИ Грузии, но и в школьных программах содержатся далекие от правды слова о России, ее политике. Вот, что написано в учебнике 1-го класса, где цитируется «Акт государственной независимости Грузии», который был принят 9 апреля 1991 года. В нем, в частности, говорится о том, что «... в феврале-марте 1921 года Советская Россия грубо нарушила грузино-российский мирный договор 7 мая 1920 года и путем вооруженной агрессии совершила оккупацию признанного ею же грузинского государства, за чем последовала ее фактическая аннексия». В Акте сказано также, что «весь период нахождения Грузии в составе СССР был отмечен кровавым террором и репрессиями... Скрытая война против Грузии продолжается и сейчас. Ее цель остановить движение Грузии к свободе и демократии...». И хотя нет ни одного факта открытой или скрытой агрессии России по отношению к грузинскому народу, это не останавливает современных учителей подрастающего поколения, ничего не знающих о России.

В тех же учебниках, например, про присоединение Грузии к России, пишут о «подчинении Россией в XVIII–XIX веках отдельных царств и княжеств на территории

Грузии и установлении там военно-оккупационного режима». А о том, что в конце XVIII века речь шла о банальном выживании грузин как нации, конечно же, никто не говорит.

И снова фраза в учебнике, предназначенная специально для «русских захватчиков»: «Во времена господства чужеземной силы весь творческий гений нации расходовался в основном на то, чтобы отвоевать независимость. Поэтому времени и энергии на хозяйственное и культурное строительство Грузии почти не оставалось». Что бы сказал товарищ Сталин по поводу «чужеземной силы»? — спрашивает автор этой информации журналист Василий Печко²⁵⁸.

Можно, конечно, задаться риторическим вопросом: неужели политические элиты Грузии не понимают, что ни они сами, ни народы их страны, а уж тем более национальные культуры этих народов, США, на которые делается ставка в грузинском политическом бомонде, как раз и не нужны. Для Америки важна территория государств Южного Кавказа, их локализация в том районе, который крайне интересен США, где американцы хотят стать полновластными хозяевами и смогут в любой момент поставить нужное именно им правительство, где будут размещены их воинские контингенты. И в продвижении этой своей политики США поступают цинично, с холодным прагматическим расчетом. И то, что они, если это будет необходимо, заменят любое правительство, будь то в Грузии или Азербайджане, самоочевидно.

Агрессивность правящей элиты ряда государств Южного Кавказа, увеличивается с каждым днем. Мирные переговоры уже никого не устраивают, хотя на словах декларируются именно мирные начинания. В государствах Южного Кавказа вынашивают ныне только одну мысль, каким образом найти предлог и начать военные действия для возврата территорий непризнанных государств: Нагорного Карабаха, Южной Осетии, Абхазии. Если вначале официально никто об этом прямо не говорил, хотя во всех журналах, газетах, в которых даются аналитические прогнозы, все писали именно о возможных предстоящих военных действиях. Но сейчас, уже не скрывая, обсуждают возможность вооруженного конфликта. И в этой связи роль России, российской внешней политики в государствах Южного Кавказа, как бы того ни хотелось, все более и более уменьшается.

Да, новые руководители Южно-Кавказских государств не желают идти на разрыв дипломатических отношений с Россией, хотя в своих поступках и, особенно, в словах заходят слишком далеко. Кто-то, как, например, Азербайджан, проявив завидную мудрость, выстраивают равно благоприятные отношения и с Россией и с Западом. Соблюдая внешне баланс интересов. Да, Азербайджан и Россия договорились по множеству принципиальных вопросов, первым из которых, конечно является вопрос о статусе Каспия, хотя каждый шаг этого сближения давался с трудом: мешал карабахский конфликт и позиция России в этом конфликте. Вместе с тем Россия не могла не видеть, как Азербайджан, несмотря на неурегулированный территориальный спор, все же весьма успешно движется в западном направлении.

В этой связи нас интересует несколько вопросов, внешне не относящихся ни к экономике ни к политике этих государств. Каковы же основные тенденции в разви-

---

²⁵⁸ <http://www.vz.ru/politics/2005/10/1/8451.html>

тии языковой ситуации в государствах Южного Кавказа, а так же странах ближнего и дальнего зарубежья, и можно ли определить место русского языка на постсоветском пространстве? Нас, прежде всего, интересует:

1. Сократилось ли употребление русского языка как неродного на территории стран СНГ и Балтии, а также в других странах Центрально-Европейского региона?
2. Сократилось ли изучение русского языка как неродного (иностранного) в этих же странах?
3. Сократилось ли употребление русского языка как средства межнационального общения?

И главное, на наш взгляд, заключается в выяснении того, каковы перспективы русского языка как средства международного и межнационального общения, а также как родного (за пределами Российской Федерации) на рубеже нового тысячелетия?

На первые два вопроса ответ, безусловно, утвердительный: да, сократилось, причем весьма заметно.

Практически во всех странах СНГ и Балтии органы государственной власти предпринимали и до сих пор предпринимает достаточно жесткие меры по ограничению сфер функционирования русского языка. Особенно наглядно этот процесс проявляется в сфере народного образования: количество часов на изучение русского языка резко сокращено либо этот предмет вообще исключен из учебного плана национальных школ; практически прекращена подготовка учителей русского языка, не издаются учебники и учебные пособия по русскому языку. Нельзя не отметить резкого сокращения теле- и радиовещания на русском языке, ограничения информационного, образовательного и культурного пространства в связи с вытеснением русского языка из печатных и электронных средств массовой информации.

Вопросы об изучении русского языка как родного и неродного за пределами Российской Федерации оказались взаимосвязанными, так как уменьшение количества школ, в которых преподавание велось на русском языке, ограничило или, по крайней мере, осложнило возможность выбора языка обучения, а соответственно, и сократило количество учащихся нерусской национальности, изучающих русский язык.

Во многих новых государствах СНГ, русский язык превратился в иностранный, а кое-где вообще исчез из учебных планов средней школы. Там же, где он сохранился, на его изучение, часто факультативное, отведено 1–2, редко 3 часа в неделю! И происходит все это на фоне стремительного сокращения количества школ с русским языком обучения, в которых ранее получали среднее образование не только русские, но и дети других национальностей.

Если в Армении на русском языке говорит еще довольно значительное количество населения, то в Грузии молодое поколение до 25 лет практически не говорит на русском языке. В Тбилисском университете столкнулись с тем, что студенты не в состоянии получить многие знания из-за того, что не могут прочесть необходимую литературу, которая существует лишь на русском языке. И профессор Гурам Лордкипанидзе выступил на ученом совете университета с предложением ввести обязательное изучение русского языка в университете. Оно было поддержано, и с 2005 года такие занятия начали проводить.

Сколько бы ни говорили местные политики о «вреде» русского языка, на деле все происходит против их высказываний. Так, например, «русский язык, даже не обладая

равными юридическими правами с украинским языком, фактически продолжает весьма широко использоваться в Киеве, восточных регионах Украины, в Крыму. Он сохраняет основную часть функций языка межэтнического общения...»²⁵⁹. То же наблюдается практически во всех государствах СНГ. Социолингвистическое обследование во многих из них показало, что дополнительные знания по специальности приобретают на русском языке 93% опрошенных студентов.

Как отмечает один из азербайджанских ученых, «что бы сегодня ни говорили люди, руководствующиеся разными конъюнктурными соображениями, основная масса специальной научной информации продолжает усваиваться нами посредством русского языка»²⁶⁰.

«Нисколько не умаляя значимости государственного армянского языка, мы хотим... подчеркнуть: предметом нашей особой заботы сегодня должно стать повышение и стабилизация статуса русского языка в независимом государстве Республика Армения»²⁶¹ — пишет Б. М. Есаджанян.

До сих пор в межнациональном общении между бывшими гражданами СССР главное место занимает русский язык, он доминирует в так называемых нерегулируемых языковым законодательством сферах межличностного общения. Речь идет, прежде всего, о негосударственных торгово-экономических взаимоотношениях граждан (и неграждан) из разных стран СНГ и Балтии. Да на своих саммитах, руководители государств бывшего СССР общаются на русском языке. Таким образом можно сделать единственный на сегодняшний день вывод: альтернативные русскому языку средства преодоления языкового барьера между людьми разных национальностей как в республиках РФ, так и в бывших союзных республиках, а ныне суверенных государствах пока что не получили широкого распространения. Вполне возможно, что со временем положение может и измениться, но в настоящее время именно русский язык в основном обеспечивает потребности межнационального общения в России и других странах СНГ.

Во всяком случае, еще с 1996 года США начали деятельность по изменению этой языковой ситуации. Они интенсивно втягивали в орбиту своего влияния государства Южного Кавказа: Азербайджан, Грузию, и Центральной Азии: Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизию, которые довольно быстро поддались проамериканскому влиянию. В несколько независимом состоянии до сих пор находится Армения. Из-за нее борьба между Вашингтоном и Москвой может разгореться в самое ближайшее время.

А тем временем, в пику российским интересам, 18 сентября 2002 года в поселке Сангачале была произведена торжественная закладка фундамента трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. Его строительство, невзирая на проблему Нагорного Карабаха, идет весьма ускоренными темпами. Как заметил политический обозреватель М. Борок:

---

²⁵⁹ Матвеев В. И. К вопросу о характере языковой ситуации в современной Украине: документы, мнения, тенденции, факты // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. — М., 1996. — С. 297.

²⁶⁰ Мамедали Аслан Мамедали оглы. Сопоставительный анализ русской и азербайджанской фразеологии. — Баку, 1996. — С. 4.

²⁶¹ Есаджанян Б. М. Статус русского языка в Республике Армения в контексте современности и система образования // Русский язык в Армении. — Ереван, 1999, № 1. — С. 12.

«В какой-то момент Россия столкнулась с тем, что она не укрепляет, а скорее теряет контроль над Южным Кавказом»²⁶².

Уже сейчас США начинают под видом ремонтных работ восстанавливать и расширять аэродромы в Азербайджане и по всему пути прокладки нефтепровода Баку-Джейхан. И подобных примеров в других областях, где Америка исподволь проводит необходимую ей политику, несть числа.

Как бы высоко не оценивали свои запасы азербайджанские специалисты, но правда такова, что без дополнительного вливания, то есть перекачки, нефти из среднеазиатских государств (Казахстана, Туркменистана и др.), нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан не окупит себя никогда. В этой связи выскажу крамольную мысль. Постоянно наращиваемые военные силы США нужны в южно-кавказском регионе не столько для охраны нефтепровода, сколько для постоянной дислокации у границ России и Ирана. В то же время, закаспийские, среднеазиатские государства бывшего СССР больше смотрят на ближайший к ним Китай, куда уже направляют нефтяные потоки. Думается, что ход рассуждений руководства этих республик весьма прост: Америка далеко, а Китай рядом, с ним надо не только дружить, а быть, с набирающим огромную мощь соседом, в самых лучших отношениях партнерства и взаимопомощи.

Если еще в 2001–2002 годах главным принципом российской внешней политики, в особенности на просторах бывшего СССР, был объявлен разумный прагматизм, и Москва раскрыла Баку свои объятия, то в последний год ситуация выходит из-под российского контроля. Да, Азербайджан не замедлил с ответом еще теснее сотрудничать с Москвой, начались разговоры о необходимости сближения. Однако геополитические позиции Москвы в регионе это никак не укрепило. Не секрет, что прошедшая в 2003 году «революция роз» в Тбилиси нанесла по интересам России удар. Чиновники НАТО стали наезжать в столицы Грузии и Азербайджана, а нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан стал реальностью. Карабахский вопрос остался едва ли не единственным козырем в руках Москвы. Но и этот фактор, к сожалению, бездействует. 6 февраля 2004 года состоялась встреча министров иностранных дел Азербайджана и Армении в Софии, после которой посол США в Азербайджане Рино Харниш заявил: «США заинтересованы в справедливом урегулировании проблемы Нагорного Карабаха посредством переговоров, результатом которых станет стабильный и долгосрочный мир. Никакого другого варианта решения этой проблемы я не вижу»²⁶³.

Если мы переведем эту фразу г-на посла Рино Харниша с дипломатического на простой язык, то она может звучать примерно так: обеспечению американских интересов в регионе карабахский конфликт в данный момент ничто не препятствует. И тут я выскажу предположение, что Россию специально втянули в Карабахский конфликт, в котором мы увязли и, боюсь, что никто из противоборствующих сторон в настоящее время уже не желает слушать доводы представителей России. Если проанализируем встречу представителей Азербайджана, Армении и МИД России, которая прошла в конце 2004 года, то вспомним, что каждая из сторон так и осталась при своей точке зрения.

---

²⁶² Борок М. Не Карабахом единым: Россия рискует остаться одна // globalrus.ru 07.02.2005.

²⁶³ Цит.: globalrus.ru / 07.02.2005.

В этой связи возникает одно грустное предположение — пока Россия будет выступать за решение Карабахского конфликта мирным путем, привлекая и ОБСЕ, и других представителей **мирного** процесса урегулирования, в это время, за ее спиной политические элиты республик Южного Кавказа будут решать свои региональные, геостратегические, геополитические, а, возможно, и другие проблемы с минимальным участием России. Больше того вооруженные силы США уже находятся в странах Южного Кавказа — в Азербайджане и Грузии, где идет постоянная подготовка к увеличению их контингента. Произойти это может в самое ближайшее время.

Думается, что в создавшейся ситуации необходим самый внимательный и пристальный анализ ситуации в Армении, а так же активные совместные решения и действия. Ведь с отдалением от Армении, Россия может на долгое годы, если не навсегда, потерять свое влияние на Южном Кавказе, откуда начнут просачиваться не только идеи различных революций «роз» и прочих «цветочков», но и реальная «помощь» на Кавказ Северный, для изменения внутривнутриполитической ситуации уже у нас в стране, в России. Тем временем, Панкийское ущелье становится настоящим полигоном для обучения новейшим методам ведения партизанских военных действий не только чеченских боевиков, но и собирающихся там международных экстремистов.

Сейчас в Абхазии в выступлениях практически всех политических деятелей, мы слышим утверждения в преданности России, желание войти в состав Российской Федерации, но налицо и стремление получить признание своего государства на международном уровне. Однако верить этим заверениям вряд ли возможно. И если произойдет признание Абхазии как самостоятельного государства, могу предположить, что курс на объединение с Россией немедленно будет нарушен. Абхазия тогда, ни при каких условиях, не станет частью Российской Федерации. Больше того, тенденции «самостийности» будут настолько большими, что все разговоры о дружбе и объединении с Россией прекратятся немедленно.

Что же получается с русским языком на постсоветском пространстве? Несмотря на существующие тенденции, тем не менее, есть все основания полагать, что и за пределами СНГ и Балтии русский язык и русская культура не утратят окончательно своих позиций. Как замечает В. Г. Костомаров, после кризиса начала 90-х годов XX века, в настоящее время «в странах Центральной и Восточной Европы вновь выявился устойчивый интерес к русскому языку, разумеется, не в прежних масштабах и на иной основе — не обязательности, а подчеркнутой добровольности и профессиональной необходимости»²⁶⁴.

Еще один российский языковед В. Н. Белоусов, отмечает, что уже сейчас дискриминация русской культуры и русского языка не находит широкой общественной поддержки в новых независимых государствах. Здравомыслящие политики и бизнесмены, деятели культуры и просвещения, научно-техническая интеллигенция — все те, кому дорого будущее своих стран и народов, на собственном опыте убедились в пагубности национальной самоизоляции и невозможности полного отказа от одного из общепризнанных языков межнационального и международного сотрудни-

---

²⁶⁴ Костомаров В. Г. Без языка общее образовательное пространство — иллюзия // Язык, культура и образование: статус русского языка в странах мира. — М. — Вашингтон, 1997. — С. 7.

ничества. Вопреки указам и постановлениям своих парламентов и правительств население стран СНГ и Балтии продолжает пользоваться русским языком в самых различных сферах²⁶⁵.

В заключении необходимо назвать еще одну важную сторону межгосударственного общения — межконфессиональные отношения. Правда, это отдельная и очень большая тема, требующая серьезного анализа и подхода. Но здесь хотелось бы обратить внимание на тот факт, что между русским языком и русской культурой, и влияния этих двух факторов на межгосударственные отношения, межконфессиональные связи, занимают немаловажную роль. Известно, что все сотрудники ОВЦС Московского Патриархата духовного звания, которые, как правило, являются основными участниками подобных встреч, выступают всего лишь как официальные церковные лица. При этом необходимо учитывать, что все они не имеют прав на самостоятельные высказывания и заявления. В то же время, особенно со стороны епископата РПЦ, можно услышать амбициозные заявления, которые ведут к ошибкам и просчетам. Так совершенно неверно поступил епископ Ставропольский и Владикавказский Феофан во время своего визита в Южную Осетию. Учитывая, что Русская Православная Церковь отказалась официально, и неофициально тоже, помогать православному населению Абхазии и Южной Осетии, а те в свою очередь не желают находиться под омофором Католикоса-Патриарха грузинского Илии II, после его заявлений и принятия не совсем верных решений, сделанных в угоду правящих политиков, в первую очередь Саакашвили.

Такое общение необходимо в первую очередь проводить на уровне мирян, а не духовенства и руководителей РПЦ. Я подчеркиваю, речь идет не о подмене религиозных деятелей светскими лицами, речь идет о том, чтобы дать светским верующим лицам возможность большего общения не только с соотечественниками, но и лицами христианских конфессий (в первую очередь осетинами, абхазами, грузинами, армянами). При этом я вновь обращаю внимание, что для этих целей необходимо привлекать не просто светских людей, а людей действительно верующих, которые бы смогли принять участие в богослужениях, в различных религиозных мероприятиях, и не выглядеть на них белыми воронами. А это сразу же видно со стороны присматривающих за «русскими гостями» и СМИ и кое-кого еще.

Какие можно сделать предложения.

1. России необходимо вести активную научно-культурную политику не только в государствах Южного Кавказа, но и во всех государствах СНГ. Вести ее необходимо и от имени государства, но большей частью с помощью многочисленных ученых, общественных деятелей, лиц вне политики, но объединенных общей идеей в различные общественные организации. Причем политическая основа должна внешне иметь лишь незначительное наполнение различных акций, мероприятий и т.п. Необходимо проводить разнообразные конкурсы, после чего награждать победителей денежными премиями, медалями, которые можно и нужно учредить рядом общественных организаций. Кстати таковые уже имеются. Это медаль Лермонтова — всеми признанного в государствах Южного Кавказа русского поэта, медаль святого апостола Андрея Первозванного, важная опять таки для

---

²⁶⁵ www.gramota.ru/mag_arch.html?id=20

Кавказского региона, кроме Азербайджана. Надо отказаться от всяких дипломов, грамот и прочих бумажных награждений. На Кавказе, как и везде, ценят материальную и наградную сторону любого признания. Поэтому необходимо продолжать выпуск разнообразных общественных наград и вручать представителям не только Закавказских государств и государств СНГ, но и Северо-Кавказских республик, что очень важно. Необходимо для этого составить специальную программу и найти финансирование. При этом не всегда можно использовать бюджетные деньги, а находить спонсоров, привлекая бизнесменов, сделав их руководителями разнообразных фондов и с ними вместе выезжать для подобных награждений в государства СНГ и Балтии.

Все это можно организовать довольно быстро, создав небольшую мобильную рабочую группу людей, которые будут выполнять по сути государственный заказ на установление добрососедских отношений, на привлечение интеллигенции государств СНГ в орбиту пророссийского влияния. Эту работу можно делать совместно с Управлением по работе с соотечественниками и странами СНГ и Балтии Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России. Выезды можно делать каждый квартал в Армению, Азербайджан, Грузию, Украину, Молдавию, государства Средней Азии и Прибалтики.

2. Устраивать международные научные конференции не только по гуманитарным наукам (но в первую очередь).
3. Необходимо выпускать совместные научные сборники трудов историков, литературоведов, биологов, химиков и физиков, привлекая гуманитарные и технические ВУЗы Москвы. Делать это надо быстро, не откладывая на годы.
4. Совместно с Союзом Писателей России выпустить сборники поэзии и прозы на русском языке, а кое-что из творчества современных Закавказских писателей и поэтов даже перевести на русский язык. Они этого ждут. Выдать им за публикацию гонорары. Расходы в государственном масштабе незначительные, но мы сразу же приобретаем в государствах Закавказья, других странах СНГ и Прибалтики надежных сторонников.
5. Необходимо приобрести у издателей несколько небольших библиотечек из книг о Кавказе и связанных по теме и привезти в Грузию, Армению и Азербайджан, вручить их от имени посольства России официально. Передать в библиотеки университетов, государственные библиотеки, в фонды. Комплектовать необходимо для каждой страны по 10–15 комплектов + 5 комплектов таких библиотек должно храниться в российском посольстве каждого государства, для подарков. Вы не представляете, как там ценятся такие научные книги!
6. Через общественную организацию следует собрать в России книги (научные, художественные, детские) и открыть при культурных центрах в государствах Южного Кавказа, других странах СНГ и Балтии библиотеки. Они крайне необходимы, поскольку будут и пропагандой российских идей, и будут знакомить научные круги этих государств с последними научными исследованиями российских ученых. Открытие таких библиотек необходимо делать на официальном уровне, с присутствием посла и работников посольства России, следует привезти из России (не только из Москвы, но и из других регионов) писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей.

7. Необходимо сделать постоянный цикл телевизионных передач о государствах Южного Кавказа, СНГ и Балтии. При этом необходимо собрать специальную телевизионную группу, которая будет выполнять этот государственный заказ. Передачи должны быть добрыми, благожелательными. Это будет иметь положительную оценку во всех государствах СНГ.
8. Необходимо выделить средства на подготовку и выпуск специальных книг: Российско-Грузинские отношения, Российско-Армянские отношения, Российско-Азербайджанские отношения. Подобные издания существовали, но по прошествии 20 и более лет они нуждаются в дополнительных материалах. Выпустить их необходимо под грифом МИД России и МГИМО (У) МИД России.
9. Необходим межконфессиональный диалог мирян, на первых порах даже без присутствия духовенства, особенно епископата.
10. Чрезвычайно важным в проведении российской политики в странах СНГ следует считать проведение небольших концертных выступлений, в которых совместить встречу с российскими поэтами и писателями и музыкальными исполнителями. Поездки детских народных музыкальных фольклорных коллективов из России, приглашение таких же коллективов в Россию. Все это удобнее всего организовать совместно с Управлением по работе с соотечественниками и странами СНГ и Балтии Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России.
11. МИД России должен более интенсивно налаживать тесное взаимодействие с федеральными министерствами и ведомствами, общественными фондами и организациями, непосредственно занимающимися вопросами распространения русского языка и русской культуры за рубежом.

Российско-османское пограничное сотрудничество на Северо-Западном Кавказе рубежа XVIII–XIX веков: «притяжение» Анапы

Д. В. Сень

Важным организующим началом «закубанского фронта» до 1829 г. являлась османская крепость Анапа, центр одноименного санджака. Только в конце 1824 г. анапский санджак был присоединен к Трапезундскому пашалыку, когда 2-бунчужный паша сменил предыдущего 3-бунчужного пашу «Саид-Эльмир-Ахмеда, удалившегося в Синоп»²⁶⁶. В предыдущее время значение Анапы среди других османских крепостей Северного Причерноморья возрастает, собственно говоря, только после того, как она обрела мощные укрепления в начале 1780-х гг. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.) и ликвидации Крымского ханства (1783 г.) ситуация для Анапы развивается в том же русле. Её значение возрастает постольку, поскольку согласно российско-османскому соглашению (акту) от 28 декабря 1783 г. и подтвердившему его Ясскому мирному договору (1791 г.) река Кубань объявлялась границей между Россией и Османской империей. Новая делимитация границы, указывает Ю. В. Приймак, признавалась османской администрацией. В частности, это следует из письма 3-бунчужного Ферах-Али пашы из Суджук-Кале Г. А. Потемкину (1783 г.): «...по заключенному Российской империей с Портою Османскою Мирного трактата назначена река Кубань границею, и обитаемой на обеих сторонах народ, располагающийся по Сю сторону, остался зависимым турецкому двору...»²⁶⁷. Частично ресурсы крепости растут за счет населения уже бывших османских крепостей, например, Тамани. Скоро её контингент усилили тимариоты и займы, прибывшие

²⁶⁶ Мариньы Т., де. Поездки в Черкесию / Пер. с фр. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2006. С.187.

²⁶⁷ Виноградов В. Б., Приймак Ю. В. Крымско-османские противоречия в период крушения государства Гиреев (1720–1780-е гг.) // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). М., 2006. Т.10(158). С.161.

из Трапезунда²⁶⁸. Потеряв (помимо Крыма) свои «старые» крепости (Тамань, Темрюк, Ачу) турки-османы, тем не менее, иницируют в регионе «борьбу на удержание» (Ю. В. Приймак). Преследуя ряд новых целей в условиях масштабного крушения своих позиций на Кавказе, Османская империя вновь отстраивает крепости Суджук-Кале, а также Анапу²⁶⁹.

В. В. Дегоев указывает, что именно через Анапу и Суджук-Кале, османские форпосты в регионе (приморской Черкесии) вывозились рабы и другие товары на турецкие и ближневосточные рынки²⁷⁰. Кроме того, В. В. Дегоев подметил и такой аспект влияния Анапы как «нерва» своеобразного информационного пространства, — с его пропагандистским и психологическим воздействием на кавказские народы. Несомненно и то, что Анапа на рубеже XVIII–XIX вв. — важное связующее звено между «черкесским миром» и Османской империей. Отметим и такую важную деталь — под «руководством» Ферах Али-паши, одного из первых анапских пашей, черкесы (в продолжение, конечно, предыдущих практик) принимают ислам, «и они стали стыдиться, когда им напоминали об их поклонении деревьям»²⁷¹. Содержание Анапы, как свидетельствует Т. де Мариньи, обходилось Порте в крупную сумму, которая не окупалась состоянием, например, местной торговли.

Значение Анапы осознавали и представители российского командования. Недаром в ходе войны 1787–1791 г. оно организовало три похода на крепость; успех в деле штурма принес лишь третий поход. В сжатой форме Т. М. Феофилактова так указывает на характеристики Анапы, тревожившие Россию: «Анапа была хорошо укрепленной... крепостью. Здесь сосредоточивались военные силы, отсюда горцы получали оружие и деньги. Из этой крепости шли воззвания к борьбе против России»²⁷². Недаром Г. А. Потемкин настаивал на открытии генерал-аншефом И. В. Гудовичем «самой ранней кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турок»²⁷³. Гарнизон Анапы состоял тогда из 25 тыс. турок и татар, а также представителей «горских племен», действовавших под началом 3-бунчужного Мустафы-паши (заминавшего ранее высокую должность в Трапезунде). Осада крепости войсками И. В. Гудовича началась 9 мая 1791 г., штурм — 22 июня. Вопреки утверждению Т. М. Феофилактовой, казаки-черноморцы никакой выдающейся роли в тех событиях не сыграли. Утром того же дня крепость перешла в руки осаждающих, причем осажденные понесли гораздо большие потери²⁷⁴. Падение Анапы произвело сильное

²⁶⁸ Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк Анапы. Петроград, 1914. С. 12.

²⁶⁹ Приймак Ю. В. Осmano-горские отношения в период крушения османского владычества на Северо-Западном Кавказе (конец XVIII — начало XIX в.) // Сб. РИО. М., 2000. Т. 2 (150). С. 53.

²⁷⁰ Дегоев В. В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX века) // Кавказский сборник. 2005. Т. 2 (34). С. 99.

²⁷¹ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 18.

²⁷² Феофилактова Т. М. Западные адыги в русско-турецких отношениях во второй половине XVIII — первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Мат-лы науч. конф. С. 280.

²⁷³ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 24.

²⁷⁴ Там же. С. 29–30.

впечатление на местные народы, надо думать — и черкесов, некоторые из которых просят И. В. Гудовича принять их в российское подданство²⁷⁵. В науке встречается мнение, что именно падение Анапы ускорило заключение Османской империей мирного договора с Россией, получившего в истории наименование Ясского (1791 г.). Сама крепость была максимально разорена и сожжена российскими войсками, конечно, ее оставившими по мирному договору 1791 г. Анапа (как и Суджук-Кале, также взятая было российскими войсками) оставалась за османами. Её отстраивают заново, вероятно, ещё в больших масштабах. Недавно был найден документ, который подтверждает участие французских специалистов в деле восстановления Анапы. Так, российский представитель Г. Лозинский виделся во время посещения крепости (лето 1793 г.) с французом «Иваном Ивановичем» (ходившим в «турецком одеянии») и присланным из Стамбула специально «для крепости»²⁷⁶. Инженер уверял Лозинского, что крепость переделают по новому плану, и если людей для этого окажется мало — «о прибавки трех тысяч кроме абазинцов писанно к султану в Цариград»²⁷⁷. Всего на тот момент, вместе с военными, в работах было занято около 2 тыс. человек. На одной из надвратных плит Анапы конца XVIII в. появляется такая надпись: «Царь султан Селим-хан (султан Селим III. — Д. С.)... доставляет народу безопасность, неукоснительно занимаясь реставрацией пограничных крепостей. ... Ныне, отстроив Анапскую крепость, он доставил радость населению ея. Ея основание, — о, чудный план»²⁷⁸. Кроме того, Анапа рассматривается турками-османами как центр по укреплению своих позиций среди черкесов. Понимали это и российские военные, которые сталкивались периодически с бегством в Анапу горцев, на которых они сами имели определенные виды²⁷⁹.

Весной 1807 г. Анапа была взята Черноморской эскадрой под командованием контр-адмирала С. А. Пустошкина, получившего приказ «разорить вредное гнездо беспокойных хищников»²⁸⁰. Из Стамбула тогда Анапу усиливают крупной янычарской группировкой²⁸¹. Более того, султан Селим III направил паше «кораблем бунчук и много денег в жалованье бывшим в Анапе инвалидным войскам (правда, корабль не достиг крепости. — Д. С.)»²⁸². Автор статьи о взятии крепости 1807 года писал: «...при отбытии нашем... 6 мая, ни одно живое существо не находилось в разрушенной крепости. Только черкесы собирались толпами в окрестных горах и выжидали нашего

²⁷⁵ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 170.

²⁷⁶ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.249. Оп.1. Д.258. Л.61 об.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Веселовский Н. И. Указ. соч. С.5.

²⁷⁹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1012.

²⁸⁰ Фролов Б. Е. Кирушин С. Ю. Гребная флотилия Черноморского казачьего войска. Краснодар, 2006. С. 152.

²⁸¹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.525. Л.5.

²⁸² Там же. Л.15 об.

ухода, чтобы под горами пепла и камней найти предметы для удовлетворения своего хищничества»²⁸³. Впрочем, известен и другой пример, когда в ходе осады Анапы (события войны 1806–1812 гг.) «часть черкесов пыталась оказать военную поддержку осажденному гарнизону Анапы, но тщетно»²⁸⁴. В. В. Дегоев даже пишет, что в этом и выразился весь тогдашний потенциал османского влияния. В современной науке присутствуют и более взвешенные оценки масштаба и содержания такого потенциала²⁸⁵, вероятно, имеющие перспективы для дальнейшего осмысления специалистами. По условиям Бухарестского мирного договора (1812 г.) Анапа в числе других крепостей и территорий²⁸⁶ была возвращена Османской империи, на чем турки-османы решительно настаивали. Со своей стороны, они обязывались сдерживать черкесов в их действиях против России.

Недаром новый анапский паша Хаджи Гасан (Гассан-паша) в письме к А. П. Ермолову отмечал, что, по своему назначению «прибыл... в Анапу [и] сделал распоряжение о том, что относилось до обязанности сдешнего народа и что нужно было для подкрепления союза истинной службы между обеими высокими державами»²⁸⁷. Однако на деле паша занял более изоциренную позицию, хотя в целом уместно отметить, что безоглядно подчиняться паше черкесы, как и раньше, не желали²⁸⁸. Так, новый паша не сумел (не захотел?) повлиять на исход столкновения узденей и простолюдинов у натухайцев — «...а паша, уклоняясь с бывшею при нем турецкою конницею в сторону. Посмотрел на оную (драку. — Д. С.) и поехал обратно в Анапу, не сделавши при сем случае из власти своей никакого употребления»²⁸⁹. Впрочем, когда во время войны 1828–1829 гг. Гассан-паша призвал западных адыгов нападать на Кавказскую линию, многие из них действительно активизировали свои набеги на русские поселения. О политическом содержании таких акций, отмечает В. В. Дегоев, говорить крайне сложно, хотя «внешне все могло выглядеть именно так, особенно в глазах османского и русского военного руководства»²⁹⁰. Ещё до событий войны 1828–1829 гг. именно в Анапу явился трапезундский паша Чичен-Оглу-Ассан, одна из целей визита которого и состояла в том, чтобы усилить влияние и авторитет Порты среди народов Кавказа. «Клятва верности» указывает Т. де Мариньи, со стороны большей части местных народов была дана, хотя и с оговорками. Бои за Анапу в ходе очередной русско-турецкой войны 1828–1829 гг. стали самыми продолжительными за всю историю попыток России овладеть крепостью, сдавшейся только 12 июня 1828 г. Черкесы, надо сказать,

²⁸³ М.П. Взятие крепости Анапы в 1807 году // Сын Отечества. 1828. №9. С.89–90. Факт этот подтверждается архивными свидетельствами: ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.525. Л.11 об.

²⁸⁴ Дегоев В. В. Указ. соч. С.99.

²⁸⁵ Приймак Ю. В. Османско-горские отношения в период крушения ... С.56 и др.

²⁸⁶ Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. М., 2005. С. 72–73.

²⁸⁷ Приймак Ю. В. Османско-горские отношения в период крушения ... С. 55.

²⁸⁸ Мариньи Т., де. Указ. соч. С. 127.

²⁸⁹ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 48.

²⁹⁰ Дегоев В. В. Указ. соч. С.99–100.

приняли активное участие в боях за Анапу на стороне турок²⁹¹. Среди таких черкесов источники упоминают черченеевцев, шапсугов, натухайцев, абадзехов. Один из предводителей таких черкесов — Даше Нулук (Нукук?) — даже побывал в Стамбуле, где султаном был пожалован в полковники²⁹². Сам паша довольно основательно общался с «черкесами горскими» и «всеми закубанскими народами» через своих шпионов, надеясь на помощь в сражении за Анапу²⁹³. «К сикурсу» против российских войск, согласно разведанных Р. де Скасси, оказались готовы «Чиченейцы, Абазехи и Хамшейцы». После падения крепости в плен попало большое число турок, включая тех, кто следовал морем на помощь гарнизону крепости двумя судами²⁹⁴. Наконец, по Адрианопольскому мирному договору (1829 г.) Анапа отошла к России.

Ниже в общих чертах рассматриваются такие проблемы как бегство черноморских казаков в Анапу в османский период её существования, а также некоторые аспекты пограничного сотрудничества российских региональных и османских властей. В науке накоплен громадный объем исследований о «российском векторе» в истории Черноморского казачьего войска (ЧКВ). Собственно говоря, имперские представления об управлении новыми владениями, новыми границами на Кавказе (по итогам русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг.) и привели в числе других причин к созданию ЧКВ и его переселению за Северо-Западный Кавказ²⁹⁵. Признавая указанный фактор генеральным, нельзя, впрочем, не отметить определенной роли тех «центров притяжения», которые по-своему были важны для казаков-черноморцев, достаточно непросто осваивавших новое пограничье Российской империи. Отдельная задача, которая может быть поставлена в общем виде — показ типологической связи отношений всех групп «местного» казачества с мусульманскими государствами Причерноморья в конце XVII — начале XIX вв. Среди таких групп (в числе некрасовцев, «турецких запорожцев») казаки-черноморцы занимают свое примечательное, хотя и не исключительное, место.

Итак, отношения казаков с Османской империей (османская Анапа) развивались и после массового ухода с Северо-Западного Кавказа казаков-некрасовцев и, в свою очередь, после появления здесь черноморских казаков. Казаки нового войска, активно реагируя на состояние фронтального пространства, десятками бегут на протяжении 1790-х — 1820-х гг. в Закубанье к черкесам и конкретно — в Анапу. Стоит отметить, что такие их действия поощрялось анапскими пашами, возглавлявшими османскую администрацию Анапы вплоть до конца 1820-х гг.

А. Рибер справедливо указывает, что в реальности пограничные линии (социальные или территориальные) склонны быть скорее пористыми, чем непроницаемыми. Оказывается, что кочевники, паломники, мигранты, разбойники и т.п. группы пересекают границу как новообращенные верующие, эмигранты и классовые перебежчики.

²⁹¹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.963. Л.5.

²⁹² Там же. Л.5 об.

²⁹³ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.963. Л.6.

²⁹⁴ Там же. Л.3.

²⁹⁵ Фролов Б. Е. У истоков Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995.

Черноморское казачество вполне может быть отнесено к таким же группам, для которых преодоление «границы» миров не менее актуально, чем её, границы, моделирование и, вероятно, даже поддержание. Такой пример: некоторые казаки-черноморцы уже вскоре после своего расселения по курням и создания Черноморской кордонной линии стали устраивать временные жилища в Закубанье. Черкесы об этом знали, а вот для войсковых властей такие факты чаще всего оказывались новостью²⁹⁶. «Тайный переход Закубань» (sic!) не могла оправдать и такая причина, преподносимая казаками, как звериная охота. Войско, как правило, наказывало таких казаков — например, избиением «киями», либо шпицрутенами²⁹⁷.

Иногда беглецов из Черномории в «турецкую сторону» ждал плен на землях Закубанья, откуда уже невольниками они (по иронии судьбы) могли попадать в ту же Анапу. Причины бегства казаков могли быть разными — ссора²⁹⁸, нарушение закона. В целом на проблему пересечения (нарушения) такой Границы можно смотреть глазами не только черкесов, что чаще всего присутствует в литературе, но славян региона — казаков, солдат, в т.ч. не только бывших пленных. Речь о таких примерах, когда с российской стороны Прикубанья, из Черномории, совершался побег уже в Закубанье²⁹⁹, признаваемое в международных делах той эпохи сферой влияния Османской империи. В целом проблема побегов казаков со службы³⁰⁰, история неконфронтационных контактов черноморцев с турками-османами, черкесами и др. — одна из самых перспективных; и современных исследований на эту тему в науке явно не хватает. Забегая вперед, подчеркнем, что факты подобного устремления казаков и солдат в Анапу единичными не были. Они влияли на общий социальный фон в Черномории, закрепляли в народном сознании за этими приобретениями России в Причерноморье статус земель, свободных от крепостного права. С другой стороны, не следует забывать об амбивалентности этих оценок, поскольку это «чужое» в недавнем прошлом пространство отпугивало самих черноморских казаков, сопротивлявшихся усилиям войсковых властей по организации, например, разведывательной миссии на Кубань представителя Черноморского казачьего войска М. Гулика весной 1792 года³⁰¹. Могло быть и так, что в казаки записывали и тех, кто ещё раньше переселения Черноморского казачьего войска в регион проживал «на кубанской стороне»³⁰², знакомых, конечно, с местным населением, условиями жизни и пр.

После переселения на Северо-Западный Кавказ (Кубань) Черноморского казачьего войска местная администрация стала активно сотрудничать с анапскими пашами. Им

²⁹⁶ ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.8. Л.89 об.

²⁹⁷ Там же. Ф.290. Оп.1. Д.58. Л.1 об.

²⁹⁸ Там же. Ф.250. Оп.1. Д.8. Л.175.

²⁹⁹ Там же. Ф.302. Оп.1. Д.50; Ф.261. Оп.1. Д.268; Ф.290. Оп.1. Д.58.

³⁰⁰ Там же. Ф.302. Оп.1. Д.59, 113, 156, 287.

³⁰¹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д. 161. Л. 8–8 об., 32 и др.

³⁰² Там же. Л.69 об.

адресовались многочисленные претензии войска в отношении черкесов и некрасовцев, захватывавших в плен людей, воровавших скот и пр.³⁰³. Своеобразие ситуации состояло в том, что местные власти устанавливают и личные связи с пашами — например, войсковой судья А. А. Головатый. Между правительством (sic!) Черноморского войска и Анапой существовал устойчивый документооборот³⁰⁴ — в ЧКВ появляются первые специалисты по языку (Г. Лозинский и др.). Так, например, миссия Лозинского отправилась в Анапу весной 1797 г., увозя на имя Осман-паши «ферман» и «выписки», рассчитывая в который раз на удовлетворение претензий со стороны войска³⁰⁵.

Наконец, между Анапой и российской военной администрацией, руководством Черноморского казачьего войска³⁰⁶ существовали устойчивые процедуры разрешения пограничных конфликтов (напр., через пограничных комиссаров³⁰⁷), равно как переписка между пашами и Таврическими губернаторами/вице-губернаторами. Часто в такой переписке речь шла о жителях и территории Закубанья, которое однозначно трактовалось как «пределы Оттоманской Порты». Во время некоторых встреч с представителями ЧКВ паши были готовы серьезно разбираться в претензиях другой стороны, не всегда становясь на сторону «провинившихся» черкесов³⁰⁸. Порой паши инициировали целое расследование, что черкесам, затребованным в таком случае в Анапу (и они приезжали!)³⁰⁹, скорее всего, не нравилось. Не похожа на притворство и такая акция Мустафы-паши (наблюдаемая в 1793 г. российским представителем) как публичное чтение им черкесам султанского фирмана о мире с Россией. По прочтению документа паша стал уговаривать черкесов не делать «обид» российским подданным — и князья дали такое обещание «по турецкому закону»³¹⁰.

Случалось и так, что стороны вступали в разъяснения друг другу по актуальным «политическим вопросам». Так, в 18 февраля 1820 г. анапский Сеид Ахмед-паша написал подробное письмо атаману Черноморского казачьего войска Г. К. Матвееву. Суть документа сводилась к настоятельной просьбе не вмешиваться в дела управления черкесов и не поддерживать Ханука (представителя особой группы в черкесской среде потомков ханов Гиреев), который, получив землю в Черномории, стал активно ездить по обоим берегам Кубани, пытаясь манипулировать мнением черкесских князей и дворян³¹¹. Напомнив адресату о том, что Кубань является границей «от государей наших», паша выражал свое недовольство и писал, что если меры не будут приняты, то он станет писать в Стамбул к российскому резиденту. Интересна фраза анапского

³⁰³ Там же. Ф.250. Оп.1. Д.8. Л.6, 56–56 об., 82–84 об., 114 и др.

³⁰⁴ Там же. Ф.249. Оп.1. Д.709, 790.

³⁰⁵ Там же. Ф.250. Оп.1. Д.55. Л.21.

³⁰⁶ Там же. Д.57. Л.27, 50.

³⁰⁷ Там же. Ф.249. Оп.1. Д.223. Л.91–92.

³⁰⁸ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.258. Л.83 об.

³⁰⁹ Там же. Л.104.

³¹⁰ Там же. Л.111–111 об.

³¹¹ Там же. Д.2831. Л.5–5 об.

паши и о том, что черкесы воруют по обеим сторонам Кубани, причем те, кто приходит с правой стороны Кубани, его не слушают. Иногда стороны, в т.ч. и турецкая (анапская администрация) предупреждали друг друга о готовящемся нарушении границы теми же черкесами («при Курках»). Например, с подобным известием был прислан на Бугаз чиновник от анапского Осман-паши в феврале 1798 года³¹². Тот же паша инициировал весной 1798 г. возврат российской стороне скота, захваченного черкесами у казаков и частично потом найденного. Похожий случай произошел в ноябре 1798 г., но тогда, что интересно, никто не явился для опознания скота, «представленного» на кордонах князем Зано, присланным из Анапы как раз Османом-пашой³¹³. Считаем, что вопрос о реализации имперских политик на региональном уровне, стараниями и практиками местных политиков и военных (оценивавших обстановку на границе более реалистично, чем порой Санкт-Петербург и Стамбул) — один из самых перспективных в числе прочих вопросов истории османо-российских пограничных владений на Северо-Западном Кавказе.

---

³¹² ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.57. Л.2.

³¹³ Там же. Л.201–203.

Геотектоника и активность населения Кавказа

А. Е. Фёдоров

Как было показано ранее [6–10], активные дизъюнктивные структуры (линеаменты³¹⁴, разломы) и повышенная сейсмичность влияют на активность (пассионарность, по Л. Н. Гумилёву) людей и, соответственно, на социальные явления. Достаточно яркий пример подобного влияния представлен на **рис 1, 2**. На этих рисунках видно, что практически все те места, где находились первые столицы³¹⁵ независимых государств, возникших самостоятельно в Кавказском регионе (автохтонные государства), а так же места, где находились в рассматриваемый период главные религиозные центры, — расположены в «линеamentных зонах» и в зонах крупнейших разломов³¹⁶.

По данным М. М. Блиева и В. В. Дегоева [1] наиболее активными в набеговом отношении в XVIII–XIX вв. были жители Восточного и Западного Кавказа, что, по-видимому, обусловлено высокой сейсмической активностью этих районов [10]. На **рис 3** видно, что: (1) все центры набеговой активности расположены в узлах пересечения крупных линеamentов/разломов; (2) районы наивысшей набеговой активности расположены в «линеamentных зонах», выделенных А. И. Полетаевым [2; 3], при этом, центры организации наиболее крупных набегов — аулы Джар, Алды, Хунзах, — лежат в узлах пересечения крупных разломов; (3) На Восточном Кавказе преобладающее количество *центров организации набегов* расположено в *Чечено-Дагестанской подзоне концентрации правосдвиговых деформаций*.

³¹⁴ «Линеament — линия (зона) резкого изменения параметров географической среды, геологической структуры и геофизических полей» (Полетаев, 1994). В строении земной коры линеament может проявляться в виде разломов (зон разломов). На рисунках в статье показаны линеamentы/разломы имеющиеся на изданных космогеологических картах, т.е. активные в настоящее время.

³¹⁵ Разные исследователи на роль столицы Алании (Магас) выдвигают: Нижний Архыз, Алхан-Калу, р-н Владикавказ. На рис 1 показаны все эти пункты.

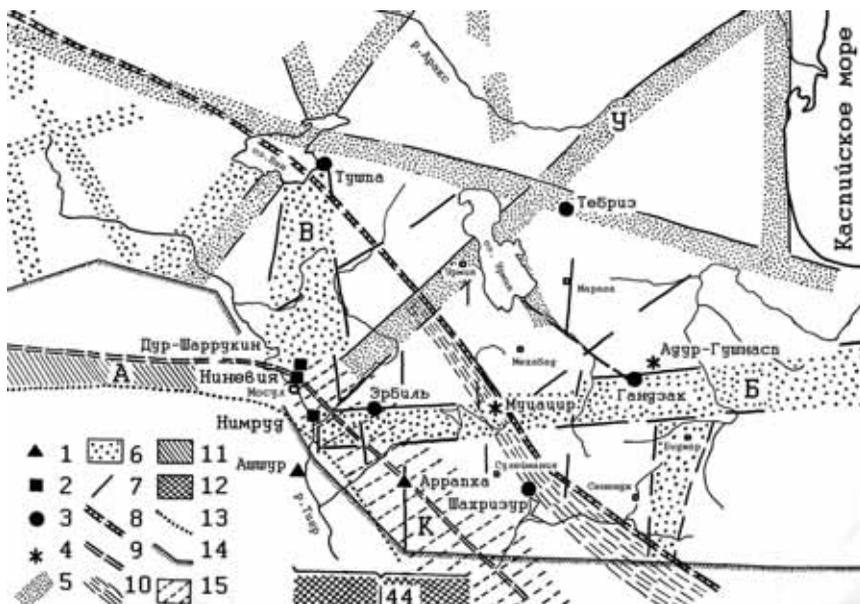
³¹⁶ Обращаю внимание на то, что на **рис 1–6** показаны все «линеamentные зоны», имеющиеся на картах составленных А. И. Полетаевым [2; 3]. Геологическая ситуация, представленная на **рис 1–6** рассмотрена в предыдущей работе автора [10].

Влияние геотектоники на вооружённые выступления социальных низов показано на **рис. 4**, 5. Практически все *пункты выступлений* расположены в «линеamentных зонах» и на крупных линеаментах/разломах. В отдалении от этих дизъюнктивных структур оказались только 2 пункта из 58 попавших в выборку. Связь вооружённых выступлений с дизъюнктивными структурами особенно хорошо видна в Гурии (район обозначен буквой «В») и вдоль Гагро-Вандамского линеамента.

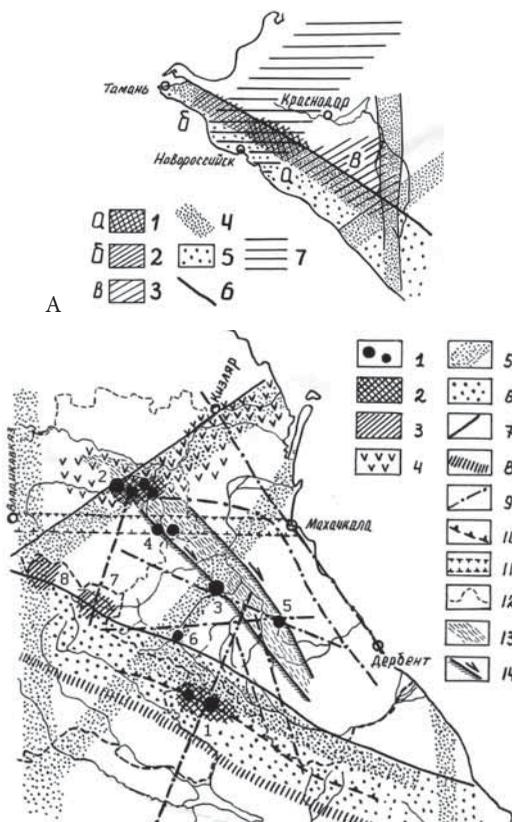
Рис 1. Первые столицы и главные религиозные и политические центры самостоятельно возникших независимых государств, существовавших в Северной и Центральной частях Кавказского региона до 18 века. 1 — крупнейший политический центр Кавказа — Тбилиси; 2, 3 — первые столицы, существовавшие: (2) продолжительно (3) непродолжительно; 4 — возможное местоположение столицы Алании, города Магас (в районе Владикавказа); 5 — главные религиозные центры (в случае Мцхеты и, возможно Нового Архыза, совпадают с первыми столицами); 6 — столица Тао-Кларджи Артануджи, откуда началось освобождение Грузии от арабов; 7 — «линеamentные зоны» (по А. И. Полетаеву [2; 3]); 8 — Таманско-Апшеронская мегалинеamentная зона; 9 — Гагро-Вандамский линеament; 10, 11, — наиболее важные в структурном отношении разломы; 12 — локальные линеamentы и разломы, 13 — зона Владикавказского разлома; 14 — Главный Анатолийский разлом; 15 — зона Линеамента 44^о в.д. **Города и их государственная принадлежность:** Алхан-Кала (Алания), Анакопия

(Абхазское царство), **Армавир** (Армения), **Артануджи** (Грузия), **Беленджер** (Хазарский каганат), **Вагаршапат** (Армения), **Варачан** (Царство гуннов), **Владикавказ** (Алания), **Двин** (Армения), **Кабала** (Албания Кавказская), **Кремух** (адыгское предгосударство) **Мцхета** (Иберия), **Нижний Архыз** (Алания), **Пантикапей** (Боспорское царство), **Питиунт** (Абхазское царство), **Севастополис** (Абхазское царство), **Семендер** (Хазарский каганат), **Тбилиси** (Грузия), **Тебриз** (государства тюрков), **Тмутаракань** (Тмутараканское княжество), **Трапезунд** (Трапезундская империя), **Тушпа** (Урарту), **Фанагория** (Великая Булгария), **Хунзах** (царство Серир), **Шемаха** (Ширван).

Рис 2. Первые столицы и главные религиозные и политические центры самостоятельно возникших независимых государств, существовавших в Южной части Кавказского региона до 18 века. 1 — столицы Древнеассирийского царства; 2 — столицы Новоассирийского царства; 3 — столицы других государств; 4 — главные святилища (не совпадающие со столицами); 5, 6 — «линеаментные зоны» (по А. И. Полетаеву [2; 3]); 7 — локальные линеаменты и разломы; 8 — Главный Анатолийско-Загросский разлом; 9 — региональные разломы; 10 — зона повышенной концентрации разломов в районе Загроса; 11 — вал Абд-эль Азиз; 12 — зона Линеамента 44⁰ в.д.; 13 — граница орогенного пояса; 14 — южная граница карт, составленных А. И. Полетаевым [2; 3]; 15 — Киркукская впадина. **Города и их государственная принадлежность:** Амур-Гушнасп (главное святилище Атропатены), Ашшур (столица Ассирии, здесь находилось главное святилище Ассирии), Аррапха (столица Ассирии, столица царства Gutium), Гандзак (столица Атропатены), Дур-Шаррукин (столица Ассирии), Муцацир (главное святилище Урарту), Нимруд (столица Ассирии), Ниневия (столица Ассирии), Тебриз (столица тюркских государств; столица государства Хулагуидов),

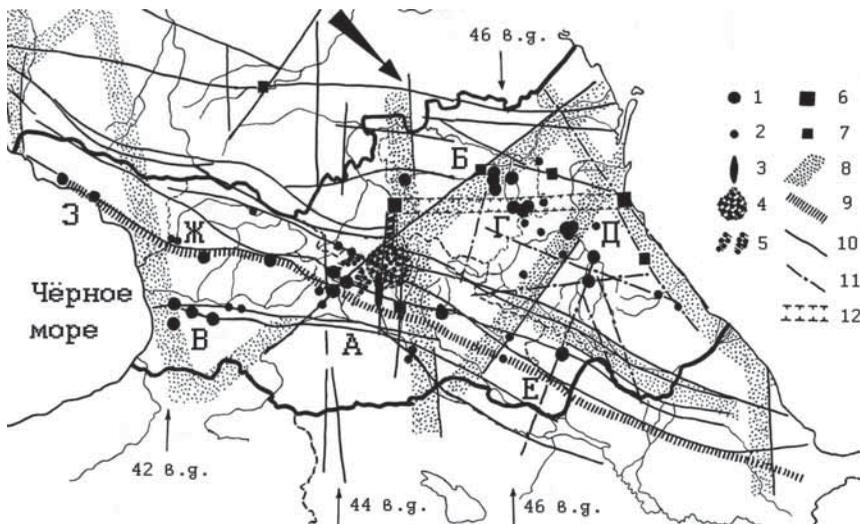
Тушпа (столица Урарту), Шахризур (столица Шахризурского курдского княжества), Эрбиль (столица Эрбильского эмирата; святилище ассирийской богини Иштар). Главные города Новоассирийского царства — первой империи в истории человечества: Ниневия, Нимруд, Дур-Шаррукин, Мосул, Арбела (Эрбиль) образуют ядро царства, расположенное в узле пересечения крупных линейментных зон и разломов. **Буквами обозначены:** А — вал Абд-эль Азиз, Б — Бактрийско-Ассирийская мегалинеаментная зона; В — Ванская линейментная зона, К — Киркукская впадина, У — Урмия-Апшеронская линейментная зона.

Рис 3. Центры набеговой активности населения Кавказа (XVIII–XIX вв.) (карты составлены на основании работ М. М. Блиева, В. В. Дегоева [1] и А. А. Цуциева [11]). **А. Западный Кавказ:** 1–3 области расселения наиболее активных адыгских племён: 1 — горных шапсугов, 2 — натухайцев, 3 — абадзехов; 4 — «линеаментные зоны» (по А. И. Полетаеву [3]); 5 — Таманско-Апшеронская мегалинеаментная зона; 6 — протяжённые линеаменты и разломы; 7 — Новороссийско-Маньчская линеаментная зона. **Б. Восточный Кавказ:** 1 — аулы, являвшиеся центрами организации набегов (большие кружки — центры организации наиболее крупных набегов в XVIII в.; 1 — аул

Джар; 2 — аул Алды; 3 — аул Хунзах); 2 — районы наивысшей набеговой активности; 3 — районы высокой набеговой активности; 4 — область расселения терских казаков в XVI–XVII вв. (по А. А. Цуциеву [11]), занимавшихся набегами; 5 — «линеаментные зоны» (по А. И. Полетаеву [2; 3]); 6 — Таманско-Апшеронская мегалинеаментная зона; 7, 8, 9, 10 — наиболее крупные разломы; 11 — зона Владикавказского разлома; 12 — административные границы; 13 — Чечено-Дагестанская подзона концентрации праводвиговых деформаций (по Л. М. Расцветаеву [4; 5]); 14 — сдвиги, ограничивающие эту подзону. **Цифрами обозначены:** 1 — Джар-Белоканское общество (большой кружок — аул Джар), 2 — равнинная Чечня (большой кружок — аул Алды), 3 — Хунзах, 4 — аулы Дарго (восточный кружок), Ведено (западный кружок) — центры движения Шамиля, 5 — Акуша-Даро, 6 — Анцух, 7 — Тушетия, 8 — Хевсурия.

Обращает на себя внимание сгущение *пунктов выступлений* в районе равнинной Чечни, горной Чечни, Аварии, образующее протяжённую зону (около 160 км. длиной и 25 км. шириной), показанную на **рис 4** большой стрелкой. Эта зона совпадает с *Чечено-Дагестанской подзоной концентрации праводвиговых деформаций*, проявившейся также на **рис 3**. На основании **рис 4** составлен **рис 5**. «Область наиболее интенсивных и частых вооружённых выступлений» на **рис 5** находится в Южной Осетии, там, где пересекаются: глобальный *Линеамент 44° в.д.* и крупнейшие мегалинеаментные зоны Кавказа — *Аграхано-Левантийская* и *Таманско-Апшеронская*.

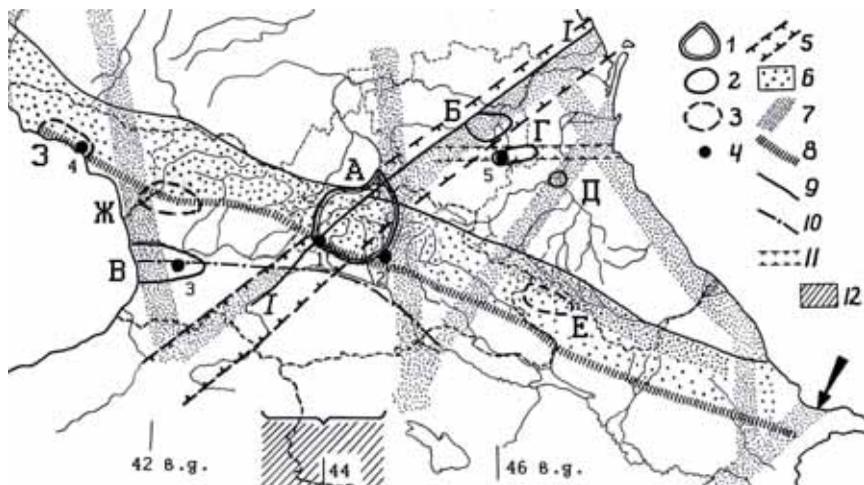

Рис 4. Центры вооружённых выступлений населения в Грузии, Дагестане, Чечне, Осетии (1801–1918 гг) (период революции 1905–1906 гг. не рассматривается; границы рассматриваемой территории показаны жирной линией). 1 — места начала и/или центры крупных выступлений; 2 — места начала и/или центры незначительных выступлений; 3 — одно из самых активных мест вооружённых выступлений в Южной Осетии — район реки Ксани; 4 — область перманентных выступлений в период с 1804 по 1830 гг.

в Южной Осетии; 5 — места активных выступлений в Южной Осетии: долины рек Большой и Малой Лиахв, Междуды; 6 — места где произошло несколько выступлений в воинских частях; 7 — места единичных выступлений в воинских частях; 8 — «линеаментные зоны» (по А. И. Полетаеву [3]); 9 — Гагро-Вандамский линеамент; 10, 11 — наиболее крупные линеаменты и/или разломы; 12 — зона Владикавказского разлома. Буквами показаны области выделенные на рис 5.

Большой стрелкой показана линия, вдоль которой протягивается зона вооружённых выступлений в Чечне и Дагестане. Эта зона пространственно совпадает с Чечено-Дагестанской подзоной концентрации правосдвиговых деформаций (см. рис 3).

Места вооружённых выступлений на этнической почве в конце XX в. так же в значительной степени определяются геотектоникой. Трагические события, положившие начало этническому насилию в Кавказском регионе в 1988–2008 гг. локализованы в «линеаментных зонах». Это, прежде всего армянский погром в Сумгаите (26–29 февр. 1988 г.), явившийся первым массовым взрывом этнического насилия в новейшей советской истории (см. рис 5). 16.07.1989 г. вспыхнули беспорядки в Сухуми, в ноябре–декабре 1990 г. — в районе Цхинвали, в сентябре–октябре 1991 г. — в Грозном, в октябре–ноябре 1992 г. — в Пригородном районе Владикавказа. Районы характеризующиеся длительным нарушением стабильности локализованы в Южной Осетии, Абхазии, Чечне — в «областях наиболее интенсивных и частых вооружённых выступлений XIX — начала XX вв.», показанных на рис 5.

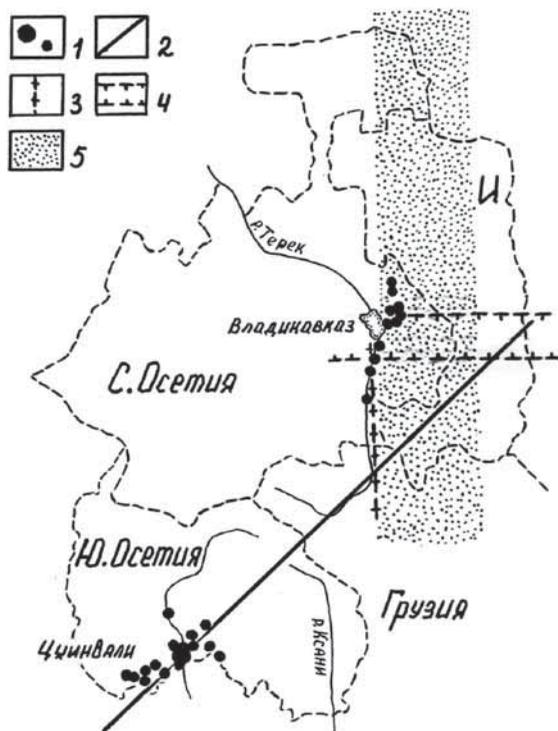

Рис 5. Области интенсивных и частых вооружённых выступлений (1801–1918 гг). 1 — область наиболее интенсивных и частых выступлений; 2 — области высоко интенсивных и частых выступлений; 3 — области высоко интенсивных, но не частых выступлений; 4 — места возникновения «независимых республик» в 1904–1919 гг. (1 — Цхинвали, 2 — Душети, 3 — Чохатаури, 4 — Сухуми, 5 — Ведено); 5 — Аграхано-Левантийская мегалинеаментная зона; 6 — Таманско-Апшеронская мегалинеаментная зона; 7 — «линеаментные зоны» (по А. И. Полетаеву [2; 3]); 8 — Гагро-Вандамский линеамент; 9 — Казбек-Цхин-

вальский разлом (обозначен I — I); 10 — Гянджа-Гурийский линеймент; 11 — зона Владикавказского разлома; 12 — Транскавказский глобальный линеймент (*Линеймент 44⁰ в.д.*).

Буквами обозначены: А — Южно-Осетинская область, Б — область равнинной Чечни, В — Гурийская область, Г — область горной Чечни, Д — Аварская область, Е — Джаро-Белоканская область, Ж — Мегрельская область, З — Абхазская область. Стрелкой показано место положения г.Сумгаит, где в 1988 г. произошла резня армян, положившая начало всем кровавым событиям связанным с распадом СССР.

Вооружённые столкновения в Южной Осетии в 1990–1992 гг. протекали преимущественно в зоне одного из активнейших разломов Большого Кавказа — *Казбек-Цхинвальского* (рис 6), проходящего через Цхинвали и Грозный. Характерно, что вне зоны *Казбек-Цхинвальского разлома*, особенно в юго-восточной части Южной Осетии, имеющей смешанное грузино-осетинское население (см. [11]), вооружённые столкновения отсутствовали. На рис 6 видно, что вооружённые столкновения в Северной Осетии происходили в *Моздокско-Тбилисской линейментной зоне*, в районе пересечения её зоной *Владикавказского разлома*, а так же вдоль *Дарьяльского разлома*.

Рис 6. Вооружённые столкновения в Южной Осетии в 1990–1992 гг. и в Северной Осетии в 1992 г. 1 — локализация вооружённых столкновений (по А. А. Цуциеву [11]); 2 — осевая линия Казбеко-Цхинвальского разлома; 3 — Дарьяльский разлом; 4 — зона Владикавказского разлома; 5 — Моздокско-Тбилисская линейментная зона.

Линеаменты/разломы влияют также на творческую активность людей [6–10]. В предыдущих работах автора [9–10] было показано, что места рождения выдающихся поэтов Кавказского региона тяготеют к крупным линеаментам и разломам.

Вывод. В области активных дизъюнктивных структур, в местах их пересечения, а так же в районах с высокой сейсмичностью, на людей действует *неизвестный геологический фактор*, влияющий на их психическое (и возможно физическое) состояние. Под действием этого фактора люди активизируются, становятся более эмоциональными, более внушаемыми, более агрессивными, склонными к риску, приключениям, насилию, жестокости, у них усиливаются творческие способности.

Прогноз. Кавказский регион, в силу геологических особенностей — как глобальных (см. [10]), так и региональных, и в будущем останется областью с высоким уровнем насилия (терроризма).

Районы, относящиеся к «областям интенсивных и частых вооружённых выступлений (1801–1918 гг.)», показанные на **рис 5**, останутся и в будущем районами высокого уровня агрессивного поведения.

Злонамеренная и/или безответственная деятельность СМИ, в условиях постоянного возбуждающего влияния в Кавказском регионе *неизвестного геологического фактора*, неизбежно ведёт к этническим чисткам и войне всех против всех.

Автор благодарит А. И. Полегаева за предоставление неопубликованной *Карты линеаментной тектоники юга СССР* [2], а так же за консультации по линеаментной тектонике Кавказа.

Литература:

1. Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. — М.: Росет, 1994.
2. Карта линеаментной тектоники юга СССР 1:2 500 000, 1986. / А. И. Полегаев (не опубликована).
3. Космотектоническая карта Восточно-Европейской платформы и её обрамления 1:2 500 000 / Д. М. Трофимов и др.; ред. В. Е. Хаин. — М., Изд-во МГУ; Аэрогеология, 1984.
4. Расцветаев Л. М. Некоторые особенности позднеальпийской структуры орогенных областей юга СССР и тектонические напряжения новейшего времени. // Новейшая тектоника, новейшие отложения и человек. Сб. 5. — М, МГУ, 1973. — С. 50–107.
5. Расцветаев Л. М. Сдвиги и альпийская геодинамика Кавказского региона. // Геодинамика Кавказа. — М., Наука, 1989. — С. 106–113.
6. Фёдоров А. Е. Мировая история и глобальные геологические структуры. // Система «Планета Земля». (Нетрадиционные вопросы геологии). 12 научный семинар 2004 г.: Геологический ф-т МГУ. Материалы. — М., РОО Гармония строения Земли и планет, 2004. — С. 385–420.
7. Фёдоров А. Е. Мировая история и глобальные геологические структуры. Часть 2. // Система «Планета Земля» (Нетрадиционные вопросы геологии). 13 научный семинар 2005 г.: Геологический ф-т МГУ. Материалы. — М., РОО Гармония строения Земли и планет, 2005. — С. 353–498.
8. Фёдоров А. Е. Влияние крупных дизъюнктивных геологических структур на историческое развитие населения Северной и Восточной Европы. // Система «Планета Земля» (Нетрадиционные вопросы геологии). 14 и 15 научные семинары

- 2006–2007 гг.: Геологический ф-т МГУ. Материалы. — М., Издательство ЛКИ. — С. 273–358.
9. *Фёдоров А. Е.* О влиянии линеаментов/разломов на творческую активность людей (на примере Кавказского региона). // Актуальные проблемы региональной геологии и геодинамики. Десятые Горшковские чтения. Материалы конференции. — М.: МГУ, 2008. — С. 27–37.
  10. *Фёдоров А. Е.* Влияние геотектоники на активность населения Кавказа. // Система «Планета Земля» (Нетрадиционные вопросы геологии). 16 научный семинар 2008 г.: Геологический ф-т МГУ. Материалы. — М., Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — С. 345–458.
  11. *Цуциев А. А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). — М.: Европа, 2007.

Об авторах

Абрамян Эдуард Александрович — к.и.н., эксперт аналитического центра «Митк» (г. Ереван)

Александров Михаил Викторович — зав. отдела Кавказа Института стран СНГ

Арешев Андрей Григорьевич — политолог, заместитель директора аналитического центра «Фонд стратегической культуры».

Гассиев Алан Альбертович — президент компании «Пачоли. Земельное право», к.э.н.

Григорьева Юлия Геннадиевна — к.и.н., с.н.с. Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД России

Дегоев Владимир Владимирович — д.и.н., проф., директор Центра кавказских исследований Института международных исследований МГИМО (У) МИД России

Жуковец Виталий Юрьевич — соискатель Института Международных Экономических и Политических Исследований (ИМЭПИ) РАН

Заргарян Рубен — к.и.н., кандидат исторических наук, советник министра иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики.

Захаров Владимир Александрович — к.и.н., профессор, с.н.с. Центра кавказских исследований Института международных исследований МГИМО (У) МИД России

Иванова Светлана Юрьевна — д.филос.н. зав лабораторией политико-идеологических исследований Южного научного центра РАН (г. Ростов на Дону).

Казимиров Владимир Николаевич — Ассоциация российских дипломатов, посол России в отставке; в 1992–1996 гг. глава посреднической миссии России, полномочный представитель Президента РФ по Нагорному Карабаху, участник и сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России.

Колбая Георгий Николаевич — Советник Комитета Государственной Думы РФ по безопасности.

Куртов Аждар Аширович — аналитик Российского института стратегических исследований.

Лакоба Станислав Зосимович — Секретарь Совета безопасности Республики Абхазия, профессор Абхазского государственного университета.

Медоев Дмитрий Николаевич — к.п.н., представитель Республики Южная Осети в РФ, ныне Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Южная Осети в РФ.

Панин Виктор Николаевич — доктор политич. наук, профессор, декан факультета международных отношений Пятигорского гос. лингвистического университета.

Рябцев Владимир Николаевич — к.п.н., доцент Южного федерального университета.

Санакоев Инал Борисович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. Абаева, г. Владикавказ.

Сафрастян Рубен Арамович — д.и.н., проф., директор института востоковедения НАН Армении.

Сень Дмитрий Владимирович — д.и.н., заместитель генерального директора по науке и экспозиционно-выставочной деятельности Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника.

Соловьева Людмила Тимефеевна — к.и.н., вед.н.с. института этнологии РАН.

Фёдоров Александр Евгеньевич — к.г.-м.н. МГУ им. М. В. Ломоносова, Геологический факультет.

Юнусов Ариф Сейфулла оглы — к.и.н., Руководитель Департамента конфликтологии и миграции Института мира и демократии (Азербайджан).